

**СОВРЕМЕННАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И УСПЕШНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

**К 80-летию со дня рождения
заслуженного юриста Республики Беларусь
профессора, доктора юридических наук
Александра Михайловича Абрамовича**

A. J. Oschke

**СОВРЕМЕННАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И УСПЕШНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Материалы

**II Международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию со дня рождения
заслуженного юриста Республики Беларусь
профессора, доктора юридических наук
Александра Михайловича Абрамовича**

Минск, 24–25 мая 2024 г.

УДК 34(06)
ББК 67я431
С56

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент *А. В. Шидловский* (гл. ред.);
кандидат юридических наук, доцент *С. А. Калинин* (зам. гл. ред.);
кандидат юридических наук, доцент *Л. Л. Голубева*;
кандидат юридических наук, доцент *Д. А. Лагун*;
кандидат юридических наук, доцент *Е. И. Орловская*;
старший преподаватель *Т. В. Иванова*

Научный консультант

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь *Н. А. Карпович*

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *Т. И. Довнар*;
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь *А. Г. Тиковенко*

Современная государственность и право: теоретические и прак-
С56 тические проблемы формирования и успешного функционирования : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения заслуж. юриста Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. М. Абрамовича, Минск, 24–25 мая 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Шидловский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 397 с.

ISBN 978-985-881-661-2.

В издание включены приветственные выступления и доклады представителей государственных органов Республики Беларусь, ученых и практических работников, посвященные 80-летию со дня рождения заслуженного юриста Республики Беларусь доктора юридических наук, профессора Александра Михайловича Абрамовича, а также исследования, раскрывающие теоретические и практические аспекты формирования и успешного функционирования государства и права как в условиях исторического развития, так и на современном этапе.

УДК 34(06)
ББК 67я431

ISBN 978-985-881-661-2

© БГУ, 2024

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДЕКАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТА А. В. ШИДЛОВСКОГО

С БЛАГОДАРНОСТЬЮ УЧИТЕЛЮ: НАСЛЕДИЕ МАСТЕРСТВА ПРОФЕССОРА А. М. АБРАМОВИЧА КАК ПЕДАГОГА И УЧЕНОГО-ПРАВОВЕДА

Развитие человечества зиждется на богатом опыте гигантов, создавших мир, общество и государство, в котором живем. Священной обязанностью последователей и преемников является память и благодарность. Одним из столпов, оказавших влияние на формирование основ современной устойчивой белорусской государственности и национальной правовой системы, внесших неоценимый вклад в развитие отечественного юридического образования и науки, является доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь Александр Михайлович Абрамович (1944–2018 гг.).

Наследие профессора А. М. Абрамовича многопланово и разносторонне. Уже зрелым ученым он был призван на государственную службу, где последовательно занимал должности члена Комитета конституционного надзора СССР (1989–1991 гг.), Председателя Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь (1992–1996 гг.), Заместителя Главы Администрации Президента Республики Беларусь (1996–2004 гг.), Заместителя Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь (2004–2008 гг.).

Одновременно в научно-педагогической сфере Александр Михайлович – это зрелый ученый и опытный педагог: доктор юридических наук (1986 г.), профессор (1990 г.), заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета (1989–2008 гг.), один из основателей успешно развивающейся белорусской школы общей теории права; член Президиума Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь. На протяжении ряда лет возглавлял Совет по защите диссертаций Д. 02.01.01 (юридические науки).

Мы гордимся, что юридический факультет Белорусского государственного университета формирует традицию чествования своих Учителей. Отрадно отметить, что это не первое представительное мероприятие, посвященное деятельности А. М. Абрамовича, и надеемся, что настоящая конференция приобретет статус постоянного научно-практического фо-

рума. Особенностью нынешней конференции, отличающей ее от мероприятий пятилетней давности¹, является осмысление научного наследия и практического опыта Александра Михайловича, в том числе через призму событий, в рамках которых белорусской государственности был брошен серьезнейший вызов. Фактически одним из условий успешного ответа Беларуси на сложную форму политической агрессии стали заложенные в основу современного национального государства и права идеи профессора о социальной справедливости, о новой конституционной модели разделения властей, о системе органов и процедур, реализующих правотворческий процесс, о высокой роли правового статуса личности.

Одной из ключевых черт характера Наставника был деятельный патриотизм, любовь к родной Беларуси и понимание законов и закономерностей социальной жизни. Это позволило вести научные исследования в том ракурсе и на том, избегающем ложной партийности, уровне, который позволяет постоянно обращаться к его работам и использовать его подходы к развитию государственного аппарата и совершенствованию правовой системы.

Особо следует отметить неоценимый вклад А. М. Абрамовича не только в становление и развитие белорусской государственности, но и создание уникального юридического кластера Белорусского государственного университета. Мастерство Александра Михайловича здесь проявилось и как ученого, и как государственного деятеля. Им была проделана колоссальная координационно-организационная работа по учреждению (в том числе и подготовке проектов соответствующих указов Президента Республики Беларусь) Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции и Юридического колледжа Белорусского государственного университета.

Уважаемые участники конференции, коллеги, позвольте выразить благодарность организационному комитету конференции и пожелать плодотворной работы нашему форуму. Уверен, что докладчики раскроют новые аспекты научной, педагогической и государственной деятельности Профессора, поделятся новыми концептуальными идеями по укреплению белорусской государственности.

¹ Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения заслуж. юриста Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. М. Абрамовича, Минск, 24–25 мая 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С. А. Балащенко (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2019. 233 с.

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ОТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Администрация Президента Республики Беларусь

**Участникам Международной научно-практической конференции
«Современная государственность и право: теоретические
и практические проблемы формирования и успешного
функционирования»**

Дорогие друзья!

Вопросы функционирования государства и права всегда находятся в эпицентре общественной и научной жизни.

Знаменательно, что конференция приурочена 80-летию заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Александра Михайловича Абрамовича и проходит в стенах родного для него юридического факультета Белорусского государственного университета.

Вклад Александра Михайловича, видного государственного деятеля и авторитетного ученого, в формирование белорусской правовой системы и развитие в нашей стране юриспруденции имеет исключительное значение. Он стоял у истоков государственного строительства Республики Беларусь, многое сделал для формирования национального законодательства и совершенствования избирательного процесса.

Богатый опыт государственной деятельности нашел отражение более чем в сотне его научных трудов, которые до сих пор остаются актуальными и востребованными.

Убежден, что творческое наследие Александра Михайловича Абрамовича и результаты его практической работы будут обогащать еще не одно поколение ученых и преподавателей, вдохновлять их на новые исследования теоретических и прикладных проблем правовой науки, качественную подготовку юридических кадров.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, профессиональных успехов, мира и добра.

Первый заместитель Главы Администрации
Президента Республики Беларусь

М. В. Рыженков

24 мая 2024 года

**Совет Республики Национального собрания
Республики Беларусь**

**Участникам и организаторам Международной научно-практической
конференции «Современная государственность и право:
теоретические и практические проблемы формирования
и успешного функционирования»**

Дорогие друзья!

От имени Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь приветствую вас на открытии Международной научно-практической конференции «Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования».

Весьма важно, что сегодняшнее мероприятие приурочено к 80-летию со дня рождения заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Абрамовича Александра Михайловича.

Этот известный ученый и политик осуществлял плодотворную научно-педагогическую деятельность, занимал высокие государственные должности в Советском Союзе и независимой Беларуси, в том числе – заместителя Председателя Совета Республики. С его именем связано правовое обеспечение белорусско-российской интеграции и кодификация национального законодательства, совершенствование нормотворчества, судебной и правоохранительной систем.

От всей души желаю организаторам и участникам конференции продуктивной работы, результатом которой должны стать актуальные предложения по повышению эффективности отечественной законодательной базы для поступательного социально-экономического развития нашей страны. Пусть в этом вам всемерно способствует богатое творческое и практическое наследие А. М. Абрамовича.

Всем вам – крепкого здоровья, мира, благополучия и новых успехов во имя нашей любимой Беларуси.

Председатель Совета Республики
Национального собрания
Республики Беларусь

Н. И. Кочанова

24 мая 2024 года

Конституционный Суд Республики Беларусь

Участникам Международной научно-практической конференции «Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования»

Уважаемые коллеги!

Сердечно приветствую участников Международной научно-практической конференции «Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования», посвященной 80-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Беларусь Александра Михайловича Абрамовича.

Высокая значимость достижений отечественной юридической науки неоднократно подтверждалась в ходе решения важнейших задач развития и укрепления конституционных основ белорусской государственности. Многие правоведы плодотворно участвовали в работе над созданием Конституции Республики Беларусь и изменениями и дополнениями в различные периоды конституционного развития. Научные труды А. М. Абрамовича имеют особую значимость и актуальность для современного этапа государственного строительства и конституционных преобразований.

В настоящее время требуется дальнейшее научное обеспечение устойчивого и динамичного развития Беларуси как демократического социального правового государства для народа.

Важно, что эти актуальные вопросы будут обсуждаться на Международной конференции, посвященной памяти А. М. Абрамовича, выдающегося правоведа и государственного деятеля. Александр Михайлович внес огромный личный вклад в строительство суверенного белорусского государства на прочной конституционной основе, законодательное обеспечение сильной и эффективной президентской власти в нашей стране. Во многом благодаря его усилиям определялась конституционная модель развития белорусской государственности, формировалась национальная правовая система.

Его научные идеи сохраняют свою значимость для последовательного утверждения принципов демократического социального правового государства в законодательстве и правоприменении, успешного использования юридического инструментария в целях преодоления рисков и вызовов современности.

Уверен, что в ходе Международной конференции состоятся конструктивные дискуссии, результаты которых станут мощным импульсом

активизации научных исследований в области государственного строительства и права, совершенствования национального законодательства на конституционной основе.

Желаю всем участникам плодотворной работы, успехов в научном творчестве и практическом воплощении передовых идей на благо белорусского общества и государства.

Председатель Конституционного Суда
Республики Беларусь,
заслуженный юрист Республики Беларусь

П. П. Миклашевич

24 мая 2024 года

Верховный Суд Республики Беларусь

Уважаемые организаторы, участники и гости конференции!

От имени Верховного Суда Республики Беларусь и от себя лично рад приветствовать вас на международной научно-практической конференции, посвященной теоретическим и практическим проблемам современной государственности и права.

Ни у кого из участников данного форума не вызывает сомнений, что избранная организаторами тема обсуждения теоретических и исторических проблем государственного строительства и совершенствования правовой системы Республики Беларусь является одной из самых актуальных в общей и вечной проблеме связи юридической науки и практики.

Особую важность названная тема приобретает в периоды масштабного обновления или даже создания нового национального законодательства. Именно этот очень непростой период не так давно пройден в нашей стране, что было связано с конституционной реформой и приведением национального законодательства в соответствие с обновленной Конституцией Республики Беларусь. При этом многое еще предстоит сделать в рамках дальнейшего развития законодательства, руководствуясь принятыми в нашей стране правовыми актами программного характера, в частности, Концепцией правовой политики Республики Беларусь.

В этих условиях обсуждение теоретических проблем формирования и успешного функционирования белорусской государственности и правового развития Республики Беларусь представляет повышенный интерес и практическую значимость на современном этапе правотворчества в нашей стране.

Кроме того, значение и статус данной конференции придают ее проведение на юридическом факультете одного из лучших учебных заведений республики, а также ее посвящение имени выдающегося государственного деятеля, ученого, доктора юридических наук, профессора Александра Михайловича Абрамовича.

Так получилось, что значительная часть моего профессионального пути была связана с работой, активным и постоянным общением с Александром Михайловичем, причем не только как с коллегой, но и как с близким настоящим другом. Его роль и личный вклад в становление и укрепление правовой системы и судебной власти нашей страны неоспорим и безусловен. В самые сложные периоды создания национальной судебной системы мы были рядом. Он сочетал в себе уникальные способности ученого и талантливого организатора практической реализации самых передовых идей. Его профессионализм, надежность и мудрость оставили глубокий след в современной истории белорусской госу-

дарственности, а с его именем и личностью связана целая веха в создании отечественной модели правового устройства.

Успешно занимать руководящие должности в государственном аппарате на протяжении длительного периода времени мог только лидер, который заслужил признание, уважение и доверие коллег. Весь свой жизненный путь Александр Михайлович посвятил служению интересам Беларуси. Подлинный патриот, выдающийся государственный деятель, искренне переживавший и неустанно работавший на благополучие страны. Таким было сочетание равнодушия, остроты мышления и дальновидности. При всем этом он был искренним, отзывчивым, принципиальным и порядочным человеком с тонким чувством юмора, общение с которым никого не оставляло равнодушным. Его заслуженный авторитет и искреннее уважение со стороны коллег говорят сами за себя.

Убежден, что вклад Александра Михайловича в решение актуальных правовых проблем, внесенный за годы многогранной, плодотворной научной и практической деятельности, навсегда вошел в историю отечественного и зарубежного права и по достоинству еще будет оценен потомками. Проведение сегодняшней конференции, высокий уровень ее организации и проведения, широкий представительный круг участников, безусловно, будут этому способствовать.

В заключение позвольте искренне пожелать всем участникам сегодняшнего мероприятия успешной и плодотворной работы, конструктивного профессионального диалога, открытых интересных предложений и содержательных дискуссий.

С уважением,
Председатель Верховного Суда
Республики Беларусь,
заслуженный юрист Республики Беларусь

В. О. Сукало

24 мая 2024 года

Генеральная прокуратура Республики Беларусь

Уважаемые участники конференции, гости и организаторы!

История белорусского государства и права исчисляется столетиями. Все это время усилия ученых и практиков были направлены на совершенствование общественной жизни, повышение благосостояния каждого гражданина. Отечественные правоведы всегда внимательно и подробно изучали достижения своих зарубежных коллег, пытаясь перенять передовой опыт, однако и сами были первопроходцами. И сегодня система государственных органов, система права в Республике Беларусь обладают индивидуальностью и во многом уникальны.

Имена целого ряда белорусских юристов широко известны за рубежом. Одним из таких ученых-правоведов несомненно являлся и заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор Александр Михайлович Абрамович. Его преданность интересам государства и народа является примером для современных юристов, а трудовой путь символом единства теории и практики. Будучи автором многих научных идей в области государственного строительства, А. М. Абрамович осуществлял их реализацию, занимая различные посты в государственном аппарате. Ввиду произошедших конституционных преобразований в Беларуси является символичным то, что конференция посвящена 80-летию со дня рождения именно этого видного белорусского деятеля.

Актуальность темы конференции не вызывает сомнений, поскольку государственные институты и право не могут оставаться неизменными в то время как меняется общество, появляются новые технологии, новые вызовы и угрозы безопасности Республики Беларусь и ее граждан. В этой обстановке динамичность правового регулирования и надежность системы государственной власти являются важнейшими факторами устойчивого развития нашей страны, защиты публичных и частных интересов.

Убежден, что обмен мнениями по актуальным проблемам правовой науки и правоприменительной практики является необходимым условием их эффективного решения.

Желаю участникам международной конференции плодотворной работы, конструктивных дискуссий, новых идей и достижений!

Генеральный прокурор
Республики Беларусь,
государственный советник
юстиции 2 класса,
доктор юридических наук, доцент

А. И. Швед

24 мая 2024 года

**Приветственное слово заместителя Председателя Палаты
представителей Национального собрания Республики Беларусь,
заслуженного юриста Республики Беларусь
Ипатова Вадима Дмитриевича
в адрес участников конференции**

Уважаемые участники и гости конференции!

От имени депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь и себя лично приветствую вас на открытии международной научно-практической конференции «Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования», посвященной 80-летию со дня рождения Александра Михайловича Абрамовича, заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора.

Исследования А. М. Абрамовича внесли существенный вклад в развитие теории государства и права, конституционного и административного права. На учебниках и научных трудах этого выдающегося ученого-правоведа воспитано не одно поколение юристов.

Следует отметить, что многие из его работ были написаны в непростое для нашей страны время.

Становление белорусской государственности в условиях реформирования политической, социальной и экономической сфер требовало и их нового научного осмысления. На переломном этапе развития государства А. М. Абрамович возглавил работу по внесению изменений в Конституцию Республики Беларусь. Его теоретические разработки были реализованы в процессе государственного строительства и формирования институтов власти. Неоценим вклад нашего коллеги в становление правовой системы Республики Беларусь.

Развитие и функционирование государства и права – процесс непрерывный. Недавно мы приняли обновленную Конституцию Республики Беларусь. Она стала документом, определившим на десятилетия вектор развития национальной государственности и совершенствования демократических институтов. Был закреплён конституционный статус Всебелорусского народного собрания как высшего представительного органа народовластия, усилена роль Парламента за счет перераспределения полномочий между ветвями государственной власти, пересмотрена компетенция Конституционного Суда Республики Беларусь.

Проделана серьезная работа по приведению законодательных актов в соответствие с изменениями и дополнениями Конституции Республики Беларусь, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г.

В Основном Законе воплощена преемственность многовекового исторического пути Беларуси. И ознаменован новый этап белорусской государственности. В связи с этим тема конференции достаточно актуальна и представляет огромный интерес не только для научного сообщества, но и для практиков.

Уверен, в ходе мероприятия будут найдены правильные решения, соответствующие вызовам времени и способствующие дальнейшей консолидации усилий в вопросах формирования и развития современного государства и права.

Желаю всем участникам конференции эффективной и плодотворной работы.

Заместитель Председателя
Палаты представителей
Национального собрания
Республики Беларусь,
заслуженный юрист Республики Беларусь

В. Д. Ипатов

24 мая 2024 года

Министерство юстиции Республики Беларусь

Приветствие участникам Международной научно-практической конференции «Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования»

Уважаемые коллеги!

Сегодняшняя конференция посвящена 80-летию со дня рождения заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Александра Михайловича Абрамовича – человека, чей жизненный и профессиональный путь неразрывно связаны с развитием правовой системы нашей страны.

В его трудах освещены различные аспекты правового регулирования государственного строительства, затрагивающие основы государственного управления, правовой статус личности, а также вопросы нормотворческой деятельности.

Как отметил Александр Михайлович в работе «Актуальные вопросы нормотворчества в Республике Беларусь», «человеческое общество всегда нуждалось в точных и совершенных правовых решениях, ибо любая ошибка законодателя может повлечь нарушения прав и законных интересов граждан. Формирование правовой системы, которая отвечала бы по форме и содержанию духу времени, общественным потребностям, основывалась на новейших достижениях науки и практики, соответствовала международно-правовым стандартам – общая и единая цель всех субъектов правотворчества».

Полагаю, что совместное следование этим тезисам на современном этапе развития нашего государства должно являться одним из основополагающих принципов работы всех государственных органов нашей страны.

Уважаемые участники научно-практической конференции!

Убежден, что активное взаимодействие представителей научного сообщества и республиканских органов государственного управления, применение результатов научных исследований в нормотворческой деятельности повысит качество нормотворческих решений, что укрепит конституционный правопорядок, обеспечив действенность конституционно-правовых механизмов защиты прав и свобод личности.

Желаю всем плодотворной работы, конструктивного диалога и эффективного сотрудничества во благо Республики Беларусь!

Министр юстиции
Республики Беларусь
кандидат юридических наук, доцент

Е. И. Коваленко

24 мая 2024 года

Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь

Приветственное слово

**участникам Международной научно-практической конференции
«Современная государственность и право: теоретические
и практические проблемы формирования и успешного
функционирования
(к 80-летию со дня рождения
заслуженного юриста Республики Беларусь,
доктора юридических наук, профессора
Александра Михайловича Абрамовича)**

Уважаемые участники конференции!

От имени Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь и от себя лично приветствую всех присутствующих!

Особенно приятно, что конференция приурочена к 80-летию со дня рождения выдающегося человека – заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Абрамовича Александра Михайловича!

Известный государственный деятель, внесший значительный вклад в совершенствование многих отраслей национального законодательства, глубокий ученый-правовед, научные идеи которого положены в основу ряда стратегических государственных решений, опытный руководитель, талантливый педагог и просто открытый, доброжелательный, интеллигентный человек, Александр Михайлович оставил яркий след в становлении и развитии правовой системы нашей страны.

Присущие ему высочайший профессионализм, необычайное трудолюбие, беззаветная преданность своему делу, поразительная жизненная энергия и человеческая мудрость являются эталонными для исследователей всех поколений. ВАК высоко ценит многолетнюю деятельность Александра Михайловича в сфере подготовки и аттестации научных кадров высшей квалификации.

С уверенностью можно сказать, что роль науки в современном мире чрезвычайно высока, и нашей стране необходимы квалифицированные специалисты, интеллектуальная энергия которых нацелена на формирование прочного фундамента государственной независимости.

Искренне надеюсь, что данная конференция станет конструктивной диалоговой площадкой, послужит драйвером для научных исследований теоретических и практических проблем государственного строительства и совершенствования правовой системы, будет способствовать решению

самых сложных научно-прикладных задач устойчивого развития государства.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, бодрости духа и новых свершений!

С уважением,
Председатель ВАК Республики Беларусь,
доктор юридических наук, доцент

А. Е. Гучок

24 мая 2024 года

Приветственное слово директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь Мательского Андрея Францевича участникам Международной научно-практической конференции «Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования (к 80-летию со дня рождения заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора А. М. Абрамовича)

Уважаемые коллеги!

Нынешняя масштабная конференция посвящена памяти выдающегося отечественного ученого, государственного деятеля, заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Александра Михайловича Абрамовича.

Александр Михайлович внес огромный вклад в становление белорусской правовой науки и национального права. В его исследованиях научно обоснованы фундаментальные проблемы теории права. Раскрыта ведущая роль конституционных гарантий прав и свобод личности. Определены базисные положения нормотворческой теории и практики, актуальные сегодня.

Как государственный деятель Александр Михайлович Абрамович служит примером беззаветного служения Родине.

Его трудовая биография тесно связана с ключевыми вехами развития Республики Беларусь как суверенного правового демократического государства.

А. М. Абрамович возглавлял работу по внесению принципиальных изменений в Конституцию Республики Беларусь, правовых аспектов Договора о содружестве Беларуси и России в 1996 г. Им была организована разработка множества кодифицированных нормативных правовых актов Республики Беларусь. В его публикациях детально определены направления совершенствования гражданского и хозяйственного законодательства.

Профессор А. М. Абрамович много сделал для того, чтобы конституционное и государственное строительство в Республике Беларусь могло опираться на прочный правовой фундамент. Он уделял самое пристальное внимание конституционным основам организации системы государственной власти, перспективам развития судебной системы, адвокатуры, нотариата.

Александр Михайлович – профессионал высочайшего уровня, настоящий наставник нескольких поколений юристов. Его знают и помнят представители различных отраслей юридической науки и практики.

Он предвидел пути развития государственной системы правовой информации. Под его руководством проведена широкомасштабная реформа правовой сферы нашего государства в конце 90-х – начале 2000-х гг. В ходе реформы образован Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, создан Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, утвержден Единый правовой классификатор Республики Беларусь.

Идеи выдающегося ученого сыграли определяющую роль в формировании и развитии правовой системы нашей страны и в полной мере воплощены в практической деятельности. Многие подходы Александра Михайловича опередили время и востребованы в актуальном государственном строительстве. И мы обращаемся к его публикациям как к источнику мудрости в поисках ответов на важные вопросы современности.

Труды профессора Абрамовича вновь и вновь напоминают, что право есть мера социальной справедливости.

Уважаемые коллеги, в заключение позвольте пожелать участникам конференции благополучия, успешной и плодотворной работы.

Директор Национального центра
правовой информации
Республики Беларусь

А. Ф. Мательский

24 мая 2024 года

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Уважаемые участники международной научно-практической конференции «Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования»!

Сегодня в стенах Белорусского государственного университета нас собрала память о талантливом ученом, вклад которого в становление национальной государственности, эффективное развитие национальной правовой системы и отечественной юридической науки бесценен.

От имени Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь приветствуем вас на научном мероприятии, приуроченном к 80-летию со дня рождения государственного и общественного деятеля, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Беларусь Александра Михайловича Абрамовича.

Благодаря многогранному таланту А. М. Абрамович снискал авторитет и известность как выдающийся правовед, профессиональный руководитель, грамотный организатор, который обладал перспективным видением и уникальными способностями успешно решать важнейшие государственные задачи.

Мы искренне признательны А. М. Абрамовичу за его научное наследие, высокий уровень и глубину понимания правовых явлений. Многие замыслы и прогрессивные идеи авторитетного ученого реализованы в нормотворческой деятельности и не потеряли своей актуальности. Труды А. М. Абрамовича неизменно остаются основой для решения краугольных проблем юридической науки.

Желаем участникам Международной научно-практической конференции активной плодотворной работы, интересных дискуссий, глубокого осознания значимости открытий и достижений профессора А. М. Абрамовича. Уверены, что данное мероприятие станет весомым вкладом в расширение горизонтов научного прогресса в правовой сфере.

С уважением,
Первый заместитель директора
Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики
Беларусь

Г. П. Подрезёнок

24 мая 2024 года

**Приветствие учреждения образования «Институт
переподготовки и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»**

Уважаемые коллеги, участники и гости конференции!

Позвольте от имени Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета поприветствовать вас на Международной научно-практической конференции «Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования», посвященной 80-летию со дня рождения заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Александра Михайловича Абрамовича. Подобные мероприятия всегда являются доказательством сохранения лучших традиций и преемственности поколений, позволяют помнить и, во многом, по-новому открывать для себя правовое наследие выдающихся деятелей Беларуси.

Александр Михайлович Абрамович не только осуществлял научно-педагогическую деятельность, на протяжении 20 лет возглавлял кафедру теории и истории государства права юридического факультета БГУ, но и длительное время занимал высокие государственные должности и оказал огромное влияние на процесс государственного строительства и формирования основных институтов власти независимой Беларуси. Его вклад в становление и развитие национальной государственности, развитие правовой системы Республики Беларусь, формирование научной школы, которая продолжает свою работу по сей день на кафедре теории и истории государства и права, трудно переоценить. Перечень сфер приложения его таланта, как ученого и крупного государственного деятеля, впечатляет: член Комитета конституционного надзора СССР; Председатель Центральной комиссии по выборам народных депутатов Республики Беларусь; Заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь; Заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь; руководитель рабочих групп по разработке и доработке кодексов Республики Беларусь. Александр Михайлович возглавлял работу по внесению принципиальных изменений в Конституцию Республики Беларусь в 1996 г. и вытекающих из нее нормативных правовых актов о статусе Президента Республики Беларусь, роли судебной власти. Руководил подготовкой правовых основ Договора о содружестве Беларуси и России, проекта конституционного акта Союзного государства и многих иных правовых актов и концепций.

Этот далеко не полный перечень заслуг Александра Михайловича, его многочисленные научные труды, которые всегда отличались смелостью и глубиной поставленных проблем, свидетельствуют о выдающемся масштабе его личности как Ученого, Педагога и государственного деятеля.

От имени Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета желаю всем участникам конференции плодотворной работы, обмена опытом и содержательного диалога.

Директор учреждения
образования «Институт
переподготовки и повышения
квалификации судей,
работников прокуратуры, судов
и учреждений юстиции
Белорусского государственного
университета», доктор
юридических наук, профессор

О. Н. Здрок

24 мая 2024 года

Приветствие Белорусского государственного университета

Уважаемые участники конференции!

От имени Белорусского государственного университета рад приветствовать вас на международной конференции, посвященной выдающемуся белорусскому государственному и общественному деятелю, ученому-правоведу и преподавателю-новатору, заслуженному юристу Республики Беларусь, заведующему кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета с 1988 по 2008 г.

Научные исследования профессора Абрамовича, который после защиты докторской диссертации в 1985 г. стал одним из самых молодых докторов юридических наук в СССР, всегда отличались смелостью и глубиной поставленных проблем, а также непосредственной практической направленностью.

Блестящий аналитический ум, профессиональные и организационные качества, высокий научный и моральный авторитет стали основой для успешного государственного служения в качестве:

члена Комитета конституционного надзора СССР (1990–1991 гг.);

Председателя Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам народных депутатов Республики Беларусь (1992–1996 гг.);

Заместителя Главы Администрации Президента Республики Беларусь (1996–2004 гг.);

Заместителя Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь (2004–2008 гг.).

А. М. Абрамович возглавлял работу:

по подготовке проекта изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, которые были внесены в Конституцию решением республиканского референдума 24 ноября 1996 г.;

по формированию правовых основ равноправной и суверенной белорусско-российской интеграции;

обеспечил реформирование системы национального правотворчества, систематизацию и кодификацию национального права;

внес значительный вклад в совершенствование законодательной деятельности Парламента, развитие парламентаризма и межпарламентских связей.

А. М. Абрамович создал в БГУ диссертационный совет Д. 02.01.01, который продолжает успешно функционировать, долгое время был членом Президиума Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь и определял развитие национальной юридической науки.

Научная школа профессора А. М. Абрамовича включает 2 докторов и 11 кандидатов юридических наук и продолжает действовать на кафедре теории и истории государства и права юридического факультета БГУ.

Научное наследие составляет свыше 100 фундаментальных работ по актуальным политико-правовым проблемам.

Это уже вторая научно-практическая конференция, которую БГУ проводит в честь А. М. Абрамовича. Уверен, что вы сможете обсудить научное и практическое наследие Александра Михайловича, осмыслить через призму устойчивого суверенного развития и неукоснительного соблюдения законности современные политико-правовые проблемы, стоящие перед Республикой Беларусь, раскрыть новые аспекты государственно-правовой реальности.

Особую актуальность форуму придает принятие на республиканском референдуме 2022 г. обновленной Конституции, которую в рамках Конституционной комиссии разрабатывали наши спикеры. В таком ракурсе обращение к истории национального конституционализма и развития государственного аппарата и правовой системы особенно актуально.

Выражаю уверенность, что эта конференция приобретет статус постоянного научного мероприятия нашего университета.

Проректор по научной работе
Белорусского государственного
университета,
доктор химических наук, профессор

А. В. Блохин

24 мая 2024 года

ВЫСТУПЛЕНИЕ

АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ АБРАМОВИЧ, СУПРУГИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА АБРАМОВИЧА

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ И ВЕРИШЬ, ВСЕ ДОРОГИ ЯСНЫ...

Судьбоносное знакомство с Александром Михайловичем Абрамовичем произошло в 1964 г., на праздничном вечере в Гродненском сельскохозяйственном институте. Я, студентка третьего курса Гродненского государственного педагогического института им. Я. Купалы, училась по специальности «педагогика и методика начального образования», и пришла на вечер с подругами.

Во время торжественной части через переполненный зал с трудом пробрался и сел со мной рядом симпатичный молодой человек. Немного погодя, он взял меня за руку и сказал, что его зовут Александр, что он работает главным агрономом колхоза «Искра» Лидского района Гродненской области после окончания сельскохозяйственного техникума в 1964 г., а в Гродненский сельскохозяйственный институт направлен на учебу в одногодичную школу подготовки руководящих кадров колхозов и совхозов. Еще он рассказал мне о своей мечте стать юристом. Для меня это знакомство было неожиданным, но молодой человек вызвал мою симпатию, и имя свое я назвала.

Вечер пролетел незаметно. Саша проводил меня до студенческого общежития. И все говорил, говорил, не отпуская мою руку.

Уже на следующий день он подарил мне свою фотографию и предложил выйти за него замуж. Я дала свое согласие, но с условием, что мы поженимся только через полтора года, после окончания моей учебы в пединституте.

Встречались мы очень часто, посещали все премьеры в театре, ходили на концерты, в кино, на выставки и танцевальные вечера. Очень любили просто гулять вдвоем и говорить обо всем на свете. Нам было хорошо и интересно вместе. Меня покорили его замечательные человеческие качества: скромность, сдержанность, порядочность, чувство юмора, ясный ум и широкий кругозор. Встречал он меня всегда с цветами, был очень внимательным и заботливым, посвятил мне множество прекрасных стихотворений.

Брак мы заключили 14 апреля 1966 г., после чего уехали в деревню Докудово Лидского района Гродненской области. Александр Михайло-

вич работал там главным агрономом, а я учителем в Докудовской средней школе. Через год родилась наша дочь Наталья.

Глубокие знания Александра Михайловича, его организаторские способности, железная дисциплина по отношению к себе и требовательность к другим способствовали производственным успехам колхоза «Искра». Работал он с самоотдачей, от рассвета до позднего вечера находился в поле, умел найти подход к работникам колхоза, успешно организовать их труд. Однако мечта о получении высшего юридического образования никогда не покидала его. На моем примере супруг мог убедиться в том, как важно определиться с работой по призванию, когда каждый рабочий день приносит особую радость и душевное удовлетворение.

Целеустремленность, творческая энергия, эрудиция, жизненный опыт супруга при моей неизменной поддержке помогли ему принять верное решение получить юридическое образование. Поступив в 1967 г. в Белорусский ордена Трудового Красного знамени государственный университет им. В. И. Ленина на специальность «правоведение», через 18 лет непрерывной учебы и плодотворной научной работы, в 1986 г. Александр Михайлович стал самым молодым в СССР доктором юридических наук.

Так, университет он окончил с отличием в 1973 г. В этом же году поступил в аспирантуру Института философии и права Академии наук БССР, учеба в которой увенчалась в 1976 г. успешной защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

С 1976 по 1988 г. Александр Михайлович работал в отделе теории и истории государства и права Института философии и права Академии наук БССР, постепенно преодолев ступени от младшего, старшего, ведущего научного сотрудника до заведующего этим отделом. Талант ученого-исследователя, глубокое концептуальное мышление, опыт практической работы, трудолюбие, высокая требовательность к себе позволили ему в достаточно короткий срок подготовить и защитить диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности «государственное право и управление, советское строительство, административное право, финансовое право».

Сила воли моего супруга, его выносливость, самоотверженность в труде, настойчивость в достижении цели, мужество и порядочность вызывали мое восхищение и гордость за него. Мои слова об этом всегда заряжали его здоровьем, добрым настроением и бодростью. Он называл меня своим надежным тылом, благодарил за неизменную поддержку и заботу о нем.

Навсегда запомнился 1985 год. Уже была построена кооперативная квартира в г. Минске. Состоялась защита докторской диссертации Александра Михайловича. Дочь Наталья, с золотой медалью окончив школу, училась на первом курсе юридического факультета Белорусского государственного университета. А самым счастливым событием для всех нас стало рождение сына Владимира.

Счастливых минут в нашей жизни было немало. Это праздники, дни рождения, юбилеи, среди которых почетное место заняли знаменательные даты – наши серебряная и золотая свадьбы. Все события отмечались в кругу семьи и друзей, часто в домашних условиях, где всем было комфортно и весело. Александр Михайлович душевно встречал гостей, старался накормить, любил петь, особенно со мной в два голоса, танцевать, был замечательным рассказчиком, умел поднять настроение всем собравшимся.

Как хороший семьянин Александр Михайлович всегда находил время для своих детей, заботился о них, их здоровье и воспитании, наставлял их в жизни, был примером во всем. Дочь и сын, две внучки, продолжив династию юристов, получили высшее образование на юридическом факультете Белорусского государственного университета и имеют большие успехи в этой профессии. Много радости ему приносили и два младших внука. Сегодня также подрастают двое наших чудесных правнуков. Все они помнят и любят своего отца и дедушку, гордятся им.

Мой супруг был достойным человеком. Он внес большой вклад в науку и свои научные знания и жизненный опыт в полной мере использовал на высоких государственных постах для развития белорусского государства. Будучи патриотом родной Беларуси, в этом духе он всегда воспитывал своих детей, а также студентов и аспирантов юридического факультета Белорусского государственного университета. Александр Михайлович никогда не терял интереса к жизни, не шел против совести. Желал людям добра, помогал всем, кто к нему обращался, мог подсказать верное решение в самых трудных ситуациях.

Я 46 лет проработала в средней школе, отдавая свое сердце и душу моим ученикам. Первоначально работала учителем начальных классов. В 1985 г. заочно окончила филологический факультет Минского государственного педагогического института им. А. М. Горького по специальности «белорусский язык и литература», получив второе высшее образование. 26 лет была заместителем директора школы и учителем белорусского языка и литературы средней школы. Приятно, что мои бывшие ученики при встрече благодарят меня за все, что я вложила в них, стараясь воспитать достойных и грамотных людей.

Быстро пролетели 52 года нашего счастливого брака. Каким бы непростым был наш жизненный путь, мы никогда не проявляли слабости. Всегда были оптимистами и умели радоваться жизни. Стояли стеной друг за друга и в печали, и в радости, любили и умели слышать друг друга и порой в чем-то уступить, дорожили друг другом.

Дорогой мой супруг оставил после себя светлую память, которая всегда будет жить в моем сердце, в сердцах наших детей и их потомков.

24 мая 2024 года

Антонина Александровна
Абрамович

Организаторы и участники Международной конференции

Приветствие участникам Международной конференции
от Администрации Президента Республики Беларусь

В ходе Международной конференции

Учаснікі Міжнароднай канферэнцыі

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗВИТИЕ (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА А. М. АБРАМОВИЧА)

О. И. Чуприс

*Администрация Президента Республики Беларусь,
ул. Карла Маркса, 38, 220016, Минск, Беларусь*

Статья посвящена вопросу развития правового регулирования государственной службы в Республике Беларусь. Отмечаются особенности принятых законов, описываются новации Закона «О государственной службе Республики Беларусь» 2022 г. Делается вывод о том, что с момента обретения независимости Республикой Беларусь накоплен собственный опыт правового регулирования государственной службы, а положения обновленного Закона «О государственной службе» отражают реальные потребности государственного строительства и практики.

Ключевые слова: государственная служба; гражданская служба; военная служба; служба в военизированных организациях.

ПРАВОВАЄ РЕГУЛЯВАННЕ ДЗЯРЖАЎНАЙ СЛУЖБЫ Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ: ПЕРАЕМНАСЦЬ І РАЗВІЦЦЁ (ДА 80-ГОДДЗЯ З ДНЯ НАРАДЖЭННЯ ПРАФЕСАРА А. М. АБРАМОВІЧА)

В. І. Чупрыс

*Адміністрацыя Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь,
вул. Карла Маркса, 38, 220016, Мінск, Беларусь*

Артыкул прысвечаны развіццю прававога рэгулявання дзяржаўнай службы ў Рэспубліцы Беларусь. Адзначаюцца асаблівасці прынятых законаў, апісваюцца новацыі Закона аб дзяржаўнай службе Рэспублікі Беларусь 2022 г. Робіцца вывад аб тым, што з моманту, калі Рэспубліка Беларусь стала незалежнай, назапашаны ўласны вопыт прававога рэгулявання дзяржаўнай службы, а палажэнні абноўленага Закона аб дзяржаўнай службе адлюстроўваюць рэальныя патрэбнасці дзяржаўнага будаўніцтва і практыкі.

Ключавыя словы: дзяржаўная служба; грамадзянская служба; ваенная служба; служба ў ваенізаваных арганізацыях.

LEGAL REGULATION OF CIVIL SERVICE IN THE REPUBLIC OF BELARUS: CONTINUITY AND DEVELOPMENT (TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PROFESSOR A. M. ABRAMOVICH)

O. I. Chupris

*Administration of the President of the Republic of Belarus,
38 Karla Marksa Street, Minsk 220016, Belarus*

The article deals with the development of legal regulation of public service in the Republic of Belarus. The features of adopted laws are noted, the innovations of the Law on the Civil Service of the Republic of Belarus of 2022 are described. It is concluded that since the moment when the Republic of Belarus became independent, its own experience in the legal regulation of the civil service has been accumulated, and the provisions of the updated Law on the Civil Service reflect the real needs of state construction and practice.

Keywords: state service; civil service; military service; service in paramilitary organizations.

Государство и государственная служба нераздельны. Государственная служба обеспечивает реализацию задач и функций государства, осуществление государственной власти.

Государственная служба Республики Беларусь имеет свою историю, сопряженную с развитием современного белорусского государства, начавшуюся после распада СССР, когда законодательство о государственной службе стало одним из наиболее значимых правовых средств, обеспечивших его функционирование. В правовом регулировании государственной службы Республики Беларусь выделяется три этапа.

После обретения государственного суверенитета Беларусь, как и другие бывшие союзные республики, на основе изучения положительного международного опыта по-своему урегулировала указанные вопросы, отразив их в Законе Республики Беларусь от 23 ноября 1993 г. «Об основах службы в государственном аппарате», действие которого первоначально было ограничено аппаратной сферой, что было прямо сформулировано в названии закона и сводило правовое регулирование государственной службы к чиновничьей службе. Вместе с тем понимание сложности и многовидовой структуры государственной службы привело к необходимости распространения данного Закона на иные виды государственной службы, в том числе прокурорскую и судебскую, военную службу и службу в органах внутренних дел, что закреплялось в Декрете Президента Республики Беларусь от 9 сентября 1997 г. № 16 «О некоторых мерах по упорядочению материального и социального обеспечения служащих государственного аппарата и приравненных к ним лиц».

Закон «Об основах службы в государственном аппарате» содержал основные понятия, принципы этой службы, права, обязанности и ограничения служащих, порядок поступления и прохождения службы, ее прекращения. Им вводилось понятие контракта со служащим государственного аппарата, который для реализации принципа стабильности государственной службы заключался на 15 лет, определялись соответствующие государственным должностям классы этих служащих, устанавливалась возможность отставки служащего государственного аппарата.

Однако изменения, происходящие в государстве по мере его развития, и завершение переходного периода в его развитии привели к необходимости принятия нового закона о государственной службе. К этому времени в среде как ученых, так и практиков укрепилось понимание значимости государственной службы и комплексного подхода к ее правовому регулированию.

14 июня 2003 г. был принят новый Закон «О государственной службе в Республике Беларусь», который явился основным, но не единственным источником законодательства о государственной службе. В его развитие был принят ряд нормативных правовых актов, среди которых – акты Президента Республики Беларусь, постановления Совета Министров Республики Беларусь и республиканских органов государственного управления. Государственная служба регламентировалась до 2022 г. этим Законом и многими другими нормативными правовыми актами различного уровня, которых насчитывалось более 200, исключая ведомственные нормативные акты по конкретным вопросам ее осуществления.

Закон 2003 г. отличался определением широких границ государственной службы при отсутствии ее деления на виды. Согласно ст. 7 и 43 этого данного Закона государственной службой признавалась (с включением в стаж государственной службы) деятельность на особых государственных должностях в государственных органах: в аппаратах государственных органов, охватывая частично военную и военизированные разновидности службы, осуществляемые непосредственно в центральных аппаратах соответствующих министерств и структурных подразделениях местных исполкомов, находящихся в двойном подчинении (органы внутренних дел), судебская служба, прокурорская служба, таможенная служба, дипломатическая служба, а также служба на выборных должностях в представительных органах. Государственной службой также признавалась служба на отдельных должностях в некоторых государственных организациях, например, в Национальном центре законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Научно-практическом центре проблем укрепления законности и правопорядка

Генеральной прокуратуре Республики Беларусь, Фонде социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты и др. Следует отметить, что аналогичный подход сохраняется в настоящее время.

Специальному и более детальному регулированию в Законе «О государственной службе в Республике Беларусь» 2003 г. были подвергнуты такие институты, как кадровой службы государственного органа, резерва кадров, а после внесения ряда изменений в данный Закон – также правового статуса государственных служащих. В то же время, как отмечалось, Закон не выполнял роль системно-базового акта, закрепляющего единую основу правового регулирования государственной службы, что породило ряд системных недостатков в законодательстве [8] и послужило одной из причин разработки и принятия нового Закона Республики Беларусь «О государственной службе» от 1 июня 2022 г., работа над которым велась с 2018 г. с привлечением представителей науки. При разработке его положений руководствовались принципом, сформулированным в отношении правовой системы А. М. Абрамовичем о необходимости ее соответствия по форме и содержанию духу времени, общественным потребностям, новейшим достижениям науки и практики [1, с. 553].

Знаковость данного Закона заключается в том, что в нем впервые в истории современной Беларуси определена единая система государственной службы, включающая государственную гражданскую службу, военную службу, службу в военизированных организациях, а также введен Реестр государственных гражданских должностей, который представляет собой систему гражданских должностей и соответствующих им классов в зависимости от характера и объема полномочий и обязанностей (п. 1 ст. 16 Закона). Реестр утвержден Указом Президента Республики Беларусь от 6 июня 2022 г. № 195 «О государственных гражданских должностях», который разрабатывался в едином «пакете» с Законом. Реестром также установлено соотношение различных классных разрядов (классных чинов, персональных званий, дипломатических рангов, квалификационных классов и классов государственных гражданских служащих). В Реестре в наглядном виде представлено систематизированное чиновничье старшинство, а также внедрены единые наименования должностей и структурных подразделений в государственных органах гражданской службы.

Единая государственная служба обеспечивает гармонизацию государственной власти, стабильность и преемственность самой службы и интегрирование ее видов, подтверждением чему служат предусмотренные в ст. 4–6 Закона исключения, позволяющие в случаях, установленных нормативными правовыми актами, осуществлять соответствующий

вид службы представителями других видов службы. Кроме того, в одном и том же государственном органе одновременно может иметь место несколько видов государственной службы, что предусмотрено в п. 4 ст. 8 Закона о госслужбе. Например, в Министерстве обороны Республики Беларусь представлена военная служба и гражданская служба лиц, не находящихся на военных должностях.

Наиболее сложной по своей структуре является государственная гражданская служба, в которой выделяется несколько подвидов:

- служба депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики, председателей местных советов депутатов, осуществляющих свою деятельность на профессиональной основе (депутатская служба);
- судейская служба – служба судей, осуществляемая в соответствии с Кодексом о судоустройстве и статусе судей;
- прокурорская служба – служба прокурорских работников, осуществляемая в соответствии с Законом о прокуратуре;
- аппаратная служба – служба в органах государственного управления или на государственных гражданских должностях в государственных организациях, аппаратах (секретариатах) палат Национального собрания, судов, прокуратуры, в военизированных и военных организациях;
- дипломатическая служба;
- служба должностных лиц таможенных органов.

Государственная гражданская служба в целом регулируется Законом о государственной службе (п. 1 и 2 ст. 10 Закона). Однако в законодательных актах, регулирующих статус судейской, прокурорской и других разновидностей службы, могут быть установлены особенности поступления на нее, ее прохождения и прекращения, а также статуса ее служащих.

Общий подход к правовому регулированию государственной гражданской службы в сравнении с предыдущими законами изменился в направлении усиления требований к гражданским служащим, их дисциплине и ответственности. Законом расширен перечень оснований для отказа в приеме на государственную гражданскую службу, установлен ненормированный рабочий день для служащих, включенных в кадровые реестры государственных органов, регламентированы особенности службы лиц, занимающих должности, включенные в кадровый реестр Главы государства. Установлены общие требования служебной этики государственных гражданских служащих, которые охватывают их поведение на работе и в быту.

В то же время в Законе 2022 г. одновременно предусмотрен ряд мер по повышению престижа государственной гражданской службы, прежде всего через институты гарантий и компенсаций. Этот институт на всех

этапах подвергался специальному правовому регулированию, что закреплялось в отдельных главах и нормах всех законов о государственной службе Республики Беларусь. Но важно с учетом принципа справедливости реализовывать «больш высокі ўзровень стымулявання высокая-каснай працы, высокакваліфікаваных работнікаў ва ўсіх без выключэння сферах» [2, с. 571].

Этот принцип, а также правило об интегрированности различных видов государственной службы лежат в основе нормы ч. 2 п. 1 ст. 68 Закона, направленной на привлечение в прокуратуру специалистов, имеющих определенный профессиональный опыт, и предусматривающей установление пониженного страхового стажа (10 лет) для назначения пенсии за выслугу лет прокурорским работникам, ранее проходившим военную службу или службу в военизированных организациях. При этом сохраняется требование о наличии у таких лиц не менее 20 лет общего стажа госслужбы.

Государственная служба ввиду ее напряженности и сложности требует особых мер государственной поддержки, а повышение требований к ней должно быть уравновешено социальными и экономическими гарантиями. Как указывал А. М. Абрамович, «у заканадаўстве павінен быць забяспечаны баланс перспектыўных і бягучых інтарэсаў, агульных і прыватных інтарэсаў» [2, с. 571]. Поэтому в ст. 65 Закона о государственной службе 2022 г. с целью создания надлежащих условий для осуществления служебной деятельности госслужащим предусмотрено развитие гарантий, установленных предыдущим Законом 2003 г. В случае переезда на работу в другую местность предоставляется право на постановку на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий по месту службы без учета срока работы в организациях г. Минска и Минского района, на внеочередное долевое строительство жилья (назначенным на руководящие должности в республиканские и местные органы управления), а также первоочередное право на предоставление арендного жилья, денежную компенсацию расходов по найму жилья частного фонда, предоставление их детям места в детских садах и школах и др. Изменен порядок определения заработка для исчисления размера пенсии за выслугу лет для гражданских служащих, в соответствии с которым расчет производится из действующей заработной платы госслужащего по любой должности, работа в которой включена в стаж госслужбы (кроме должности, с которой лицо уволено по дискредитирующим обстоятельствам) по аналогии с исчислением пенсии за выслугу лет военнослужащим.

В то же время нормой п. 8 ст. 68 Закона предусмотрено, что в случае совершения государственным служащим, в том числе бывшим, отдельных преступлений против государства, общественной безопасности, по-

рядка управления пенсия за выслугу лет ему не назначается (не выплачивается).

Важнейшим атрибутом современной единой белорусской государственной службы стало учреждение нагрудного знака «Дзяржаўная служба», который в период службы носят все государственные служащие независимо от принадлежности к ее конкретному виду.

В особый вид государственной службы следует выделять службу высших должностных лиц, осуществляемую на высших государственных должностях, перечень которых предусмотрен в п. 3 ст. 8 Закона. К данным должностям относятся должности Председателя Всебелорусского народного собрания, Премьер-министра Республики Беларусь, Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Председателя Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь, Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, Главы Администрации Президента Республики Беларусь, Государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь, Председателя комитета государственного контроля, Генерального прокурора, Председателя Правления Национального банка, Управляющего делами Президента Республики Беларусь.

Существование такого вида службы связывается с двумя факторами: единством государственной службы и связью государственной службы и политики, необходимостью непосредственной реализации политических целей и задач государства во всех ветвях власти, а также руководством системами государственных органов. Служащие, ее осуществляющие, обладают общими признаками, независимо от принадлежности к органам государственной власти. Отдельные ученые данную службу образно сравнивают с «полюсом» административной должностной иерархии [7, с. 186].

На вершине служебной иерархии находится Президент, который, как предусмотрено в ст. 1 Закона «О Президенте Республики Беларусь», возглавляет систему государственной службы. Специфика правового статуса Президента Республики Беларусь, заключающаяся в том, что «он выступает, с одной стороны, в качестве арбитра, с другой – сам может активно руководить правительством, подчиненными ему органами» [4, с. 73], осуществление им «некоторых общегосударственных задач, т. е. таких, которые не под силу любому предусмотренному статьей 6 Конституции органу государственной власти» [5, с. 364–365], занимаемое им «главствующее место в иерархии государственных органов» [6, с. 49] служат теоретическими обоснованиями места Президента во главе служебной пирамиды. Вопросы государственной службы находятся под постоян-

ным пристальным вниманием Главы государства, а разработка нового Закона велась под его непосредственным патронажем.

В заключение следует отметить, что Республикой Беларусь с момента обретения независимости накоплен собственный опыт правового регулирования государственной службы, а положения обновленного Закона о государственной службе отражают реальные потребности государственного строительства и практики.

К достижениям правового регулирования отечественной государственной службы можно отнести ее постепенное развитие, без резких скачков от узкого ее регулирования как службы чиновничьей до единого правового регулирования в системе ее трех видов (гражданской, военизированной и военной), заимствование позитивного опыта регулирования каждого из видов применительно ко всей системе государственной службы, поступательное усиление требований к ней и сближение в этом смысле гражданской и военизированной службы, однако и одновременное сохранение в ней, как предписывал А. М. Абрамович, «человеческого достоинства» [3, с. 12–13].

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Актуальные вопросы нормотворчества в Республике Беларусь // Избранные труды. Минск : ЮрСпектр, 2019. С. 553–562.
2. *Абрамович А. М.* Катэгорыя справядлівасці ў беларускім заканадаўстве // Избранные труды. Минск : ЮрСпектр, 2019. С. 569–572.
3. *Абрамович А. М.* Правовой статус советского гражданина / под ред. В. И. Шабайлова. Минск : Наука и техника, 1988. 91 с.
4. *Василевич Г. А.* Органы государственной власти Республики Беларусь: конституц.-правовой статус. Минск : Право и экономика, 1998. 226 с.
5. *Крамник А. Н.* Административное право Республики Беларусь. Минск : Тесей, 2008. Ч. 1 : Управленческое право. 672 с.
6. *Масловская Т. С.* Институт президентства в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Минск, 2004. 156 л.
7. *Оболонский А. В.* Человек и государственное управление / отв. ред. М. И. Пискотин. М. : Наука, 1987. 252 с.
8. *Чуприс О. И.* Концептуальные проблемы законодательства о государственной службе Республики Беларусь и пути его совершенствования // Право.by. 2008. № 2. С. 14–22.

ОБНОВЛЕННАЯ КОНСТИТУЦИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

П. П. Миклашевич

*Конституционный Суд Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 4, 220016, г. Минск, Беларусь*

Анализируются ключевые аспекты изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь, принятых на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., обосновывается их своевременность и объективная необходимость.

Ключевые слова: конституционные преобразования; изменения Конституции Республики Беларусь 2022 года; Конституционный Суд Республики Беларусь

АБНОВАЎЛЕНАЯ КАНСТЫТУЦЫЯ: ПЕРАЕМНАСЦЬ КАНСТЫТУЦЫЙНАГА РАЗВІЦЦА

П. П. Міклашэвіч

*Канстытуцыйны Суд Рэспублікі Беларусь,
вул. Краснаармейская, 4, 220016, г. Минск, Беларусь*

Аналізуюцца ключавыя аспекты змяненняў і дапаўненняў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, прынятых на рэспубліканскім рэферэндуме 27 лютага 2022 г., абгрунтоўваецца іх своєчаснасць і аб'ектыўная неабходнасць.

Ключавыя словы: канстытуцыйныя пераўтварэнні; змяненні Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 2022 года; Канстытуцыйны Суд Рэспублікі Беларусь.

THE UPDATED CONSTITUTION: CONTINUITY OF CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT

P. P. Miklashevich

*Constitutional Court of the Republic of Belarus,
4 Krasnoarmeyskaya Street, Minsk 220016, Belarus*

The article examines the key aspects of the changes and additions to the Constitution of the Republic of Belarus, adopted at the republican referendum on 27 February 2022, and proves their timeliness and objective necessity.

Keywords: constitutional reforms; changes to the Constitution of the Republic of Belarus of 2022; Constitutional Court of the Republic of Belarus.

Время, прошедшее с момента принятия Конституции в 1994 г., показало значимость конституционных положений и сформулированных в ней ценностных ориентиров для интенсивного государственно-правового

строительства. За прошедшие годы Республика Беларусь укрепила свой суверенитет и независимость, проводит самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. В настоящее время созданы политические, идеологические, конституционно-правовые, социально-экономические основы устойчивого развития белорусского государства. Вместе с тем современные условия объективно потребовали конституционных преобразований, формулирования в Конституции положений, отражающих идеи и цели дальнейшего государственно-правового строительства и общественного развития.

На VI Всебелорусском народном собрании (11–12 февраля 2021 г.) было принято решение о создании Конституционной комиссии по разработке предложений по изменению Конституции Республики Беларусь 1994 года.

Еще на встрече с судьями Конституционного Суда 15 марта 2018 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подчеркнул, что Беларусь следит за тенденциями в мире, и в стране стараются своевременно принимать решения, направленные на развитие государства. «Жизнь не стоит на месте, она очень бурно развивается, и, естественно, мы должны успевать меняться сами, подстраиваться под эту жизнь. Конституция должна быть на шаг-два впереди изменений нашего общества. Отсюда и проблема, которая перед нами, как я уже сказал, если не встала, то встанет, о корректировке, изменении норм Конституции» [1].

Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2021 г. № 105 в целях разработки предложений по изменению Конституции Республики Беларусь была создана Конституционная комиссия и утвержден ее состав; определена задача разработать конкретные предложения по изменению Конституции, учитывая современные особенности социально-экономического и политико-правового развития страны, назревшие потребности общества.

В ходе подготовки VI Всебелорусского народного собрания на диалоговых площадках было высказано много предложений граждан по изменению Конституции, которые легли в основу работы Конституционной комиссии.

27 февраля 2022 г. состоялся республиканский референдум по вопросу внесения изменений и дополнений в Конституцию. Реализовав свое конституционное право, граждане Республики Беларусь на республиканском референдуме приняли обновленную Конституцию Республики Беларусь. Согласно результатам референдума за принятие изменений и дополнений Конституции проголосовали 82,86 % голосовавших, или 65,16 % от внесенных в списки для голосования граждан.

Сущность изменений Конституции заключается в следующем.

Во-первых, сохранена президентская форма правления с перераспределением полномочий Президента, Парламента и Правительства исходя из их конституционных функций.

По форме правления Беларусь является президентской республикой. Президент является Главой государства, гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина.

Институт президентства с сильной президентской властью в полной мере оформился положениями Конституции с изменениями 1996 года, что явилось объективно обусловленным ответом на те вызовы времени, которые переживал народ Беларуси в период становления и развития суверенной государственности. Прошедший период развития подтвердил эффективность, состоятельность и целесообразность функционирования института Президента, его ключевую роль во всех общественно-политических процессах, социально-экономическом развитии, укреплении суверенитета и независимости страны.

Конституционные положения о разделении властей и единстве государственной власти направлены на согласованное функционирование органов государственной власти, обеспечение конституционного баланса государственно-политических интересов, реальное действие конституционно-правовых механизмов при принятии управленческих решений.

Предложения, обсуждавшиеся Конституционной комиссией об изменении конституционных норм о функциях и полномочиях Президента, Парламента и Правительства, касались прежде всего реального действия принципа разделения властей: во-первых, уточнения установленных за каждым органом государственной власти полномочий для эффективного выполнения своих конституционных функций, исключения «параллельных» полномочий и их «дублирования»; во-вторых, недопущения разбалансированности системы государственной власти, определения уровня ответственности и самостоятельности при принятии решений.

При этом следует отметить плодотворное участие представителей юридической науки в работе над созданием Конституции Республики Беларусь и изменениями и дополнениями в различные периоды конституционного развития, включая работу в Конституционной комиссии в 2021–2022 гг. Особую актуальность для современного этапа государственного строительства и конституционных преобразований имеют научные труды выдающегося правоведа и государственного деятеля Александра Михайловича Абрамовича, который внес огромный личный вклад в строительство суверенного белорусского государства на прочной конституционной основе, законодательное обеспечение сильной и эффективной президентской власти в нашей стране [2–4].

Конституционные изменения, касающиеся конституционных функций и полномочий Президента, Парламента и Правительства, направле-

ны на более полную реализацию конституционного принципа разделения властей: уточнение конституционно-правового статуса Президента, усиление кадровой и контрольной функций Парламента, повышение самостоятельности и ответственности Правительства.

Безусловно, полномочия Главы государства нельзя определить в полном объеме на конституционном уровне. Конституционная комиссия исходила из того, что в Конституции необходимо, во-первых, уточнить конституционные функции Президента, установить полномочия, необходимые для осуществления конституционных функций; во-вторых, учитывать, что ряд правовых инструментов и механизмов по реализации функций и полномочий регламентируется законами. При этом следует соблюдать правило: на уровне Конституции определяются конституционные функции и конституционные полномочия Президента, и только для их реализации следует устанавливать дополнительные полномочия Президента на уровне закона.

В целях установления четкого критерия дальнейшего распределения полномочий на законодательном уровне сформулирован п. 30 ст. 84 обновленной Конституции: Президент Республики Беларусь осуществляет иные установленные Конституцией и законами полномочия, необходимые для реализации возложенных на него конституционных функций.

Что касается изменений и уточнений конституционно-правового статуса Парламента и его полномочий, в обновленной Конституции сохранен классический конституционно-правовой подход как к основным стадиям законодательной деятельности, так и формам парламентского контроля.

Следует учитывать, что современное развитие парламентаризма идет не только путем совершенствования законодательной деятельности и парламентских процедур, но и путем применения наиболее рациональных и эффективных форм парламентского контроля: парламентский контроль становится неотъемлемой конституционной формой осуществления государственной власти и существенным элементом системы сдержек и противовесов в демократическом государстве [5; 6].

В современных условиях парламентский контроль, выражающийся прежде всего в контроле со стороны Парламента в отношении Правительства, дополняется и соответствующим контролем сферы законодательного регулирования – путем проведения правового мониторинга, оценки регулирующего воздействия, прогнозирования последствий принятия законов, – то есть комплексный контроль за действием законов и их регуляторным воздействием на общественные отношения в различных сферах жизнедеятельности. Следует осознавать, что в условиях динамичных общественных процессов законодательное регулирование обеспечивает не только своевременное решение насущных социально-

экономических задач, но и перспективное устойчивое развитие государства.

Во-вторых, установлен конституционный статус Всебелорусского народного собрания.

Первое Всебелорусское народное собрание было созвано в октябре 1996 г. в целях обеспечения наиболее полного участия широких слоев населения в обсуждении принимаемых государственными органами мер по преодолению экономического кризиса, стабилизации социальной обстановки. В дальнейшем с участием широкого народного представительства на регулярно проводимых Всебелорусских народных собраниях обсуждались важнейшие вопросы социально-экономического и общественно-политического развития страны.

Согласно обновленной Конституции Всебелорусское народное собрание – высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие (ст. 89-1 Конституции).

Установленные на конституционном уровне конституционно-властные полномочия Всебелорусского народного собрания направлены на реализацию стабилизационной, консолидирующей и программно-стратегической конституционных функций высшего представительного органа государства, которые взаимосвязаны и взаимодополняемы, нацелены на объединение и сплочение общественно-политических сил в государстве, совместное решение важнейших общегосударственных задач, определение путей дальнейшего прогрессивного развития страны с учетом всех внешних и внутренних факторов.

Всебелорусское народное собрание как орган народовластия с широким народным представительством выражает по сути народный суверенитет, волю народа, способствует дальнейшему укреплению демократических начал современного белорусского государства.

В-третьих, усовершенствованы конституционные основы избирательной системы; определен конституционный статус Центральной избирательной комиссии.

При совершенствовании избирательного процесса в обновленной Конституции получили свое развитие демократические избирательные процедуры для обеспечения политического волеизъявления народа на свободных демократических выборах с целью устойчивого развития общества и государства.

В-четвертых, конституционные положения о социальном характере белорусского государства получили содержательное наполнение в виде усиления гарантий социальных прав.

В современных условиях сущность понятия социального государства трансформируется: социальное государство выступает не только как основной фактор благополучия общества, обеспечения социальной справедливости и социальной солидарности, но и как государство, обеспечивающее социальное партнерство, социальную ответственность граждан и всех хозяйствующих субъектов независимо от форм собственности.

Конституционно-правовой статус личности, закрепленный в обновленной Конституции, – совокупность прав, конституционных обязанностей и ответственности, – направлен на формирование инициативной, творческой деятельности граждан в различных сферах на благо общества, обеспечение консолидации общества и его безопасного устойчивого развития.

В-пятых, расширены гарантии судебной защиты прав граждан: установлено полномочие Конституционного Суда по рассмотрению конституционных жалоб граждан на нарушение их прав и свобод.

Верховенство Конституции и ее прямое действие не может реализовываться без эффективных юридических средств судебной защиты. Конституционный Суд является единственным органом в государстве, обладающим полномочиями по проверке конституционности нормативных правовых актов. Его решения обязательны для всех органов государственной власти, организаций и граждан, окончательны и обжалованию не подлежат.

Конституционная жалоба является наиболее распространенной формой защиты конституционных прав и свобод граждан, и все страны постсоветского пространства и большинство европейских государств в различных формах имеют институт конституционной жалобы.

Дискуссии о преимуществах и недостатках введения в Беларуси конституционной жалобы велись достаточно давно [7]. Следует подчеркнуть, что Конституционный Суд последовательно отстаивал необходимость конституционной жалобы [8], и определенные элементы данного механизма защиты прав и свобод граждан в практике Конституционного Суда были сформированы. Таким образом, и сложившиеся объективные условия конституционно-правового развития национальной правовой системы, и практика конституционного правосудия способствовали установлению института конституционной жалобы на конституционном уровне: согласно ст. 116-1 Конституции Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

Установление института конституционной жалобы в Республике Беларусь на конституционном уровне обеспечивает прямой доступ граж-

дан к конституционному правосудию, дает возможность исключить искажение конституционно-правового смысла норм закона при применении в конкретном судебном деле, расширяет гарантии защиты прав и свобод граждан.

Обновленная Конституция сохраняет преемственность конституционного развития Республики Беларусь. В ней определена модель современного белорусского государства: государство основывается на воле народа, выражает волю народа, функционирует в интересах народа. Данный конституционный ориентир обязывает государственные органы, должностных лиц, общественно-политические институты в своей созидательной деятельности всемерно способствовать достижению важнейших конституционных целей: обеспечение мира и гражданского согласия, социальной справедливости и благополучия граждан, незыблемости народовластия, суверенитета, независимости и процветания Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Встреча с судьями Конституционного Суда 15 марта 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-sudjjami-konstitutsionnogo-suda-18334> (дата обращения: 06.05.2024).
2. *Абрамович А. М.* Категория справедливости в белорусском законодательстве // Теоретические проблемы формирования и функционирования гражданского общества и правового государства. Минск, 1995. С. 10–13.
3. *Абрамович А. М.* Проблемы конституционного правотворчества на современном этапе // Нар. газета. 1996. 26 сент.
4. *Абрамович А. М.* Единство народов и независимость государств // Совет. Белоруссия. 1997. 30 апр.
5. *Хабриева Т. Я., Клишас А. А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2024.
6. *Керимов А. А.* Парламентаризм как форма легитимности политической власти в современной России. Екатеринбург, 2015. 304 с.
7. Теоретические и практические аспекты, связанные с индивидуальной конституционной жалобой в европейской модели конституционного правосудия : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 13–14 мая 2010 г.) / Конституц. Суд Респ. Беларусь. Минск, 2010. 176 с.
8. *Миклашевич П. П.* Доступ к конституционному правосудию в правовой системе Республики Беларусь // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2011. № 3. С. 41–44.

**АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ АБРАМОВИЧ.
СЛУЖЕНИЕ БЕЛАРУСИ И НАРОДУ**

С. Н. Князев

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская 17, 220007, г. Минск, Беларусь, post@pac.by*

Приводятся воспоминания об А. М. Абрамовиче, его научной и профессиональной биографии, служению Беларуси и народу.

Ключевые слова: А. М. Абрамович; история современной белорусской государственности.

**АЛЯКСАНДР МІХАЙЛАВІЧ АБРАМОВІЧ.
СЛУЖЭННЕ БЕЛАРУСІ І НАРОДУ**

С. Н. Князеў

*Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь,
вул. Маскоўская 17, 220007, г. Мінск, Беларусь, post@pac.by*

Прыводзяцца ўспаміны пра А. М. Абрамовіча, яго навуковую і прафесійную біяграфію, служэнне Беларусі і народу.

Ключавыя словы: А. М. Абрамовіч; гісторыя сучаснай беларускай дзяржаўнасці.

**ALEXANDER MIKHAILOVICH ABRAMOVICH.
SERVING TO BELARUS AND THE PEOPLE**

S. N. Knyazev

*Academic of Public Administration under the President of the Republic of
Belarus, 17 Moskovskaya Street, Minsk 220007, Belarus, post@pac.by*

The article includes memories of A. M. Abramovich, his scientific and professional biography, serving to Belarus and the people.

Keywords: A. M. Abramovich; the history of modern Belarusian statehood.

В судьбе каждого человека четко прорисовывается его талант, характер и эпоха, в которой он жил, творил, растил и воспитывал детей. Но в нашей памяти прежде всего остаются люди, своим дарованием и влиянием на происходящие события оставившие значительный след в истории.

Александр Михайлович Абрамович словно яркая комета на небосклоне бывшего Советского Союза и нашей Беларуси. Свет его жизни, больших и малых дел до настоящего времени остается заметным напо-

минанием о том, каким должно быть великое служение своему Отечеству и Народу.

Выпускник юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь стал не только признанным авторитетом среди ученых. В 1991 г. он был назначен членом конституционной комиссии Советского Союза. Непродолжительный период работы в комиссии Александр Михайлович посвятил отстаиванию интересов людей, проголосовавших за сохранение единства страны на известном референдуме. В тот период времени ученым, остро чувствующим опасность послеперестроечного завихрения умов и словесных вывертов политиков, в конечном итоге обескровивших страну, было трудно иметь собственное мнение. Но еще труднее было его отстаивать и действовать в соответствии со своими убеждениями. Но профессор А. М. Абрамович не боялся трудностей. Сложившаяся догматическая система отношений на вершине политической жизни принесла много горя простым людям. Александр Михайлович остро чувствовал надвигавшийся крах прежних жизненных ценностей, переживал и делился с друзьями своим отношением к происходящему.

С 1992 г., работая Председателем Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь, он смог создать демократическую, полезную для страны и учитывающую мнение каждого избирателя систему в новой, независимой стране, избравшей разумный путь развития. Многие мысли и предложения профессора А. М. Абрамовича были использованы впоследствии при разработке различных нормативных документов, в том числе новой Конституции. Все это позволило Беларуси уверенно продвигаться по пути реформ, вступая в мировое сообщество с сохранением национальных традиций и с мечтой о лучшей жизни для всех.

Многострадальный белорусский народ, потерявший в период Великой Отечественной войны каждого третьего жителя, хотел жить мирно со всеми народами, но спокойствия и равноправных отношений нам не предлагали. Многие видели в Беларуси прямой путь в Россию, к ее природным богатствам. Наша дружба с братским народом раздражала не только западных политиков, но и оживших на волне происходящих изменений недоброжелателей собственного народа. В обществе назревал разлом и этим пытались воспользоваться и хищные западные банкиры, и ставшие воинственными наши соседи в сопредельных государствах. В этих условиях своим спокойным и здоровым оптимизмом Александр Михайлович формировал сдержанность, терпимость у многих людей, с которыми соприкасался по работе и научной деятельности.

После избрания первого Президента Беларуси Александра Григорьевича Лукашенко именно профессор Абрамович вошел в близкий круг молодого и талантливого политика. Совпадение взглядов на происходящие события, одинаковое желание счастья своему народу и поиски правильного пути в самый сложный период становления белорусской государственности.

Много усилий было затрачено на борьбу с остаточными явлениями прежней административной системы управления страной. Тогда против молодого Президента объединились и оппозиция белорусского народного фронта, и их антиподы – представители старой номенклатуры в большинстве своем представленные в Верховном Совете, министерствах и ведомствах, местных органах власти. Энергия и решительность изменить прежнюю жизнь, ярко проявившиеся у А. Г. Лукашенко, раздражали многих. Явление обычное при появлении новизны, выводящей людей из зоны комфорта. Многим не хотелось лишаться уютных условий жизни. Попытки выстроить вертикаль власти для быстрого решения назревших проблем и повышения качества жизни народа встречали ожесточенное сопротивление. И одним из первых именно профессор А. М. Абрамович предложил провести общенародный референдум и решить вопрос о структуре власти, опираясь на мнение большинства населения. Ему и пришлось продумывать большинство организационных проблем и контролировать проведение голосования.

В результате вертикаль власти действует до настоящего времени и обеспечивает выполнение государственных программ по созиданию сильной и процветающей Беларуси, государства для народа. И сейчас, много лет спустя можно удивляться насколько прозорливым был Александр Михайлович в поиске и формировании новых общественных отношений. Для юриста процесс выстраивания и регулирования общественных отношений и является основой профессиональной деятельности.

Уже в наши дни в Академии управления мы помогали сформулировать достойный ответ западным и местным злопыхателям, которые объявляли нашего Президента последним диктатором Европы. В совместной с учеными Южной Кореи монографии было показано, что в аналогичной ситуации после обретения независимости два избранных последовательно Президента в Южной Корее официально считались диктаторами. Точно также первый руководитель независимой Польши Юзеф Пилсудский обладал исключительной властью. В условиях ограниченных ресурсов и выхода из хаоса безвластия это было единственно правильное решение. И это очень хорошо понимал Александр Михайлович и убеждал в этом входящих во власть новых людей.

Особенно плодотворный период жизни и деятельности профессора А. М. Абрамовича совпал по времени с его назначением заместителем главы администрации Президента Республики Беларусь.

Он пользовался большим доверием Президента. В Администрации в то время работала сильная команда. Четыре доктора наук, профессора (У. Р. Латыпов, А. М. Абрамович, С. Н. Князев, Л. П. Козик) имели навыки анализа большого объема информации по всем направлениям жизнедеятельности страны и выработки научно обоснованных предложений по государственным управленческим решениям. Возможность делать безошибочный прогноз развития событий в экономике и политике позволяла выработать оригинальный белорусский путь государственного и общественного развития.

Именно тогда мы подружились с Александром Михайловичем и пронесли нашу дружбу до последних дней глубоко уважаемого профессора. Наши послеобеденные чаепития превратились в своеобразный дискуссионный клуб. Критическому разбору подвергались множество событий, ситуаций, создававших неповторимый рисунок мирового и регионального масштаба. Наши размышления были наполнены глубоким анализом и синтезом любого явления. При этом тон всегда задавал Александр Михайлович. Его мудрость и умение несколькими словами охарактеризовать предметное поле обсуждения любой сложности вызывали и уважение, и восхищение. В эти моменты появлялись новые мысли по решению проблем повседневной жизни нашей страны. Отличало профессора Абрамовича способность без надуманного пафоса и самовозвеличивания выдвигать неповторимые и масштабные идеи.

Вспоминая нашу совместную работу в Администрации Президента, еще раз подтверждаю мнение: все, что делается полезного в нашем мире, делается энергией конкретных людей. Волей и энергией Александра Михайловича сделано много добрых дел.

Следующим заметным периодом служения своей стране для профессора Абрамовича стала работа в должности заместителя Председателя Совета Республики Национального собрания. Его громадный талант юриста стал блистать новыми гранями в очень близкой для него юридической сфере высшего законодательного органа нашей страны. Мы продолжали встречаться и обсуждать многие проблемы, хотя судьба развела нас в должностном положении, оставив без ежедневного общения. Вместе с тем это только прибавило тепла в наши отношения. Помню Александр Михайлович рассказывал, что Абрамовичи, это древний род, пришедший в Литву и не прекращавший работать на пользу белорусскому народу. Он сам продолжал традиции своих предков и его дети – Наталья и Владимир, ставшие известными учеными. У семьи Абрамовичей мно-

го друзей и последователей. И большая занятость по работе не мешала нам с ним дружить и следовать древнему принципу: наслаждение мы находим в дружбе, а счастье в служении своему народу. В общении, в дискуссиях мы лучше познавали происходящие события и уточняли свое место в беспокойном мире, так как Беларусь не оставляли в покое доброжелатели, которым хотелось скорректировать нашу жизнь и пустить ее по пути Украины или вообще убрать с карты планеты. Продолжалось время борьбы с лиходеями разных мастей.

Оно и сейчас продолжается. И для нас должен стать примером служения Отечеству и народу Беларуси жизненный путь Александра Михайловича Абрамовича, благородного Человека, выдающегося государственного деятеля. Мы будем хранить память о нем в поколениях.

РОЛЬ КОМИТЕТА КОНСТИТУЦИОННОГО НАДЗОРА СССР В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СССР И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Г. А. Василевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gregory5581@yandex.by*

Анализируется деятельность Комитета конституционного надзора СССР по укреплению правовой системы СССР, по демократизации общественной жизни, защите прав и свобод человека и гражданина. Рассматриваются его наиболее важные и актуальные до настоящего времени заключения и решения, оценивается их значимость в период важнейших изменений и преобразований в советском государстве. Подчеркивается важное участие в этом процессе профессора А. М. Абрамовича, как представителя Беларуси.

Ключевые слова: А. М. Абрамович; Комитет конституционного надзора СССР; права и свободы человека и гражданина.

РОЛЯ КАМІТЭТА КАНСТЫТУЦЫЙНАГА НАГЛЯДУ СССР ВА ЁДАСКАНАЛЕННІ ПРАВОВЫХ СІСТЭМ СССР І РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Р. А. Васілевіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, gregory5581@yandex.by*

Аналізуецца дзейнасць Камітэта канстытуцыйнага нагляду СССР па ўмацаванню прававой сістэмы СССР, па дэмакратызацыі грамадскага жыцця, абароне правоў і свабод чалавека і грамадзяніна. Разглядаюцца яго найбольш важныя і актуальныя да цяперашняга часу заключэнні і рашэнні, ацэньваецца іх значнасць у перыяд найважнейшых змяненняў і пераўтварэнняў у савецкай дзяржаве. Падкрэсліваецца важнасць ўдзелу у гэтым працэсе прафесара А. М. Абрамовіча, як прадстаўніка Беларусі.

Ключавыя словы: А. М. Абрамовіч; Камітэт канстытуцыйнага нагляду СССР; правы і свабоды чалавека і грамадзяніна.

THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL OVERSIGHT COMMITTEE OF THE USSR IN IMPROVING THE LEGAL SYSTEMS OF THE USSR AND THE REPUBLIC OF BELARUS

G. A. Vasilevich

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, gregory5581@yandex.by*

The article analyzes the activities of the Constitutional Supervision Committee of the USSR to strengthen the legal system of the USSR, to democratize public life, protect the rights and freedoms of man and citizen. The important participation of professor A. M. Abramovich, as the representative of Belarus.

Keywords: A. M. Abramovich; Constitutional Supervision Committee of the USSR; human and civil rights and freedoms.

На рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого столетия начали происходить коренные изменения в политической, социально-экономической и идеологической сферах. Начатый процесс демократизации обусловил необходимость модернизации правовой системы СССР и, как следствие этого, союзных республик. В Конституцию СССР 1 декабря 1988 г. были внесены изменения и дополнения, которые, в частности, предусматривали создание Комитета конституционного надзора (в дальнейшем – ККН СССР или ККН). Аналогичное решение позднее было принято и при внесении изменений и дополнений в Конституцию БССР в октябре 1989 г. – предусмотрено создание Комитета конституционного надзора БССР. Однако, если в Беларуси он так и не был создан в течение четырех лет после конституционных изменений, то в СССР ККН был сформирован из представителей союзных республик. От Беларуси в его состав был делегирован доктор юридических наук А. М. Абрамович. По поручению председателя Верховного Совета БССР Н. И. Дементя следовало заняться поиском соответствующей кандидатуры и в итоге была предложена и одобрена кандидатура доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина А. М. Абрамовича. Постановлением Верховного Совета СССР от 26 апреля 1990 г. № 1455 он был избран членом Комитета конституционного надзора СССР.

Надо отметить, что ККН СССР оставил хороший след в истории СССР, в развитии его правовой системы и, в определенной мере, национальных правовых систем союзных республик, хотя и проработал не продолжительное время.

В течение полутора лет работы ККН принял 22 заключения, 6 постановлений, несколько заявлений (хотя относительно заявлений у нас больше критических, чем положительных замечаний; можно лишь исходить из того, что огромное государство, СССР, рушилось и союзный орган (ККН) стремился это предотвратить). Их содержание отражает основные тенденции государственного и общественного развития СССР. Предметом ККН был широкий спектр вопросов правовой жизни. Конечно, основное внимание сосредотачивалось на вопросах обеспечения личных, политических, социально-экономических прав. Позиции

ККН во многом были обусловлены изменением общественного и правового сознания, курсом на развитие правового и демократического государства. Хотя в ККН в основном работали юристы, условно говоря, старой формации, учившиеся и работавшие в условиях советской системы, однако они показали способность воспринимать новое, что появилось в правовой мысли.

Если обратиться к заключениям и иным решениям ККН, касающимся личных прав и свобод, то в первую очередь обратим внимание на Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 21 июня 1990 г. № 2-2 «О несоответствии норм законодательства, исключających для ряда категорий работников судебный порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров, положениям Конституции СССР, законов СССР, международных актов о правах человека» [1]. ККН признал, что уставы о дисциплине, а также иные действующие нормативные акты Правительства СССР, предусматривающие рассмотрение индивидуальных трудовых споров отдельных категорий работников только вышестоящими в порядке подчиненности органами по вопросам увольнения, изменения формулировки причин увольнения, перевода на другую работу и наложения дисциплинарных взысканий, не должны исключать возможности обращения работников по этим вопросам в суд.

Однако ограниченность полномочий ККН обуславливала его практически в каждом заключении рассчитывать на реализацию принятого им уполномоченным органом. В данном заключении он исходил из того, что порядок обращения в суд работников, право которых на судебную защиту при разрешении трудовых споров констатировано заключением, будет в соответствии со ст. 22 Закона СССР «О конституционном надзоре в СССР» установлен Верховным Советом СССР в трехмесячный срок. По его мнению, заключение Комитета не исключает возможности установления в законе иного порядка рассмотрения споров по вопросам освобождения от должности, изменения формулировок причин освобождения от должности, перевода на другую работу и наложения дисциплинарных взысканий на должностных лиц, занимающих посты на высоком уровне, чьи функции согласно принятым международно-правовым нормам обычно рассматриваются как относящиеся к определению политики или к управлению, или носят строго конфиденциальный характер. Для того времени это было революционное решение, положившее начало системной защите прав и свобод граждан.

Проблемным вопросом был вопрос о прописке. В советский период здесь произошло много метаморфоз. Кстати, партия большевиков до прихода к власти выступала за отмену какой-либо жесткой привязки людей к месту жительства. Однако постепенно институт прописки пре-

вратился в средство контроля за передвижением людей. Часто родственники не могли прописаться на жилплощадь своих близких. Например, состоящие в браке дети не могли быть прописанными к родителям, если площадь уменьшалась при этом до такого размера, что давала основание для постановки на очередь как нуждающихся в улучшении жилищных условий. По этой причине таким же важным по значению, как и предыдущий акт, является решение ККН от 12 сентября 1990 г. № 2-1 «О рассмотрении вопроса о конституционности прописки» [2].

Обсудив ход рассмотрения вопроса «О соответствии нормативных актов о прописке положениям Конституции СССР и международным обязательствам Союза ССР» и имея в виду, что по предложению Комитета конституционного надзора СССР Совет Министров СССР Постановлением от 8 сентября 1990 г. № 907 признал утратившими силу 30 решений Правительства СССР, запрещавших прописку и проживание отдельных категорий граждан в Москве, Ленинграде, Киеве, большом числе других населенных пунктов, а также предусматривавших меры административной ответственности (включая административную высылку) за невыполнение такого рода запретов, исходя из того, что заключение Комитета по вопросу о прописке должно быть результатом широкого и гласного общественного обсуждения положений о прописке, опубликование которых до настоящего времени не допускалось, и руководствуясь статьями 12 и 16 Закона СССР «О конституционном надзоре в СССР», Комитет конституционного надзора СССР решил: принять к сведению, что Совет Министров СССР 8 сентября 1990 г. признал утратившими силу ряд нормативных актов и отдельных положений актов о прописке и снял запреты на опубликование решений Правительства СССР по вопросам прописки.

В связи с этим ККН посчитал завершенным рассмотрение вопросов о правомерности нормативных актов и отдельных положений актов о прописке, утративших силу согласно Постановлению Совета Министров СССР от 8 сентября 1990 г. № 907, и о соответствии международным актам о правах человека запретов на опубликование решений Правительства СССР по вопросам прописки, с которых эти запреты упомянутым Постановлением сняты.

По результатам открытого изучения и обсуждения действующих правил прописки было решено подготовить и внести на очередное заседание Комитета проект Заключения Комитета конституционного надзора СССР о соответствии этих правил Конституции СССР, законам СССР и международным актам о правах человека.

К данному вопросу ККН возвращался несколько раз. Заключением Комитета конституционного надзора СССР от 26 октября 1990 г.

№ 11 (2-1) было признано, что положения о прописке ограничивают право граждан на свободу передвижения и свободу выбора местожительства и должны быть устранены из законодательства путем его пересмотра с целью замены разрешительного порядка прописки регистрационным.

В заключении от 11 октября 1991 г. № 26 «О разрешительном порядке прописки граждан» ККН подчеркнул, что Съездом народных депутатов СССР была принята Декларация прав и свобод человека. По этой причине ККН по собственной инициативе возобновил рассмотрение вопроса о законодательстве по вопросам прописки и установил следующее. Он подчеркнул, что продолжают действовать правила регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713. Положения о прописке, содержащиеся в действующих до настоящего времени Положении о паспортной системе в СССР и иных документах возлагают на каждого гражданина обязанность получать от административных органов разрешение на проживание или нахождение в избранном им месте, предусматривают тем самым всеобщий административный контроль за передвижением граждан внутри страны и устанавливают ответственность за неисполнение соответствующих положений. При этом возможность получения гражданином такого разрешения в виде прописки поставлена в зависимость от наличия различного рода условий и усмотрения административных органов, осуществляющих прописку.

С принятием и введением в действие Декларации прав и свобод человека, по мнению ККН, отпали правовые основания для оставления в силе постановлений Совета Министров СССР и других подзаконных актов, предусматривающих разрешительную систему прописки на всей территории страны.

Ставя административные препятствия для выбора местопребывания и местожительства, разрешительная система прописки непосредственно затрагивала право граждан на свободу объединения в общественные организации, на благоприятную окружающую среду, на образование, охрану здоровья и отдых.

Комитет конституционного надзора СССР пришел к заключению, что нормативные акты в части, обязывающей граждан получать разрешение административных органов на проживание, устройство на работу и учебу, приобретение в собственность жилых домов, квартир, дач, гаражей, а также устанавливающей ответственность за нарушение этих обязанностей, не соответствуют Конституции СССР, Декларации прав и свобод человека и международным актам о правах человека. Однако он

указал, что принятие Заключения не исключает применения правил о прописке в качестве правил регистрации и учета передвижения граждан, удостоверения факта их постоянного и временного местожительства, а также ведения законом ограничений свободы передвижения граждан, когда это необходимо для обеспечения государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения, прав и свобод граждан.

Важным и также давно назревшим было решение вопроса об обязательности опубликования нормативных актов, если ими затрагиваются права и свободы граждан. Не только союзные, но и республиканские акты часто полностью не публиковались, а до граждан они могли доводиться в изложении. ККН заключением от 29 ноября 1990 г. № 12 (2-12) «О правилах, допускающих применение неопубликованных актов о правах, свободах и обязанностях граждан» [3] изменил практику. Он пришел к заключению, что опубликование законов и других нормативных актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, то есть доведение их тем или иным способом до всеобщего сведения, является обязательным условием применения этих актов. Статья 4 Закона СССР «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР и других актов, принятых Съездом народных депутатов СССР, Верховным Советом СССР и их органами», пункты 1, 2, 5 Постановления Совета Министров СССР от 20 марта 1959 г. № 293 «О порядке опубликования и вступления в силу постановлений и распоряжений Правительства СССР» и другие нормативные положения в той их части, в которой они прямо или косвенно допускают вступление в силу неопубликованных нормативных актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, не соответствуют Конституции СССР и международным актам о правах человека и в этой части утрачивают силу с момента принятия настоящего Заключения. На основании ст. 22 Закона СССР «О конституционном надзоре в СССР» ранее принятые, но не опубликованные нормативные акты, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан, подлежат опубликованию соответствующими государственными органами в трехмесячный срок со дня принятия настоящего Заключения. Акты, которые не будут опубликованы, по истечении этого срока утрачивают силу.

Заметим, что в БССР одним из первых был принят именно закон, подготовленный депутатами Верховного Совета 12 созыва, касающийся опубликований нормативных правовых актов.

Предметом рассмотрения ККН были правовые акты, имеющие выход на политические и имущественные права. Так, было вынесено Заключение ККН от 13 сентября 1990 г. № 2-4 «Об Указе Президента СССР от 20 апреля 1990 года “О регламентации проведения массовых

мероприятий на территории Москвы в пределах Садового кольца»» [4], Заключение от 14 сентября 1990 г. № 2-3 «О несоответствии отдельных положений Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и иных нормативных правовых актов, предусматривающих последствия продажи товаров ненадлежащего качества, положениям Конституции СССР и законов СССР» [5].

Актуальным, с учетом сохраняющихся споров, остается Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 25 октября 1990 г. № 8 (2-10) «О законодательстве по вопросам о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией» [6].

ККН вынес ряд своих решений по актам прибалтийских республик. Так, вынесено Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 15 февраля 1991 г. № 15 (2-23) «О законодательстве Литовской Республики, предусматривающем уголовную ответственность за действия, связанные с созданием и участием в деятельности общественно-политических организаций» [7]. Подчеркнем, что речь шла о смертной казни согласно Литовскому закону. ККН отметил, что приняв закон, предусматривающий смертную казнь в качестве одной из мер наказания за «умышленное участие гражданина Литовской Республики в деятельности другого государства или иностранной организации, направленной на нарушение суверенитета Литовской Республики, ее территориальной неприкосновенности, обороноспособности или насильственное свержение государственной власти, основанной на Временном Основном Законе (Конституции) Литовской Республики», т. е. неправомерно расширив диспозицию ст. 1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», Верховный Совет Литовской Республики вышел за пределы своих полномочий, одновременно создав серьезную угрозу правам и свободам граждан СССР, проживающих на ее территории. Положения соответствующих статей Уголовного кодекса Литовской Республики были признаны противоречащими статьям 2, 6, 19, 21, 22, 25 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, статьям 2, 3, 4 Конвенции МОТ (№ 87) о свободе ассоциации и защите права на организацию 1948 года, а также статьям 34, 48, 50 и 51 Конституции СССР и потому утрачивают силу с момента принятия Заключения ККН.

Затронул ККН и такой злободневный вопрос, как легитимность референдума СССР от 17 марта 1991 г. Было принято постановление Комитета конституционного надзора СССР от 3 апреля 1991 г. № 18 «О законодательных актах, принятых в связи с проведением референдума

СССР» [8]. Он констатировал факт проведения референдума в ряде республик, а также отметил проблемы для граждан, которые были созданы в Грузии, Молдове и др. Было указано, что все акты по вопросам проведения референдума 17 марта 1991 г. прекратили свое действие с окончанием референдума и подведением его итогов. Учитывая, что Комитет конституционного надзора СССР не имеет полномочий давать заключения о правовых актах, действие которых прекращено, и руководствуясь статьями 12 и 23 Закона СССР «О конституционном надзоре в СССР», Комитет конституционного надзора СССР постановил, в частности, признать необходимой подготовку изменений и дополнений к Закону СССР «О всенародном голосовании (референдуме СССР)» с учетом опыта, накопленного в ходе подготовки и проведения первого общесоюзного референдума. В их числе могли бы быть: прямое указание в Законе на то, что решение органов власти Союза ССР о назначении референдума СССР не нуждается в согласовании с республиками и подлежит безусловному исполнению; запрет изменять формулировку вопроса референдума СССР; запрет назначать непосредственно до или одновременно с референдумом СССР республиканские референдумы или опросы с конкурирующей формулировкой; разрешение Центральной комиссии референдума СССР создавать своей властью комиссии любого уровня в республиках; ужесточение юридической ответственности за воспрепятствование гражданам осуществлять их право участвовать в голосовании на референдуме СССР. Как видим, ККН полагал, что СССР еще можно было сохранить.

Интересным с точки зрения последующей формируемой в республиках практики было Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 27 июня 1991 г. № 24 (2-29) «О полномочиях Президента СССР по Закону СССР от 24 сентября 1990 года “О дополнительных мерах по стабилизации экономической и общественно-политической жизни страны”» [9].

Конституция СССР не содержала положений, разрешающих или запрещающих делегирование одним государственным органом другому части своих полномочий, но установившаяся практика деятельности законодательных органов СССР и республик исходила из того, что такое делегирование допустимо. Институт делегированного законодательства признается и практикой зарубежных стран. Анализ Закона СССР от 24 сентября 1990 г. позволяет сделать вывод, что, наделяя Президента СССР правом оперативно издавать в соответствии с Конституцией СССР указы нормативного характера по предусмотренному этим Законом кругу вопросов, Верховный Совет СССР тем самым предоставил ему и право дополнять и изменять законы СССР, ранее принятые Верховным

Советом СССР. Право Президента СССР издавать такого рода указы ограничено установленными в Законе СССР от 24 сентября 1990 г. целью, сроком действия и общими пределами полномочий Верховного Совета СССР. Верховный Совет СССР вправе рекомендовать Президенту СССР изменить или отменить принятое им путем издания указа решение или установить иные, нежели в указе, правила, т. е. заменить такой указ своим собственным решением. Таким образом, ККН выразил существенную поддержку Президенту СССР в нормотворческой деятельности, оперативности принятия решений.

Отметим, что при принятии ККН актов были и особые мнения его членов. Так, назовем членов ККН С. С. Босхолова, А. Г. Быкова, Г. З. Инцкирвели. 11 декабря 1991 г. ККН выступил с заявлением против подписания Соглашения о создании СНГ. Прекратил свою деятельность 26 декабря 1991 г. Его деятельность оставила существенный след в развитии права и практики. Акты ККН были устремлены на демократизацию общественной жизни, утверждение правовых принципов в повседневную реальность, снятие необоснованных ограничений в законодательстве для субъектов правовых отношений. В этом огромная заслуга Комитета конституционного надзора СССР и его членов.

Библиографические ссылки

1. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 21 июня 1990 года № 2-2 «О несоответствии норм законодательства, исключających для ряда категорий работников судебный порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров, положениям Конституции СССР, законов СССР, международных актов о правах человека» // Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. М., 1990. № 27. Ст. 524.

2. Решение Комитета конституционного надзора СССР от 12 сентября 1990 года № 2-1 «О рассмотрении вопроса о конституционности прописки» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 39. Ст. 773.

3. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 29 ноября 1990 года № 12 (2-12) «О правилах, допускающих применение неопубликованных актов о правах, свободах и обязанностях граждан» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 50. Ст. 1080.

4. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13 сентября 1990 года № 2-4 «Об Указе Президента СССР от 20 апреля 1990 года «О регламентации проведения массовых мероприятий на территории Москвы в пределах Садового кольца» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 39. Ст. 774.

5. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 14 сентября 1990 года № 2-3 «О несоответствии отдельных положений Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и иных нормативных правовых актов, предусматривающих последствия продажи товаров ненадлежащего качества, положениям Конституции СССР и законов СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 39. Ст. 776.

6. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 25 октября 1990 года № 8 (2-10) «О законодательстве по вопросам о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 47. Ст.1001.

7. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 15 февраля 1991 года № 15 (2-23) «О законодательстве Литовской Республики, предусматривающем уголовную ответственность за действия, связанные с созданием и участием в деятельности общественно-политических организаций» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 9. Ст. 206.

8. Постановление Комитета конституционного надзора СССР от 3 апреля 1991 года № 18 «О законодательных актах, принятых в связи с проведением референдума СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. М., 1991. № 17. Ст. 499.

9. Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 27 июня 1991 года № 24 (2-29) «О полномочиях Президента СССР по Закону СССР от 24 сентября 1990 года «О дополнительных мерах по стабилизации экономической и общественно-политической жизни страны» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. М., 1991. № 29. Ст. 856.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗВИТИЕ СОДЕРЖАНИЯ

Н. А. Карпович

*Конституционный Суд Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 4, 220016, г. Минск, Беларусь*

Исследуются содержание конституционного принципа разделения властей, развитие его роли в устойчивом функционировании государственной власти. Анализируются конституционные функции и полномочия государственных органов, правовые механизмы их взаимодействия и взаимоконтроля, обеспечивающие баланс сдержек и противовесов. Обоснован вывод о том, что совершенствование конституционного регулирования распределения властных полномочий государственных органов решением республиканского референдума 27 февраля 2022 г. отвечает современному этапу развития общества и государства.

Ключевые слова: Конституция; конституционный принцип; разделение властей; функции и полномочия органов государства; система сдержек и противовесов; взаимодействие органов государства.

КАНСТЫТУЦЫЙНЫ ПРЫНЦЫП ПАДЗЕЛУ ЎЛАД: ПЕРАЕМНАСЦЬ І РАЗВІЦЦЁ ЗМЕСТУ

Н. А. Карповіч

*Канстытуцыйны Суд Рэспублікі Беларусь,
вул. Краснаармейская, 4, 220016, г. Минск, Беларусь*

Даследуюцца змест канстытуцыйнага прынцыпу падзелу ўлад, развіццё яго ролі ва ўстойлівым функцыянаванні дзяржаўнай улады. Аналізуюцца канстытуцыйныя функцыі і паўнамоцтвы дзяржаўных органаў, прававыя механізмы іх узаемадзеяння і ўзаемакантролю, якія забяспечваюць баланс стрымак і проціваг. Абгрунтавана выснова аб тым, што ўдасканаленне рашэннем рэспубліканскага рэферэндуму 27 лютага 2022 г. канстытуцыйнага рэгулявання размеркавання ўладных паўнамоцтваў дзяржаўных органаў адпавядае сучаснаму этапу развіцця грамадства і дзяржавы.

Ключавыя словы: Канстытуцыя; канстытуцыйны прынцып; падзел улад; функцыі і паўнамоцтвы органаў дзяржавы; сістэма стрымак і проціваг; узаемадзеянне органаў дзяржавы.

CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS: CONTINUITY AND DEVELOPMENT OF CONTENT

N. A. Karpovich

*Constitutional Court of the Republic of Belarus,
4 Krasnoarmeyskaya Street, Minsk 220016, Belarus*

The article deals with the content of the constitutional principle of separation of powers, development of its role in the sustainable functioning of state power. The constitutional functions and powers of government bodies, the legal mechanisms of their interaction and mutual control, ensuring the checks and balances, are analysed. The author comes to conclusion that the improvement of the constitutional regulation of the distribution of powers between state bodies by the decision of the republican referendum of 27 February 2022 corresponds to the current stage of development of society and the state.

Keywords: Constitution; constitutional principle; separation of powers; functions and powers of state bodies; checks and balances; interaction of state bodies.

Разделение властей выступает одной из фундаментальных основ организации государственной власти в правовом демократическом государстве, предполагая независимость в пределах своих полномочий и взаимоконтроль ее ветвей. Разграничение законодательной, исполнительной и судебной власти в качестве важнейшего принципа существования Республики Беларусь как правового государства впервые в истории Беларуси было провозглашено Декларацией о государственном суверенитете Республики Беларусь от 27 июля 1990 г.

В Конституции Республики Беларусь принцип разделения властей закреплён в 1994 г. среди основ конституционного строя Республики Беларусь. Статья 6 Конституции устанавливает, что государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную; государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга. В своей первоначальной формулировке данный конституционный принцип действует до настоящего времени, что свидетельствует о ее оптимальности. Вместе с тем, как указывал А. М. Абрамович, в Конституции в редакции 1994 г. не были заложены действенные механизмы реализации основных принципов новой модели государственного устройства, в частности, принципа разделения властей; разрешить накопившиеся противоречия стало возможным только путем народного волеизъявления [1].

Кризис механизма государственного управления был разрешен правовыми средствами в результате республиканского референдума 24 ноября 1996 г. Как отмечал Александр Михайлович, «значение референдума по масштабам я бы сравнил с событиями октября 1917 года, только с иным знаком: речь шла о построении современного демократического государства, основанного на системе реального разделения властей, взамен старой советской системы. При этом у нас не пролилась кровь, как это произошло в России в октябре 1993 г: в Беларуси все решилось мирным демократическим путем. Смысл референдума как раз в том и заключался, чтобы обеспечить отчетливое разделение властей, яв-

ляющееся признаком демократического общества; в результате принятия (новой редакции Конституции – *Н. К.*) удалось сделать самое главное: каждая ветвь власти теперь занимается только присущими ей вопросами» [1]. Время показало верность мнения А. М. Абрамовича, когда он обращал внимание: «Принятие новой редакции Конституции создает весомые предпосылки стабильности в обществе, более четкого определения экономического и политического курсов. Конституция, за которую на республиканском референдуме проголосовал народ, является дальнейшим шагом вперед на пути разграничения функций и полномочий между органами государственной власти, более эффективного функционирования ее ветвей, что, безусловно, способно обеспечить надлежащее продвижение вперед нашего общества» [2].

В современной доктрине указывается на значение разделения властей как основы эффективного функционирования политической власти, принципиального условия осуществления демократии, важнейшей предпосылки устойчивого развития общества. В силу практической значимости принципа разделения властей для рациональной организации государственной власти он получил непосредственное воплощение во многих политико-правовых системах в мире. В конституциях и законах различных государств данный принцип лежит в основе норм о компетенции государственных органов и выступает ориентиром в их повседневной деятельности. При этом подходы и практические решения его реализации могут существенно отличаться в зависимости от конкретных политических и иных реалий.

С дальнейшим развитием государственности Беларуси роль разделения властей как структурообразующего и функционального принципа деятельности органов государства в еще большей степени усилилась. Положения ст. 6 Конституции выступают основой конституционно-правового разграничения сфер ведения органов государственной власти, их функций и полномочий, достижения сбалансированности этих полномочий, включая правовые механизмы взаимодействия данных органов и их взаимного контроля, обеспечивающие сдерживание и уравновешивание властей.

В то же время принцип разделения властей выражает гармоничное сочетание единства и целостности государственной власти с распределением конституционных функций и властных полномочий. В Конституции данная идея выражена в положении о том, что единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ (ч. 1 ст. 3), а также в использовании соответствующего термина «государственная власть» в ст. 6 и иных статьях Конституции в единственном числе.

Единство государственной власти в Республике Беларусь непосредственно олицетворяет конституционно-правовой институт Президента – Главы государства, на что обращал внимание А. М. Абрамович [1]. В научной литературе отмечается, что, используя предусмотренные Конституцией механизмы влияния на ветви власти, Президент интегрирует государственность и обеспечивает баланс функций законодательной, исполнительной и судебной властей, а также взаимоотношений между центральными и местными органами государственной власти; конституционный предел его соответствующей деятельности обусловлен прежде всего конституционным принципом разделения властей, включающим самостоятельность государственных органов в пределах своих полномочий [3, с. 37].

Принцип разделения властей определил концептуальные подходы к совершенствованию модели народовластия, конституционных полномочий государственных органов и механизмов их взаимодействия, что отражено в изменениях и дополнениях Конституции, принятых на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г.

В частности, на эффективность реального участия народа (его представителей) в решении государственных дел и необходимость развития форм такого участия обращалось внимание в трудах А. М. Абрамовича [4]. Данный подход подтвержден практикой функционирования белорусского государства и учтен в положениях обновленной Конституции о Всебелорусском народном собрании.

Конституционным Судом указано, что Всебелорусское народное собрание знаменует переход к социальной демократии; его конституционно-властные полномочия направлены на реализацию стабилизационной, консолидирующей, программно-стратегической и регулирующей функций государства, объединение и сплочение общественно-политических сил в стране, достижение гражданского согласия по важнейшим вопросам государственной и общественной жизни (решение от 14 марта 2023 г. № Р-1304/2023). В основе осуществления прямого народовластия, организации работы рассмотрения Всебелорусским народным собранием вопросов, входящих в его компетенцию, лежит понимание того, что народ «должен видеть свой интерес; надо чувствовать и знать всю непростую глубину возникающих проблем и здраво, общими усилиями пытаться решать их» [5]. Такое усиление механизмов взаимодействия, контроля и ответственности в функционировании государственной власти укрепляет ее легитимность.

Вместе с тем на реализацию принципа разделения властей, предупреждение внутривластных конфликтов направлено закрепленное Законом Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании»

ограничение, предусматривающее, что при осуществлении своих полномочий данный орган не вправе подменять государственные органы, иные организации и должностных лиц, выполнять их функции, а также вмешиваться в их деятельность. Таким образом, властные полномочия Всебелорусского народного собрания должны реализовываться в контексте органического единства системы органов государства, их согласованного взаимодействия в интересах общества и государства на основе конституционных положений.

Конституция предусматривает также функции государственных органов, представляющих поименованные в ст. 6 ветви государственной власти. Так, согласно Конституции законодательным и представительным органом Республики Беларусь является Национальное собрание – Парламент, который состоит из двух палат – Палаты представителей и Совета Республики (ст. 90). Законодательная функция Парламента в системе разделения властей состоит в принятии законов, обеспечивающих надлежащее правовое регулирование наиболее важных общественных отношений. Сущность данной функции Парламента заключается в обеспечении выработки эффективных механизмов защиты конституционных ценностей и достижения конституционно значимых целей. В этих актах, как отмечал А. М. Абрамович, должны воплощаться оптимальные экономические, политические и социальные решения, которые и должны составить их основную, содержательную сторону [6]. При этом Александр Михайлович указывал на направления обеспечения в правовом, прежде всего законодательном, регулировании, и реальной политике государства справедливости в ее различных «срезах» как применительно к появившимся новым социально-политическим условиям, так и на перспективу [7].

В контексте разделения властей важную доктринальную и практическую значимость имеет аспект, на который особо обращается внимание в трудах А. М. Абрамовича, а именно, возможность для Парламента в рамках предоставленных ему конституционных полномочий уточнить собственную компетенцию на уровне закона. По мнению Конституционного Суда, такие уточнения возможны, если они не влекут перераспределения конституционных полномочий между государственными органами, при этом способствуя реализации принципа разделения властей, развитию механизмов сдержек и противовесов, исключающих возможность вторжения Парламента при осуществлении им своей деятельности в сферу конституционных полномочий других государственных органов (решение от 1 июля 2008 г. № Р-222/2008).

Исполнительную власть согласно ст. 106 Конституции осуществляет Правительство – Совет Министров Республики Беларусь – центральный

орган государственного управления. В Конституции не содержится понятия «глава исполнительной власти», а определяется, что работой Правительства руководит Премьер-министр. В развитие конституционного принципа разделения властей в ст. 107 Конституции определено, что Правительство руководит системой подчиненных ему республиканских органов государственного управления и иных организаций, а также по вопросам, входящим в его компетенцию, системой местных исполнительных и распорядительных органов.

В связи с этим отметим, что в системе исполнительной власти в наибольшей степени проявляется распределение властных функций по «вертикали», а также такая характеристика взаимодействия органов государства, как их соподчиненность. Конституционным Судом отмечено, что положения Закона Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь», определяющие состав и структуру Правительства, необходимо понимать в органическом единстве с нормами и принципами Конституции, закрепляющими самостоятельность и независимость ветвей власти, регулирующими организацию и деятельность институтов Главы государства и Правительства (решение от 8 июля 2008 г. № Р-241/2008).

А. М. Абрамовичем обоснована система общих принципов правового закрепления статуса органов государственного управления. В числе таких принципов им указаны: концентрация однородных по содержанию функций и полномочий в единой системе органов управления в конкретной области; совместимость функций и полномочий органов системы управления; дифференциация объема однородных по содержанию функций и полномочий на различных уровнях управления и полнота их нормативного закрепления, избежание дублирования или, наоборот, пробелов в их деятельности; четкое размежевание функций и полномочий органов государственного управления с учетом их иерархической соподчиненности, а также роли каждого из них в общей системе органов государственного управления и др. [8, с. 22]. Данные принципы, как указывал Александр Михайлович, находят свое конкретное выражение в соответствующей области отношений с учетом содержания этих отношений [8, с. 23].

Конституционным Судом отмечено, что из содержания положений ст. 106 и 107 Конституции, а также конституционного принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную следует обязанность Правительства осуществлять правовое регулирование общественных отношений только в рамках полномочий, непосредственно предусмотренных Конституцией, законами, актами Президента (решение от 26 декабря 2013 г. № Р-891/2013).

В Республике Беларусь как демократическом государстве, основанном на конституционных принципах верховенства права и разделения властей, особая роль принадлежит судам, призванным посредством осуществления правосудия защищать конституционные ценности, гарантированные Конституцией права и свободы каждого. В соответствии с Конституцией судебная власть в Республике Беларусь осуществляется судами (ч. 1 ст. 109). Как самостоятельная ветвь государственной власти судебная власть осуществляет функцию правосудия посредством разрешения судебных дел в установленной законом процессуальной форме. Нормы Конституции обуславливают высокую степень организационной обособленности судебной власти от других ветвей власти, исключительность ее функционального назначения.

В определенной мере о разделении властных функций можно утверждать и в отношении звеньев судебной системы. Ее составляют: Конституционный Суд – орган судебного контроля за конституционностью нормативных правовых актов в государстве, осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства; суды общей юрисдикции, осуществляющие правосудие посредством гражданского, уголовного и иных форм судопроизводства, предусмотренных законом, и систему которых возглавляет Верховный Суд Республики Беларусь. Таким образом, принцип разделения властей реализуется в том числе путем обособления функций, задач и полномочий внутри системы однотипных органов, закрепления в актах законодательства Республики Беларусь норм о самостоятельности и взаимодействии этих органов в пределах своих полномочий.

Важнейшим аспектом функционирования государственной власти на основе конституционного принципа разделения властей является распределение властных полномочий, при котором обеспечивается должный баланс этих полномочий, исключающий сосредоточение всей полноты государственной власти у одной из ее ветвей либо у одного государственного органа. Как правило, при высокой стабильности функций органов государства, состав их полномочий может уточняться в целях устойчивого эволюционного развития общества и государства.

Так, конституционные полномочия государственных органов перераспределяются исходя из приоритетов и потребностей развития общества и государства. Перераспределение конституционных полномочий государственных органов стало важнейшей составляющей изменений и дополнений, внесенных в Конституцию решением республиканского референдума 27 февраля 2022 г.

В частности, к компетенции Всебелорусского народного собрания отнесено решение ряда вопросов, связанных с целеполаганием общест-

венного развития, ранее входивших в компетенцию Главы государства и Парламента. В их числе утверждение основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, концепции национальной безопасности, утверждение программ социально-экономического развития Республики Беларусь и заслушивание Премьер-министра о выполнении этих программ и другие.

В силу принципиальной важности обеспечения гарантий независимости судов и избирательных комиссий, положения о которой прямо закреплены в нормах Конституции, среди полномочий Всебелорусского народного собрания предусмотрено по предложению Президента, предварительно согласованному с Президиумом Всебелорусского народного собрания, избрание Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного Суда и Верховного Суда, Председателя и членов Центральной избирательной комиссии, освобождение их от должности по основаниям, предусмотренным законом.

Усилен правовой статус Парламента как единственного законодательного органа в государстве. Однако при этом расширен контроль за конституционностью принимаемых Парламентом законов, в том числе путем закрепления непосредственно в Конституции норм о праве Президента обратиться в Конституционный Суд с предложением о проверке конституционности закона, принятого Парламентом и представленного Президенту для подписания (ч. 2 ст. 116-1); определено, что в случае признания Конституционным Судом закона не соответствующим Конституции Президент возвращает его в Палату представителей (ч. 8 ст. 100).

Исходя из представительной функции Парламента конкретизированы полномочия его палат по участию в назначении Президентом должностных лиц. Дальнейшее развитие получил парламентский контроль за исполнением законов. В Конституции закреплены положения о ежегодном заслушивании каждой из палат Парламента, в том числе на их совместных заседаниях, информации Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля, Председателя Правления Национального банка о результатах их деятельности. Однако, при усилении подконтрольности Парламенту результатов деятельности этих должностных лиц, сохранили силу нормы Конституции о подотчетности Генерального прокурора Президенту.

С уточнением конституционных полномочий Правительства усилена его самостоятельность в обеспечении проведения единой экономической и финансовой политики. Так, закреплено правомочие Правительства разрабатывать и вносить по согласованию с Президентом в Палату пред-

ставителей проекты законов о республиканском бюджете и об утверждении отчета о его исполнении, обеспечивать исполнение республиканского бюджета. Также установлено, что законопроекты, следствием принятия которых может быть сокращение государственных средств, создание или увеличение расходов, вносятся в Палату представителей при наличии заключения Правительства. При этом остались неизменными закреплённые в Конституции определяющая роль Главы государства в формировании кадрового состава Правительства, его структуры, право принимать решения об отставке Правительства или его членов, освобождать от должности Премьер-министра, иных членов Правительства и другие.

В научной литературе широко подчеркивается роль судебного конституционного контроля как гарантии разделения властей. В ходе конституционных преобразований неотъемлемой составляющей модернизации разделения властей выступило усиление роли Конституционного Суда в обеспечении функционирования системы сдержек и противовесов. Наделение Конституционного Суда новыми полномочиями, определение порядка его взаимодействия при реализации этих полномочий с иными государственными органами и организациями, должностными лицами (ст. 83, 88, 89-3, 89-5, 94, 100, 112, 116, 116-1 и другие статьи Конституции) направлены на последовательное обеспечение принципа разделения властей в деятельности органов государства [см. подробнее: 9; 10]. Сочетание полномочий Конституционного Суда по предварительному и последующему контролю конституционности нормативных правовых актов в государстве предопределяет эффективность его участия в обеспечении сбалансированного взаимодействия ветвей власти. При этом конституционные поправки расширяют правомочия судов общей юрисдикции по обращению в Конституционный Суд, чем реализована идея А. М. Абрамовича, который, говоря о предварительном контроле конституционности, отмечал, что в контексте предварительного конституционного контроля «речь идет о повышении роли судов всех инстанций; именно тогда предварительный контроль становится всеобъемлющим» [11].

Таким образом, в устойчиво функционирующей политико-правовой системе принцип разделения властей выражает гармоничное сочетание единства и целостности государственной власти, предполагает учет потребностей прогрессивного эволюционного развития общества и государства при распределении государственно властных полномочий, а также различные формы участия народа в осуществлении государственной власти. Данный конституционный принцип воплощается в практике

распределения государственно-властных функций и полномочий между субъектами государственной власти, в том числе предполагает обеспечение их сбалансированности, исключение сосредоточения всей полноты власти у одной из ее ветвей либо у одного государственного органа, постоянного развития правовых механизмов взаимодействия государственных органов друг с другом и с гражданами, контроля за их деятельностью, обеспечивающих сдерживание и уравновешивание властей.

Перераспределение властных полномочий с учетом имеющихся реалий осуществляется путем внесения изменений в нормы Конституции и законодательных актов в пределах дискреции соответствующих правоустанавливающих субъектов. Фундаментальную теоретическую основу последовательной реализации принципа разделения властей в этих процессах, заложенную А. М. Абрамовичем и иными выдающимися отечественными теоретиками права и конституционалистами, развивают правовые позиции Конституционного Суда.

В ходе конституционных преобразований в 2022 г. были усовершенствованы баланс властных полномочий конституционных органов власти, механизмы обеспечения системности их взаимодействия, равновесия и взаимного сдерживания, взаимного контроля и ответственности с закреплением в Конституции гарантирующих функций Всебелорусского народного собрания и усилением нормативно-контрольной компетенции Конституционного Суда. Тем самым нормы обновленной Конституции обеспечивают дальнейшее укрепление целевого и функционального единства государственной власти, ее действенности как важнейшего условия эффективности и устойчивости развития общества и государства в современных условиях.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Наш выбор – современное демократическое государство // Во Славу Родины. 2000. 15 марта. № 47–48. С. 1.
2. *Абрамович А. М.* Принятая Конституция требует осуществления кардинальных преобразований // Рэспубліка. 1996. 10 снежня. № 308. С. 2.
3. *Карпович Н. А., Чуприс О. И.* Президент – Глава государства Республики Беларусь: развитие конституционно-правового статуса в нормах обновленной Конституции // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2022. № 4. С. 17–48.
4. *Абрамович А. М.* Наши народные Советы // Сов. Белоруссия. 1977. 26 нояб. С. 2.
5. *Абрамович А. М.* Надо знать непростую глубину возникающих проблем, и здраво, общими усилиями решать их // Рэспубліка. 1995. № 240. 17 лістапада. С. 2.
6. *Абрамович А. М.* Для блага человека // Народная газ. 1997. 23 апр. С. 1–2.
7. *Абрамовіч А. М.* Катэгорыя справядлівасці ў беларускім заканадаўстве // Теоретические проблемы формирования и функционирования гражданского общества и правового государства. Минск, 1995. С. 10–13.

8. *Абрамович А. М.* Государственное управление строительством в СССР / ред. В. И. Шабайлов ; АН БССР, Ин-т философии и права. Минск : Наука и техника, 1982. 271 с.

9. *Миклашевич П. П.* Конституционный контроль: законодательный механизм реализации // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2023. № 2. С. 7–26.

10. *Карпович Н. А.* Судебный конституционный контроль в государственно-правовом механизме: становление, функционирование и развитие в современных условиях // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2022. № 1. С. 114–137.

11. *Абрамович А. М.* Законы должны соответствовать реалиям жизни // Сов. Белоруссия. 1995. 13 февр. С. 2–3.

ОРГАНЫ ПРАВАТВОРЧАСЦІ Ў СТАРАЖЫТНЫХ БЕЛАРУСКІХ КНЯСТВАХ І ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ

Т. І. Доўнар, Т. У. Іванова

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Адзначана, што ў старажытных княствах паўнамоцтвы князей засяроджваліся галоўным чынам у выканаўча-распарадачай сферы, а правам прыняцця законаў часцей валодала веча. З утварэннем Вялікага Княства Літоўскага актывізуецца праватворчая дзейнасць вялікага князя і паноў-рады, а з канца XV ст. – сойма. Нарматыўныя акты становяцца важнейшай крыніцай права, удасканальваецца юрыдычны тэрміналагічны апарат, афармляецца дзяржаўная канцелярыя.

Ключавыя словы: Беларусь; старажытныя княствы; Вялікае Княства Літоўскае; органы праватворчасці; канцелярыя.

ОРГАНЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В ДРЕВНИХ БЕЛОРУССКИХ КНЯЖЕСТВАХ И ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Т. И. Довнар, Т. В. Иванова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Отмечено, что в древних княжествах полномочия князей сосредоточивались главным образом в исполнительно-распорядительной сфере, а правом принятия законов чаще обладало вече. С образованием Великого Княжества Литовского активизируется правотворческая деятельность великого князя и панов-рады, а с конца XV в. – сейма. Нормативные акты становятся важнейшим источником права, совершенствуется юридический терминологический апарат, оформляется государственная канцелярия.

Ключевые слова: Беларусь; древние княжества; Великое княжество Литовское; органы правотворчества; канцелярия.

LAWMAKING BODIES IN THE ANCIENT BELARUSIAN PRINCIPALITIES AND THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

T. I. Dovnar, T. V. Ivanova

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, theory-law@bsu.by*

The article emphasizes that in the ancient principalities the powers of the princes were concentrated mainly in the executive and administrative sphere, and the veche often had the right to pass laws. With the formation of the Grand Duchy of Lithuania, the law-making activities of the Grand Duke and the Rada (from the end of the 15th century, the

Sejm) intensified. Regulatory acts became the most important source of law, the legal terminological apparatus was improved, and the state office was formalized.

Keywords: Belarus; ancient principalities; Grand Duchy of Lithuania; law-making bodies; the state office.

Старажытныя навукоўцы адзначалі спецыфіку арганізацыі жыцця насельніцтва Усходняй Еўропы. Так, візантыйскія гісторыкі яшчэ ў VI ст. адзначалі, што ў грамадскай арганізацыі ўсходніх славян ёсць некалькі груп, якія кіруюцца племянной знацю на чале з адным чалавекам і што жывуць яны ў народапраўстве і іх нельга схіліць да рабства або падпарадкавання [1, с. 23–26.]. Гэтая асаблівасць праяўлялася і пазней.

З узнікненнем старажытных княстваў ва Усходняй Еўропе фарміруюцца органы ўлады, адной з функцый якіх з’яўляецца праватворчасць. Навукоўцы пазначаюць, што ў большасці гэтыя княствы не набылі завершанага манархічнага ўладкавання і на працягу ўсяго існавання мелі схільнасць да народаўладдзя. На падставе звычайнага права і абшчыннага спосабу гаспадарання ў іх склалася даволі ўстойлівая сістэма публічнай улады, асноўнымі элементамі якой выступалі інстытуты непасрэднай дэмакратыі і абшчынна-вечавага самакіравання ў гарадах і сельскай мясцовасці. Праяўляўся пэўны дуалізм палітычнага ўладкавання, які спалучаў цеснае ўзаемадзеянне і ўзаемасувязь манархічнага (у асобе запрошанага або спадчыннага князя) і дэмакратычнага (у асобе народных вечавых сходаў) элементаў. Навукоўцы адзначалі, што вечавыя сходы свабодных людзей як найбольш старажытныя органы дзяржаўнай улады, існаваўшыя амаль ва ўсіх славянскіх дзяржавах, у тым ліку ў ноўгарадцаў, смалян, кіяўлян, палачан і інш., засяроджвалі ў сабе праватворчую, адміністрацыйную і судовую ўлады [гл., напрыклад: 2, с. 64].

У тым ліку ў беларускіх княствах сістэма органаў публічнай улады ўяўляла сабой сукупнасць трох асноўных дзяржаўна-палітычных інстытутаў: князь, рада (дарадчы орган пры князі) і веча. Старажытнае веча ўяўляла сабой, як правіла, агульны збор дарослых вольных мужчын. Як сведчаць летапісы, яно існавала ў Полацку, Віцебску, Друцку, Тураве і іншых месцах. Кола пытанняў на вечы строга не вызначалася. Хоць часцей веча склікалася па ініцыятыве князя, аднак часам яно збіралася самім народам і без князя самастойна вырашала ўсе пытанні, у тым ліку і самыя важныя ў дзяржаве. Часцей веча вырашала найбольш важныя дзяржаўныя справы: абранне і зняцце з пасады (выгнанне) князя, прызначэнне на пасады вышэйшых службовых асоб і пазбаўленне іх гэтых пасадак, пытанні вайны і міру, міжнародныя адносіны, арганізацыя апалчэння і абароны, падаткі, судовыя справы. Патрэбна падкрэсліць, што суд з самага старажытнага часу традыцыйна адбываўся публічна, з удзелам народа. У сувязі з гэтым З. М. Чарнілоўскі пісаў: «община ока-

залась настолько универсальным инструментом улаживания коллективных дел и конфликтов, что ее... удерживает и феодальное право» [3, с. 18]. Многія расійскія навукоўцы адзначалі, што веча – гэта орган старажытнага «русского народоправства» і склікаць веча азначала прадставіць справу на абмеркаванне ўсяго народа. Так, В. О. Ключэўскі лічыў, што адзінаўладдзе ў старажытнай Русі да сярэдзіны XI ст. увогуле было палітычнай выпадковасцю і пасля смерці Яраслава Мудрага больш не паўтаралася [5, с. 169–170]. Аднак навукоўцы часам разыходзіліся ў пытаннях сутнасці «веча», яго складу, тэрыторыі дзейнасці, кола разглядаемых пытанняў. Пры гэтым большасць навукоўцаў падкрэслівала значную ролю веча ў жыцці старажытных дзяржаў.

Аб значэнні веча ў дзяржаўным жыцці, паўнамоцтвах і моцы на беларускіх землях сведчыць той факт, што толькі зацверджаны вечам князь лічыўся легітымным. Так, у 1127 г. быў выгнаны вечам полацкі князь Давыд. Полацкае веча і пазней выганяла непажаданных князёў (1128, 1132, 1151, 1159 гг.), а самі палачане «в той час волно собе пановали и жадной зверхности над собою не мели..., держали на той час землю Рускую сами мещане полоцкие... взявши кшталт справованя речи посполитой от оных славных справ грецких афинеов...» [4, с. 20]. Таксама адзначым тое, што Полацкае веча працягвала дзейнічаць амаль да канца XV ст. у складзе Вялікага Княства Літоўскага. Водгукі яго паўнамоцтваў мы знаходзім у многіх помніках права ВКЛ XV–XVI стст., дзе, у прыватнасці, гаворыцца аб правах усіх людзей і выбранні князёў ўсім народам. Напрыклад, граматай вялікага князя Полацку 1511 г. рэгламентавалася, што полацкі ваявода выбіраецца самімі палачанамі, а «который нелюб им – ино ему чист, иного избрати с полочан по испросу»; граматай 1447 г. вялікі князь абавязваўся захоўваць «ўсе правы, вольнасці і граматы», выдадзеныя не толькі свецкім і духоўным феадалам, але «гарадам, мяшчанам, жыхарам і наогул асобам усіх саслоўяў і стану» [6, с. 52, 89]. Аднак зразумела, што ў гэты перыяд нормы аб захаванні правоў і вольнасцей усяго народа былі ўжо пэўнай данінай «старыне» і мелі яны ў большасці дэкларатыўны і прапагандысцкі характар.

У працэсе складвання Вялікага Княства Літоўскага, палітыка-эканамічным цэнтрам якога сталі беларускія землі, актывізуецца праватворчая дзейнасць вышэйшых уладных органаў дзяржавы – спачатку вялікага князя і рады, а некалькі пазней – сойма, хоць звычай доўгі час застаецца важнейшай крыніцай права. У гэты перыяд звычай, які выпрацоўваўся самім народам, застаецца галоўнай крыніцай права, хоць і павялічваецца значэнне рэлігійных крыніц права і міжнародных дагавораў з іншымі дзяржавамі, перш за ўсё з Польшчай. Пры гэтым ужо

ў XV ст. прымаецца шмат нарматыўных актаў, на падставе якіх пачынае складвацца агульнадзяржаўнае заканадаўства.

Са станаўленнем дзяржавы паступова ўзмацняецца роля і праватворчая дзейнасць рады (паноў-рады). Прывілеям (граматай) 1492 г. увогуле ўстанаўліваецца, што вялікі князь без згоды рады не можа вырашаць дзяржаўныя пытанні і прымаць новыя законы. У той жа час узнікае і такая дзяржаўная практыка, калі з мэтай падтрымкі рашэнняў рады большасцю землеўласнікаў на пасяджэнне рады запрашаюцца іншыя шматлікія феадалы. Пачатак склікання больш шырокіх нарад феадалаў – фактычна пашыранага пасяджэння рады – навукоўцы адносяць прыкладна да канца XIV ст.

Паступова, разам са станаўленнем саслоўнага падзелу грамадства гэтыя сходы феадалаў пераўтвараюцца ў сойм – саслоўна-прадстаўнічы орган шляхты з даволі шырокімі паўнамоцтвамі, у тым ліку заканадаўчымі. Навукоўцы адзначаюць як агульнадзяржаўны, вальны сойм перш за ўсё віленскі сойм 1401 г., на якім вырашалася пытанне аб новай уніі з Польшчай, а асабліва – віцебскі з’езд шляхты 1433 г., на якім князі, паны, рыцарства і мяшчане звярнуліся са скаргай на вялікага князя Жыгімонта Кейстутавіча да рымскага папы, а таксама віленскі з’езд 1446 г., які займаўся магчымасцю абрання на польскі трон вялікага князя Казіміра [7, с. 61]. Калі спачатку сойм у большасці меў значэнне органа дарадчага, то паступова ён набывае нарматворчыя функцыі, а пры Казіміры ён становіцца вялікім вальным соймам з пераважнымі заканадаўчымі паўнамоцтвамі.

З сярэдзіны XVI ст. узмацніўся рух шляхты за павелічэнне сваіх правоў і гэтыя патрабаванні яна аформіла на палявым (т. зв. абозным) сойме пад Віцебскам у 1562 г., што паклала пачатак істотным палітычным рэформам і заканадаўчай рэгламентацыі дзейнасці сойма. У сувязі з гэтым спачатку Віленскі прывілей 1565 г., а потым Статуты 1566 і 1588 гг. сваімі нормаўмі ўсё больш удакладняюць дзейнасць сойма. Адначасова афармляецца і больш дакладнае падзяленне яго на дзве палаты (т. зв. станы, або колы): кола паноў-рады і рыцарскае (шляхецкае) кола, якія абмяркоўваюць пытанні спачатку асобна, а потым сумесна. Пры абмеркаванні законапраектаў усе дэпутаты мелі права выказаць сваю думку, а пры разыходжанні іх рабіліся спробы прымірыць бакі і ўзгадніць прапановы, што прыводзіла да замаруджвання работы сойма, які часам працаваў па некалькі месяцаў. Рашэнні прымаліся, як правіла, большасцю галасоў. Пры гэтым нельга не адзначыць, што ў нарматворчай дзейнасці сойма часта праяўляўся прынцып – што вырашае вялікі князь і паны-рада, тое шляхта прымае да выканання [7, с. 62].

Заканадаўчая дзейнасць у той час была цесна звязана з выканаўча-распарадчай і судовай дзейнасцю, таму ад імя вялікага князя і рады ўвесь час заключаліся міжнародныя дамовы, даваліся інструкцыі паслам, ажыццяўлялася кіраўніцтва цэнтральнымі і мясцовымі органамі кіравання, а таксама судовымі органамі. Усе гэтыя дзеянні афармляліся ў выглядзе дагавораў, інструкцый, лістоў, грамат, прывілеяў, устаў, універсалаў, артыкулаў, выракаў і дэкрэтаў. Увогуле нарматыўныя акты, колькасць якіх усё больш павялічваецца, у залежнасці ад іх значэння, зместу, спосабаў іх прыняцця, а таксама тэрыторыі дзейнасці і кола ахопленых законам асоб, мелі розныя назвы: ухвала, устава, грамата, ліст, прывілей, статут, канстытуцыя, універсал, артыкул і інш. [7, с. 101]. Выразнага размежавання паміж гэтымі тэрмінамі не існавала і часам гэтыя паняцці выкарыстоўваліся як сінонімы, хоць пэўныя сэнсавыя адценні ўтрымліваліся ў кожным найменні. Так, нарматыўныя акты, якія выдаваліся ад імя вялікага князя ў сферы гаспадарчага права называліся ўставамі, у ваеннай сферы і адносна падаткаў на ваенныя патрэбы – універсаламі, акты ваенна-крымінальнага права – артыкуламі і г. д. Акты, якія прымаліся на сойме, часцей менаваліся ўхваламі, статутамі, пастановамі, а ў XVII–XVIII стст. – канстытуцыямі.

Законапраектная праца засяроджвалася ў вялікакняжацкай канцылярыі, а пры падрыхтоўцы буйных законапраектаў ствараліся спецыяльныя соймавыя камісіі (напрыклад, пры падрыхтоўцы Статутаў 1529, 1566, 1588 гг.), якімі, як правіла, кіравалі канцлер або падканцлер дзяржавы. Да працы над праектам прыцягваліся юрысты-практыкі і навукоўцы. Патрэбна адзначыць, што заканадаўца таго часу ў сувязі з недастатковым развіццём юрыдычнай тэхнікі быў яшчэ не зусім дакладны ў сваіх тэарэтычных вызначэннях. Аднак з тэкста нарматыўных актаў другой паловы XVI ст. бачна, што, нягледзячы на недакладнасць і грувасткасць канструкцый прававых нормаў, шматслоўе, паўтарэнне палажэнняў і г. д., ён ужо дастаткова добра ўсведамляў асноўныя юрыдычныя паняцці і карыстаўся даволі ўсталяваным юрыдычным апаратам. Асабліва гэта характэрна для так званага статутнага перыяду развіцця заканадаўства, які характарызаваўся высокім узроўнем сістэматызацыі права і прыярытэтам кадыфікаванага закона [7, с. 137–138 і інш.].

На працягу XV–XVI стст. у сувязі з павелічэннем колькасці нарматыўных актаў і дакументазвароту ў дзяржаве афармляецца і канцылярыя ВКЛ. З’яўленне вялікакняжацкай канцылярыі навукоўцы адносяць да часоў княжання Вітаўта (1390–1430), а працэс яе пераўтварэння з прыдворнага ў агульнадзяржаўны інстытут адбыўся прыкладна за 60–70 гадоў [8, с. 177]. На гэты працэс паўплывалі розныя прававыя і арганіза-

цыйныя фактары, якія ўзмацнялі ролю і вагу пісьмовага дакумента ў грамадска-палітычным і эканамічным жыцці дзяржавы. Падчас княжання Казіміра (1440–1492) канцылярыя набывае функцыі цэнтральнай дзяржаўнай установы. У сярэдзіне XV ст. адбываецца пэўнае вылучэнне прыватнагаспадарскай канцылярыі і афармляецца агульнадзяржаўная канцылярыя. Канцылярыя ж канца XV ст. – першай паловы XVI ст. мела ўсе рысы цэнтральнай дзяржаўнай установы [8, с. 178]. Адначасова беларускія і замежныя навукоўцы (А. Вішнеўскі, А. Груша, Х. Яблонскас, Я. Юхо і інш.) адзначаюць, што характэрнай асаблівасцю канцылярыі ВКЛ быў моўны білінгвізм, бо асноўныя агульнадзяржаўныя акты пісаліся па-лацінску і дубляваліся па-старабеларуску. Як адзначае А. Груша, да рэарганізацыі канцылярыі ў 1512 г. і ў 1522–1523 гг. колькасць «рускіх» пісараў пераўзыходзіла колькасць лацінскіх у два разы [9, с. 295].

У XVII–XVIII стст. у сувязі з эканамічным і сацыяльна-палітычным развіццём дзяржавы і з больш цеснымі, уніійнымі адносінамі з Польшчай праватворчая дзейнасць у асноўным засяроджваецца ў сойме Рэчы Паспалітай. Аднак прымаюцца нарматыўныя акты і ў ВКЛ. Пры гэтым дзейнасць усіх галін улады значна ўдасканальваецца, што знаходзіць адлюстраванне ў значным павелічэнні і стварэнні шэрагу адпаведных комплексаў дзяржаўных дакументаў [10, с. 11–12]. Гэта тычыцца і нарматыўных актаў, у тым ліку ўзнікнення новых іх відаў, уніфікацыі і выпрацоўцы больш дакладнага тэрміналагічнага апарату. Адначасова рэфармуецца дзейнасць канцылярыі ВКЛ, якая арганізацыйна і функцыянальна падзяляецца на большую і меншую з вызначэннем іх больш канкрэтных абавязкаў і правамоцтваў. У іх ліку яна займаецца прывядзеннем у сістэму і фармальным удасканальваннем заканадаўчай, распа-радчай і судовай дакументацыі.

У якасці заключэння зробім асноўны вывад: калі ў старажытных дзяржавах Беларусі галоўным праватворчым органам з’яўлялася веча, то з утварэннем Вялікага Княства Літоўскага – буйной феадальнай дзяржавы, палітыка-эканамічным цэнтрам якой былі беларускія землі, такім органам спачатку з’яўляецца вялікі князь, рада і паны-рада, а пазней – сойм. У склад сойма ўвайшлі не толькі рада і вялікі князь, але і прадстаўнікі шляхецкага саслоўя, што выбіраліся на павятовых сойміках. Праватворчая функцыя сойма на працягу стагоддзяў узмацняецца. Пры гэтым з павелічэннем ролі нарматыўнага акта ў сістэме крыніц права значна павялічваецца дакументаабарачэнне, прычым як у сферы заканадаўчай, так распа-радчай і судовай дзейнасці, адпаведна чаму развіваецца тэрміналагічны апарат. Паралельна гэтаму праходзіць працэс афармлення дзяржаўнай канцылярыі: павялічваецца

штат супрацоўнікаў з канкрэтызацыяй іх абавязкаў і правамоцтваў; адбываецца падзел на пэўныя часткі (большую, меншую і інш.); удасканалваецца справаводства, у тым ліку ўдакладняюцца формы дакументаў, формы іх захоўвання і інш. У выніку – канцылярыя набывае функцыі сапраўднай цэнтральнай дзяржаўнай установы Вялікага Княства, што значна садзейнічае працэсу праватворчасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Белоруссия в эпоху феодализма: в 3 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории, Арх. упр. МВД БССР ; редкол.: А. И. Азаров [и др.]. Минск : АН БССР, 1959–1961. Т. 1. Минск, 1959. 516 с.
2. Юхо Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Універсітэцкае. 270 с.
3. Черниловский З. М. Русская Правда в свете других славянских судебных // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии : сб. науч. тр. М. : Изд-во РИО ВЮЗИ., 1984. С. 3–28.
4. Хроника Литовская и Жемойтская // Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т. 32. С. 16–127.
5. Ключевский В. О. Соч. В 9 т. Т. 1. Часть 1. Курс русской истории. М. : Мысль, 1987. 432 с.
6. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права : дапаможнік / Я. Юхо, А. Абрамовіч, Т. Доўнар, У. Сатолін. Мінск : БДУ, 2000. 127 с.
7. Доўнар Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік. 3-е выд., стэр. Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2023. 432 с.
8. Скеп'ян Н. Фарміраванне цэнтральных органаў улады ВКЛ на прыкладзе інстытута канцлера // Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура : зб. навук. арт. : у 2 ч. Ч. 1 / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; уклад А. А. Скеп'ян ; рэдкал.: У. Р. Гусакоў [і інш.]. Мінск : Беларуская навука, 2017. 506 с.
9. Груша А. И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV первая треть XVI в.). Минск : Беларуская навука, 2015. 465 с.
10. Дернавич Е. П. Делопроизводство в высших органах власти Великого Княжества Литовского (1696–1795 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 05.25.02 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2023. 22 с.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВОМ В СССР

С. А. Балашенко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, balashenko@bsu.by*

Правовое регулирование государственного управления характеризуется сложными взаимосвязями и комплексными подходами. Выводы и предложения, сформулированные А. М. Абрамовичем, и сегодня имеют важное значение для эффективности правового регулирования деятельности государственных органов, совершенствования государственного управления.

Ключевые слова: Абрамович А. М.; государственное управление; капитальное строительство; принципы управления; функции управления.

ДЗЯРЖАЎНАЕ КІРАВАННЕ БУДАЎНІЦТВАМ У СССР

С. А. Балашэнка

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, balashenko@bsu.by*

Правое рэгуляванне дзяржаўнага кіравання характарызуецца складанымі ўзаемасувязямі і комплекснымі падыходамі. Высновы і прапановы, сфармуляваныя А. М. Абрамовічам, і сёння маюць важнае значэнне для эфектыўнасці прававога рэгулявання дзейнасці дзяржаўных органаў, удасканалення дзяржаўнага кіравання.

Ключавыя словы: Абрамовіч А. М.; дзяржаўнае кіраванне; капітальнае будаўніцтва; прынцыпы кіравання; функцыі кіравання.

STATE MANAGEMENT OF CONSTRUCTION IN THE USSR

S. A. Balashenko

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, balashenko@bsu.by*

Legal regulation of public administration is characterized by complex interrelations and complex approaches. The conclusions and proposals formulated by A. M. Abramovich even today are important for the effectiveness of legal regulation of the activities of state bodies, improvement of public administration.

Keywords: Abramovich A. M.; public administration; capital construction; management principles; management functions.

В 1983 г., будучи студентом первого курса юридического факультета Белорусского государственного университета, мне посчастливилось приобрести монографию Александра Михайловича Абрамовича «Государственное управление строительством в СССР» [1]... Книга была

опубликована издательством «Наука и техника» Академии наук БССР и Государственного комитета БССР по делам издательства полиграфии и книжной торговли под редакцией В. И. Шабайлова.

В студенческие годы я не предполагал, что в дальнейшем мне выпадет огромная честь лично познакомиться с автором и научным редактором данного уникального издания. Эта книга уже 41 год занимает особое место в моей библиотеке.

Монография Александра Михайловича по представлению Госплана БССР демонстрировалась на международных выставках «Достижения науки и культуры Белорусской ССР» в Венгрии (1982) и Югославии (1983). Ряд положений монографии вошли в его докторскую диссертацию «Организационно-правовые проблемы государственного управления строительством в СССР» [2].

В связи с этим хотелось бы еще раз обратиться к выводам, которые сформулировал А. М. Абрамович чуть более сорока лет назад.

Данная работа является, по существу, первым монографическим исследованием всей совокупности основных организационно-правовых проблем государственного управления строительством. В книге дано теоретическое обоснование новой, более рациональной, по мнению автора, системы строительных министерств и ведомств, улучшения структуры их центрального аппарата, совершенствования организационных форм, генеральных и территориальных схем управления строительством. По-новому рассмотрен ряд других аспектов организационно-структурной политики в данной отрасли.

Капитальное строительство являлось и сегодня является одной из важнейших отраслей экономики, в связи с чем работа не утратила своей актуальности и в настоящее время.

Решение задач, связанных с агропромышленным, энергетическим, жилищным комплексами, другими отраслями экономики и социально-культурной сферы в значительной мере зависит от дальнейшего совершенствования государственного управления строительством.

Соответствующие органы государственной власти и управления определяют основные направления развития капитального строительства и градостроительства, предусматривают его ближайшие задачи, намечают наиболее важные пути и средства их решения. Они осуществляют также правовое регулирование отношений, складывающихся как непосредственно в процессе строительства, так и в сфере управления им. В пределах своих полномочий органы государственного управления выполняют в анализируемой отрасли и функции оперативного распорядительного характера, направляя работу других органов, а также хозяйственных организаций. На них возложен также контроль и надзор в области строительства и другие многообразные функции. В содержание рассматри-

ваемой деятельности органов государственного управления входит организация градостроительства, проектирования, планирования и финансирования строительства, а также организация его материально-технического и иного ресурсного обеспечения. Они организуют строительномонтажное производство, сдачу-приемку объектов в эксплуатацию и пр. Отсюда вполне очевидно, что исследование организационно-правовых проблем государственного управления строительством составляет одну из важных задач юридической науки.

Автор всесторонне анализирует труды по вопросам договорных отношений, складывающихся в капитальном строительстве. Здесь нужно особо отметить работы В. Ф. Чигира. Вследствие избранного аспекта исследования, проведенного главным образом с позиций науки административного права и теории государственного управления, а также ряда других отраслей права, автор опирался на положения, содержащиеся в трудах В. Б. Аверьянова, Г. В. Атаманчука, Г. В. Барабашева, И. Л. Бачило, А. А. Головки, О. Е. Кутафина, Б. М. Лазарева, А. И. Лукьянова, А. Е. Лунева, Ю. А. Тихомирова, В. И. Шабайлова, Ю. С. Шемшученко и других ученых.

Эмпирическая часть исследования состояла в изучении и обобщении практики работы многочисленных государственных органов и осуществляющих строительство хозяйственных организаций.

При этом ставились задачи дать общую характеристику содержания государственного управления строительством; обосновать основные направления проведения более эффективной организационно-структурной политики в рассматриваемой отрасли; выявить предпосылки дальнейшего совершенствования организационно-правового обеспечения функций управления строительством на всех уровнях их реализации; разработать теоретические положения и практические рекомендации по решению проблем четкого определения правового статуса органов государственного управления строительством, обеспечению соответствия их правотворческих, правоприменительных и правоохранительных функций современным потребностям и перспективам развития отрасли.

Впервые проведено также специальное исследование компетенция и деятельности системы органов государственного управления строительством в целом. В результате разработаны новые положения и практические рекомендации по повышению уровня правового регулирования и организации работы в рассматриваемой отрасли.

Теоретическое значение имеет отличающийся новым подходом и сопровождающийся разработкой более рациональных, организационно-правовых решений анализ актуальных проблем организации проектирования и градостроительства, а также планирования, финансирования,

материально-технического снабжения строительства, сдачи-приемки его продукции в эксплуатацию на всех уровнях государственного управления. По-новому выполнено теоретическое исследование системы законодательства о капитальном строительстве в ее вертикальном и горизонтальном инвариантных «срезах».

Указывается, в частности, необходимость существенно повысить эффективность использования капитальных вложений, резко – до уровня лучших мировых стандартов – сократить средние сроки строительства, значительно улучшить качество и снизить стоимость продукции данной отрасли.

Глава I «Общая характеристика государственного управления строительством в СССР» раскрывает специфику капитального строительства как одной из отраслей народного хозяйства. Строительство рассматривается как определенный вид главным образом производственной по своему характеру деятельности, направленной на создание и восстановление основных фондов – зданий и сооружений. Специфика ее предопределена прежде всего особенностями продукции капитального строительства, которая производится в неподвижной, связанной с территорией форме; отличается большими размерами и весом, длительными сроками эксплуатации, наличием как типовых, так и уникальных архитектурных, строительных и иных решений. Отрасли присущи длительность производственного цикла при сооружении многих объектов, необходимость применения дорогих и разнообразных материалов, кооперации больших масс рабочих самых различных специальностей, значительное влияние на производственный процесс климатических условий и сезонности, осуществление строительства преимущественно подрядным способом и др.

Капитальное строительство, в свою очередь, делится на ряд отраслей, в частности на промышленное, сельскохозяйственное, жилищно-гражданское, энергетическое, мелиоративное, транспортное и др., каждая из которых имеет свои особенности. Специфика отраслей строительства обуславливает и особенности организации управления ими. Система капитального строительства в ее организационно-структурном выражении рассматривается в диссертации как упорядоченная совокупность строительных, монтажных, проектно-изыскательских организаций и организаций-заказчиков, а также ряда других организационных структур, действующих в данной области. Аналогичным образом в системе государственного управления строительством выделяется ее как организационно-структурный, так и функциональный «срез». Первый представлен упорядоченной совокупностью действующих в анализируемой области государственных органов, главным образом управленческих; второй –

совокупностью соответствующих видов деятельности указанных органов, выражающих их назначение как определенной системы субъектов управления.

Здесь же дается общая характеристика органов, осуществляющих функции государственного управления строительством, обосновывается также вывод о необходимости установления порядка, в соответствии с которым основные показатели схем районной планировки и генеральных планов городов как документов, предопределяющих в значительной мере параметры экономического и социального развития соответствующих регионов, рассматривались бы на сессиях краевых и областных Советов.

С учетом специфики их проявления в анализируемой отрасли в монографии рассматриваются общие принципы управления строительством.

Особенности реализации в коллективных формах конституционного принципа участия трудящихся в управлении анализируемой отраслью выражены в образовании и функционировании специфических общественных формирований, в частности советов бригадиров стройки, градостроительных советов при архитектурно-планировочных органах исполкомов, советов (комиссий) по районной планировке, по строительному каталогу, рабочих групп по социалистическому соревнованию проектных организаций и многих других.

Предполагается прежде всего повышение уровня политического и профессионального (по организации управления) образования не только граждан, но и руководителей органов и организаций; применение к последним надлежащих мер воздействия в случае недооценки ими или тем более игнорирования рассматриваемого принципа. Необходимо было бы также в нормативном порядке предусмотреть, что решения о проектировании и строительстве объектов (кроме оборонных) принимаются только после предварительного обсуждения их на общих собраниях граждан, проживающих непосредственно в районе намечаемого сооружения объекта, что повысило бы обоснованность таких решений; запретить, как и рекомендует ряд авторов, утверждать соответствующие планы до обсуждения их на собрании трудового коллектива строительной или иной организации. Следует установить и ряд других правовых норм, ограничивающих возможности органов управления строительством принимать решения без привлечения в установленных законом случаях и формах общественности.

В то же время автор выступает против чрезмерного расширения функций различного рода общественных формирований, в том числе образуемых при госстроях и строительных министерствах научно-

технических советов. Указывает, что неоправданна и получившая определенное распространение практика подмены генерального подрядчика так называемыми штабами (комиссиями, координационными Советами) по строительству, создаваемыми на крупных стройках из представителей партийных и советских органов, заказчика, подрядных и субподрядных организаций.

Применительно к анализируемой отрасли в следующих разделах диссертации рассматриваются и другие общие принципы управления, в том числе демократический централизм. Сформулированы, а в других главах и раскрыты специальные требования к функциям, реализуемым в области строительства органами государственного управления. Среди них – первоочередное выделение капитальных вложений в приоритетные направления экономического и социального развития; комплексность планирования, проектирования и осуществления строительства объектов в соответствии с перечнями и титульными спискамистроек, проектами и сметами, разработанными на основе новейших достижений науки, техники, передового опыта; сбалансированность планов капитального строительства, их стабильность и др.

В отдельный параграф, в силу его важности, выделяется вопрос об обусловленности системы специальных органов государственного управления строительством определенными факторами, в том числе факторами, общими для ряда других систем управления, например, типом государства, формой государственного устройства, формой собственности. При этом первостепенное внимание автор уделяет выявлению соответствия анализируемой системы специфике строительства как отрасли народного хозяйства, а также адекватности ее требованиям рационального сочетания территориального и отраслевого принципов, достижения оптимального уровня концентрации и отраслевой специализации строительного производства.

Так, критически оценивая многочисленные предложения о переходе к сугубо территориальному принципу управления строительством, следует иметь в виду, что это хотя и может привести в конечном итоге к ликвидации параллелизма в деятельности строительных организаций, в то же время обусловит и ряд существенных недостатков.

Делается попытка построения теоретической модели управления реализацией комплексных целевых программ, включающих в себя выполнение больших объемов строительных работ. Автор критически оценивает сложившуюся практику наделения специальных органов, создаваемых для управления овеществлением комплексных программ, как правило, лишь координационными и контрольными полномочиями. Поскольку задача таких органов – получение конкретного конечного про-

дукта общественного производства, в том числе выполнение больших объемов строительства, этим органам необходимо предоставлять полномочия и по управлению деятельностью органов и организаций, участвующих в реализации комплексных программ.

Глава II «Компетенция Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик по руководству строительством» открывается параграфом, посвященным общим вопросам функций и полномочий высших исполнительных и распорядительных органов государственной власти в этой области и организации ими планирования развития отрасли.

Большое внимание сосредоточивается на одной из ключевых проблем – повышении эффективности использования капитальных вложений.

В диссертации дополнительно аргументируется выдвинутое в юридической литературе предложение о планировании ассигнований на строительство жилых домов, объектов культурно-бытового и коммунального назначения преимущественно Советом Министров союзных республик, что практически сняло бы также имеющиеся трудности с объединением указанных средств исполкомами местных Советов.

Критически оценивая мнения ряда авторов и некоторые предпринимаемые на практике нововведения по решению сложных и чрезвычайно актуальных проблем, связанных с повышением эффективности использования капитальных вложений, концентрацией их на приоритетных направлениях экономического и социального развития, пусковых стройках, обеспечением сбалансированности и стабильности планов строительства, диссертант приходит к выводу, что добиться коренного улучшения положения дел в анализируемой отрасли можно лишь при условии внесения принципиальных изменений в экономический механизм в целом. При всех отличиях в понимании хозяйственного расчета, существующих в литературе, особенностях его применения на различных уровнях и т. п., несомненно, что этот метод организации социалистического производства предполагает, во-первых, самофинансирование практически всех хозяйственных систем. Сфера бюджетного (безвозмездного) финансирования затрат на строительство производственных объектов и другие мероприятия по развитию хозяйственных организаций и их комплексов должна быть сведена лишь к случаям их особой государственной важности. Во-вторых, подлинный хозрасчет невозможен без установления прямой и – что специально подчеркивается – достаточно жесткой зависимости размеров заработной платы не только рядовых работников, но и руководителей хозяйственных систем всех уровней от конечного результата, в том числе от эффективности использования капиталовложений. Это создаст предпосылки для ликвидации сложившегося

в настоящее время завышенного спроса на безвозмездно «вливаемые» в развитие отраслей и многих предприятий капиталовложения и для использования средств с максимальной отдачей, в том числе для направления их преимущественно на техническое перевооружение и модернизацию предприятий, а не на новое строительство.

Сужение сферы применения административных методов в государственном управлении строительством и другими отраслями народного хозяйства в то же время не означает умаления их роли в решении целого ряда актуальных вопросов организации этих отраслей. Наоборот, роль данных методов, например, в сфере обеспечения правительствами и другими компетентными органами процессуальных норм законодательства о капитальном строительстве, а именно норм, устанавливающих порядок разработки планов строительства, порядок заключения договоров, приемки объектов в эксплуатацию и некоторых других, должна еще более возрасти. Наряду с политикой цен, налогов с прибыли и другими экономическими рычагами административные методы управления следует более полно использовать для нейтрализации узковедомственных интересов соответствующих органов управления и осуществляющих строительство организаций.

Расширением сферы экономических методов предопределяется соотношение централизации и децентрализации и в решении ряда других вопросов управления строительством, в том числе реальное расширение оперативно-хозяйственной самостоятельности строительных организаций.

Увеличение размеров материального стимулирования, особенно премирования, работников строительных организаций будет способствовать, по мнению автора, более успешному выполнению плановых заданий в этой отрасли, в том числе заданий по вводу объектов. Однако, учитывая нынешний уровень постановки планирования строительства, целесообразно более широко внедрять те системы оплаты труда, которые находятся в прямой и твердо установленной зависимости от его конечных результатов.

В целях ограничения размещения промышленности в крупных городах формулируется наряду с другими и предложение об установлении значительно более высоких размеров отчислений в бюджет от прибылей тех предприятий, которые намечается строить в таких городах, по сравнению с отчислениями предприятий, дислоцирующихся в малых населенных пунктах. Следует также последовательнее добиваться выравнивания уровней жизни населения в больших и малых городах, что будет содействовать решению проблемы сбалансированного развития городов.

Особое внимание диссертант обращает на необходимость обеспечения более обоснованных и стабильных решений по формированию современного села, связанных с определением оптимальной численности его населения, установлением наиболее рациональных хозяйственных и социально-культурных взаимосвязей в сельском расселении и др. Это уменьшит непроизводительные затраты в строительстве на селе.

Возражая против мнения о неизбежности быстрого увеличения стоимости продукции строительства, автор показывает, что наряду с называвшимися выше факторами, обуславливающими такую тенденцию, имеются возможности и для снижения стоимости затрат в данной отрасли. Они связаны с более полным использованием в строительстве достижений современной научно-технической революции, устранением недостатков в его организации и осуществлении. Так, одни из основных действующих показателей планирования и оценки работы организаций и министерств – объем товарной строительной продукции, хотя и ориентирует эти органы и организации на ускорение ввода объектов в эксплуатацию, в то же время четко определяет их интерес принимать к производству и осуществлять в натуре наиболее дорогостоящие объекты. Кардинальное же решение проблемы снижения стоимости проектной и строительной продукции связывается с проведением целого комплекса мер по значительному улучшению состояния анализируемой отрасли.

Далее автор подчеркивает особую актуальность повышения уровня работы органов государственного управления по организации научных исследований в рассматриваемой отрасли, обеспечения более полного и быстрого внедрения в проектирование и строительство новейших достижений науки, техники и передового опыта.

В главе III «Органы государственного управления строительством специальной компетенции Союза ССР и союзных республик» формулируются специальные требования к проектированию структуры, совершенствованию правового статуса, организации работы этих органов. Среди них – минимизация иерархических уровней в системе управления строительством без снижения эффективности ее функционирования; возможность адекватного реагирования данной системы на изменения во внутренних и внешних взаимосвязях без существенной ее реорганизации; концентрация однородных по содержанию функций управления строительством в единой системе органов, их совместимость и дифференциация с учетом иерархической соподчиненности указанных органов; полнота, единство и дифференциация деятельности органов управления строительством, ее непрерывность, плановость, научность и др.

Большое внимание уделяется вопросу правового обеспечения функционирования органов управления как целостной совокупности соответствующих правовых решений, содержащихся в нормативных актах, регулирующих деятельность данных органов.

При этом автор критически относится к сформулированным в научной литературе и получившим воплощение в новом законодательстве предложениям о наделении органов авторского надзора правом приостанавливать в определенных случаях строительство объектов. Хотя воплощенный в проекте замысел проектировщиков и принадлежит непосредственно им, тем не менее проект, переданный заказчику, должен воплощаться в натуру, исходя прежде всего из его интересов, если они не противоречат общественным интересам. Вообще же полномочия по приостановлению строительства объектов желательно централизовать в ведении единой системы органов, а именно органов госархстройконтроля, для чего следует укрепить кадровый состав указанных органов и расширить сферу их деятельности на производственное строительство в целом. Это, во-первых, уменьшит возможности необоснованного применения такого рода санкций, а во-вторых, повысит эффективность их использования.

В связи с ведущейся в научной литературе дискуссией о путях концентрации проектно-сметного дела теоретически обосновывается положение о возрастании роли госстроев в управлении производством работ по проектированию общестроительной части объектов, что будет способствовать уменьшению влияния узковедомственных интересов на содержание проектных решений. Сокращение же процесса проектирования может быть обеспечено, комплексом соответствующих мер по улучшению его организации и технологии. Изменения в экономике и организации строительства, произошедшие после принятия действующих положений о строительных министерствах, диктуют необходимость издания новых положений о них. Новые положения должны полнее отражать деятельность этих органов по решению комплекса вопросов стратегического развития отрасли, закреплять их обязанности по ускорению внедрения достижений научно-технического прогресса в производство, ориентировать на широкое применение программно-целевых методов управления, а также предусматривать максимальное использование преимуществ хозрасчетной организации строительства. Формулируются конкретные нормы, которые целесообразно закрепить в новых положениях о строительных министерствах применительно к следующим областям их деятельности: планирование и учет; финансы; организация материально-технического снабжения; организация проектирования и собственного строительства; организация научных исследований в от-

расли; организация строительного производства; контроль и надзор; сдача-приемка продукции; использование и охрана природных ресурсов.

В ходе анализа деятельности строительных министерств автор останавливается на вопросах обеспечения ими сбалансированности плановых заданий подчиненным организациям, реализации целевых программ по развитию своих систем, в том числе по внедрению автоматизированных систем управления, созданию надлежащих условий труда и быта строителей. Особо выделяются проблемы, связанные с повышением производительности труда. На фактических материалах раскрыты возможности обеспечения строительными министерствами и организациями существенного сокращения неоправданно больших объемов ручного труда в отрасли; показана перспективность более широкого распространения ими таких прогрессивных методов организации производства, как поузловой, комплектно-блочный, вахтовый, а также сквозной поточный бригадный подряд. Преимущества бригадного подряда могут быть использованы более широко при условии надлежащего выполнения администрацией строительных организаций их обязательств перед бригадами по предоставлению фронта работ, поставкам материалов и оборудования, полноте и своевременности расчетов. При этом проведенное исследование позволяет утверждать, что бригадный подряд в полной мере может проявить свои преимущества только при условии внедрения хозяйственных начал во все другие эшелоны хозяйственного комплекса. В связи с этим конструктивно, что новейшее законодательство предусматривает перевод в перспективе на условия работы, аналогичные бригадному подряду, более крупных организационных форм. В работе обосновывается также новый, более рациональный порядок разрешения споров между администрацией строительных организаций и подрядными бригадами.

Особое внимание уделяется вопросу сокращения численности административно-хозяйственного персонала в системах строительных министерств, соотношение которого и рабочих-строителей непомерно велико – соответственно в среднем 1:3,3. Решение этой проблемы требует комплекса мероприятий: более широкого внедрения автоматизированных систем управления, повышения уровня правовой регламентации управленческого труда в строительстве; принятия мер по существенному ограничению так называемого «бумажного» стиля руководства. Определенные результаты может дать предусмотренное новым законодательством направление части ассигнований, получаемых от сверхпланового сокращения административно-управленческого персонала, на установление персональных надбавок к окладам более квалифицированных работников этой сферы. Однако в конечном итоге достижение оптималь-

ной численности аппарата управления в строительных и других организациях связано с дальнейшим развитием хозрасчетных отношений в экономике.

Теоретическая модель структуры и правового статуса строительно-монтажного треста раскрывается исходя из природы этих организаций как основных хозрасчетных звеньев строительного производства, развивающихся в направлении становления их как крупных хозяйственных комплексов. Анализируя статус производственных единиц строительно-монтажных трестов, автор отмечает, что включение в состав трестов самостоятельных организаций обусловлено такими факторами, как объем и территориальные масштабы производства, его специфика, степень удаления организация от основной базы треста, уровень развития хозрасчетных, а соответственно и договорно-правовых отношений в рассматриваемой отрасли.

Разделяя высказанное в литературе мнение о целесообразности унификации организационных форм, применяемых на низовом и средних уровнях управления строительством, автор считает целесообразным преобразовать в тресты и другие приравненные к ним организации, кроме домостроительных комбинатов, наличие которых как самостоятельной организационной формы оправдывается спецификой их производства. В главные территориальные и специализированные главные производственные управления по строительству должны быть также реорганизованы, по мнению автора, иные действующие на среднем уровне управления строительством организационные формы. Однако в отличие от нынешних территориальных и специализированных главков, являющихся сугубо управленческими органами, новым такого рода главкам следует придать статус органов, возглавляющих крупные производственно-хозяйственные комплексы и наделить их правами, которые предоставлены управлениям всесоюзных строительно-монтажных объединений.

Поддерживая высказанное в юридической литературе мнение о целесообразности приведения к единообразию правовых форм ведомственных актов по строительству и предлагая свои конкретные решения указанного вопроса, ученый обращает внимание на необходимость обеспечения более полного соответствия строительных норм и правил потребностям прогрессивного развития строительства и архитектуры. Это требует повышения степени научного обоснования принимаемых органами государственного управления нормативных актов по капитальному строительству, в том числе более глубокого и всестороннего обсуждения их проектов. Вместе с тем правовому регулированию должны подвергаться лишь достаточно стабильные отношения по организа-

ции и осуществлению строительства. Важным направлением совершенствования законодательства о капитальном строительстве является уменьшение численности и объема входящих в его систему нормативных актов, устранение дублирования и пробелов в правовом регулировании отношений, формирующихся в анализируемой отрасли.

Далее показана необходимость повышения роли юридических служб строительных министерств и ведомств в подготовке проектов нормативных актов, издаваемых как непосредственно ими, так и их вышестоящими органами. В диссертации последовательно проводится мысль об актуальности значительного улучшения правоприменительной и правоохранительной деятельности компетентных органов государства в рассматриваемой отрасли.

В заключении обобщаются выводы о важнейших направлениях первоочередного и перспективного совершенствования структуры, правового положения и деятельности органов государственного управления капитальным строительством и градостроительством.

Практическая значимость монографии А. М. Абрамовича состоит в том, что сформулированные в ней выводы и предложения были использованы при совершенствовании системы органов государственного управления строительством и другими отраслями народного хозяйства, а также системы строительных и иных хозяйственных организаций. Они и сегодня имеют значение и для повышения уровня правового регулирования деятельности этих органов и организаций, совершенствования государственного управления.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Государственное управление строительством в СССР / ред. В. И. Шабайлов. Минск : Наука и техника, 1982. 271 с.

2. *Абрамович А. М.* Организационно-правовые проблемы государственного управления строительством в СССР : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Минск, 1985. 406 с.

ГРАЖДАНСКОЕ СОГЛАСИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ И ОСНОВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А. Г. Тиковенко

*Конституционный Суд Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 4, 220016, г. Минск, Беларусь*

Рассматриваются гражданское согласие как конституционная ценность, ее значение для развития гражданского общества и государства. Особое внимание уделяется взаимодействию гражданского общества и социального правового государства, результатом которого является гражданское единство. Исследуются научные взгляды на понимание гражданского общества, его законодательные определения, характерные признаки как конституционного субъекта государственной политики.

Ключевые слова: гражданское согласие; гражданское единство; гражданское общество; правовое государство; ценность.

ГРАМАДЗЯНСКАЯ ЗГОДА ЯК КАНСТЫТУЦЫЙНАЯ КАШТОЎНАСЦЬ І АСНОВА ГРАМАДЗЯНСКАЙ СУПОЛЬНАСЦІ

А. Г. Цікавенка

*Канстытуцыйны Суд Рэспублікі Беларусь,
вул. Краснаармейская, 4, 220016, г. Минск, Беларусь*

Разглядаюцца грамадзянская згода як канстытуцыйная каштоўнасць, яе значэнне для развіцця грамадзянскай супольнасці і дзяржавы. Асаблівая ўвага надаецца ўзаемадзеянню грамадзянскай супольнасці і сацыяльнай прававой дзяржавы, вынікам якой з'яўляецца грамадзянская еднасць. Даследуюцца навуковыя погляды на разуменне грамадзянскай супольнасці, яе заканадаўчыя вызначэнні, характэрныя прыкметы як канстытуцыйнага суб'екта дзяржаўнай палітыкі.

Ключавыя словы: грамадзянская згода; грамадзянская еднасць; грамадзянская супольнасць; прававая дзяржава; каштоўнасць.

CIVIL CONSENT AS A CONSTITUTIONAL VALUE AND THE BASIS OF CIVIL SOCIETY

A. G. Tikovenko

*Constitutional Court of the Republic of Belarus,
4 Krasnoarmeyskaya Street, Minsk 220016, Belarus*

The article focuses on civil consent as a constitutional value and its significance for the development of civil society and the state. Particular attention is paid to the interaction of civil society and the social state based on the rule of law resulting in civil unity. The author examines scientific views on the understanding of civil society, its legislative definitions, and characteristic features as a constitutional subject of state policy.

Keywords: civil consent; civil unity; civil society; rule of law; value.

Согласие во все времена считалось важной ценностью общества, поскольку от него зависели благополучие, а иногда и судьба его членов. В проникнутой духом согласия раннесредневековой японской Конституции Сетоку (604 г.) ст. 1 гласила: «Цените согласие и положите в основу уступчивость...» [1, с. 22]. В названиях эпох императорского правления, которые они должны иметь согласно японской традиции, зачастую содержалось в том или ином контексте согласие. Царствующий ныне император Японии Нарухито дал своей эпохе название «Рэйва», что обозначает «порядок и гармония».

Известный представитель национальной политической и правовой мысли эпохи Возрождения Ф. Скорина (1490–1551) особое место в интеллектуальном дискурсе отводил категории «согласие» («згода»), утверждая, что всякое общество должно основываться на мире и согласии [2, с. 58].

Взаимодействие социального государства и гражданского общества обуславливает важность осмысления находящихся во взаимосвязи терминов «гражданское согласие» и «гражданское единство». Взаимная конституционная ответственность личности и государства за обеспечение общественного и государственного развития указывает на необходимость взаимодействия между ними, достижение гражданского согласия (ч. 2 ст. 2, ч. 3 ст. 21 Конституции Республики Беларусь).

Обновленная Конституция Республики Беларусь (далее, если не указано иное, – Конституция), являясь результатом общественного согласия, как отмечено в Послании Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» (решение от 14 марта 2023 г. № Р-1304/2023), придала гражданскому согласию, по нашему мнению, значение конституционной ценности.

Как известно, ценности пронизывают все стороны жизни человека и общества, определяют их ориентиры, предпочтения, интересы. В большинстве случаев «ценность» означает важность, значимость для человека чего-либо, его особое отношение к чему-либо (например, к вещам и их свойствам). Ценности выступают в качестве важнейшего ориентира для общества. Находясь в определенной иерархии, они мобилизуют, интегрируют общество, определяя перспективы его развития. В определенных исторических условиях основной ценностью для общества, народа являлось государство. Как известно, на современном этапе самой главной и основной ценностью является человек. Еще древнегреческий философ Протагор говорил: «Мера всех вещей – человек». Евромарксисты, разви-

вая концепцию общечеловеческих ценностей, идею прав человека, пришли к утверждению: «человек – высшая ценность», которое в дальнейшем получило закрепление на конституционном уровне в странах СНГ. Так, например, ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Беларусь гласит: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». В ст. 2 российской Конституции указанное утверждение закреплено следующим образом: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Таким образом, человек находится в центре всех социальных ценностей, определяет их иерархию, занимая ранг высшей ценности.

Система важнейших социальных ценностей, включающая помимо общечеловеческих и другие ценности, находит надлежащее отражение в праве. К тому же социальные ценности не только получают отражение, закрепление в нормативных правовых актах, но и порой обуславливают их форму. Так, например, согласно ч. 1 п. 1 ст. 14 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» (далее – Закон), законом регулируются наиболее важные общественные отношения, т. е. наиболее значимые, ценные отношения для человека, общества, государства. Правовые нормы защищают, утверждают, претворяют в жизнь социальные ценности, доминирующие в обществе. В результате посредством права они с течением времени приобретают статус правовых ценностей. Иерархической системе важнейших ценностей общества должна соответствовать иерархия правовых ценностей, получивших закрепление в правовых нормах и в конечном счете превращающих право в объективную социальную ценность.

Основным нормативным правовым актом, максимально отражающим, концентрирующим правовые ценности и устанавливающим их объективную иерархию, является Конституция Республики Беларусь. Закрепляясь, как правило, в преамбуле Конституции, ее нормах-целях, нормах-задачах и нормах-принципах, они приобретают статус конституционно-правовых ценностей, занимая таким образом центральное место во всей системе ценностей. Наряду с этим конституционные ценности содержатся и в других нормах Конституции (например, ст. 23 Конституции Республики Беларусь), которые уясняются Конституционным Судом в процессе осуществления им конституционного контроля. Так, Конституционный Суд Республики Беларусь, проверяя в порядке обязательного предварительного контроля конституционность Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях», в решении от 28 декабря 2011 г. отметил, что «здоровье человека – конституционная ценность» [3]. Конституционные ценности – это основополагающие, предельно обобщенные принципы (цели, установки), определяющие государственно-правовое развитие страны, лежащие в основе государ-

ства [4, с. 13]. В. И. Крусс различает ценности конституционные и антиконституционные (неконституционные) [5, с. 184–185.].

В соответствии с конституционными ценностями формируется система правовых ценностей гражданского общества и белорусской государственности. Они реализуются, утверждают себя в нормотворческой и правоприменительной деятельности. Термин «гражданское общество» появился в результате конституционных преобразований 2022 г. в ст. 89² обновленной Конституции в качестве одной из составных частей представительства Всебелорусского народного собрания. Научный интерес к становлению и развитию гражданского общества появился в 1990-е гг., что было обусловлено процессами радикальной трансформации политической системы социализма. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 г. № 5, недостаточный уровень развития субъектов гражданского общества рассматривается в качестве одного из внутренних источников угроз национальной безопасности в политической сфере (п. 31).

В преамбуле Конституции гражданское согласие определено в качестве конституционной ценности, а в ст. 89¹ – в качестве одной из конституционных функций Всебелорусского народного собрания. На необходимость конституционно-правового сохранения и упрочения гражданского согласия указано в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. В данной Концепции отмечено, что человек в силу непосредственной зависимости от жизнедеятельности общества, тесной связи с ней выступает субъектом гражданского согласия, имеющего целью единение, сплоченность на основе общих ценностей, интересов, стремление к достижению определенного социального, национального (гражданского) единства (подп. 41.3 п. 41).

Гражданское согласие имеет политические, экономические, правовые и социокультурные основы, которые в сжатом, концентрированном виде нашли отражение в закрепленных в Конституции ценностях, принципах и положениях. В частности, в Послании «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2012 году» Конституционный Суд указал на значение таких ценностей, как демократическое социальное правовое государство, демократия, верховенство права, справедливость и равенство, парламентаризм и конституционная экономика. Известный белорусский ученый-правовед А. М. Абрамович отмечал важное значение принципа социальной справедливости для совершенствования белорусского законодательства [6, с. 569–572].

Преамбула Конституции начинается словами: «Мы, народ Республики Беларусь (Беларуси) ...», свидетельствуя о двух важнейших тесно взаимосвязанных конституционных ценностях, предопределяющих в си-

лу этого взаимодействие народа и государства. Народ как носитель суверенитета и первичный субъект конституционных правоотношений представляет собой государственно-правовую общность людей, живущих в государстве и подчиненных соответствующим законам. Он выступает в качестве органического целого, а его воля не является совокупностью волей избирателей или населения.

Через гражданское согласие во взаимосвязи с формами идентичности члены гражданского общества, его институтов в процессе диалога по вопросам общественной жизни, участия в управлении делами общества и государства, решении государственных дел обретают народное (гражданское) единство, которое имеет социально-культурные, экономические и правовые основы, вытекающие из конституционных положений. В настоящее время гражданское (народное) единство выступает ориентиром взаимодействия государственных органов и общественных организаций. Такой вывод вытекает из анализа Закона Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества» (далее – Закон о гражданском обществе). Так, в данном Законе в числе основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества указаны обеспечение гражданского (народного) единства, повышение гражданского самосознания, политической культуры и социальной ответственности граждан (ст. 4); определены формы и направления содействия государства развитию гражданского общества, в том числе путем оказания государственной поддержки его субъектам, создания условий, гарантий и стимулов их деятельности и др. (ст. 5). Народное единство – важный приоритет идеологии белорусского государства, основанной на конституционных и традиционных ценностях нашего общества. Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 31 марта 2023 г. обращено внимание на важность народного единства как первого условия суверенитета и независимости и сохранения родного языка, памяти о нашей героической истории [7, с. 19, 54].

Социально-культурной основой народного единства выступают общее прошлое, настоящее и будущее белорусского народа, основополагающие патриотические, конституционные ценности, принципы социального государства, в центре которого – человек как высшая ценность со своими целями, интересами и устремлениями.

Таким образом, с учетом рассмотрения вопроса о гражданском согласии и гражданском обществе можно сделать обобщающие выводы.

1. Взаимная конституционная ответственность личности и государства за общественное и государственное развитие обуславливает необходимость взаимодействия между ними, достижения гражданского согласия.

2. Имеющее значимость конституционной ценности гражданское согласие является условием взаимодействия гражданского общества и государства, в результате которого достигаются взаимное доверие между ними, гражданское единство – важный приоритет государственной идеологии.

3. Анализ сущностных характеристик гражданского общества свидетельствует, что оно базируется на Конституции и других нормативных правовых актах, определяющих доктрину социального правового государства, являющегося основой социально справедливого общества, укрепления народного единства.

4. Гражданское единство находит выражение в конституционных формах долга, в которых выражаются обусловленные социальной необходимостью, задачами общественного развития требования и морально-нравственные призывы общества и государства, адресованные человеку и гражданину. В силу договорного характера Конституции исполнение человеком и гражданином конституционного долга, равномерно распространяющегося на всех, имеет важное значение для жизнедеятельности общества и государства.

5. Общие конституционные ценности, цели и положения о гражданском обществе и социальном правовом государстве являются условием их взаимодействия, укрепления народного единства. Равноправное конструктивное взаимодействие гражданского общества и социального правового государства не только укрепляет гражданское единство, но и является важным фактором их развития на современном этапе.

Библиографические ссылки

1. Попов К. А. Конституция Сётоку (604 г. н. э.) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 127–136.
2. Шалькевіч В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. Мінск : Маладзёжнае навуковае супрацоўніцтва, 2002. 248 с.
3. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2012. № 10. 6/1132.
4. Снежко О. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2. С. 13–19.
5. Красс В. И. Теория конституционного правопользования. М. : Норма, 2007. 752 с.
6. Абрамович А. М. Избранные труды. Минск : ЮрСпектр, 2019. 576 с.
7. Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь. Минск, 2023. 91 с.

НОРМОТВОРЧЕСКАЯ КВАЛИМЕТРИЯ КАК ДОКТРИНАЛЬНАЯ ОСНОВА КАЧЕСТВА ПРАВА В ГОД КАЧЕСТВА

Н. Л. Бондаренко, В. С. Каменков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, haspadar204@bsu.by*

Нормотворческая квалиметрия определяется как специфическая область научного знания, предметом исследования которой является определение природы, измерение и обеспечение качества процесса разработки, экспертной оценки, принятия правовых норм, толкования и оценки их эффективности и характера регуляторного воздействия.

Ключевые слова: качество; качество права; нормотворческий процесс; качество нормотворчества; квалиметрия; нормотворческая квалиметрия.

НАРМАТВОРЧАЯ КВАЛІМЕТРЫЯ ЯК ДОКТРЫНАЛЬНЫЯ АСНОВА ЯКАСЦІ ПРАВА Ў ГОД ЯКАСЦІ

Н. Л. Бандарэнка, В. С. Камянкоў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, haspadar204@bsu.by*

Нарматворчая кваліметрыя вызначаецца як спецыфічная вобласць навуковых ведаў, прадметам даследавання якой з'яўляецца вызначэнне прыроды, вымярэнне і забеспячэнне якасці працэсу распрацоўкі, экспертнай ацэнкі, прыняцця прававых нормаў, тлумачэння і ацэнкі іх эфектыўнасці і характару рэгуляторнага ўздзеяння.

Ключавыя словы: якасць; якасць права; нарматворчы працэс; якасць нарматворчасці; кваліметрыя; нарматворчая кваліметрыя.

NORMATIVE QUALIMETRY AS A DOCTRINAL BASIS FOR THE QUALITY OF LAW IN THE YEAR OF QUALITY

N. L. Bondarenko, V. S. Kamenkov

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, haspadar204@bsu.by*

Normative qualimetry is defined as a specific area of scientific knowledge, the subject of research of which is to determine the nature, measurement and quality assurance of the process of development, expert evaluation, adoption of legal norms, interpretation and evaluation of their effectiveness and the nature of regulatory impact.

Keywords: quality; quality of law; rulemaking process; quality of rule-making; qualimetry; rule-making qualimetry.

Качество как правовая категория характеризует сущностные характеристики различных правоотношений, институтов, объектов прав, законодательства. Отечественный законодатель повсеместно оперирует понятиями «качество жизни», «качество товара», «качество образования» и др. В Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» качество – основополагающая характеристика нормативных правовых актов при реализации принципа стабильности правового регулирования общественных отношений (ст. 6); содержательная характеристика правовых норм технических нормативных правовых актов (ст. 24); обязательное свойство нормотворческого процесса (ст. 42).

Выдающийся белорусский ученый-правовед А. М. Абрамович в своих трудах неоднократно обращался к проблеме обеспечения качества в контексте исследования вопросов управления народным хозяйством (экономикой). Как государственного деятеля А. М. Абрамовича волновало качество осуществления управленческих процессов и отдельных видов хозяйственной деятельности, как опытного преподавателя и талантливого педагога – возможности улучшения качества образовательного процесса. Как ученый все эти вопросы А. М. Абрамович анализировал сквозь призму обеспечения качества законодательства и нормотворческого процесса [1].

Тот факт, что 2024 год Указом Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2023 г. № 375 объявлен в нашей стране Годом качества, актуализирует необходимость более глубокого исследования качества как правовой категории, тем более что наука об измерении и количественной оценке качества различных предметов и процессов, т. е. объектов реального (материального и идеального) мира, существует и именуется «квалиметрия» [2, с. 24]. Успешно развиваются такие отрасли квалиметрии, как социальная квалиметрия, педагогическая квалиметрия, квалиметрия труда и др. [3].

Поскольку обеспечение качества правового регулирования не менее важно, постольку назрела необходимость институционализации юридической квалиметрии как специфической области научного знания, предметом исследования которой является определение природы, измерение и обеспечение качества процесса разработки, экспертной оценки, принятия, применения правовых норм, толкования и оценки их эффективности и характера регуляторного воздействия, а также определение природы, измерение и обеспечение качества юридического образования [4; 5; 6].

Систему юридической квалиметрии как науки составляют комплексные институты: квалиметрия нормотворчества, квалиметрия правоприменения и квалиметрия юридического, экономического и управлен-

ческого образования. *Нормотворческая квалиметрия* – специфическая область научного знания, предметом исследования которой является определение природы, измерение и обеспечение качества процесса разработки, экспертной оценки, принятия правовых норм, толкования и оценки их эффективности и характера регуляторного воздействия. Иными словами, «начиная от идеи необходимости правового регулирования общественных отношений, планирования законопроектных работ и заканчивая контролем за принятием правового акта» [1, с. 556].

А. М. Абрамовичем неоднократно отмечалась необходимость системной работы по планированию подготовки законопроектов, требование «увязывать» эту работу с актуальными потребностями и задачами экономического, социального, политического развития белорусского общества на данном конкретном этапе. Ученый полагал аксиоматичным утверждение о том, что залог эффективности и успешности всего процесса нормотворчества является именно этап планирования, позволяющий избежать бессистемности и противоречивости правовой базы; дублирования норм правовых актов; внутренних противоречий в регулировании тех или иных общественных отношений; правовой неурегулированности многих общественных отношений, нуждающихся в таком регулировании [1, с. 556].

Попытаемся взглянуть на процесс планирования принятия некоторых нормативных правовых актов с позиции нормотворческой квалиметрии.

Так, Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 утверждена Концепция правовой политики Республики Беларусь (далее – Концепция). В числе основных принципов формирования и реализации правовой политики в Концепции названы оперативность, гибкость и адекватность правового регулирования общественных отношений, а также целостность и системность правового регулирования (п. 5). В числе характерных положительных тенденций формирования и развития национальной правовой системы выделены, в частности, научно обоснованное, а также отражающее запросы государства, общества, личности планирование подготовки проектов законодательных актов и высокая степень кодификации законодательства и продолжение работы в данном направлении (п. 26.1).

Именно качественно новый подход в правовом регулировании экономических преобразований профессор А. М. Абрамович называл одним из основных направлений совершенствования системы белорусского законодательства, подразумевая под ним кодификацию в том числе хозяйственного законодательства, и отмечая, что «наличие значительного количества отраслевых кодексов свидетельствует о положительных тен-

денциях в его развитии, направленном на обеспечение качественных преобразований в соответствующих отраслях экономики, адекватных современным требованиям и перспективе» [1, с. 512].

В контексте вышеизложенного обратимся к положениям п. 45 Концепции, определяющему правовую политику в сферах гражданского, экономического (хозяйственного) законодательства. В п. 45.7, в частности, указывается на необходимость *провести кодификацию инвестиционного законодательства, а также систематизацию (кодификацию) национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности.*

Однако целесообразность такой кодификации вызывает серьезные возражения по целому ряду причин. Так, например, основными причинами невозможности кодификации инвестиционного законодательства являются две. Во-первых, Инвестиционный кодекс Республики Беларусь от 22 июня 2001 г. утратил силу в связи с принятием 12 июля 2013 г. № 63-З Закона Республики Беларусь «О концессиях». Во-вторых, это никак не обеспечит адекватность правового регулирования общественных отношений, а также целостность и системность правового регулирования, о которых упоминается в п. 5 Концепции.

Кодификацию инвестиционного законодательства осуществить проблематично хотя бы потому, что вызывает сомнения сам факт его существования. Традиционно инвестиции классифицируются на реальные, финансовые, интеллектуальные инвестиции и инвестиции в человеческий капитал. Таким образом, правоотношения инвестиционного характера не ограничиваются инвестиционными отношениями «традиционного характера» (т. е. складывающимися в рамках гражданского оборота и с использованием исключительно объектов гражданских прав, находящихся в гражданском обороте). Например, производство вооружений в соответствии с Законом Республики Беларусь от 18 мая 2007 г. № 232-З «О государственной программе вооружения и государственном оборонном заказе» также является сферой общественных отношений инвестиционного характера (в основе которых находятся государственные инвестиции, большая часть которых регулируется нормами Бюджетного кодекса Республики Беларусь, и которую придется «изъять» из названного кодекса и «поместить» в Инвестиционный кодекс). Однако такие общественные отношения являются не инвестиционными, а фискальными (направлены на обеспечение функционирования казны), хотя и содержащими «инвестиционный элемент».

Финансовые инвестиции также регулируются нормами специального законодательства (банковского, страхового, законодательства о рынке ценных бумаг и законодательства о валютном рынке). Следовательно, кодификация приведет к интеграции специального законодательства о

финансовом рынке в Инвестиционный кодекс, что не только чрезмерно, но и недопустимо.

Невозможность кодификации инвестиционного законодательства подтверждается также природой интеллектуальных инвестиций, в основе регулирования которых находится законодательство об интеллектуальной собственности, законодательство о научной и инновационной деятельности. Следовательно, в потенциальный Инвестиционный кодекс придется включать и весь массив такого законодательства, что повлечет за собой серьезные издержки, главными из которых станут чрезмерный объем и полное отсутствие логики.

Мы убеждены в том, что для регулирования сферы реальных инвестиций достаточно имеющего рамочный характер Закона Республики Беларусь «Об инвестициях», который должен иметь макроэкономический характер и регулировать состояние инвестиционного климата в стране.

В то же время необходимость кодификации хозяйственного законодательства, о которой писал профессор А. М. Абрамович еще в 2004 г., назрела со всей очевидностью. Разработка и принятие Хозяйственного кодекса Республики Беларусь не может далее откладываться, поскольку гражданское законодательство неспособно своим правовым инструментарием регулировать хозяйственную деятельность и хозяйственные правоотношения. Идея разработки Хозяйственного кодекса неоднократно выдвигалась нами ранее и в настоящее время глубоко, системно и комплексно разработана в трудах белорусского ученого Ю. Г. Конаневича [8; 9].

Подводя итог, отметим, что в п. 40 Концепции закреплена необходимость усиления роли правовой науки в научном обеспечении нормотворческого процесса, осуществлении мониторинга принятых актов и практики их применения, а также в выработке доктринальных основ правового регулирования общественных отношений. На наш взгляд, данное положение может рассматриваться как идеологический фундамент нормотворческой квалиметрии.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Избранные труды. Минск : ЮрСпектр, 2019. 576 с. (Наследие права).
2. *Федюкин В. К.* Квалиметрия. Измерение качества промышленной продукции : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2013. 316 с.
3. *Бондаренко Н. Л., Шидловский А. В.* Институционализация новых отраслей научного знания в контексте совершенствования юридического // *Право.by*. 2022. № 5. С. 136–142.
4. *Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г.* Юридическая квалиметрия как новая отрасль правового научного знания // *Право.by*. 2022. № 5. С. 117–124.

5. Конаневич Ю. Г., Бондаренко Н. Л., Лысаковская Ю. О. Квалиметрическое право как подотрасль кондиционного права // Вестник Пермского университета. 2023. № 2. С. 231–256. DOI:©10.17072/1995-4190-2023-60-231-256.

6. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г., Хилинская Ю. А. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и как элемент механизма пруденциального регулирования // Российский правовой журнал. 2021. № 2 (7). С. 60–77.

7. Конаневич Ю. Г. Хозяйственная деятельность в системе общественных отношений // Труд. Профсоюзы. О-во. 2021. № 1. С. 68–72.

8. Конаневич Ю. Г. Трансформация доктринального понимания предпринимательской деятельности как ответ на современные экономические и социальные вызовы // Право.by. 2023. № 3. С. 23–32.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СФЕРЕ ПРАВА

С. В. Мирошник

*Российский государственный университет правосудия,
ул. Новочеремушкинская, 69, 117418, г. Москва, Россия*

Раскрывается содержание цифровизации в праве и цифровизации права как составных элементов цифровой трансформации правовой системы государства; раскрывается опасность автоматизации права; обосновывается необходимость научного подхода к использованию цифровых технологий в правотворческой и правореализационной деятельности.

Ключевые слова: право; цифровизация; язык права.

ДЫСКУСІЙНІЯ ПЫТАННІ ЦЫФРАВІЗАЦЫІ Ў СФЕРЫ ПРАВА

С. В. Мірошнік

*Расійскі дзяржаўны ўніверсітэт правасуддзя,
вул. Новачаромушкінская, 69, 117418, г. Масква, Расія*

Раскрываецца змест цыфравізацыі ў праве і цыфравізацыі права як састаўных элементаў лічбавай трансфармацыі прававой сістэмы дзяржавы; раскрываецца небяспека аўтаматызацыі права; абгрунтоўваецца неабходнасць навуковага падыходу да выкарыстання лічбавых тэхналогій у праватворчай і праварэалізацыйнай дзейнасці.

Ключавыя словы: права; цыфравізацыя; мова права.

DISCUSSION ISSUES OF DIGITALIZATION IN THE FIELD OF LAW

S. V. Miroshnik

*Russian State University of Justice,
69 Novocheremushkinskaya Street, Moscow 117418, Russia*

The article discloses the content of digitalization in law and digitalization of law as integral elements of digital transformation of the legal system of the state; the danger of automation of law is revealed; the need for a scientific approach to the use of digital technologies in law-making and law-enforcement activities is justified.

Keywords: law; digitalization; language of law.

Цифровизация «является крупнейшим достижением в интеллектуальной эволюции всего человеческого сообщества» [1, с. 96], позволившим перейти на новый более высокий уровень цивилизационного развития.

Цифровизация разделила мир на два непримиримых пока лагеря, принципиально по-разному оценивающих ее последствия: представите-

ли первого рассматривают цифровые технологии как универсальное средство решения всех социальных проблем, в отличие от них сторонники второго подхода обращают внимание не только на преимущества, но и на возрастающие риски и угрозы их использования. Они обоснованно считают, что общество находится «на новом и пока еще не совсем понятном для людей, да и для общественного сознания, в целом» этапе развития [1, с. 100], когда процесс осмысления результатов научно-технологической революции находится еще только в начале своего пути.

Цифровизация способствовала революционным изменениям в правовой системе государства. Она затронула все сферы бытия права: как системы принципов и норм права, совокупности правоотношений, правосознания.

Цифровые технологии создали условия для появления новой разновидности правоотношений – цифровых правоотношений, упорядочение которых повлекло за собой изменение самого права, расширение границ правового регулирования. В результате цифровизации в праве классические формально определенные общеобязательные правила поведения дополнились новыми принципами и нормами, устанавливающими правовой режим цифровых технологий, правовое положение субъектов цифровых правоотношений, особенности их взаимодействия с классическими субъектами права.

Цифровые технологии изменили векторы развития не только права, но и правовой деятельности. Использование при ее осуществлении разнообразных цифровых технологий (цифровизация права) дало возможность автоматизировать рутинные процессы, сконцентрировать внимание профессионалов на решении сложных вопросов правового и индивидуального регулирования правоотношений, поднять правовую коммуникацию на принципиально новый уровень.

Сегодня в правовой науке активно обсуждаются вопросы будущего права и правового регулирования. Появляются неубедительные предложения о перспективах алгоритмизирования норм права, перехода на машиночитаемое регулирование [2]. При этом проблема оказывается гораздо более глубокой, чем кажется на первый взгляд. Речь идет не просто о переводе права на язык математических алгоритмов, а о возможности замены человека в правотворческой и правоприменительной деятельности цифровыми технологиями, лишенными человеческих слабостей, а потому объективных и непредвзятых.

Бесспорно, научно-технологическая революция позволила обществу сделать значительный рывок вперед, облегчив решение многих задач.

Переход от общинной жизни к государственному строю ознаменовал становление письменных форм выражения права, переход к информаци-

онному обществу, цифровая трансформация государственной и общественной жизни создают предпосылки появления цифровых форм права. Но изменение внешних способов его выражения не меняет социального предназначения – право служило и должно служить интересам человека. Это оказывается возможным только в том случае, если оно продолжает говорить на своем языке, если сохраняется качество языка права. Как справедливо отмечается в литературе, «право должно содействовать развитию техники, но оставаться при этом технологически нейтральным, не превращаясь в парадигме перманентного технического прогресса в руководство по эксплуатации постоянно устаревающих технических новинок» [3].

Сторонники автоматизации права забывают (или не знают) о том, что право – это не просто общеобязательные формально-определенные правила поведения, это принципы и нормы, закрепляющие и охраняющие правовые ценности конкретно-исторического периода развития общества. Правовые ценности не появляются случайно, они, отличаясь конвенционным характером, формируются и оцениваются «в рамках особого публичного правового дискурса» [4, с. 104]. Право говорит на синтезированном языке правового дискурса [4, с. 100], благодаря которому достигнутые в обществе компромиссы находят свое отражение в соответствующих правовых регуляторах.

Неубедительно звучат и суждения о недостаточной точности естественного языка права, сложностях толкования, субъективном восприятии общеобязательных правил поведения.

Как справедливо отмечал В. Н. Синюков, «настораживает космическая для науки быстрота обнаружения новых истин» [5, с. 30].

Сторонники автоматизации права забывают, что право «не является какой-то застывшей материей», абстрактность правовых положений объективно обуславливает необходимость их постоянного толкования, «благодаря которому право остается живым и развивающимся явлением» [6, с. 107].

Известный немецкий философ Х.-Г. Гадамер отмечал, что подлинный смысл текста «никогда не может быть исчерпан полностью; приближение к нему – бесконечный процесс» [7, с. 353], сопровождающийся освобождением «от разного рода замутнений», выявлением неожиданных смысловых связей, способствующих формированию истинного понимания. Понимание с позиции Х.-Г. Гадамера – «это всегда самодвижение... возврат от целого к частям и наоборот... поскольку понятие целого имеет относительное значение и включение произведения во все более широкие взаимосвязи непременно затрагивает также понимание частей» [7, с. 238].

Каждый раз, реализуя принципы и нормы права, необходимо соотнести их общий смысл с конкретным регулируемым правоотношением,

«приспособить текст закона, дошедший к нам из прошлого, к современным потребностям, а также приспособливать его к возникшим трудностям и отказываться от его буквального применения и строгих общих категорий в ситуациях, когда необходимы исключения» [6, с. 110].

Толкование права – это процесс познания правового смысла нормы права, предполагающего диалектику субъективного и объективного [6, с. 111], без которого упорядочение отношений в обществе оказывается невозможным.

Думается, что все нападки на естественный язык права обусловлены влиянием новомодных тенденций, непониманием того, что искусственный интеллект не всесилен, он не может заменить человека, например, в случае выявления пробелов в праве, он не способен применять выработанные и применяемые на практике концепции (например, концепцию недобросовестного налогоплательщика), давать толкование оценочным категориям. Утопичными и эйфоричными представляются картинки будущего, в которых благодаря роботу-судье формируется с позиции права идеальное общество.

Совершенно не учитываются реальные возможности доступа всех категорий граждан к цифровым технологиям, сети Интернет, уровень технической грамотности индивидуальных субъектов права, все увеличивающееся их желание общаться не с ботами, а с живыми контрагентами.

Нет никаких гарантий, что оцифрованная информация соответствует содержанию нормы права, написанной на естественном языке. Велики риски сбоев и ошибок, вмешательства третьих сил, разработавших более совершенные технологии и просто ради интереса их испытывающих.

И, наконец, забывается старая вечная истина – «на всякий лом найдется свой прием». Применительно к рассматриваемой теме означает, что информационные технологии, как бы они не были совершенны, не могут изменить человека, оказать на него воспитательное воздействие. Велика возможность появления и параллельного развития автоматизированного машиночитаемого «неправа».

Перевод многих процессов в автоматический режим создает опасность превращения общества деятельности в общество пассивных наблюдателей, не только ничего не умеющих, но и разучившихся думать. Бездумное использование цифровых технологий в сфере права может превратить их в «ящик Пандоры», существенно затрудняющий жизнь абсолютного большинства граждан.

Библиографические ссылки

1. Галиев Ф. Х. Гутман М. Ю., Исмаилов Р. Ф. К вопросу об устойчивом развитии общества в условиях информатизации и цифровизации // Теория государства и права. 2023. № 4-1(34). С. 96–112. DOI 10.25839/MATGIP_2023_4_96.

2. *Вашикевич А. М.* Автоматизация права: право как электричество. М. : Симплер, 2019. 256 с.

3. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов, О. А. Зайцев [и др.] ; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. Москва: ИЗиСП, НОРМА, 2022. 376 с.

4. *Клименко А. И.* Язык права как средство господства и борьбы за права // Теория государства и права. 2024. № 2(36). С. 100–110. DOI 10.25839/MATGIP.2024_2_36_100.

5. *Синюков В. Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография. 2-е изд., доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2021. 672 с. ISBN 978-5-91768-079-8. Текст: электронный. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1240964> (дата обращения: 25.04.2024).

6. *Жигитов А. А.* Истинный смысл как объект толкования права // Теория государства и права. 2023. № 3(32). С. 107–118. DOI 10.25839/MATGIP_2023_3_107.

7. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

ОРГАНЫ КОНТРОЛЯ И УПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВЫМИ ИНСТИТУТАМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. И ИХ ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ

А. В. Плотникова

*Юго-Западный государственный университет,
ул. 50 лет Октября, 94, 305040, г. Курск, Россия*

Рассматриваются проблемы государственного контроля и управления торговыми институтами в Российской империи в конце XIX – начале XX в., осмысливается процесс формирования органов, регулирующих данные процессы. Делается вывод о том, что прогрессивный рост торговли и промышленности, увеличение предпринимательской активности способствовали реорганизации управления торговой деятельностью и появлению нового ведомства – Министерства торговли и промышленности.

Ключевые слова: торговые отношения; государственная политика; органы управления торговлей; указ; предпринимательская активность.

ОРГАНЫ КАНТРОЛЮ І КІРАВАННЯ ГАНДЛЁВЫМІ ІНСТЫТУТАМІ Ў РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст. І ІХ ПРАВОВОЕ ЗАМАЦАВАННЕ

А. У. Плотнікава

*Паўднёва-Заходні дзяржаўны ўніверсітэт,
вул. 50 год Кастрычніка, 94, 305040, г. Курск, Расія, tgpkstu@yandex.ru*

Разглядаюцца праблемы дзяржаўнага кантролю і кіравання гандлёвымі інстытутамі ў Расійскай імперыі ў канцы XIX – пачатку XX ст., асэнсоўваецца працэс фарміравання органаў, якія рэгулююць дадзеныя працэсы. Робіцца выснова аб тым, што прагрэсіўны рост гандлю і прамысловасці, павелічэнне прадпрымальніцкай актыўнасці спрыялі рэарганізацыі кіравання гандлёвай дзейнасцю і з'яўленню новага ведамства – Міністэрства гандлю і прамысловасці.

Ключавыя словы: гандлёвыя адносіны; дзяржаўная палітыка; органы кіравання гандлем; указ; прадпрымальніцкая актыўнасць.

THE BODIES OF CONTROL AND MANAGEMENT OF TRADE INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES AND THEIR LEGAL CONSOLIDATION

A. V. Plotnikova

*SouthWest State University,
94 50 Let Oktyabrya Street, Kursk 305040, Russia, tgpkstu@yandex.ru*

The article examines the issues of state control and management of trade institutions in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries, explains the process of formation of bodies regulating these processes. It is concluded that the progressive growth of trade and industry, an increase in entrepreneurial activity contributed to the reorganization of trade management and the settlement of a new department – the Ministry of Trade and Industry.

Keywords: trade relations; public policy; trade management bodies; decree; entrepreneurial activity.

Торгово-экономическое положение в Российской империи в конце XIX в. представляло собой комплексные и сложные процессы, влиявшие на развитие страны и жизнь населения. Российская империя вступила в эпоху промышленной революции и переживала в конце XIX – начале XX в. бурный экономический и демографический рост. На государственном уровне поощрялась предпринимательская активность населения, для которого правительство принимало высокие защитные тарифы, что положительным образом влияло на зарождение частного капитализма. Государственные органы управления торговлей в исследуемый период также подверглись изменению.

Юридически Министерство финансов являлось контрольно-надзорным органом в области торговой деятельности. Свои полномочия оно получило в соответствии еще с указом от 17 августа 1810 г. от Министерства коммерции в связи с его упразднением [1, с. 323–328]. Но фактически на местах его функции выполняли сельские, волостные, городские общественные объединения, а также торговые депутации, а государственные служащие казенных палат при производстве ревизий не имели серьезных полномочий. По этой причине контроль и надзор на практике проводился заинтересованными лицами на местах на нерегулярной основе, что сказывалось негативным образом на работе финансового органа.

Для углубления контрольно-надзорных функций на местах государством по инициативе министра финансов Н. Х. Бунге 30 апреля 1885 г. вводятся при губернских казенных палатах должности податных инспекторов – государственных финансовых служащих [2, с. 179–181], главной функцией которых стал надзор за точностью взыскиваемых сумм налогов государством, а также сбор и своевременное поступление налогов. Теперь податные инспекторы как независимые государственные служащие казенных палат контролировали исполнение установленных законом норм и правил торговой деятельности, возбуждали дела об административных правонарушениях, проводили ревизии деятельности торговых и промышленных заведений.

Для усиления финансового контроля за торговлей и промыслами в помощь податным инспекторам по предложению министра финансов И. А. Вышнеградского привлекаются государственные служащие акцизного ведомства, о чем 4 июня 1890 г. выходит соответствующее постановление «О привлечении чинов акцизного надзора к участию в наблюдении за правильным производством торговли и промыслов» [3, с. 429].

Создание института податных инспекторов привели к пресечению злоупотреблений по укрывательству налогов, увеличению поступлений налоговых сборов в казну. Податные инспекторы на местах знакомились с реальной картиной торгово-хозяйственной деятельности населения, их реальными доходами, что в неизменном виде отражалось в их отчетах. Это способствовало корректировке методов государственного управления, изменению фискального и торгово-экономического курса государства в соответствии с динамическими процессами общества.

В таком виде Департамент торговли и мануфактур функционировал до 1900 г., а затем был упразднен в связи с реорганизацией Министерства финансов. Согласно указу от 5 июня 1900 г. «О преобразовании Департамента торговли и мануфактур» [4, с. 601–603] его функции по делам торговли и промышленности были переданы вновь созданным центральным органам Министерства, а именно:

1) *Отдел торговли.* К его ведению относилась внутренняя торговля, а именно: ярмарки, биржи, другие торговые заведения; регулирование прав купеческого сословия; подведомственные торговые товарищества и акционерные компании; контроль мер и весов, государственного промыслового налога; сборы с торговли и промыслов; внешняя торговля за исключением таможенной и карантинно-таможенного управления. При отделе был образовано особое по Промысловому налогу подразделение (присутствие);

2) *Отдел промышленности.* В его компетенцию входило устройство и содержание промышленных заведений, надзор за порядком на фабриках и заводах, контроль таможенной стоимости, устройство художественно-промышленных выставок, охрана прав промышленных собственников и другие дела, относящиеся к промышленной деятельности;

3) *Отдел торгового мореплавания,* в юрисдикцию которого входили дела, связанные с торговым мореходством;

4) *Отдел учебный,* правомочия которого распространялись на коммерческие, художественно-промышленные заведения.

В связи с дальнейшим развитием торговли и промышленности, ростом предпринимательской активности в стране изменения потребовались и в организации управления этой деятельностью, поэтому 27 ок-

тября 1905 г. вышел указ «Об учреждении Министерства торговли и промышленности» [5, с. 774–775].

Из Министерства финансов были переданы вопросы торговли и промышленности за исключением дел о промысловом налоге и сборах, из Министерства внутренних дел были переданы дела купеческих сообществ, а также купеческих и ремесленных управ, включено Главное управление торгового мореплавания.

В структуре Министерства появились три отдела: 1) отдел торговли; 2) отдел промышленности; 3) учебный отдел.

К ведению отдела торговли относились дела, касающихся внутренней торговли: ярмарки, биржи, торговые права купечества, торговые товарищества и торговые компании, система мер и весов, за исключением таможенных сборов.

К юрисдикции отдела промышленности относились дела: надзор и устройство промышленных заведений, таможенные тарифы, художественно-промышленные выставки, а также все вопросы, относящиеся к промышленности. При отделе был образован Комитет по техническим делам, к ведению которого относилась выдача патентов на изобретения.

Кроме того, в качестве совещательного органа при Министерстве были созданы Советы торговли и мануфактур в городах Москва и Санкт-Петербург. На них возлагалось обсуждение вопросов, предлагаемых Министром торговли и промышленности, а также общих вопросов надзора и устройства торговой и промышленной деятельности.

Деятельность Министерства торговли и промышленности продлилась до 28 октября 1917 г., затем его полномочия были переданы Народному комиссариату торговли и промышленности [6].

Таким образом, накануне революционных событий в системе государственных органов управления и контроля торговыми отношениями образовывается отдельный централизованный орган – Министерство торговли и промышленности, что свидетельствовало о значимости торговой сферы и предпринимательской деятельности в Российской империи.

Библиографические ссылки

1. Высочайшее утвержденное разделение государственных дел по министерствам, 17 авг. 1810 г., № 24326 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. XXXI. С. 323–328

2. Об учреждении должностей податных инспекторов, 30 апр. 1885 г., № 2907 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1887. Т. V. С. 179–181.

3. О привлечении чинов акцизного надзора к участию в наблюдении за правильным производством торговли промыслов, 4 июня 1890 г., № 6895 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Отделение 1. СПб., 1890. Т. X. С. 429.

4. О преобразовании Департамента торговли и мануфактур, 5 июня 1900 г., № 18736 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Отделение 1. СПб., 1902. Т. XX. С. 601–603.

5. Об учреждении Министерства торговли и промышленности, 27 окт. 1905 г., № 26851 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Отделение 1. СПб., 1908. Т. XXV. С. 774–775.

6. Об учреждении Совета Народных Комиссаров [Декрет II Всероссийского съезда Советов] // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИНСТИТУТОВ ПОДДАНСТВА И ГРАЖДАНСТВА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX в.)

Е. С. Соколова

*Уральский государственный юридический университет имени
В. Ф. Яковлева, ул. Комсомольская, 21, 620066, г. Екатеринбург, Россия*

Прослеживается тенденция юридической политики российского самодержавия к созданию правовых гарантий прав состояния для отдельных социальных групп с целью усиления охранительного начала сословного законодательства. Делается вывод о легализации особого статуса монарха, обеспечивающего постепенную трансформацию отношений подданства в институт гражданства в условиях существования юридического неравенства.

Ключевые слова: права личности; российское самодержавие; юридическая политика; охранительное начало; модернизация.

ДА ПЫТАННЯ ПРА СУАДНОСІНЫ ІНСТЫТУТАЎ ПАДДАНСТВА І ГРАМАДЗЯНСТВА Ў ЮРЫДЫЧНАЙ ПАЛІТЫЦЫ РАСІЙСКОЙ ДЗЯРЖАВЫ (XVIII – ПЕРШАЯ ТРЭЦЬ XIX ст.)

А. С. Сакалова

*Уральскі дзяржаўны юрыдычны ўніверсітэт імя В. Ф. Якаўлева,
вул. Камсамольская, 21, 620066, г. Екацерынбург, Расія*

Прасочваецца тэндэнцыя юрыдычнай палітыкі расійскага самадзяржаўя да стварэння прававых гарантый правоў стану для асобных сацыяльных груп з мэтай узмацнення ахавальнага пачатку саслоўнага заканадаўства. Робіцца выснова аб легалізацыі асаблівага статусу манарха, які забяспечвае паступовую трансфармацыю адносін падданства ў інстытут грамадзянства ва ўмовах існавання юрыдычнай няроўнасці.

Ключавыя словы: правы асобы; расійскае самадзяржаўе; юрыдычная палітыка; ахавальны пачатак; мадэрнізацыя.

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE INSTITUTIONS OF CITIZENSHIP AND CITIZENSHIP IN THE LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE (XVIII – THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURIES)

E. S. Sokolova

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
21 Komsomolskaya Street, Ekaterinburg 620066, Russia*

There is a tendency in the legal policy of the Russian autocracy towards the creation of legal guarantees of state rights for certain social groups in order to strengthen the protective principle of class legislation. The conclusion is made about the legalization of the special status of the monarch, ensuring the gradual transformation of citizenship relations into the institution of citizenship in the context of the existence of legal inequality.

Keywords: personal rights; Russian autocracy; legal policy; protective principle; modernization.

Общетеоретические проблемы формирования и становления правового статуса личности являются одним из ведущих научных направлений современного правоведения. В литературе активно обсуждается вопрос о дифференциации понятий «гражданство» и «подданство», о структуре юридического положения личности в обществе и государстве. Выявляются возможные соотношения между положением личности в социуме, основными правами, свободами и уровнем правосубъектности, позволяющим каждому индивиду обеспечивать реализацию законных интересов субъективного характера и нести конституционные обязанности.

В научном наследии А. М. Абрамовича данная проблематика занимает одно из центральных мест, а выполненные им исследования динамики развития правового статуса гражданства сохраняют свою актуальность до настоящего времени. В частности, А. М. Абрамович отмечал взаимосвязь правового статуса личности с институтом гражданства, наличием конституционных прав и обязанностей, а также обеспечением правовых гарантий на законодательном уровне. Статус гражданства рассматривается в его трудах как «обобщающая категория», позволяющая выявить «все основные аспекты его (гражданина – Е. С.) положения в государстве» [1, с. 2]. Подобный подход к определению сущности правового положения гражданина представляется весьма плодотворным для выявления возможного взаимодействия между институтами гражданства и подданства, учитывая многообразный характер дискуссий, посвященных типологии этих понятий.

В настоящее время профессиональное соглашение, существующее по данному поводу, основано на отрицании публично-правовой природы отношений подданства. В целом они определяются как взаимосвязь лица с монархом, основанная на отсутствии признания за подданным субъективных прав и соответствующих им правовых гарантий конституционного характера. Таким образом, в научной литературе преобладает точка зрения, отождествляющая отношения подданства с монархическим государством, что, по мнению ряда авторов, совершенно исключает модернизацию правового статуса личности, обеспечивающую гражданские права и свободы наряду с законодательным закреплением должного уровня юридических обязанностей [2, с. 64–65; 3, с. 48–50; 4, с. 95–96].

По мнению А. М. Абрамовича, «наиболее существенное значение для правового статуса граждан имеют их основные права и обязанности, закрепленные в конституционном порядке» [1, с. 3–4]. Именно они являются юридической базой для развития отраслевого законодательства и генетически связаны с государственным режимом демократии. Вместе с тем следует подчеркнуть, что исследуя проблематику прав и свобод личности на материалах Конституции СССР 1977 г., А. М. Абрамович не отрицал возможности исторического подхода к вопросам формирования и становления института гражданства, что представляется крайне важным для понимания историко-правовой специфики его возникновения.

Обращение к многообразным носителям правовой информации историко-правового содержания позволяет сделать вывод о том, что в исторической ретроспективе статус гражданства или же его отдельные составляющие в форме юридических прав не всегда находились в непротиворечии с институтом подданства. В ряде случаев конституирование юридических прав на основе их соотношения с обязанностями субъектов осуществлялось на основе политико-юридического курса монархических государств. Данное направление юридической политики отличалось охранительной направленностью и допускало лишь умеренную модернизацию правоотношений в сфере взаимодействия монарха и социума при сохранении неравенства прав состояния. В то же время само это неравенство, которое являлось основным стержнем сословного законодательства, было нацелено на индивидуализацию права, позволяющую определить основной объем правового положения той или иной социальной группы и приблизить частно-правовой институт служения монарху к статусу гражданства.

Данный вектор юридической политики был нацелен на обеспечение политико-юридических условий для легализации особого статуса правящего лица, позволяющего ему доминировать в обществе и государстве. Превращение сословного законодательства в основной инструмент воздействия на общественное устройство содействовало формированию режима законности, в рамках которого достигался необходимый для стабилизации государственно-правовой системы уровень правового положения каждой сословной группы. Это хорошо прослеживается на примере эволюции сословного законодательства Российской империи, где юридическая политика, нацеленная на конституирование юридических прав и обязанностей сословий, привела к формированию надсословного политического режима и обеспечила монарху возможность контроля за социальной деятельностью субъектов сословного законодательства правовыми средствами [5, с. 25–49].

Определяя юридические критерии взаимодействия верховной власти и отдельных общественных групп, российские законодатели ориентировались на степень значимости социальной деятельности каждого сословия для достижения социально-экономического благосостояния и политической стабильности государства.

В условиях сохранения сословной стратификации общества как основного ядра российской политико-правовой системы Нового времени основным юридическим инструментом, обеспечивающим лидирующее положение монарха в российском социуме, была детальная законодательная регламентация механизма социальной мобильности для лиц недворянского звания в зависимости от их статусного положения. Важным элементом, определяющим сущность взаимосвязи между каждым сословием и государством, являлось распределение сословных прав привилегированного характера, которые по аналогии с законодательством о дворянстве не носили безусловного характера и отражали значимость той или иной страты в сословной иерархии [5, с. 298–300].

Основной политико-юридический показатель статусной характеристики сословий и входящих в них сословных групп заключался в объеме правоспособности, закрепленном за коллективным субъектом права. Детализируя права состояния в различных сферах жизни общества, законодатель опирался на особенности институционального оформления дворянских привилегий, частично уравнивая другие категории общества в правах с высшим сословием Российского государства. Общим итогом юридической политики в области сближения сословных статусов при сохранении элементов сословной корпоративности стало создание юридического механизма, позволяющего осуществлять управление всеми видами социальной деятельности населения и оказывать воздействие на общезначимые поведенческие стратегии как отдельных лиц, так и целых общественных групп.

Методы политико-юридического манипулирования социумом, нацеленные на реализацию надсословного политического режима, в наибольшей степени отражены в нормах сословного законодательства, регламентирующего правовое положение духовенства и городских обывателей. Оба сословия по объему дарованных им статусных привилегий были приближены к дворянству, но в то же время имели значительно более низкое положение в социальной организации Российского государства.

Частичное уравнивание полупривилегированных сословий с дворянством в имущественных и личных правах практиковалось с целью подъема их социально-политической значимости и расширения возможности воздействия на сословное самосознание у значительной части поддан-

ных, что объективно содействовало укреплению надсословного имиджа правящего монарха.

С той же целью законодатель в ряде случаев допускал возможность корректировки общего механизма регулирования прав состояния, которая заключалась в ослаблении наследственного принципа сословной принадлежности, насильственном переводе «лишних» членов того или иного сословия в другие страты, усилении финансово-экономических рычагов давления на те сословные группы, для которых юридическое состояние определялось уровнем их предпринимательской деятельности. Аналогичный принцип политико-юридического прагматизма был положен в основу регулирования прав состояния для непривилегированных сословий [5, с. 150–175].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что консерватизм сословной политики Российской империи, основанной на отказе от принципа юридического равенства во имя охранительных целей, не позволяет говорить о полной трансформации института подданства в институт гражданства, как это произошло, например, в Великобритании. Тем не менее, определяя статусные различия сословий по их правам и обязанностям перед государством, российский законодатель обеспечивал правовые гарантии реализации тех сословно-корпоративных интересов, которые не противоречили общегосударственным потребностям. Закрепление данной модели сословной организации общества в Своде законов создавало политико-юридическую основу для разработки юридического механизма демократизации общественного устройства на основе синтеза подданных отношений и прав гражданства в условиях функционирования самодержавной монархии.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Правовой статус советского гражданина. Минск : Наука и техника, 1988. 91 с.
2. *Ванюшин Я. Л.* Гражданство и подданство: некоторые вопросы соотношения // Проблемы права. 2010. № 1. С. 61–65.
3. *Ванюшин Я. Л.* Соотношение гражданства и подданства: некоторые вопросы теории и практики // Юрист-правовед. 2007. № 2. С. 47–51.
4. *Стацк А. Ю.* Правовой механизм приобретения подданства Российской империи (вт. половина XIX – начало XX ст.) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 1. С. 93–98.
5. *Соколова Е. С.* Надсословная монархия в идеологических и государственно-правовых практиках России (середина XVII – первая треть XIX вв.). М. : Юрлитинформ, 2021. 304 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ А. М. АБРАМОВИЧА

С. А. Калинин

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kalinin@bsu.by*

На концептуально-методологическом уровне осмысливается деятельность и научное наследие А. М. Абрамовича, делается вывод о том, что правильность принятых Республикой Беларусь стратегических решений обусловлена верным пониманием государственно-правовых закономерностей.

Ключевые слова: А. М. Абрамович; методология теоретической юриспруденции; постнеклассическая научная и управленческая парадигма; мир-системный анализ; белорусская государственность.

КАНЦЭПТУАЛЬНА-МЕТАДАЛАГІЧНАЕ АСЭНСАВАННЕ ДЗЕЙНАСЦІ І НАВУКОВАЙ СПАДЧЫНЫ А. М. АБРАМОВІЧА

С. А. Калінін

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, kalinin@bsu.by*

На канцэптуальна-метадалагічным ўзроўні асэнсавецца дзейнасць і навуковая спадчына А. М. Абрамовіча, робіцца вывад аб тым, што адэкватнасць прынятых Рэспублікай Беларусь стратэгічных рашэнняў абумоўлена станоўчым разуменнем дзяржаўна-прававых заканамернасцяў.

Ключавыя словы: А. М. Абрамовіч; метадалогія тэарэтычнай юрыспрудэнцыі; постнекласічная навуковая і кіруючая парадыгма; свет-сістэмны аналіз; беларуская дзяржаўнасць.

CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL UNDERSTANDING OF A. M. ABRAMOVICH'S ACTIVITY AND SCIENTIFIC HERITAGE

S. A. Kalinin

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, kalinin@bsu.by*

The article conceptually and methodologically comprehends the activities and scientific heritage of A. M. Abramovich. The author comes to conclusion that the correctness of strategic decisions made by the Republic of Belarus is due to a correct understanding of state and legal patterns.

Keywords: A. M. Abramovich; methodology of theoretical jurisprudence; post-non-classical scientific and managerial paradigm; world-system analysis; Belarusian statehood.

Пятилетний интервал между форумами, посвященными памяти А. М. Абрамовича (2019, 2024 гг.), позволяет осмыслить его творчество через призму постнеклассических нелинейных концептуально-методологических феноменов и связать его с бифуркациями советской и белорусской государственности. Нелинейная динамика отражает вариативность развития самоорганизующейся системы (в нашем случае – Республика Беларусь), возможность ее кардинального изменения в точке бифуркации под влиянием слабых и хаотичных воздействий, а также возможность неочевидного выбора одной из множества стратегий развития системы и перестройки ее внутренней структуры. 2020 год – это точка бифуркации, отражающая целенаправленную агрессию против Беларуси. При этом преодоление последствий агрессии во многом опиралось на фундамент, заложенный в схожих условиях в 1996 г.

В 2019 г. подчеркивалась государственная мудрость и научный прогноз А. М. Абрамовича, который а) акцентировал внимание на необходимости создания устойчивой конституционной модели демократического правового социального эффективного государства [5]; б) разработал концепцию изменения Конституции [4]; в) осуществлял правовое сопровождение интеграционных процессов на постсоветском пространстве [2]; г) координировал развитие судебной и правоохранительной системы, кодификацию и систематизацию законодательства [10]; д) обеспечил создание системы инструментального управления правовой системой.

Осмысление деятельности А. М. Абрамовича через призму 2020 г. и последующих мероприятий, направленных на укрепление суверенитета Беларуси, позволило сделать вывод о том, что в основу развития республики заложен верный анализ глобальных закономерностей развития государственно-правовой реальности и прогноз нужных стратегических решений. Данный прогноз основан на понимании управленческой природы права [1; 3; 6], признании гражданина центральным субъектом конституционно-правовых отношений [9; 8], поиске оптимальной модели взаимодействия центра и союзных республик [7; 11; 12]. Иными словами, слабое («несостоявшееся») государство («Failed State»), «устраняющееся» от «авторитарного» обеспечения безопасности, развития и социального управления, неспособно защитить достоинство личности, права и свободы граждан, а также обеспечить социальную справедливость.

А. М. Абрамович выявил и осмыслил глубинные закономерности государства и права в переходный период, однако детально не раскрыл их

в научных публикациях. Понимание данных закономерностей следует осуществлять при переносе акцента в объекте теоретической юриспруденции с права на государство, использующее право в качестве инструмента (*право как нормированная власть*). Важно учитывать, что закономерности права и закономерности государства могут рассматриваться и отдельно, и взаимосвязанно, а также носят объективный характер, даже когда не выявлены либо конвенционально игнорируются, однако реагирование на них носит волевой характер (личность в истории).

Исходной точкой анализа творчества и деятельности А. М. Абрамовича является *современность* как совокупность внешних условий бытия человечества и форм его социальной организации (в нашем случае – Беларусь), которой свойственны и иные вызовы (угрозы), неявные во время деятельности Профессора. При этом *содержательно* современность – это и кризис, на который, как на вызов, государство должно дать ответ.

Современность (Настоящее) может быть представлена и как итог Прошлого, и как исходная точка Будущего. Такой контекст позволяет указать на объективную включенность белорусской государственности в сложный комплекс мировых тенденций. В XX в. белорусские земли дважды находились в рамках сопоставимых процессов распада наднациональной / имперской государственности, влекших либо их [земель] превращение в периферию мир-системы и зону трофейной экономики [15], либо требовавших реализации сложных стратегий построения собственной справедливой государственности в условиях активного противодействия. При этом и Российская империя, и СССР были разрушены идеологически и путем сравнения несуществующего идеала с «невыносимой действительностью».

По этой причине Перестройку как точку бифуркации следует рассматривать и в качестве мировоззренческой капитуляции социалистического строя и советской социально-гуманитарной науки перед западными идеями. Это предопределило наивность и романтизм перестроечной и постперестроечной науки, поставив постсоветское пространство в положение «вечных учеников» Запада, обладающего «универсальным» и «эталонным» знанием. Однако в реальности постсоветское пространство стало колониальной зоной.

Считаем, что для корректного анализа вышеназванных параметров и условий развития государственности целесообразно использовать мир-системный анализ, основой которого является изучение возникшей в рамках долгого XVI в. (1453–1648 гг.) капиталистической мир-экономики, подчинившей себе весь мир и в настоящее время достигшей пределов развития, а также признание наличия единой глобальной эко-

номики и совокупности государств, обладающих различной силой и обеспечивающих суверенитет нахождением в межгосударственной системе (ядро (во главе с гегемоном) – периферия – полупериферия). Ядро за счет внеэкономических факторов и неэквивалентного обмена локализует у себя наиболее прибыльные виды деятельности, что позволяет использовать либерально-демократические формы правления, сочетающиеся с расизмом и нарушением прав человека (по отношению к *несвоим*). Для периферии характерны компрадорские коррумпированные режимы, обеспечивающие удобный для ядра «доступ» к ресурсам. Полупериферия в силу размера территории, военной мощи, наличия ключевых ресурсов и т. д. жестко регламентирует экономику и иные социальные сферы для предотвращения «сползания» в периферию.

При этом легитимация мир-системы, мировоззренчески подчиняющая периферию и полупериферию, реализуется в рамках геокультуры. Применительно к капиталистической мир-системе – это либеральная геокультура, охватывающая идеи демократии, международного права, прав человека, разделения властей и т. д. По отношению к либеральной геокультуре в постсоветском государственном строительстве выделяются два этапа. Для первого этапа характерно восторженное и некритическое восприятие ее моделей и нигилистическое отношение к советскому наследию. Однако нарастание социальных противоречий и трофеизация экономики поставили перед государственно ориентированными элитами задачу по выходу из перманентного кризиса государственности. Поэтому второму этапу характерно усиление регулятивной роли государства, оцениваемое «мировым сообществом» и «гражданским обществом» как «сползание в авторитаризм».

Некритическое заимствование либеральной геокультуры характерно и Беларуси до 1995 г., включая и Конституцию от 15 марта 1994 г., что породило дилемму: либо «соблюдение» «общемировых» стандартов и будущее разрушение государственности (переход в статус колонии), либо поиск новых моделей государственного развития. Однако ядро мир-системы («международное сообщество») негативно восприняло использование западных политико-правовых моделей для суверенного развития незападного государства, что повлекло наложение санкций. Поэтому Беларусь постоянно стремится выйти из-под ограничений либеральной геокультуры. Так, в 2022 г. был пересмотрен концепт «демократия», развита концепция разделения властей (Всебелорусское народное собрание), усилены требования к кандидатам на пост Главы государства и т. д.

Достижение капиталистической мир-экономикой пределов развития в силу конечности Земли и невозможности ядра «сбросить» проблемы

на периферию (полупериферию) порождает ее глобальный терминальный (финальный) кризис, т. е. переход постсоветского пространства в колониальный статус продлил жизнь ядра, которое вновь стало нуждаться в присвоении чужих богатств, чему мешают суверенные государства. Таким образом, кризис – это и война в широком понимании (Тридцатилетняя – по И. Валлерстайну).

Отметим, что современность – это условия и внешняя среда бытия Республики Беларусь, что требует понимания ее концептуально-нарративной и исторической сущности, позволив преодолеть традиционную для юриспруденции односторонность в *трактовке* государства, *интерпретируя* его и как любую форму отделенной от населения власти, и как форму властвования, возникшую в Западной Европе в Новое Время (новоевропейское национальное государство). Среди национальных государств следует выделять: а) «новые монархии» (Испания, Франция, Англия и т. д.), сочетавшие двухуровневую имперскую систему, включавшую «демократическую» для граждан метрополию и бесправные колонии; б) государства, возникшие в ходе Наполеоновских войн и «Весны народов»; в) государства, возникшие после Первой мировой войны; г) государства, возникшие после распада социалистической системы.

Применительно к Республике Беларусь указанная периодизация отражает этапы ее формирования, а именно: а) получение ограниченной субъектности в рамках СССР, который сумел построить суверенную государственность на территории Российской Империи и не стать колонией ядра; б) неотъемлемое от советского народа участие белорусского народа в Великой Отечественной войне и сохранение себя от планируемого геноцида благодаря Великой Победе; в) формирование белорусского этноса в рамках прогрессивного развития советской цивилизации, переход от народа малоземельных крестьян к индустриально-аграрной нации, способной решать глобальные задачи; г) формирование политической белорусской нации в рамках построения независимого государства в условиях распада советской государственности и «общемировой» тенденции, которая современной западной наукой описывается как кризис и отмирание государства [13, с. 413–508; 14, с. 279–304]. Однако для белорусского народа ликвидация или ослабление собственного государства будет национальной катастрофой, поскольку исчезнет субъект, обеспечивающий безопасность, развитие и социальную справедливость, создающий инфраструктуру, перераспределяющий блага и исправляющий системно-структурные дисбалансы, создающий условия реализации прав, свобод и законных интересов и т. д.

Таким образом, Республика Беларусь нуждается в выработке и реализации стратегических долгосрочных многофакторных программ,

направленных на выживание и минимизацию угроз в условиях глобального кризиса современности и гибридных войн. Такие стратегические решения могут быть приняты лишь на основании надлежащего концептуально-методологического обеспечения, отвечающего требованиям постнеклассических научной и управленческой парадигм и ставящего во главу угла новые цели – суверенное и успешное развитие белорусского народа и Республики Беларусь как единственной политико-территориальной формы его бытия. Именно в такой логике и осуществлял свою деятельность и творчество профессор А. М. Абрамович.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Взаимоотношения министерств, государственных комитетов и ведомств союзных республик с органами государственной власти и другими органами государственного управления // Министерства, государственные комитеты и ведомства союзной республики / под ред. В. И. Семенкова, В. И. Шабайлова. Минск : Наука и техника, 1984. С. 43–109.
2. *Абрамович А. М.* Горизонты сотрудничества // Беларуская думка. 1998. № 9. С. 8–17.
3. *Абрамович А. М.* Государственное управление строительством СССР. Минск : Наука и техника, 1982. 271 с.
4. *Абрамович А. М.* Канстытуцыйная рэформа: праблемы і перспектывы // Веснік БДУ. Серыя 3. 1996. № 3. С. 81–84.
5. *Абрамовіч А. М.* Катэгорыя справядлівасці ў беларускім заканадаўстве // Теоретические проблемы формирования и функционирования гражданского общества и правового государства / под общ. ред. А. М. Абрамовича ; Белорус. гос. ун-т, юрид. факультет. Минск : [Б. и.], 1995. С. 10–13.
6. *Абрамович А. М.* Организационно-правовое регулирование научно-технического прогресса в промышленности // Управление промышленностью в союзной республике / В. И. Шабайлов, Ю. А. Тихомиров, Е. И. Орловская [и др.] ; под ред. В. И. Шабайлова, Ю. А. Тихомирова ; АН БССР, Ин-т философии и права. Минск : Наука и техника, 1987. С. 141–162.
7. *Абрамович А. М.* Организационно-правовое регулирование развития экономики Белорусской ССР как составной части народнохозяйственного комплекса страны // Белорусская ССР: Статус. Достижения. Развитие / В. И. Шабайлов, В. Г. Городнюк, А. П. Проскурин [и др.] ; под ред. С. Г. Дробязко, В. И. Шабайлова ; АН БССР, Ин-т философии и права. Минск : Наука и техника, 1989. С. 189–244.
8. *Абрамович А. М.* Основные социально-экономические права граждан СССР. Минск : о-во «Знание» БССР, 1985. 19 с.
9. *Абрамович А. М.* Правовой статус советского гражданина / ред. В. И. Шабайлов. Минск : Наука и техника, 1988. 93 с.
10. *Абрамович А. М.* Современное правопонимание и совершенствование гражданского, трудового и уголовного законодательства // Генетические закономерности права : сборник научных трудов, посвящ. 90-летию профессора С. Г. Дробязко. Минск : Бизнесофсет, 2013. С. 31–41.
11. *Абрамович А. М.* Соотношение компетенции органов Союза ССР и БССР в области народного хозяйства // В союзе равных и суверенных: Развитие Сов. Федерации и нац.-гос. стр-во белорус. народа / В. А. Круталевич, В. И. Шабайлов,

А. М. Абрамович [и др.]; ред. С. Г. Дробязко. Минск : Наука и техника, 1982. С. 91–106.

12. *Абрамович А. М.* Союзная республика: обеспечение комплексного экономического и социального развития на своей территории // Великий Октябрь и национально-государственное строительство в Белоруссии / С. Ф. Сокол [и др.]; предисл. В. А. Круталевича; под ред. В. И. Семенкова; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права. Минск : Наука и техника, 1987. С. 81–111.

13. *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М. : ИРИСЭН, 2006. 544 с.

14. *Лахман Р.* Государства и власть / пер. с англ. М. Дондуковского; под науч. ред. И. Чубарова. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 352 с.

15. Словарь терминов и понятий по обществознанию: А–Я / авт.-сост. А. М. Лопухов. 7-е изд. переб. и доп. М. : Айрис-Пресс, 2013. 510 с.

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

В. А. Абрамович

*Специализированная юридическая консультация г. Минска
«Защита и представительство»,
ул. Столетова, 13, 220037, г. Минск, Беларусь, zachita.minsk@mail.ru*

Анализируются вопросы реализации внешнеэкономической функции государства. Сделан вывод о том, что концепция реализации указанной функции на современном этапе объективно должна базироваться на положениях об усилении собственной роли государств при вхождении их открытых экономик в мировую экономическую систему в современных условиях нестабильности, а также глобализации как фактора использования преимуществ этого мирового процесса и нейтрализации его негативных последствий.

Ключевые слова: внешнеэкономическая функция государства; открытые экономики; мировая экономическая система; глобализация.

ЗНЕШНЕЭКАНАМІЧНАЯ ФУНКЦЫЯ ДЗЯРЖАВЫ: ЮРЫДЫЧНАЯ ТЭОРЫЯ, ГІСТАРЫЧНАЯ РЭТРАСПЕКТЫВА І СУЧАСНЫ ЭТАП

В. А. Абрамовіч

*Спецыялізаваная юрыдычная кансультацыя г. Мінска
«Абарона і прадстаўніцтва»,
вул. Сталетава, 13, 220037, г. Мінск, Беларусь, zachita.minsk@mail.ru*

Аўтар аналізуе знешнеэканамічную функцыю дзяржавы. Зроблены вывад аб тым, што канцэпцыя рэалізацыі гэтай функцыі на сучасным этапе аб'ектыўна павінна грунтавацца на палажэннях аб умацненні асабістай ролі дзяржаў пры ўваходжанні іх адкрытых эканомік у сусветную эканамічную сістэму ва ўмовах сучаснай нестабільнасці, а таксама глабалізацыі як фактару выкарыстання пераваг гэтага сусветнага працэсу і нейтралізацыі яго негатыўных наступстваў.

Ключавыя словы: знешнеэканамічная функцыя дзяржавы; адкрытыя эканомікі; сусветная эканамічная сістэма; глабалізацыя.

FOREIGN ECONOMIC FUNCTION OF THE STATE: LEGAL THEORY, HISTORICAL RETROSPECTIVE AND THE MODERN STAGE

V. A. Abramovich

*Specialized legal advice in Minsk «Protection and representation»,
13 Stoletova Street, Minsk 220037, Belarus, zachita.minsk@mail.ru*

The author analyzes the function of foreign states. It is concluded that the concept of implementing the foreign economic function of the state at the present stage should be objectively based on the provisions on strengthening the personal role of states when their open economies enter the world economic system in times of modern instability and globalization as a factor in taking advantage of this world process and neutralizing its negative consequences.

Keywords: foreign economic function of the state; open economies; world economic system; globalization.

Вопросы функций государства нередко представляются как достаточно разработанные темы в юридической научной литературе. Однако специальных работ, посвященных теории функций государства, не так много. Это труды Л. И. Каска, Н. В. Черноголовкина, М. И. Байтина, А. П. Глебова, В. А. Владимирова, применительно к внешним функциям – А. А. Рогачева [20; 38; 6; 15; 11; 33]. Содержание внешнеэкономической деятельности, специфика государственного регулирования ее отдельных аспектов отражены в трудах У. Гамильтона, Ч. Киндельбергера, В. Леонтьева, Ф. Листа, А. Маршалла, Г. Мюрдаля, Б. Олина, П. Самуэльсона, В. Столпера, Я. Тинбергена, Э. Хекшера, А. Хиршмана и ряда других авторов [14; 21; 24–26; 29; 45; 34; 37; 43; 48].

При всех различиях и особенностях имеющихся соответствующих интерпретаций они совпадают в понимании функций государства как основных направлений в содержании его деятельности, определяемых задачами государства. Содержание функций определяет, что делают (а точнее сказать, что должны делать – В. А.) органы государства [30]. Так, среди функций государственных органов традиционно выделялись планирование и регулирование, а также, как разумно писал А. М. Абрамович, организация финансового, материально-технического, кадрового, научного и иного обеспечения соответствующих процессов, реализации продукции, товаров и услуг [1].

Наряду со значительной разработкой проблематики экономической функции применительно к внутренним аспектам экономики, внешнеэкономическая функция такого широкого научного анализа не нашла. На основе изучения компонентов определения функции государства в це-

лом, ряда отдельных его функций представляется разумным охарактеризовать внешнеэкономическую функцию как основные направления деятельности его органов и организаций по достижению стоящих перед внешней экономикой целей и задач, осуществляемые с учетом их трансграничного характера при соответствующем взаимодействии в этой сфере с иностранными государствами, их объединениями и союзами, национальными и транснациональными хозяйствующими субъектами и международными организациями.

Исходя из ст. 13 Конституции Республики Беларусь можно утверждать, что обязанностью государства в вопросах, в том числе внешнеэкономической деятельности, является регулирование этой деятельности в интересах человека и общества.

В юридической литературе в числе различных классификаций функций государства предлагается их разграничивать на внутренние и внешние. К последним относится и внешнеэкономическая функция, находящаяся, однако, в тесной связи с экономической, традиционно рассматриваемой в юридических работах с позиций внутренних ее аспектов [4; 5; 32].

Очевидно, что внешнеэкономическая функция государства обусловлена другими его функциями, прежде всего экономической, идеологической и внешнеполитической как составляющими обеспечение внешнеэкономических связей. Взаимосвязь внешнеэкономической функции с иными функциями выявляется при анализе ряда основных нормативных правовых актов в финансовой сфере. Об этом свидетельствуют и отдельные тенденции формирования бюджета Республики Беларусь. В частности, налоговые доходы от внешнеэкономической деятельности, включая таможенные пошлины и сборы, составляли в разное время фактически четвертую часть от всей доходной части бюджета республики. Соответственно, осуществление государством своей внешнеэкономической функции предопределяет значительные бюджетные поступления и, как следствие, надлежащую реализацию им своих иных функций в рамках формирования бюджетных расходов на социальную политику, культуру, здравоохранение, охрану окружающей среды, и, что особенно актуально на современном этапе – на оборону.

Вопросы развития производства внутри страны – основы внутриэкономической функции – во многом обусловлены осуществлением внешнеэкономической функции в контексте привлечения зарубежного капитала (инвестиций) в качестве одного из основных факторов производства, а также поиска рынков сбыта произведенной внутри страны продукции в условиях нарастающей геополитической нестабильности.

Полагаем, что данные факты являются основанием для вывода о том, что для Республики Беларусь в начале третьего десятилетия XXI в. имеют особое значение именно внешние составляющие экономики, что

предполагает разумность рассмотрения внешнеэкономической функции белорусского государства в качестве одной из основных.

В рамках реализации экологической функции, органы, имеющие в своей компетенции сугубо экологические вопросы, в том числе вопросы санитарии, могут проводить соответствующую политику по ограничению импорта [7; 12].

Эффективность внешнеэкономической функции во многом зависит от принятых обществом идеологических ценностей. В государствах с экономикой «военного коммунизма» первых лет Советской власти, или же, наоборот, капиталистической экономикой, основанной на идее свободного рынка, подходы к реализации рассматриваемой функции различны и, соответственно, различны ее результаты.

Однако важно всегда помнить, что внешнеэкономические связи нашей страны имеют тысячелетнюю историю, обусловленную спецификой ее природных и людских ресурсов, географического положения и ряда других факторов. Специфическое положение территории нынешней Беларуси на историческом пути из «варяг в греки» формировала достаточно высокий уровень не только торгового, но и технического, а также культурного обмена. Беларусь как составная часть крупнейшего по тем временам в Европе государства – Великого княжества Литовского – имела исключительно обширные внешнеэкономические связи, основанные на традиционных по тем временам экспортных и импортных операциях [17].

Не ставя задачи дать обстоятельный анализ истории внешнеэкономических отношений советского периода, отметим попытку реорганизации системы внешней торговли, сделанную в 1986 г. В основном она заключалась в предоставлении права субъектам хозяйствования осуществлять данную деятельность от своего имени. Однако во внешнеэкономической сфере существовали 100-процентные валютные ограничения, т. е. фактический официальный запрет использования рубля во внешнеторговых операциях, вывоза банкнот. В результате за границей нелегально обращались огромные суммы в рублях, котирующихся в 25–35 раз ниже их обменного курса [31]. По нашему мнению, данная ситуация в денежной сфере фактически обусловила уничтожение одного из важнейших рычагов государственного регулирования внешней экономики на последующие десятилетия.

Следующий этап в исторической судьбе Беларуси – приобретение ею в результате распада СССР государственной самостоятельности. Последовавшие за этим процессы разрыва народнохозяйственного комплекса объективно потребовали новых внешнеэкономических связей. Основными задачами в первый период существования новой Беларуси были: поиск рынков сбыта, дифференциация экспортоориентированной продукции, модернизация производственных фондов, на базе которых

был организован выпуск данной продукции, создание многовекторной сети автономных международных, в том числе внешнеэкономических отношений в целом.

При этом в данный момент Беларусь сталкивается с ситуацией, когда сложившиеся веками социально-экономические модели мирового значения, на которые, безусловно, оказывает влияние существующая в том или ином государстве идеология, все более вступают в фазу их глобальных кризисов, что определяет в том числе и мировую экономическую рецессию, начавшуюся для большинства стран еще в 2008 г., и внешнеполитическую нестабильность, и даже нарастание военной напряженности. В связи с этим в научной литературе делались попытки сформулировать новые теории будущего развития цивилизационных систем мира, в которые должны быть вмонтированы и направления деятельности конкретных государств, в том числе во внешнеэкономической сфере.

Они исходили, в том числе из посыла о том, что постиндустриальное общество лидирующих стран мира якобы несет в себе зачатки новой эталонной цивилизации – современного информационного общества, называемого аттенционализмом (от англ. Attention – внимание) или нетократией [8]. Его сущность определяет не отношение к собственности, а отношение к знаниям, талантам и умению распоряжаться ими. Социальная основа нетократии – интеллектуальная элита среднего класса, использующая в качестве средства производства свой интеллект.

Разумеется, не для всех стран эта концепция общественного развития окажется единственно верной. Однако в любом случае психология развивающихся стран, как правильно писал И. И. Антонович, «должна быть устремлена в будущее» [3, с. 43].

Со временем история вышла на новый виток развития человеческой цивилизации – глобализации. Это явление представляет научный интерес именно как внешнеэкономический феномен. Однако глобализм в сфере внешней экономики не существует изолированно от других аспектов глобализации, связанных с финансово-экономической, культурной, идеологической, политической экспансией со стороны так называемых «продвинутых стран», направленной на обеспечение их экономических интересов практически во всех сферах. Приведем высказывание Г. Киссинджера о том, что глобализация – просто иное название продвижения интересов США в мире [22]. Полагаем, что это однозначный ответ не только апологетам мировой глобализации, но и высказываниям типа «основные импульсы глобализации действительно идут только от экономики».

Но на наш взгляд, вопрос намного сложнее и масштабнее. Практическое использование объективно сформировавшейся на протяжении сто-

летий концепции интеграции экономик отдельных стран, ее осуществление впоследствии на более высоком уровне – интернационализации – под воздействием глобализации логично привели, с одной стороны, к многократному возрастанию мощи «пионеров» воплощения в жизнь этой концепции, прежде всего США. Ими получены значительные финансово-экономические, технические, технологические и внешнеполитические дивиденды. С другой стороны, позднее появилась новая тенденция – так называемая обратная глобализация [19], выражающаяся в этнической и религиозной, в некоторой степени культурной экспансии многочисленных народов стран так называемого «нищего миллиарда» в страны «золотого миллиарда», что создает чуждые последним условия и даже, как пишет З. Бжезинский, угрозу разрыва страны [9].

Опасность массовой миграции для стран Запада всегда считалась стратегической [44, с. 305], а ряд источников определяет ее даже как чрезвычайную угрозу, несущую «смерть Западу» [12, с. 33]. В любом случае эта проблема должна быть предметом более пристального внимания каждого государства.

В конечном же итоге процессы отстаивания своих внешнеполитических и внешнеэкономических интересов привели, как полагают некоторые авторы, к достаточно высокой напряженности в мире, которую даже начали определять как конфликт цивилизаций [13]. Положение усугубилось организационным оформлением на достаточно высоком уровне, например, Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Порту Аллегри (Бразилия), структур, которые центрировались на социально-экономических аспектах глобализации – на необходимости перераспределения средств между развивающимися и развитыми странами [18] и не переводивших зреющий цивилизационный конфликт на уровень, как определяет ряд авторов, великой смуты времен [16].

Однако, по мнению Ю. В. Шишкова, страны, которые сумели в полной мере воспользоваться возможностями глобализации, такие как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Китай еще в 1980-е гг., а впоследствии Индия, Вьетнам, Чили, Шри-Ланка, Мьянма, Доминиканская Республика, Ямайка (а также, заметим, ряд стран Европы, к примеру, Португалия, Греция), по темпам роста ВВП на душу населения в 2 и более раза опережали его рост в странах – лидерах экономического развития [41]. Разрыв между развитыми и догоняющими странами уменьшается вследствие передачи последним высокотехнологичной продукции, новой технологии, инвестиций и пр.

Позитивные компоненты глобализации во внешнеэкономической и иных сферах, связанные с производством технологий для стран догоняющего развития, которые способны пока хотя бы их осваивать, несо-

мненно, присутствуют. Однако данное обстоятельство не снимает остроты проблемы нейтрализации этими государствами попыток ведущих мировых держав экспортировать в другие независимые государства чуждую им культуру, идеологию, свой образ жизни и особенно экономические модели, причем не новейшие, модернизированные альтернативные формы капитализма, оставляемые для собственного «употребления», а те, которые основаны на традиционной политэкономии, и в данный момент отживающие.

Ведь даже в сфере управления экономикой традиционная политэкономия, давшая группу экономических систем капитализма, на современном этапе заменяется на новые, их альтернативные формы. Видимо, это одно из обстоятельств, учитываемое ускоренно формирующими свой экономический и технологический потенциал странами, ориентирующимися на собственные модели такого развития. Это, например, семейный капитализм, сформировавшийся первоначально в Гонконге, на Тайване, в странах Юго-Восточной Азии, а затем и в континентальном Китае, создавшем основу его экономической системы со всеми ее сильными и слабыми сторонами [40, с. 7–10], получившими широкое освещение в научной литературе.

Полагаем, что этот небольшой экскурс в проблематику современной глобализации является не лишним для решения практических вопросов внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь. На наш взгляд, эта стратегия должна предусматривать сосредоточение основных направлений деятельности государства на тех угрозах и вызовах времени, которые при достаточно высокой степени их материализации смогут представлять угрозу национальной безопасности как в настоящее время, так и в будущем [2].

Применительно к пониманию вопросов национальной безопасности, по нашему мнению, научное внимание должно и далее сосредотачиваться на реальных, в том числе рассмотренных выше мировых проблемах, избегая широкой, общепринятой трактовки угроз безопасности, включающей традиционно относимые в специальной литературе явления, связанные с неэффективным хозяйствованием во внешнеэкономической сфере и др., а также рассмотрением вопросов безопасности страны в контексте современной глобализации, интерпретируемой ее апологетами как явление экономической целесообразности и необходимости, но также реализуемой лидирующими мировыми державами как средство и орудие обеспечения их не только внешнеэкономических, но и геополитических, военных и иных интересов, в том числе нередко в ущерб интересам национальной безопасности других стран. Примеры тому на современном этапе мы видим.

Взаимосвязь и взаимообусловленность реализации внешнеэкономической функции с другими функциями государства логично приводит к выводу и о целесообразности разработки новой единой комплексной Программы внешнеэкономического развития Республики Беларусь, учитывающей не только состояние национальной экономики на современном этапе и поставленные внешнеэкономические цели, но и возникающие вызовы и угрозы в условиях нестабильности. Должна быть сформирована целостная упорядоченная модель эффективного соотношения направлений реализации внешнеэкономической деятельности – вопросы внешней торговли, привлечения иностранных инвестиций, международных строительных и консалтинговых проектов и т. д. – с тенденциями внешнеэкономической безопасности республики, в том числе связанной не только с военно-политическими аспектами, но и с формированием интеллектуального баланса государства. Именно такой комплексный подход является одним из условий эффективности реализации внешнеэкономической функции государства.

Основные измерения, детерминирующие направления и пределы государственного правового воздействия на внешнюю экономику, определяются, наряду с принятой моделью соотношения экономики, права и государства, трансграничными процессами изменения окружающего мирового экономического порядка. Происходит все более интенсивное включение в эти процессы государств – торговых партнеров Беларуси, их внешнеполитическая переориентация. Имеет место обострение конкуренции на внешних рынках, инновационный характер современной мировой экономики, что требует выхода на внешние рынки высокоразвитых стран с уникальной высокотехнологичной продукцией, а не сырьем, предложение на них соответствующих новейших технологий.

Степень государственной интервенции в эту сферу обуславливается и иными факторами – растущим неравновесием платежных балансов, чрезмерной внешней задолженностью, трансформационными кризисами в экономике и политических системах государств – торговых партнеров, современными военными конфликтами и техногенными катастрофами.

Специфика правового регулирования внешнеэкономических отношений применительно к национальному праву, праву иностранных государств и региональных объединений – Европейского союза, Союзного государства, СНГ, ЕАЭС, международному праву уже детерминирована не только современными процессами глобализации, регионализации и интеграции, формирования мировой экономики, но и возникающими глобальными вызовами и угрозами в условиях мировой нестабильности.

Особое значение для внешнеэкономических отношений имеет совершенствование норм таких отраслей национального права, как лицен-

зионное, банковское, а также ряда институтов гражданского права, институционального права, оформляющего статус действующих во внешнеэкономической сфере государственных органов и хозяйствующих субъектов, равно как и комплексно регулирующих рассматриваемые отношения. Важным фактором трансформации национальных экономик в открытые экономики, вхождения их внешних секторов в мировую экономику являются международные договоры и в целом взаимовыгодное международное сотрудничество, что всегда неразрывно связано с совершенствованием правового регулирования.

В целом же концепция реализации внешнеэкономической функции государства на современном этапе объективно должна базироваться на положениях об усилении роли национальных государств при вхождении их открытых экономик в мировую экономическую систему в условиях современной глобализации как фактора использования преимуществ этого мирового процесса и нейтрализации его негативных последствий, с учетом нарастающей внешнеполитической нестабильности на мировой арене. При этом реализация данной концепции обусловлена предварительным осуществлением значительной технической, технологической, инновационной модернизации экспортного производства и диверсификации структуры внешних связей белорусского государства.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Государственное управление строительством в СССР. Минск : Наука и техника, 1982. 271 с.
2. *Абрамович В. А.* Белорусское государство и право в контексте мировых экономических тенденций. Минск : РИВШ, 2011. 201 с.
3. *Антонович И. И.* Геополитические вызовы России и миропорядок XXI века. М. : МАКС Пресс, 2007. 270 с.
4. *Анциупов В. В.* Экономическая функция государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Красноярск, 2004. 25 с.
5. *Атаян Г. Ю.* Экономическая функция Российского государства : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.01. Ставрополь, 2006. 22 с.
6. *Байтин М. И.* Понятие и классификация функций социалистического государства: ученые записки. Саратов, 1970. 259 с.
7. *Балашенко С. А., Демичев Д. М.* Экологическое право : учеб. пособие. Минск : Ураджай, 2000. 308 с.
8. *Бард А., Зандерквист Я.* НЕТократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб. : Стокгольмская школа экономики, 2004. 252 с.
9. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 2003. 254 с.
10. *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада. М. : АСТ, 2003. 444 с.
11. *Владимиров В. А.* Основные функции посткоммунистического государства в области внутренней политики. Тверь : ТГУ, 1992. 83 с.
12. *Водопьянов П. А.* Великий день гнева: экология и эсхатология. Минск : Университетское, 1993. 283 с.

13. *Войтоловский Ф.* Идеино-политические процессы внутри антиглобалистских движений // Мир. экономика и межд. отношения. 2003. № 2. С. 9–15.
14. *Гамильтон У. Х.* Институциональный подход к экономической теории // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2007. Т. 5, № 2. С. 110–117.
15. *Глебов А. П.* Понятие и структура функций социалистического государства : учеб. пособие. Воронеж, 1974. 98 с.
16. *Годин Ю.* Квазиинтеграция в СНГ и национальная безопасность России // Мировая экономика и междунар. отношения. 2004. № 2. С. 46–59.
17. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Литовское и белорусское Полесье. Т. 3 / под ред. П. П. Семенова; СПб., М., 1882; (В издании Бел. Энциклопедия) Минск, 1993. 496 с.
18. *Зуев А., Мясникова Л.* Глобализация: аспекты, о которых мало говорят // Мировая экономика и междунар. отношения. 2004. № 8. С. 54–60.
19. *Иноземцев В.* Безопасность и свобода иммиграции – новая американская дилемма // США – Канада. ЭПК, 2003. № 11. С. 23–26.
20. *Каск Л. И.* Функции и структура государства. Л., 1969. 65 с.
21. *Киндельбергер Ч.* Международные потоки краткосрочного Капитала. Нью-Йорк, 1937. 204 с.
22. *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. 350 с.
23. *Колбасов О. С.* Экология: политика – право. М. : Наука, 1976. 226 с.
24. *Леонтьев В. В.* Межотраслевая экономика. М. : Экономика, 1997. 364 с.
25. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии / пер. с нем. под ред. К. В. Трубникова с его вступлением, примеч. и биогр. очерком. СПб, 1891. 452 с.
26. *Маршалл А.* Принципы экономической науки : пер. с англ. М. : Прогресс. Универс, 1993. 321 с.
27. *Медведев В.* Глобализация экономики: тенденции и противоречия // Мировая экономика и междунар. отношения. 2004. № 2. С. 3–10.
28. *Милюков А. М.* Экономическая функция Российского государства и роль таможенных органов в ее реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 26 с.
29. *Мюрдаль Г.* Мировая экономика: Проблемы и перспективы / пер. с англ. А. В. Еврейскова и О. Г. Клесмет. М. : Изд. иностр. лит., 1958. 555 с.
30. *Пахоменко Н. Б.* От тоталитаризма к демократии: о функциях государства в переходный период // Политические проблемы теории государства. М., 1993. С. 28–38.
31. *Попов В., Шмелев Н.* Советская экономика: от плана к рынку. М. : Прогресс, 1991. 208 с.
32. *Радько М. Н.* Экономическая функция советского права и формы ее реализации. Волгоград, 1973. 744 с.
33. *Рогачев А. А.* Внешние функции государства социалистического типа. М. : МГУ, 1986. 96 с.
34. *Самуэльсон П. А., Нордхаус В. Д.* Экономика : учеб. пособие для студентов, обучающихся по экон. направлениям и специальностям / пер. с англ.: И. В. Розмайнского [и др.]. М. : Лаб. базовых знаний, 2000. 799 с.
35. *Соловьева А. В.* Экономическая функция государства в сфере жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера (по материалам Магаданской области) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 22 с.
36. Статистический ежегодник 2022. Минск : Минстат, 2022. 437 с.

37. *Хиришман А.* Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. М., 2009. 153 с.
38. *Черноголовкин Н. В.* Теория функций социалистического государства. М. : Юрид. лит., 1970. 215 с.
39. *Шабайлов В. И.* Понятие управления промышленностью // Управление промышленностью в союзной республике. М. : Наука и техника, 1987. С. 7–21.
40. *Шемятенков В. Г.* Альтернативные системы капитализма // Мир. экономика и межд. отношения. 2003. № 3. С. 3–11.
41. *Шишков Ю.* Глобализация – враг или союзник развивающихся стран // Мировая экономика и междунар. отношения. 2003. № 4. С. 3–14.
42. *Щебарова Н.* Государственное регулирование: соотношение свободной торговли и протекционизма // Мировая экономика и междунар. отношения. 2003. № 3. С. 42–48.
43. *Heckscher E.* Merkantilism // dl. 1–2, Stockh., 1931. 232 p.
44. *Huntington P.* Crash of Civilizations. NY, 1966.
45. *Ohlin D.* The Stockholm School versus the Quantity Theory // International Economic Papers. Popper, K.R. N 10. p.132.
46. *Popper K. R.* Objective knowledge: An evolutionary approach. Oxford : Clarendon press, 1974. 380 p.
47. *Reagan R.* Speaking my mind // Selected speeches. London etc. : Hutchinson, 1990. P. 428–432.
48. *Tinbergen J.* An Appraisal of Contributions to Economics // Swedish Journal of Economics. 1969. Vol. 71. N 4, p. 325–336.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ О КОМПЛЕКСНОЙ ПРОВЕРКЕ ЦЕПОЧЕК ПОСТАВОК В РАМКАХ ЕАЭС

С. Д. Белоусова

*Институт правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь, mail@center.gov.by*

Рассматривается концепция устойчивых цепочек поставок. Отмечается рост национальных законодательных требований о проведении комплексной проверки цепочек поставок, а также наднациональная инициатива Европейского союза в этой сфере. Делается вывод о необходимости разработки аналогичных требований в рамках Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: комплексная проверка; цепочка поставок; ЕАЭС; изменение климата; права человека.

ДА ПЫТАННЯ АБ НЕАБХОДНАСЦІ ЎКАРАНЕННЯ ПАТРАБАВАННЯЎ АБ КОМПЛЕКСНАЙ ПРАВЕРЦЫ ЛАНЦУЖКОЎ ПАСТАВАК У РАМКАХ ЕАЭС

С. Д. Белавусава

*Інстытут прававых даследаванняў Нацыянальнага цэнтра
заканадаўства і прававых даследаванняў Рэспублікі Беларусь,
вул. Берсана, 1а, 220030, г. Мінск, Беларусь, mail@center.gov.by*

Разглядаецца канцэпцыя ўстойлівых ланцужкоў паставак. Адзначаецца рост нацыянальных заканадаўчых патрабаванняў аб правядзенні комплекснай праверкі ланцужоў паставак, а таксама наднацыянальная ініцыятыва Еўрапейскага саюза ў гэтай сферы. Робіцца выснова аб неабходнасці распрацоўкі аналагічных патрабаванняў у рамках Еўразійскага эканамічнага саюза.

Ключавыя словы: комплексная праверка; ланцужок паставак; ЕАЭС; змяненне клімату; правы чалавека.

ON THE ISSUE OF THE NEED TO INTRODUCE REQUIREMENTS FOR DUE DILIGENCE OF THE SUPPLY CHAIN WITHIN THE EAEU

S. D. Belousova

*Institute of Legal Research of the National Center of Legislation and Legal
Research of the Republic of Belarus,
1a Bersona Street, Minsk 220050, Belarus, mail@center.gov.by*

The concept of sustainable supply chains is being considered. There is an increase in national legislative requirements for conducting a comprehensive supply chain audit, as well as a supranational initiative of the European Union in this area. It is concluded that it is necessary to develop similar requirements within the framework of the Eurasian Economic Union.

Keywords: due diligence; supply chain; EAEU; climate change; human rights.

В современном мире деятельность организаций затрагивает, как правило, не одно государство. В результате количество трансграничных цепочек поставок только увеличивается. Вместе с тем цепочки поставок зачастую «наносит экологический ущерб и нарушают права человека в отдаленных местах производства», что отражает необходимость построения устойчивых цепочек поставок [1]. Построение устойчивых цепочек поставок предполагает «управление экологическими, социальными и экономическими аспектами деятельности участников цепочки, а также ответственное ведение бизнеса на протяжении жизненного цикла продукции компании» [2, с. 4].

Транснациональные корпорации в целях построения устойчивых цепочек поставок добровольно берут на себя обязательство работать только с поставщиками, придерживающихся социальных и экологических стандартов. Они требуют от своих поставщиков первого уровня соблюдения этих стандартов, а также ожидают, что эти поставщики будут требовать соблюдения этих стандартов от своих поставщиков, которые в идеале требуют того же от своих поставщиков. Однако на практике поставщики нарушали установленные транснациональными корпорациями стандарты устойчивого развития. Так, Apple, Dell и HP подвергались проверке за закупку электроники у зарубежных компаний, которые требовали от сотрудников работы во вредных условиях, Nike и Adidas – за работу с поставщиками, которые сбрасывали токсины в реки Китая [3].

В результате государства все больше были недовольны доминирующим подходом «мягкого права» к регулированию бизнеса и прав человека, поэтому они продолжают ужесточать свое национальное законодательство в указанной сфере [4].

Как правило, устанавливая требования к устойчивым цепочкам поставок, законодатели используют принцип *due diligence* (от англ. должная осмотрительность, должная забота, комплексная проверка). В международных документах данный термин впервые был введен Руководящими принципами предпринимательской деятельности в аспекте прав Организации Объединенных Наций 2011 г. Согласно указанным Руководящим принципам комплексная проверка прав человека подразумевает обязанность компаний «избегать нарушения прав других лиц и устранять негативные последствия, с которыми они сталкиваются», путем вы-

явления, предотвращения, смягчения последствий и учета того, как они устраняют свое воздействие на права человека, независимо от того, вызвано ли такое воздействие самим предприятием или же оно «напрямую связано с его деятельностью, продуктами или услугами в силу его деловых отношений» [5].

На сегодняшний день отдельные страны приняли свои национальные законодательные акты, налагающие на организации обязанность по комплексной проверке цепочек поставок. Ряд из них носят всеобъемлющий характер, затрагивая как вопросы прав человека, так и защиты окружающей среды, другие – касаются только воздействия на окружающую среду либо на права человека [6, с. 856].

Примером всеобъемлющего акта является Закон Французской Республики от 27 марта 2017 г. № 2017-399 об обязанности бдительности материнских компаний и компаний-заказчиков. Данный акт устанавливает обязательство разрабатывать «план бдительности» для компаний, зарегистрированных во Франции в течение двух финансовых лет подряд, которые либо сами нанимают не менее 5000 человек через свои французские дочерние компании, либо нанимают не менее 10 000 человек через свои дочерние компании, расположенные во Франции и за рубежом. План включает разумные меры комплексной проверки для выявления рисков и предотвращения серьезных посягательств на права человека и основные свободы, здоровье и безопасность людей, а также окружающей среды, возникающих в результате деятельности компании и тех компаний, которые она контролирует, например, прямо или косвенно, и далее по цепочке поставок деятельность своих субподрядчиков и поставщиков, с которыми компания поддерживает установленные коммерческие отношения. При этом несоблюдение указанного требования предоставляет возможность любой заинтересованной стороне предъявить иск компаниям о возмещении ущерба [7].

Закон Федеративной Республики Германия от 16 июля 2021 г. о комплексной проверке цепочки поставок применяется ко всем предприятиям, центральная администрация, основное место деятельности, административный штаб или юридический адрес которого находятся в Германии, при условии, что в них обычно работает не менее 3000 сотрудников. Это также применимо к иностранным организациям с местным филиалом, если в них обычно работает 3000 сотрудников. Сфера действия данного акта затрагивает международные права человека, трудовые права и окружающую среду. Обязательства по комплексной проверке включают в себя: 1) установление управления рисками; 2) определение внутренней ответственности; 3) проведение регулярного анализа рисков, 4) представление декларации принципов; 5) закрепление профилактических мер

в собственной сфере деятельности и в отношении прямых поставщиков; 6) принятие мер по устранению недостатков; 7) установление порядка рассмотрения жалоб; 8) выполнение обязательств по комплексной проверке в отношении рисков с косвенными поставщиками и 9) документация и отчетность. Закон предусматривает финансовые санкции и административные штрафы, налагаемые Федеральным управлением экономики и экспортного контроля. В то же время ст. 3(3) предусматривает, что «нарушение обязательств по настоящему Закону не влечет за собой какой-либо гражданской ответственности», хотя гражданская ответственность, возникающая независимо от настоящего закона, остается неизменной. Не предусмотрено также никаких положений об уголовных санкциях. Однако предусматривается, что предприятия, подвергающиеся административным штрафам, должны быть исключены из присуждения государственных закупок на срок до трех лет [8].

Знаковой нормотворческой инициативой по урегулированию трансграничных цепочек поставок, как отмечает О. В. Фонотова, на наднациональном уровне является проект Директивы ЕС о комплексной проверке корпоративной устойчивости (EU Directive on Corporate Sustainability Due Diligence, далее – Директива, CSDDD). Данный акт содержит более высокие стандарты, чем любой из законов, применяемых локально странами – членами Европейского союза [9, с. 37].

Директива устанавливает правила, касающиеся: обязательств компаний в отношении фактического и потенциального негативного воздействия на права человека и окружающую среду в отношении их собственной деятельности, деятельности их дочерних компаний и операций, осуществляемых их деловыми партнерами в цепочках деятельности компаний; ответственность за нарушения обязательств, упомянутых выше; и обязательство принять и ввести в действие переходный план по смягчению последствий изменения климата, целью которого является обеспечение, посредством максимальных усилий, совместимости бизнес-модели и стратегии компании с переходом к устойчивой экономике и с ограничением глобального потепления до 1,5°C [10].

Стоит отметить, что ст. 22 итогового проекта CSDDD требует, чтобы государства – члены Европейского союза возлагали на соответствующие компании гражданскую ответственность за нарушение обязательств по проведению надлежащей проверки, установленных Директивой [10].

Как верно указывает О. В. Фонотова, «проблема регулирования трансграничных цепочек поставок актуализируется в новой парадигме правовых ориентиров для отечественного делового оборота» [9, с. 42]. Установление единых требований по комплексной проверке цепочек поставок актуально и для ЕАЭС. В ст. 4 Договора о Евразийском экономи-

ческом союзе указано, что одной из основных целей Союза является «всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики» [11]. Растущее количество законодательных инициатив о комплексной проверке цепочек поставок закономерно приводит к увеличению числа юридических лиц, придерживающихся таких требований и требующих соблюдения установленных стандартов от своих поставщиков. Соответственно, принятие таких правил в рамках ЕАЭС будет способствовать поддержанию торгово-экономических связей между юридическими лицами из ЕАЭС и стран, где такие инициативы уже приняты.

Таким образом, в современных реалиях государства устанавливают национальные требования по проведению комплексной проверки цепочки поставок, которые, как правило, ориентированы на соблюдение установленных стандартов в области обеспечения прав человека и защиты окружающей среды. Видится необходимым разработать аналогичные правила в рамках ЕАЭС в целях поддержания торгово-экономических связей между юридическими лицами из ЕАЭС и стран, где такие инициативы уже приняты, и проведению единой экономической политики в рамках Союза.

Библиографические ссылки

1. *Schilling-Vacaflor A., Gustafsson M.-T.* Towards more sustainable global supply chains? Company compliance with new human rights and environmental due diligence laws [Electronic resource] // *Environmental Politics*. 2023. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09644016.2023.2221983/> (data of access: 07.03.2024).
2. *Ефимова О. В., Козлова Е. А.* Анализ влияния эффективности цепочки поставок на устойчивое развитие компании // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2016. № 47 (329). С. 2–18.
3. *Villena V., Gioia D.* A More Sustainable Supply Chain [Electronic resource] // *Harvard business review*. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/339486951_A_More_Sustainable_Supply_Chain (data of access: 08.05.2024).
4. *Kent A.* The proposed eu corporate sustainability due diligence directive [Electronic resource] // *Journal du Droit Transnational*. 2023. URL: https://ueaeprints.uea.ac.uk/id/eprint/93964/1/12_KENT_article_n._0_2023.pdf (data of access: 07.03.2024).
5. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека [Электронный ресурс]. URL: <https://rspp.ru/document/01/c/ce0cd7062a40ecd0e1613a9acba6137d.pdf> (data of access: 07.03.2024).
6. *Gustafsson M.-T., Schilling-Vacaflor A.* The politics of supply chain regulations: Towards foreign corporate accountability in the area of human rights and the environment? // *Regulation & Governance*. 2023. Vol. 17. P. 853–869.
7. Act no. 2017-399 on the duty of vigilance of parent companies and instructing undertakings was promulgated on 27 March 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000034290626/> (data of access: 08.05.2024).

8. The Supply Chain Due Diligence Act (LkSG) [Electronic resource]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/lksg/BJNR295910021.html#BJNR295910021BJNG000201000> (data of access: 08.05.2024).

9. *Фонотова О. В.* Правовые основы регулирования договорных отношений в трансграничных цепочках поставок // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 9. С. 33–45.

10. EU Releases Final Draft of Corporate Sustainability Due Diligence Law [Electronic resource]. URL: <https://drive.google.com/file/d/1AkL0Hr2obZMZrTDV5DmGflivKugnGRcn/view?pli=1> (data of access: 08.05.2024).

11. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] : в ред. от 25.05.2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2023.

ДЗЯРЖАЎНА-ПРАВАВЫЯ АСАБЛІВАСЦІ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ

А. В. Валеўка

*Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай,
вул. Блахіна 29, 211440, Наваполацк, Беларусь, uf@psu.by*

Прадметам даследавання з'яўляюцца асноўныя палажэнні акта Люблінскай уніі 1569 года. Згодна з гэтым дадзена прававая адзнака дзяржаўнай мадэлі Рэчы Паспалітай і вызначаны асаблівасці дзяржаўнага ладу Рэчы Паспалітай. Таксама праведзены аналіз навуковых поглядаў на сутнасць і гісторыка-прававое значэнне Люблінскай уніі.

Ключавыя словы: Люблінская унія; Рэч Паспалітая; Вялікае Княства Літоўскае.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

А. В. Валевко

*Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина 29, 211440, Новополоцк, Беларусь, uf@psu.by*

Предметом исследования являются основные положения акта Люблинской унии 1569 года. В соответствии с этим дается правовая оценка государственной модели Содружества Наций и определяются особенности государственного устройства Содружества Наций. Также был проведен анализ научных взглядов на сущность и историко-правовое значение Люблинской унии.

Ключевые слова: Люблинская уния; Речь Посполитая; Великое княжество Литовское.

STATE AND LEGAL FEATURES OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH

A. V. Valevko

*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk,
29 Blokhina Street, Novopolotsk 211440, Belarus, uf@psu.by*

The main provisions of the act of the Lublin Union of 1569 are the subject of the study. According to this, the legal assessment of the state model of the Commonwealth of Nations is given and the features of the state system of the Commonwealth of Nations are defined. An analysis of scientific views on the essence and historical and legal significance of the Union of Lublin was also carried out.

Keywords: Union of Lublin; Polish-Lithuanian Commonwealth; Grand Duchy of Lithuania.

Рэч Паспалітая ўзнікла ў выніку пагаднення паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Польскім каралеўствам, вядомага як Люблінская унія 1 ліпеня 1569 г. (далей – Унія). Унія мела канстытуцыйны характар, вызначаючы асновы палітычнага ладу новай дзяржавы. Гістарычнае значэнне Уніі ў розных крыніцах ацэнена па-рознаму.

Некаторыя аўтары разглядалі Унію з негатыўных пазіцый. Напрыклад, І. Лаппо адзначаў, што нягледзячы на замацаваны ў 3 артыкуле акта Уніі прынцып раўнапраўнага аб'яднання Польшчы і Вялікага Княства Літоўскага, на практыцы гэты прынцып так і не быў рэалізаваны. Сама Унія ўяўляла сабой фармальны дакумент, які кожны з бакоў імкнуўся выкарыстаць ва ўласных інтарэсах [1, с. 8].

Я. Юхо у сваіх працах адзначаў, што Унія была навязана Вялікаму Княству Літоўскаму амаль гвалтоўна і вяла да павялічэння ўплыву Польшчы і паланізацыі мясцовага насельніцтва [2, с. 136]. Нераўнапраўны характар Уніі Я. Юхо пацвярджае фактам адабрання Польшчай некаторых тэрыторый Вялікага Княства Літоўскага з мэтай схілення літоўскага боку да заключэння пагаднення.

А. Грыцкевіч адзначаў, што да заключэння Уніі імкнулася шляхта Вялікага Княства Літоўскага, якая на сойме 1562 г. скіравала вялікаму князю просьбу аб заключэнні дзяржаўнай уніі паміж Польшчай і Вялікім Княствам Літоўскім [3, с. 412]. Такім чынам Унія разглядаецца як вынік узаемадзеяння шэрагу аб'ектыўных фактараў.

На наш погляд, Унія стала новым этапам у развіцці палітычных і ваенных адносін паміж Польшчай і Вялікім Княствам Літоўскім і з'яўлялася вынікам палітычных імкненняў некалькіх бакоў. Аднак гэтая спроба не была дасканалай і не магла пераадолець супярэчнасці, якія існавалі паміж двюма дзяржавамі.

Асновай канстытуцыйна-прававога рэгулявання і ўпарадкавання дзяржаўна-прававых адносін у Рэчы Паспалітай стала Унія – дакумент палітычнага і прававога характару, які вызначае асновы канстытуцыйнага ладу новай дзяржавы, асноўныя прынцыпы ў сістэме ўзаемаадносін асоба–грамадства–дзяржава.

Змест першага артыкула акта Уніі вызначае асноўныя характарыстыкі новай дзяржавы – Рэчы Паспалітай – як адзінай і непадзельнай, утворанай на аснове двух народаў і двух дзяржаваў [4].

Другі артыкул Уніі замацоўвае фактычна існуючы на той момант стан манарха: адна асоба для Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы. Разам з тым быў прадугледжаны парадак абрання караля Рэчы Паспалітай агульным галасаваннем прадстаўнікоў Польшчы і ВКЛ. Такім чынам, Рэч Паспалітая павінна была стаць выбарнай манархіяй. Зыходзячы са зместу наступнага артыкула, можна зрабіць выснову, што

нашчадкі караля таксама мелі права прымаць удзел у выбары караля ў якасці аднаго з кандыдатаў. Пры іх неабранні гарантавалася матэрыяльная падтрымка з боку дзяржавы.

Новаабраны кароль павінен пацвердзіць прывілеі і правы саслоў'яў Рэчы Паспалітай. У будучым гэта палажэнне было рэлізавана ў форме актаў «*Pacta Conventa*», якія абавязкова прымаліся пры абранні караля.

Згодна з арт. 6 у Рэчы Паспалітай складалася адзіная прадстаўнічая сістэма, асновай якой павінен быў стаць агульнадзяржаўны сойм. Асабістыя соймы для Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы не прадугледжваліся. Гэтае палажэнне таксама пацверджана ў арт. 15.

Прадугледжвалася ўзаемападтрымка паміж станамі Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы ў палітычных, ваенных, эканамічных і іншых справах.

У Вялікім Княстве Літоўскім, згодна з арт. 14, захоўваліся былы адміністрацыйны апарат, асобнае ад Польшчы заканадаўства і судовая арганізацыя, назва дзяржавы «Вялікае княства Літоўскае» і дзяржаўная пятчатка, а таксама войска.

Была ўстаноўлена забарона на аднабаковае ўхваленне пагадненняў, саюзаў з іншымі дзяржавамі. Гэта тычылася і ваенных пытанняў. Такім чынам знешняя палітыка Рэчы Паспалітай таксама павінна была стаць адзінай і ўсе рашэнні прымаліся сумесна літоўскім і польскім бакамі.

Артыкулы 17 і 18 аб'яўлялі непарушнасць і недатыкалінасць уласнасці як на тэрыторыі ВКЛ, так і на тэрыторыі Польшчы.

Артыкулам 25 устаноўлена адказнасць за парушэнне патрабаванняў Уніі. Згодна з ім той, хто парушыў адно з палажэнняў акта Уніі з'яўляўся ворагам для дзяржавы і ўсіх станаў.

Акт Уніі замацоўваў сістэму органаў дзяржаўнай улады Рэчы Паспалітай. Вышэйшым органам улады згодна з арт. 15 акта Уніі становіўся агульны сойм, які мог збірацца на тэрыторыі Польшчы. Асобных соймаў як для Кароны, так і для Княства не прадугледжвалася. Соймы падраздзяляліся на звычайныя, што склікаліся каралём, і надзвычайныя. Надзвычайныя соймы мог склікаць кіраўнік каталіцкай царквы ў Рэчы Паспалітай – прымас (арцыбіскуп Гнезненскі) у выпадку смерці караля або яго адмаўлення ад трона [4]. Для выбарання новага караля склікаліся тры соймы: канвакацыйны, элекцыйны і каранацыйны. На канвакацыйным сойме вызначалі час і месца выбараў караля, выпрацоўвалі ўмовы дагавора з кандыдатамі на прастол. На элекцыйным сойме праводзілі выбары і заключалі пагадненне. Урачыстая каранацыя і прысяга караля ажыццяўляліся на каранацыйным сойме. Такім чынам, кажучы «сойм», мы маем на ўвазе не проста заканадаўчы орган, а шырокае паняцце, якое аб'ядноўвае некалькі палітычных інстытутаў. У склад паўнамоцтваў

сойма ўваходзілі не толькі пытанні заканадаўчай дзейнасці, але таксама і абранне караля Рэчы Паспалітай, кантроль над дзейнасцю манарха. Таксама сойм меў некаторыя кадравыя паўнамоцтвы ў прызначэнні на пасады вышэйшых службовых асоб. Кампетэнцыя сойма распаўсюджвалася і на судовую дзейнасць. На перыяд працы сойма з ліку дэпутатаў фармаваўся соймавы суд, які разглядаў найбольш важныя справы. Такім чынам, сойм аб'ядноўваў у сабе заканадаўчыя, выканаўчыя і судовыя функцыі.

Шэраг норм Уніі рэгламентаваў прававы статус караля Рэчы Паспалітай. Манарх быў агульны і згодна з арт. 2 павінен абірацца роўнымі галасамі польскіх і літоўскіх феадалаў [4]. Тытул вялікага князя ўваходзіў у агульны тытул манарха. Згодна з арт. 6 і 15 манарх меў права склікаць надзвычайныя ці пазачарговыя соймы па пытаннях, якія патрабуюць неадкладнага вырашэння.

Нягледзячы на патрабаванні Уніі аб адзінстве новаўтворанай дзяржавы, фактычна кожная частка канфедэрацыі мела свой асобны адміністрацыйны і судовы апарат, сваю прававую сістэму. Гэты стан быў замацаваны ў Статуце Вялікага Княства Літоўскага 1588 года.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1901. Т. 1. 811 с.
2. *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. Мінск : Універсітэцкае, 1992. 70 с.
3. *Грыцкевіч А.* Люблінская унія 1569 // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭН, 1997. Т. 4. С. 412–413.
4. Акт Люблинской унии 1569 года [Электронный ресурс]. URL: https://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1141331680&archive=1291800676&start_from=&ucat=&&ysclid=lo5llfr0nt752926280 (дата обращения: 12.05.2024).

ФЕНОМЕН ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

И. Л. Вершок

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Рассматривается проблема дифференциации отдельных видов правового сознания в зависимости от сфер его трансформации. Обосновывается выделение хозяйственного правового сознания, имеющего свои отличительные признаки по субъектам, характеру направленности на объект и темпоральности.

Ключевые слова: правовое сознание; хозяйственное правовое сознание; отношение к собственности; отношение к праву собственности.

ФЕНАМЕН ПРАВОВОЙ СВЯДОМАСЦІ Ў ГАСПАДАРЧА-ПРАВОВОЙ РЭЧАІСНАСЦІ: ТЭАРЭТЫКА-ПРАВОВЫ АСПЕКТ

І. Л. Вяршок

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Разглядаецца праблема дыферэнцыяцыі асобных відаў прававой свядомасці ў залежнасці ад сфер яго трансфармацыі. Абгрунтоўваецца вызначэнне гаспадарчай прававой свядомасці, якая мае свае адметныя прыкметы і адрозніваецца па суб'ектах, характары накіраванасці на аб'ект і тэмпаральнасці.

Ключавыя словы: прававая свядомасць; гаспадарчая прававая свядомасць; адносіны да маемасці; адносіны да права маемасці.

PHENOMENON OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN ECONOMIC AND LEGAL REALITY: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

I. L. Vershok

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, theory-law@bsu.by*

The article examines the problem of differentiation of certain types of legal consciousness depending on the spheres of its transformation. The identification of economic legal consciousness, which has its own distinctive features in terms of subjects, the nature of focus on the object and temporality, is substantiated.

Keywords: legal consciousness; economic legal consciousness; attitude to property; attitude to property rights.

В условиях структурных трансформаций современной государственно-правовой реальности, происходящих на фоне возникающих вызовов и угроз, особую актуальность приобретает проблема динамики правового сознания, которое смогло бы обеспечивать стабильность функционирования правовой системы в целом и отдельных ее элементов в частности.

Для настоящего времени характерны существенные содержательные изменения в уже сформировавшихся видах правового сознания (конституционного, политического), а также появление новых его разновидностей, связанных с осознанием различных явлений и процессов в цифровой правовой реальности [1, с. 113], природоохранных мероприятий и благоустройства территории [1, с. 92], защиты персональных данных [2, с. 300–301], обеспечения национальной безопасности и др.

При классификации правового сознания в качестве одного из важнейших его видов необходимо признать процессы восприятия, отражения и осмысления информации о собственности, а также интерпретации права на ее объекты. Отношение к собственности детерминировано наличием сведений о конкретном объекте собственности, а отношение к праву собственности – о содержании соответствующих субъективных прав и юридических обязанностей по поводу нее. При этом подчеркнем, что такое осознание связано не только с процессами рационального осмысления, но и эмоционального восприятия человека.

Соглашаясь с признанием особенной важности роли правового сознания «на всех составляющих аспектах формирования права и на всех его уровнях» [3, с. 526], полагаем, что главенствующую роль в обеспечении гармоничного взаимодействия государственной, правовой и экономической сферы выполняет та разновидность правового сознания, которая связана с социально-психологическим отношением к собственности и к праву собственности.

В связи с этим представляется особенно важным, что А. М. Абрамович, базируясь на имеющемся собственном практическом опыте и глубоком теоретическом его осмыслении, рассматривал чувство собственности и связанные с ним эмоции и переживания. По его мнению, чувство собственности, сформировавшееся в том либо ином направлении, владеет практически каждым сознательным членом общества независимо от того, какая концепция правопонимания принята в данном государстве. Чувство собственности определяет соответствующие юридически значимые поступки его носителей [3, с. 526–527].

«Более того, это чувство, будучи ассоциированным на высоком общественном уровне – больших и достаточно активных социальных слоев – может вести не только к формулированию соответствующих норм поведения, но и острому политическому противостоянию по вопросам поль-

зования, владения и распоряжения собственностью, особенно государственной» [3, с. 526–527].

Последовательно продолжая концептуальную идею А. М. Абрамовича об отношении к собственности, рассмотрим соответствующий вид правового сознания, которое представляет собой сложные процессы восприятия, отражения, осмысления информации о конкретном объекте собственности, а также интерпретации содержания субъективного права собственности на данный объект.

Среди близких, но не тождественных по смыслу слов, обозначающих указанный вид правового сознания, приведем несколько терминов.

Во-первых, можно использовать словосочетание «экономическое правовое сознание», но лишь подразумевая при этом правовое сознание, трансформирующееся в условиях производства, распределения, обмена и потребления товаров.

Во-вторых, одним из вариантов обозначения феномена правового сознания в хозяйственно-правовой реальности необходимо признать ресурсное правовое сознание, направленное на некоторые источники и средства реализации субъективного права.

В-третьих, можно выделить предпринимательское правовое сознание, для носителей которого предполагается обязательность соблюдения формализованных процедур легального закрепления в качестве субъектов предпринимательской деятельности.

Однако наиболее универсальной формулировкой, обозначающей феномен отношения к собственности, является термин «хозяйственное правовое сознание». Он охватывает собой все социально-психические рациональные суждения и чувственные переживания по поводу принадлежности собственности и интерпретации права собственности, типично проявляемые в рамках определенного пространства и времени.

Термин «хозяйственное правовое сознание» подчеркивает специфику сферы, где происходит его трансформация – общественные отношения или правовое поведение в хозяйственной правовой реальности. Названные общественные отношения и поведение имеют сложный и комплексный характер, поскольку «регулируются одновременно нормами различной отраслевой принадлежности, предполагают значительную степень патернализма со стороны государства, и находятся в органической связи с такими экономическими категориями, как товар, рынок, прибыль, конкуренция и пр.» [4, с. 84].

Данный вид правового сознания в своем функциональном проявлении охватывает психические процессы, связанные не только с непосредственной реализацией права, принадлежащего собственнику, владельцу ресурсов или предпринимателю, но и с различными формами управле-

ния либо обеспечения реализации этого права со стороны других субъектов. Хозяйственная деятельность (и обуславливающее ее правовое сознание – *И. Л. Вершок*) может осуществляться как с целью получения прибыли либо дохода, так и без таковой, а может вестись для собственных нужд субъекта в целях обеспечения его потребностей без выхода на рынок [5, с. 51].

Хозяйственному правовому сознанию присуща особая интенциональная направленность, нацеленность внимания субъекта на конкретный объект права собственности, а в ряде случаев оно направлено еще и на правовые нормы, опосредующие владение, пользование и распоряжение данным объектом.

Трансформация хозяйственного правового сознания может происходить на фоне фокусированного или нефокусированного взаимодействия субъектов. В отличие от фокусированного, нефокусированное взаимодействие происходит всякий раз, когда субъект хозяйственного правового сознания, соприсутствуя с другими, не вовлечен с ними в непосредственный, личный контакт [6, с. 214].

Кроме того, хозяйственному правовому сознанию по отношению к собственности свойственна специфическая напряженность, обусловленная фактами возникновения, изменения или прекращения принадлежности объекта права собственности к данному субъекту – носителю правового сознания.

У хозяйственного правового сознания имеется и сложная темпоральность, которая обусловлена различными политическими трансформациями, экономическими процессами и состоянием правопорядка в определенной пространственно-временной точке.

Более детальное изучение специфических признаков и видов феномена хозяйственного правового сознания, а также его трансформации в правовой реальности будет способствовать выработке научно обоснованной теоретической базы по дальнейшему совершенствованию национальной правовой системы.

Библиографические ссылки

1. *Вершок И. Л.* Актуальные проблемы понятия правового сознания. Минск : БГУ, 2024. 183 с.
2. *Вершок И. Л.* Динамика правового сознания в сфере защиты персональных данных // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 9–10 ноября 2023 г. / редкол.: Н. Л. Мысливец (гл. ред.) [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск : Донарит, 2023. С. 300–302.
3. *Абрамович А. М.* Современное правопонимание и совершенствование гражданского, трудового и уголовного законодательства // Избр. труды. Минск : Юр-Спектр, 2019. С. 521–534.

4. Бондаренко Н. Л., Хватик Ю. А. Современная методологическая модель преподавания дисциплины «хозяйственное право» в Республике Беларусь // Право и образование. 2019. № 1. С. 83–91.

5. Ершова И. В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // Lex Russica. 2016. № 9 (118). С. 46–61.

6. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко ; под науч. ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 336 с. (Социальная теория).

ЗНАЧЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ В СИСТЕМНОСТИ ПРАВА

В. Ю. Вечорко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
v.viachorka@gmail.com*

Исследуются проблемные аспекты системности права. Показана ключевая роль классификации в процессах, которые обуславливают такую системность. Указывается на значимость обеспечения правовой системности в государстве. Затронуты вопросы закономерности правовых систем. Сделан вывод, что исследование правовой системности системно в наиболее общей постановке в плане ее классификации.

Ключевые слова: системность права; система права; правовая система; система классификации; классификация права.

ЗНАЧЭННЕ КЛАСІФІКАЦЫІ Ў СІСТЭМНАСЦІ ПРАВА

В. Ю. Вячорка

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, v.viachorka@gmail.com*

Даследуюцца праблемныя аспекты сістэмнасці права. Паказана ключавая роля класіфікацыі ў працэсах, якія абумоўліваюць такую сістэмнасць. Указваецца на значнасць забеспячэння прававой сістэмнасці ў дзяржаве. Закрануты пытанні заканамернасці прававых сістэм. Зроблена выснова, што даследаванне прававой сістэмнасці сістэмна ў найбольш агульнай пастаноўцы ў плане яе класіфікацыі.

Ключавыя словы: сістэмнасць права; сістэма права; прававая сістэма; сістэма класіфікацыі; класіфікацыя права.

THE VALUE OF CLASSIFICATION IN THE SYSTEM OF LAW

V. Y. Viachorka

*Belarusian State University,
4 Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Belarus, v.viachorka@gmail.com*

The article examines problematic aspects of the systematicity of law. It shows the key role of classification in the processes that determine such systematicity. It points out the importance of ensuring legal systematicity in the state. The issues of the regularity of legal systems are touched upon. It is concluded that the study of legal systematicity is systematic in the most general formulation in terms of its classification.

Keywords: systematicity of law; system of law; legal system; classification system; classification of law.

Праву как важнейшему регулятору общественных отношений неотъемлемо присуща системность, определяющая взаимосвязь его составных частей, их согласованность и иерархию. Безусловно, проблема правовой системности, как отмечал С. Г. Дробязко, «многогранна и рассматривается в плане: категории, предмета, сферы, объекта, состояния, качества, процесса, структуры, взаимосвязи ее элементов, их взаимодействия, целостности, механизма, способа, тенденций, закономерностей и в других ипостасях» [1, с. 22; 2, с. 8]. Однако задача автора рассмотреть не сущностные характеристики системности права как таковой, а показать ключевую роль классификации в процессах, которые обуславливают такую системность.

С. С. Алексеев относительно понимания системности права рассматривал «такое его объективное свойство, которое, складываясь в силу экономических и иных социальных потребностей, нуждается вместе с тем (для своего поддержания и развития) в целенаправленной правотворческой работе», которая, в свою очередь, «затрагивает, во-первых, непосредственно нормативный материал, формируемый в процессе правотворчества, т. е. право как таковое, и, во-вторых, упорядочение системы законодательства» [3, с. 251–266], т. е. систематизацию законодательства.

Обусловленность системности права в первую очередь выражается в процессах по изданию новых, прежде всего системных, нормативных актов (в том числе по нормативному восполнению пробелов в праве), и в деятельности по упорядочению системы законодательства, где в обоих указанных ракурсах в наиболее общем виде классификационная деятельность играет важную роль.

Таким образом, системность права в рассматриваемом контексте непосредственно связана с совершенствованием права, и именно в этот момент, по мнению автора, происходит актуализация классификации.

Вектор перспективного направления совершенствования национальной правовой системы был заложен еще в 2000-е гг., когда был принят ряд комплексных законодательных актов программного значения [4; 5], регулирующих нормотворческий процесс. В данных актах были заложены основные направления совершенствования национальной правовой системы (обеспечение содержания законодательства основным требованиям современного этапа развития белорусского общества), а также требования, которым должно соответствовать по своему формальному выражению национальное законодательство – упорядоченность, стабильность и непротиворечивость в целях повышения уровня эффективности правового регулирования общественных отношений. Поскольку функциональное значение классификации заключается не только в разделе-

нии всего множества классифицируемых нормативных источников в зависимости от выбранного критерия, но и в обеспечении стабильности и непротиворечивости такого деления, определении взаимосвязи такого множества, иерархической соподчиненности нормативных правовых актов, то очевидна ее роль в рамках процессов совершенствования права.

В настоящий момент в Республике Беларусь наблюдается тенденция, когда нормотворческая практика опережает теоретическое осмысление соответствующих процессов, что приводит к разрастанию нормативного массива и к постепенному «размыванию» системных связей в праве. Чрезмерный объем современного нормативного массива требует принятия мер, первоначально направленных на его сокращение, упрощение и усиление системных свойств. Данная проблема обозначена в п. 26.2 Концепции правовой политики Республики Беларусь [6] в качестве тенденции, подлежащей устранению как «избыточность правового регулирования, сохранение проблемы множества актов законодательства по одному вопросу, в том числе из-за попыток разрешения юридических коллизий не путем изменения действующего законодательства, а путем издания нового нормативного правового акта». Это подчеркивает приоритетное значение классификации как инструмента совершенствования права не только сегодня, но и в перспективе.

На процессы нормотворчества в последнее время оказывает влияние повсеместное внедрение в правовую сферу информационных телекоммуникационных технологий. Практически вся правовая информация формируется, актуализируется и распространяется посредством автоматизированных систем (ИПС «ЭТАЛОН», «ЭТАЛОН-ONLINE», ИПС «КонсультантПлюс», «Пех», ИПС «НОРМАТИВКА.BY», Правовая платформа «Бизнес-Инфо» и др.). Это закономерно предопределяет совершенно новые подходы к совершенствованию законодательства, в том числе его систематизации. Существующие традиционные способы систематизации уже сейчас сопряжены с различными способами упорядочения правовых актов в электронном виде в процессе создания баз и банков данных различной степени общности, глубины согласованности нормативных предписаний и тематической дифференциации их содержательной направленности, где информационные массивы организуются на принципах классификации правовой информации по различным основаниям.

Преобладающей стала «электронная» систематизация, которая позволила формировать единое информационно-правовое пространство, обеспечивать создание консолидированных информационно-правовых ресурсов, содержащих актуальную, полную и достоверную информа-

цию, а ключевую роль в таких процессах стала «играть» «система классификации».

Система классификации – это совокупность двух и более оснований классификации, образующих систему поиска по одному или нескольким критериям (классификационным признакам) в зависимости от целей поиска. Система классификации – это своеобразный поисковый инструмент для работы с массивами правовой информации.

Среди инструментов, используемых в ходе совершенствования национального законодательства, Е. В. Гарбузова также ссылается на классификацию и раскрывает роль «системы классификации» в процессах нормотворчества [7].

Стабильная, общеизвестная система классификации может стать важным организующим фактором нормотворческой деятельности, ориентиром для законопроектных работ. В частности, такая система классификации не может не оказывать влияние в процессе нормотворчества на распределение нормативного материала между актами, а внутри акта – по главам, разделам, т. е. на юридическую конструкцию (структуру) акта. Создаваемая с помощью классификации системность расположения имеющегося нормативного материала, например, позволяет определить оптимальный состав наиболее важных кодификационных актов, их соподчиненность и последовательность разработки и, в конечном счете, выработать программу совершенствования национального законодательства. Приведение в единую согласованную систему законодательства, достигаемое в первую очередь посредством развитой системы классификации правовых актов, позволяет организовать весь существующий информационно-правовой массив.

Система классификации правовой информации, представляющая законодательство в систематизированном и наиболее обозримом виде, используется в различных автоматизированных системах. В Республике Беларусь основным ядром, классическим средством формирования таких систем классификации является ЕПК, который стал одной из «методологических основ систематизации законодательства и занял особое место в системе классификации правовой информации» [8, с. 197; 9]. Следует также отметить и систему классификации, осуществляемую в рамках ведения Свода законов Республики Беларусь в электронном виде, основой которого выступил ЕПК, Компьютерного банка данных проектов законов Республики Беларусь и др.

Процесс совершенствования законодательства, а вместе с тем и обусловленность его системности в значительной мере зависят и от уровня юридической техники. В условиях построения правового государства существенно повышаются требования к технике подготовки законопро-

ектов и других нормативных актов, к качеству их оформления. Точность и ясность правовых формулировок, их логическая связь и последовательность, использование единых приемов изложения юридических предписаний и структурных элементов нормативных актов во многом определяют эффективность их действий и в целом влияют на системность права.

Рассмотрим классификацию, которая является одним из наиболее известных и одновременно достаточно простых приемов юридической техники. Ее, по мнению автора, следует отнести к приемам, «обеспечивающим рациональную организацию структуры, стиля, логико-правового построения содержания правовых актов, т. е. к приемам изложения содержания нормативного текста» [10, с. 33], включающим также процедуру установления причинно-следственных связей классифицируемых объектов.

Классификация, как прием юридической техники, – это специфический способ, заключающийся в отражении в тексте нормативного акта результатов классификационной деятельности законодателя по разделению на определенные группы (классификационные единицы) регулируемых общественных отношений или отнесению к уже существующей классификации общественных отношений, подлежащих правовой регламентации. «Базируясь» на классификационных признаках, выражающих юридические особенности изучаемой правовой материи, вбирающих в себя наиболее важные, типичные признаки и черты, максимально учитывая и отражая социальные, политические, духовные и правовые условия, она способствует дальнейшему развитию и совершенствованию права в целом. Такой прием следует анализировать в качестве метода, на основе применения которого раскрывается перечень сторон и соотношений, которые остаются «невидимыми» законодателю при применении иных методов.

Подводя итог, автор делает вывод, что повышение системности права (непротиворечивости, логичности, иных параметров, характеризующих системность права) зависит от глубины, своевременности и полноты проведенной классификационной работы.

Изложенное выше позволило автору доказать, что обеспечение системности – одного из направлений развития права, «без присутствия» классификации невозможно. Классификация является необходимым элементом формирования единого, внутреннего согласованного правового пространства, единой национальной правовой системы. Классификация является одним из важных инструментов в области правовой политики государства: она непосредственно воздействует на стратегию и тактику совершенствования законодательства, содействует выбору оп-

тимальных критериев для упорядочения и регулирования соответствующих групп общественных отношений, предопределяет необходимость разработки и принятия качественно новых нормативных правовых актов.

Библиографические ссылки

1. *Дробязко С. Г.* Проблемы системности в праве // Концептуальные основы развития национальных правовых систем в контексте процессов глобализации и региональной интеграции: постсоветский опыт и перспективы устойчивого развития : материалы науч.-практ. конф., 7–8 окт., г. Минск. Минск : БГУ, 2011. С. 21–26.
2. *Дробязко С. Г.* Факторы, воздействующие на процесс становления белорусского права как системы // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь : сб. ст. / Белорусский государственный университет. Минск : Право и экономика. 2011. С. 8–14.
3. *Алексеев С. С.* Теория права. М. : Норма, 1995. 320 с.
4. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
5. О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. Минск, 2018.
6. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь № 196 от 28 июня 2023 г. // Эталон. банк данных правовой информ. Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
7. *Гарбузова Е. В.* Инструментальный подход в совершенствовании национального законодательства : дис... канд. юрид. наук : 12.00.01. Минск, 2012. 147 с.
8. Правовая информатизация Республики Беларусь: становление и перспективы развития / Н. Н. Радиванович [и др.] ; под общ. ред. Н. Н. Радивановича. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007. 400 с.
9. Развитие общеправового методологического комплекса лингвистической поддержки классификации и систематизации в республиканской системе правовой информации, в том числе Единого правового классификатора Республики Беларусь, комплекса классификаторов эталонного банка данных правовой информации, словаря нормативных определений [текст]: отчет о НИР (заключ.): 1999-13 / НЦПИ; рук. темы канд. юрид. наук М. Н. Сатолина. Минск : НЦПИ, 1999. 42 с.
10. *Ракитина Е. В.* Классификация в российском трудовом законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 ; Уральская государственная юридическая академия. Екатеринбург, 2009. 209 с.

ГУМАНИСТЫЧНЫЯ ІДЭІ Ў ТВОРАХ АЙЧЫННЫХ МЫСЛІЦЕЛЯЎ XVI–XVIII стст. І ІХ УПЛЫЎ НА РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

Л. Л. Голубева

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Прааналізаваны гуманістычныя погляды некаторых айчынных мысліцеляў XVI–XVIII стст. Ф. Скарыны, С. Буднага, В. Цяпінскага-Амельяновіча, А. Волана, Л. Сапегі, М. Літвіна, А. Алізароўскага, І. Страйноўскага, І. Храптовіча і інш., паказаны ўплыў іх ідэй на станаўленне і развіццё беларускай дзяржаўнасці.

Ключавыя словы: гуманістычныя ідэі; дзяржава; права; палітыка; заканадаўства; беларуская дзяржаўнасць.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XVI–XVIII вв. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Л. Л. Голубева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Проанализированы гуманистические взгляды некоторых отечественных мыслителей XVI–XVIII вв. Ф. Скорины, С. Будного, В. Тяпинского-Омельяновича, А. Волана, Л. Сапеги, М. Литвина, А. Ализаровского, И. Страйновского, И. Храптовича и др., влияние их идей на формирование и развитие белорусской государственности.

Ключевые слова: гуманистические идеи; государство; право; политика; законодательство; белорусская государственность.

HUMANISTIC IDEAS IN THE LEARNED WRITINGS OF DOMESTIC THINKERS OF THE XVI-XVIII CENTURES AND THEIR IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF BELARUSIAN STATEHOOD

L. L. Golubeva

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, theory-law@bsu.by*

The humanistic views of such domestic enlighteners of the XVI–XVIII centuries as F. Skorina, S. Budny, V. Tyapinsky-Omelyanovich, A. Volan, L. Sapega, M. Litvin, A. Alizarovsky, I. Strainovsky, I. Khreptovich and others are analyzed. The impact of their ideas on the formation and development of the Belarusian statehood is shown.

Keywords: humanistic ideas; the state; law; politics; legislation; belarusian statehood.

Гуманістычная канцэпцыя свету, грамадства, чалавечай асобы выявілася на ўсіх этапах развіцця беларускай дзяржаўнасці. Так, у дахрысціянскі перыяд гэта першабытная, натуральная гармонія чалавека з жыццёвым асяроддзем. Уся разнастайнасць прыроды і сусвет у цэлым уяўляліся па аналогіі з чалавечым жыццём [1, с. 173]. У перыяд сярэднявечча адбывалася засваенне духоўных адкрыццяў хрысціянства, іх сутнасць раскрылася ў спасціжэнні духоўнага прызначэння чалавека, яго свабоды ад «рабства» ў прыроды, а таксама ў вучэнні пра чалавека як завяршэнне зямнога быцця і боскага тварэння. Хрысціянскі гуманізм прадугледжваў прыярытэт духоўнага пачатку над цялесным, матэрыяльным, абумоўленасць сапраўднай чалавечнасці верай у бога і любоўю да бліжняга, абмежаванасць свабоды, што вынікала з веры ў папсаванасць чалавечай натуры першародным грахам і інш. [2, с. 560].

У эпоху Адраджэння ў Вялікім Княстве Літоўскім (далей – ВКЛ) фарміруецца адметны ад традыцыйнага хрысціянска-сярэдневяковага погляд на чалавека, у аснову якога было пакладзена вучэнне пра неабмежаваную свабоду, уяўленне пра самакаштоўнасць зямнога чалавечага жыцця, натуралізм як спосаб інтэрпрэтацыі сутнасці чалавека і прыроднасацыяльнай рэчаіснасці. Кампанентамі духоўнага свету чалавека побач з верай, высокай маральнасцю абвясчаліся адукацыя, веды, грамадзянскасць [2, с. 560–561]. Пад свабодай разумеліся павага да жыцця і годнасці чалавека, уласнасці, абарона іх сродкамі права і ўлады. Носьбітамі рэнесансавага гуманізму былі кнігавыдаўцы, вучоныя, філосафы, палітычныя дзеячы, адукаваныя магнаты, дзеячы царквы.

Асабліваць гуманістычнай культуры і грамадскай думкі ў Беларусі эпохі Рэнесанса заключалася ў адсутнасці індывідуалістычных і элітарных канцэпцый чалавека, арыентацыі на гармонію асобы і грамадства, на адзінства веры і пазнання, царкоўнага і свецкага жыцця [1, с. 173–174].

У светапоглядзе рэнесансавых мысліцеляў-гуманістаў Ф. Скарыны (1490–1551), С. Буднага (1530–1593), В. Цяпінскага-Амельяновіча (каля 1540–1603 (?)), А. Волана (1530–1610), Л. Сапегі (1557–1633) і інш. традыцыйна-хрысціянскія ўяўленні сінтэзаваліся з секулярызаванымі, якія мелі рэнесансавы характар. Сцвярджаліся цярпімасць да іншаверства і іншадумства, права чалавека на ўласны, адметны ад пануючага погляд на рэчы, персанальная адказнасць за свае ўчынкі, ідэя індывідуальнага дабра [2, с. 561]. Разам з тым у айчынным гуманізме дамінавала ідэя агульнага дабра. Абмяркоўвалася магчымасць сінтэзу хрысціянскіх і антычных маральна-філасофскіх каштоўнасцей і выпрацоўкі на гэтай падставе агульначалавечых прынцыпаў паводзін, духоўнай культуры

(С. Будны). Аспектам рэнесансавага гуманізму ў ВКЛ з'яўляліся антыпрыгонніцкія погляды і вучэнні пра сацыяльную роўнасць (Якуб з Калінаўкі (?–1583), Павел з Візны, Марцін Чаховіц (1532–1613)). Для рэнесансавага гуманізму ў ВКЛ характэрна станаўленне нацыянальнай самасвядомасці, усведамленне важнасці развіцця нацыянальнай культуры, роднай мовы, захавання дзяржаўнага суверэнітэту (Ф. Скарына, С. Будны, В. Цяпінскі-Амельяновіч, А. Валовіч (каля 1520–1587 (?)), Л. Сапега, Л. Зізаній (1550–60-я гг.–1634 (?)), М. Сматрыцкі (каля 1578–1633) і інш.).

Пачынальнікам беларускага рэнесансавага асветніцтва быў Ф. Скарына – беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар, выдавец і каментатар першай беларускай Бібліі. Ф. Скарына, грунтоуючыся на гуманістычных ідэях прапанаваў сваю сістэму заканадаўства і прававой дзяржавы.

У прадмове да кнігі «Другі закон Маісееў» Ф. Скарына прапанаваў класіфікацыю права. Права, на яго думку, дзеліцца на натуральнае і пісанае. Натуральнае права закладзена ў самой істоце чалавека, яно аднолькавае для ўсіх людзей, уласціва кожнаму чалавеку і не залежыць ад месца і часу. Пісанае права Ф. Скарына падзяляў на боскае, царкоўнае (кананічнае) і земскае. Нормы боскага права змешчаны ў кнігах Старога і Новага Запавету (Бібліі). У гэтай кнізе змешчаны ўсе законы і правы, якімі людзі павінны кіравацца на зямлі. Гэтыя нормы з'яўляюцца сінонімамі волі бога. Таму заслугоўвае асуджэння не толькі той, хто не падпарадкоўваецца волі бога, але і той, хто не ведае яе прадпісанняў. Царкоўнае (кананічнае) права – гэта пастановы (каноны), прынятыя царкоўнай уладай. У земскім праве ў залежнасці ад грамадскіх адносін, што рэгуляваліся пэўнымі нормамі, Ф. Скарына вылучаў: паспалітае права (уключала ў сябе нормы грамадзянскага і сямейнага права), міжнароднае, дзяржаўнае, крымінальнае, ваеннае, гарадское, марское, гандлёвае права.

Выказваючы свае думкі аб заканадаўстве, Ф. Скарына лічыў, што пісаны закон павінен быць годным для выканання, карысным для насельніцтва і адпавядаць звычаям, часу і месцу.

Выказваючыся Ф. Скарына і па адным з найбольш важных пытанняў крымінальнага права – аб меце пакарання. Мэта крымінальнага пакарання – гэта застрашванне злачынцы і адначасова папярэджанне іншым асобам, здольным да злачынства.

Прававыя ідэі Ф. Скарыны паўплывалі на заканадаўства ВКЛ, у прыватнасці на змест помнікаў прававой культуры беларускага народа – статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг., якія грунтаваліся на хрысціянскай справядлівасці, правах чалавечай асобы, прынцыпах доказнасці віны,

суровай адказнасці за паклеп, прынцып выключна асабістай адказнасці. Так, на думку прафесара Я. А. Юхо прапанаваная Ф. Скарынам класіфікацыя права была выкарыстана пры падрыхтоўцы першага сістэматызаванага зводу законаў дзяржавы – Статута ВКЛ 1529 г. [3, с. 78–80].

Палітычным ідэалам Ф. Скарыны з’яўлялася асветная, гуманная і моцная манархія. На яго думку манарх павінен быць набожным, мудрым, адукаваным, чулым, справядлівым да сваіх падданных. Ён абавязаны кіраваць дзяржавай у строгай адпаведнасці з законамі, сачыць за справядлівым выкананнем правасуддзя. Адначасова павінен быць моцным і грозным, умець у неабходным выпадку абараніць свой народ. Перавагу Ф. Скарына аддаваў асвечанаму і міралюбіваму гаспадару. Ф. Скарына не адмаўляў у грамадстве маёмаснай няроўнасці, аднак ён лічыў, што ўзаемаадносіны паміж «богатымі» і «убогімі» павінны складацца на аснове «братолюбия». Грамадства павінна грунтавацца на міры і згодзе.

Адным з буйнейшых гуманістаў XVI ст. з’яўляўся М. Літвін. Асветнік у сацыяльна-палітычным трактате «Аб нормах татар, літоўцаў і масквіцян» (каля 1550 г., выдадзены ў 1615 г.). параўноўваў норавы, звычаі, традыцыі, законы, арганізацыю кіравання і суда ў татарскай, літоўскай і маскоўскай дзяржавах [4, с. 185–263]. Моцную дзяржаўнасць ён звязваў з разумнасцю законаў, з мараллю штодзённага жыцця грамадства, са стабільнасцю сям’і. Адлюстравіў погляды тых, хто кіраваўся ў сваёй дзейнасці нацыянальнымі інтарэсамі ВКЛ.

У трактате М. Літвін узяў пытанні сацыяльна-палітычнага ўдасканалення грамадства, рэфармавання існуючых грамадскіх інстытутаў. Аснову гарманічнага грамадства бачыў у маёмаснай роўнасці, прытрымліваўся канцэпцыі ідэальнага правіцеля, справядлівага кіравання і правасуддзя. Грамадскія праблемы разглядаў з пазіцыі проціпастаўлення дрэнных і добрых звычаяў. Так, імкненнем да багацця і раскошы проціпастаўляў самаабмежаванне, памяркоўнасць. М. Літвін закрануў праблему сацыяльнай роўнасці перад законам. На яго думку, павінен быць аднолькавы прынцып абкладання падаткамі простага чалавека і шляхціча: чым большая маёмасць, тым большым павінен быць падатак.

Шмат месца ў трактате адведзена пытанням удасканалення правауддзя. Аноўнае з іх – ахова жыцця простага чалавека. Прынцып «кроў за кроў» павінен быць аднолькавым да ўсіх злачынцаў незалежна ад іх сацыяльнага становішча. Таму М. Літвін лічыў неабходным вызваліць працоўнае насельніцтва з-пад юрысдыкцыі феадалаў, а права на вынясенне смяротнай кары дазволіць толькі вышэйшым судам. Прапаноўваў увесці агульнасаслоўныя суды. У трактате М. Літвін вылучыў недахопы судовай сістэмы: адсутнасць апеляцыйных судов, галоснасці, хібы ў сіс-

тэме паказанняў сведак, адсутнасць нормаў судовай пісьменнасці. Аўтар падкрэсліваў, што сістэма непадзельнасці судовай і адміністрацыйнай улад, сумяшчэнне адной асобай некалькіх адміністрацыйных пасадаў вядуць да страты самой ідэі справядлівасці і незалежнасці суда. Праблемы, узнятыя М. Літвінам у трактаце, часткова былі вырашаны ў час судовай рэформы 1564 г.: удасканалены дзяржаўнае кіраванне і правасуддзе, працэдура судовага разбору, створана апеляцыйная судовая інстанцыя, падрыхтаваны кваліфікаваныя ўраднікі дзяржаўнага кіравання і суда.

Ідэі грамадскай справядлівасці развівалі С. Будны, В. Цяпінскі-Амельяновіч, А. Волан.

Вядомы тэарэтык памяркоўнай плыні арыянства С. Будны ў працы «Пра свецкую ўладу», грунтоўчыся на гуманістычных поглядах, выказаў свае адносіны да сучасных яму дзяржавы і дзяржаўных інстытутаў, да воінскага абавязку шляхты, да прыватнай уласнасці, да права ўладання прыгоннымі. С. Будны не быў праціўнікам прыватнай уласнасці. На яго думку, арыянская шляхта можа валодаць маёнткамі, мець прыгонных сялян, таму што прыгонная залежнасць ад шляхты не супярэчыць хрысціянскаму веравучэнню. Ён асуджаў толькі крайнасці феадальнага ладу, найбольш жорсткія праявы прыгонніцтва. У залежнасці ад валодання маёмасцю ён прызнаваў саслоўнае дзяленне сучаснага яму грамадства. Выказваўся за суіснаванне і супрацоўніцтва розных сацыяльных саслоўяў, за роўнасць саслоўяў перад законам.

На думку асветніка дзяржаўная ўлада мае боскае паходжанне і ей неабходна падпарадкоўвацца. Сілай дамагацца ўлады нельга. Таму сапраўдны арыянін можа займаць любыя дзяржаўныя пасады, звяртацца ў суд, весці судовыя працэсы, і нават выконваць абавязкі судзі. Судзі павінен быць справядлівым, чэсным, праўдзівым, веруючым; павінен судзіць справядліва, не перакручваць законы, не браць хабару [5, с. 618–620].

Палітычным ідэалам С. Буднага з'яўлялася манархія. Ён вёў разважанні аб асобе ідэальнага манарха. Манарх павінен быць «богабяззненным, справядлівым, міласэрным». Ён павінен акружыць сябе людзьмі разумнымі і вучонымі, якія добра ведаюць законы. Манарх павінен выкарыстоўваць уладу не ў асабістых мэтах, а на карысць усей дзяржавы, дзеля дасягнення магчыма лепшага жыцця.

Васіль Цяпінскі-Амельяновіч выказваў такія ж погляды на дзяржаву і ўласнасць, як і С. Будны. Асветнік развіў сфармуляваную Ф. Скарынам і С. Будным ідэю адзінства і дружбы славянскіх народаў.

Палітычны дзеяч, філосаф і правазнаўца А. Волан у сваіх працах («Пра палітычную або грамадзянскую свабоду», «Прадмова да сената...», «Пра шчаслівае жыццё, або найвышэйшае чалавечае дабро», «Пра гасудара і ўласцівыя яму дабрачыннасці» і інш.) выступаў за рэформы ў сацыяльных і палітычных адносінах, праве і дзяржаўным

кіраванні, распрацоўваў канцэпцыю свабоды чалавека, разглядаў тыя дабрачыннасці, якімі павінен валодаць сапраўдны кіраўнік дзяржавы. Прытрымліваўся тэорыі натуральнага права і выкарыстоўваў для яе характарыстыкі раннехрысціянскі маральны прынцып: «І гэтак ва ўсім, як хочаце, каб з вамі абыходзіліся людзі, так і вы абыходзьцеся з імі» [4, с. 50–182; 6, с. 29–31].

Гуманістычныя погляды дзяржаўнага дзеяча, мысліцеля, закона-творцы, суддзі Л. І. Сапегі (1557–1633) змешчаны ў яго Прадмовах: «Прысвячэнне» выдання Статута каралю польскаму і вялікаму князю літоўскаму – Жыгімонту III Вазе, «Зварот» да ўсіх саслоўяў (да ўсіх грамадзян) ВКЛ, у лісце Л. Сапегі да біскупа І. Кунцэвіча (1622), у яго самастойнай працы «Выклад трыбунальскіх праў» (1616) [6, с. 91–96; 7, с. 42–48].

Л. Сапега лічыў, што дзяржава паўстала натуральным шляхам і прызначаецца для дасягнення магчыма лепшага жыцця. Яна засноўваецца на прынцыпах унутранага адзінства, цэнтралізма, правапарадку і законнасці. Цэнтральнай катэгорыяй філасофіі права Л. Сапега лічыў катэгорыю свабоды. «Мудрацы ўсіх вякоў лічылі, што ў кожнай дзяржаве прыстойнаму чалавеку нічога не можа быць даражэй за свабоду», – такімі словамі пачынае Л. Сапега «Зварот» да ўсіх саслоўяў ВКЛ. Сутнасць свабоды складаюць неадчужальныя правы чалавека – уласнасці і асабістай недатыкальнасці. Для абароны грамадзянскіх свабод і існуе права, якое Л. Сапега разглядаў як сапраўднае праяўленне розуму чалавека. Права павінна забяспечыць дзяржаве ўнутраны парадак, стабільнае і ўстойлівае развіццё, сацыяльны мір. Жыццё ў адпаведнасці з законамі – абавязковая ўмова існавання дзяржавы. Толькі павага да права дае магчымасць быць сапраўды свабоднымі. Кожны чалавек павінен ведаць межы сваёй свабоды, а для гэтага неабходна вывучаць законы. Закон павінен быць аднолькавым і абавязковым для ўсіх саслоўяў. Разам з тым ён павінен быць накіраваны супраць асобных правапарушальнікаў. Калі ў грамадстве адсутнічае павага да права, пануе беззаконнасць, яно не можа лічыцца чалавечым і справядлівым, а з’яўляецца «воўчай зграяй». Права павінна не дапусціць выкарыстання дзяржаўнай улады ў карысных мэтах правіцеля.

Усе гэта дае падставу разглядаць Л. Сапегу як прыхільніка ідэі прававой дзяржавы. Ідэі асветніка на конт дзяржавы, права, заканадаўства былі замацаваны ў артыкулах Статута ВКЛ 1588 г.

Ідэі гуманізму ў XVII ст. развіў правазнавец, палітолаг, сацыёлаг, адзін з прадстаўнікоў свецкага кірунку ў палітыка-прававой думцы Беларусі А. Алізароўскі (1618 (?)–1659). У працы «Аб палітычнай супольнасці людзей» [4, с. 263–279] асветнік стаяў на пазіцыі дваістай ісціны. Гэта выяўлялася пры трактоўцы сутнасці і прызначэння права.

Ён нават не ўспамінаў пра вечнае права, якое паводле вучэння Ф. Аквінскага, лічылася законам вышэйшай боскай мудрасці і крыніцай усіх іншых відаў права. Ён прапанаваў наступную класіфікацыю права: боскае, натуральнае, права народаў. Пры гэтым боскае і натуральнае права знаходзяцца не ў падпарадкаванні другога першаму, а выступаюць як самастойныя віды і дапаўняюць адзін аднаго. А. Алізароўскі пазбягаў спецыяльнага аналізу ролі і прызначэння боскага права, а калі вымушаны быў да яго звяртацца, то даваў яму нетрадыцыйнае тлумачэнне: «Боскае права забараняе несправядлівасць, прыгнечанне бедных і ўсялякія крыўды». Пераважна ён аналізаваў натуральнае права, якое прырода закладвае ў чалавеку як сацыяльнай і біялагічнай істоце. У сацыяльным аспекце прынцыпы натуральнага права выяўляюцца праз развіццё і ўдасканаленне сацыяльнай арганізацыі жыцця людзей: сям'я, фальварак, паселішча, грамадства, дзяржава. З біялагічнай кропкі гледжання правы чалавека вызначаліся яго агульнасцю з жывёльным светам і знаходзілі ўвасабленне ў праве самаабароны, праве распараджэння сабой, імкненні да супрацоўніцтва (зносін) з сабе падобнымі і інш. У сваім вучэнні А. Алізароўскі адводзіць значнае месца, побач з прыродай, розуму і рацыянальным якасцям чалавека. Прырода і розум выступаюць у яго як зыходныя ўзаемадапаўняльныя перадумовы права. Абгрунтаванне натуральна-прававых ідэй дазволіла яму развіваць новае буржуазнае разуменне свабоды і роўнасці.

На думку А. Алізароўскага, існуюць тры віды свабоды: прававая, філасофская, палітычная. Прававая свабода – гэта здольнасць людзей у адпаведнасці з прыроднай і агульнай годнасцю распараджацца сваім жыццём паводле ўласнага разумення і патрабаванняў закону. Філасофская свабода – гэта ўлада розуму над эмоцыямі і імкненнямі. Палітычная свабода – гэта панаванне ў грамадстве права і закону, а не самавольства манарха.

А. Алізароўскі распрацаваў канцэпцыю грамадскага дагавору, паводле якой прызначэнне і мэты дзяржавы звязваюцца з агульнаграмадзянскай карысцю і ўзаемазацікаўленасцю людзей у стварэнні палітычных саюзаў – супольнасцей. Перадумовы гэтага складваюцца ў рэгуляванні адносін у сям'і, двары (сукупнасць некалькіх сем'яў) або панскім фальфарку, паселішчы, дзе ў рознай ступені фарміруюцца інстытуты ўлады бацькоў над дзецьмі, пана над падданымі і інш. Дзяржава, на думку асветніка, – гэта створаны з мноства паселішчаў саюз і аб'яднанне людзей, якія звязаны правам, што і ўвайшлі ў згоду ў імя добрага і шчаслівага жыцця. Праблемы дзяржавы ён цесна звязваў з пытаннямі грамадзянства. Паводле тагачаснай палітычнай ідэалогіі сапраўднымі грамадзянамі была толькі шляхта. На думку А. Алізароўскага грамадзя-

намі дзяржавы з'яўляюцца ўсе жыхары, акрамя рабоў і іншаземцаў. У грамадстве існуюць вышэйшыя і ніжэйшыя саслоўі, але для кожнага павінен існаваць свабодны пераход з аднаго саслоўя ў другое, і грамадзяне ўсіх саслоўяў роўныя перад законам. Ігнараванне прынцыпаў грамадскага дагавору вядзе да гібелі дзяржавы. Разбуральнымі фактарамі з'яўляюцца дзеянні людзей, якія парушаюць чалавечыя сувязі, дрэннае кіраванне, адсутнасць законнасці і справядлівасці, няроўнасць, эгаізм пануючых саслоўяў, несправядлівае выкарыстанне права, асабліва ў судах.

У канцы XVIII ст. пачалі выказвацца ідэі, накіраваныя супраць прыгонніцтва, за пабудову грамадства на аснове хрысціянскай згоды і гармоніі [2, с. 174]. Такіх ідэй прытрымліваліся ідэалагі фізіякратызму, які ў гэты час карыстаўся асаблівай папулярнасцю.

Фізіякраты сапраўднай крыніцай багацця лічылі зямлю, а сапраўднай прадукцыйнай працай – зямляробскую працу. Таму яны крытыкавалі прыгоннае права, якое стрымлівала прагрэс у сельскай гаспадарцы, выказвалі розныя праекты адмены прыгонніцтва, даказвалі неабходнасць (фермерскага) спосабу вядзення сельскай гаспадаркі. Фізіякраты прытрымліваліся тэорыі натуральнага права і дагаворнага паходжання дзяржавы.

Вядомы ў Беларусі фізіякрат І. Страйноўскі (1752–1815) у творы «Навука аб прыродным і палітычным праве, палітычнай эканоміі і праве народаў» выклаў вучэнне пра натуральны парадак і як вынік яго – натуральнае права [8, с. 416–417]. Натуральны парадак рэчаў ён разглядаў як адзінства фізічнага і маральнага парадку, г. зн. як сукупнасць законаў прыроды і грамадства. Людзі, на яго думку, могуць быць шчаслівыя толькі праз глыбокае пазнанне і поўнае захаванне гэтага натуральнага права; адыход чалавека або грамадства ад дакладных і разумных законаў прыроды выклікае пакаранне – няшчасці, бедствы, беспарадкі і г. д. Натуральныя ж законы выяўляюць толькі натуральныя правы і абавязкі чалавека, да якіх належыць яго імкненне да самазахавання, задавальнення сваіх патрэб у ежы, адзенні, жыллі, прыладах працы. З натуральных правоў і абавязкаў асобнага індывіда ён выдзяляў сацыяльныя правы і абавязкі (вечныя і нязменныя правы асабістай свабоды, узаемнай дапамогі, прыватнай уласнасці). Ён лічыў, што здабытая сумленнай працай прыватная ўласнасць – краевугольны камень грамадства, а яе недатыкальнасць з'яўляецца найпершым натуральным правам чалавека.

Паводле І. Страйноўскага, ніхто не мае права пазбавіць чалавека яго натуральнай свабоды. Ён павінен абараняць ад гвалту сваю ўласнасць і свабоду і, адпаведна, не рабіць замаху на чужую прыватную ўласнасць, не ўжываць сілы ў адносінах да іншых людзей, за выключэннем выпадкаў самаабароны.

Найбольш поўнае ўяўленне пра гуманістычныя ідэі грамадскага, палітычнага і дзяржаўнага дзеяча ВКЛ, прыхільніка фізіякратызму ў Беларусі І. Храптовіча (1729–1812) даюць яго творы «Пра штогодняе аднаўленне краіны» і «Пра натуральнае права» [9, с. 77–79]. Асветнік адзначае аб наяўнасці ў грамадстве «натуральнага парадку», які ўстанаўлівае правы і абавязкі ўсіх членаў грамадства. Для падтрымання такога парадку ў супольным жыцці заключаюцца дагаворы. Чым бліжэй закон да натуральнага права, тым больш ён справядлівы. У цэнтры ўсяго знаходзіцца чалавек з яго патрэбамі, інтарэсамі, правамі і абавязкамі. Паколькі задавальненне патрэб чалавека магчыма толькі ў грамадстве, то кожны павінен лічыцца з патрэбамі іншых членаў грамадства. Але людзі значна адрозніваюцца адзін ад аднаго сваім маёмасным становішчам. Як вынікае з натуральнага парадку рэчаў, кожны павінен працаваць на тым месцы, якое яму натуральна наканавана, не ікнучыся пранікнуць у закрытую для яго сферу. Прагрэсіўным момантам у яго вучэнні з’яўляецца тое, што маральны парадак ён ставіць у залежнасць ад фізічнага парадку прыроды. Маральныя законы, на яго думку, цалкам адпавядаюць таму, што карысна і неабходна чалавеку ў яго жыцці.

І. Храптовіч, як і ўсе фізіякраты, грамадства разглядаў як натуральны арганізм, што складае частку прыроды, у якую ўваходзяць чалавек і яго маральныя прынцыпы. Калі ж чалавек не мае свабоды ці бяспекі або пазбаўлены ўласнасці ён становіцца ізгоем, бескарысным для сябе і грамадства. І. Храптовіч лічыў чалавека і яго здольнасці (перш за ўсе разумовыя) галоўным элементам вытворчасці. Гаспадарчымі рэформамі і вызваленнем сялян ад прыгоннай залежнасці І. Храптовіч абгрунтаваў магчымасць узнаўлення грамадства. Ён верыў, што пры належнай арганізацыі грамадскага жыцця ў адпаведнасці з патрабаваннямі «натуральнага права» ўзнікае магчымасць стварэння пастаянна растучай забяспечанасці і асветы для ўсіх. Гуманізм І. Храптовіча праяўляўся ў павазе да асобы селяніна, прызнанні яго натуральных правоў, ва ўвазе да творчасці народа.

Такім чынам, палітычныя і прававыя ідэі, якія былі выказаны айчыннымі асветнікамі на працягу XVI–XVIII стст. адлюстроўвалі інтарэсы розных сацыяльных класаў і груп беларускага насельніцтва, вызначылі асноўныя напрамкі рэфармавання дзяржавы, грамадства, прававой сістэмы. Іх ідэі накіраваныя палітыкі, права, заканадаўства былі замацаваны ў заканадаўчых актах. Галоўнымі ўмовамі рэфармавання грамадства мысліцелі лічылі ўвядзенне ў дзеянне справядлівых законаў, заснаваных на натуральным праве, а таксама забеспячэнне высокага ўзроўню адукаванасці насельніцтва. Яны абгрунтоўвалі неабходнасць канстытуцыйных форм кіравання, крытыкавалі самадзяржаўе і арыстакратычную алігархію,

выступалі за адмену саслоўных прывілегій, за стварэнне самастойнай і незалежнай дзяржавы, адзначалі неабходнасць захавання і вывучэння гістарычнай спадчыны беларускага народа з мэтай недапушчэння памылак у будучым.

Прагрэсіўныя напрацоўкі, якія былі зроблены айчыннымі асветнікамі з XVI па XVIII ст. аказалі значны ўплыў на далейшае станаўленне і развіццё інстытутаў дзяржавы і права Беларусі, былі выкарыстаны на наступных этапах развіцця беларускай дзяржаўнасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 3. Гімназіі-Кадэнцыя / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 1996. 527 с.
2. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя : у 2 т. Т. 1 : Абаленскі-Кадэнцыя / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2005. 688 с.
3. Юхо Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Універсітэцкае, 1992. 270 с.
4. Белорусские мыслители XVI–XVII вв. Избранные труды. Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2017. 320 с. (Наследие права).
5. Мысліцелі і асветнікі Беларусі. Энцыкл. даведнік. Мінск, 1995. С. 618–620.
6. Доўнар Т. І., Доўнар Ю. П., Голубева Л. Л. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі XVI–XVIII ст. : хрэстаматыя. Мінск : БДУ, 2004. 206 с.
7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. 573 с.
8. Асветнікі зямлі Беларускай : Энцыкл. даведнік / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. 496 с.
9. Голубева Л. Л. Іахім Літавор Храптовіч – дзяржаўны, грамадскі дзеяч, фізіякрат, маршалак Галоўнага Суда, міністар замежных спраў, апошні канцлер Вялікага Княства Літоўскага. Юстиция Беларуси. 2015. № 1 (154). С. 77–79.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ

И. В. Гринев

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, givru922@mail.ru*

Рассматриваются вопросы применения информационных технологий в правовом регулировании обеспечения безопасности полетов, что является актуальным в связи с тем, что высокий уровень аварийности в авиации выступает одним из главных факторов, влияющих на готовность авиации к выполнению стоящих перед ней задач: перевозки пассажиров и грузов, защиты суверенитета государства в воздушной среде.

Ключевые слова: воздушное право; безопасность полетов; информационные технологии; история правового регулирования.

ПРЫМЯНЕННЕ ІНФАРМАЦЫЙНЫХ ТЭХНАЛОГІЙ У ПРАВАВЫМ РЭГУЛЯВАННІ ЗАБЕСПЯЧЭННЯ БЯСПЕКІ ПАЛЁТАЎ

І. В. Грынёў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, givru922@mail.ru*

Разглядаюцца пытанні прымянення інфармацыйных тэхналогій у прававым рэгуляванні забеспячэння бяспекі палётаў, што з'яўляецца актуальным у сувязі з тым, што высокі ўзровень аварыйнасці ў авіяцыі з'яўляецца адным з галоўных фактараў, якія ўплываюць на гатоўнасць авіяцыі да выканання задач, якія стаяць перад ёй: перавозкі пасажыраў і грузаў, абароны суверэнітэту дзяржавы ў паветраным асяроддзі.

Ключавыя словы: паветранае права; бяспека палётаў; інфармацыйныя тэхналогіі; гісторыя прававога рэгулявання.

APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE LEGAL REGULATION OF FLIGHT SAFETY

I. V. Grinev

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, givru922@mail.ru*

The article discusses the use of information technology in the legal regulation of flight safety, which is relevant due to the fact that the high level of accidents in aviation is one of the main factors affecting the readiness of aviation to perform its tasks: the transportation

of passengers and cargo, the protection of the sovereignty of the state in the air environment.

Keywords: air law; flight safety; history of legal regulation; evolution of law.

Обеспечение безопасности является особо актуальной проблемой авиации, и поэтому принцип обеспечения безопасности выступает наиболее важным среди принципов воздушного права.

Особого внимания к вопросам правового обеспечения безопасности гражданской авиации требует изменившаяся политическая обстановка, быстрое развитие авиационной техники и возросшая интенсивность движения на авиалиниях. Республика Беларусь стремится быть среди стран, имеющих современную авиацию, прогрессивную правовую систему и надежный надзор за безопасностью полетов. Среди ученых, которые разрабатывали эту тему, выделяют: Г. Д. Аралова, Р. М. Ахмедова, В. Д. Кофмана, В. И. Ноздрина и др. Среди белорусских ученых указанные вопросы изучает А. А. Шегидевич.

В соответствии со ст. 79 Воздушного кодекса Республики Беларусь обеспечение безопасности полетов – ответственная задача, стоящая перед государством [2].

Статья 37 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. требует установления в национальном законодательстве единых с международными норм и правил, единого их толкования [3].

С 1984 г. сфера обеспечения безопасности полетов мировой организации гражданской авиации (ИКАО) регулировалась Руководством по предотвращению авиационных происшествий (РПАП) [11], Приложением 13 «Расследование авиационных происшествий и инцидентов» [7] и Приложением 12 «Поиск и спасание» [6] к Конвенции о международной гражданской авиации (далее – Приложения).

С 2006 г. в сфере обеспечения безопасности полетов действует Руководство по управлению безопасностью полетов (РУБП) [12], к которому с 2013 г. добавилось Приложение № 19 «Управление безопасностью полетов», сводящее воедино все положения об обеспечении безопасности полетов, положения, касающиеся внедрения Государственных программ обеспечения безопасности полетов (ГосПБП) и Системы управления безопасностью полетов авиационных предприятий (СУБП), а также смежные положения, касающиеся сбора и использования данных о безопасности полетов и деятельности государств по контролю за обеспечением безопасности полетов, т. е. нормативно регламентирующих информационную часть деятельности по обеспечению безопасности полетов [8].

Рассмотрим, что представляют из себя эти требования и технологии.

Программа FOQA – Программа обеспечения гарантированного качества летной эксплуатации. Ее суть в постоянном, сплошном анализе данных о полете (зачастую анализируется около 2000 параметров), снимаемых с бортовых самописцев абсолютно всех воздушных судов, принадлежащих авиакомпаниям.

По итогам анализа данных авиакомпании определяют тенденции изменения безопасности полетов и намечают первоочередные корректирующие действия [1, с. 4].

Система CAPDS – система информирования пассажиров о степени риска, которой может подвергнуться пассажир в определенных условиях. Используется совместно с базой данных идентификации личности пассажиров. Система сканирует все кресла в зале ожидания, и сравнивает изображения лиц сканированных пассажиров с изображениями в базе данных потенциально опасных лиц [4, с. 42–45].

Биометрическая технология обеспечивает представление на экране системы уникальных для каждого человека признаков, служащих для идентификации личности. Имеется целый комплекс биометрических систем, включающих электронные системы идентификации по отпечаткам пальцев, очертаниям лица, форме кисти рук, сетчатке глаз, личной подписи или по голосу личности.

Биометрические технологии используются с Программой внедрения машиносчитываемых проездных документов (MRTD), что способствует скорейшему внедрению электронных паспортов (удостоверений личности) [13].

Технология сканирования предоставляет новые возможности и методики: методика дистанционного контроля пассажиров и определения наличия у них средств терроризма еще при нахождении их в местах ожидания или при подходе к пункту контроля; методика быстрого определения незначительного количества (в том числе и частиц) химических веществ [4, с. 41–42].

Программа LOSA – программа анонимного обследования деятельности авиакомпании. Идея аудиторской проверки заключается в том, чтобы получить объективную информацию о фактически происходящих процессах летной эксплуатации, не делая при этом акцент на выявлении конкретных нарушителей [9].

Программа USOAP – универсальная программа проверок организации контроля за обеспечением безопасности полетов – действует совместно с программой СМА – механизмом непрерывного мониторинга безопасности полетов, заключающимся в выявлении факторов риска безопасности полетов путем обмена информацией в сфере безопасности между государствами – членами ИКАО. Внедрение этой системы обес-

печит доступ к информации о безопасности полетов в других странах, а также возможность перехода с одноразовой оценки безопасности полетов соответствующего государства со стороны ИКАО к непрерывному процессу мониторинга [10].

После 2013 г. (принятия Приложения 19) в протоколы проверок непрерывного мониторинга были включены дополнительные показатели, определенные указанным Приложением для государственных систем обеспечения безопасности полетов, что обусловило комплексный подход к контролю за проведением государственного надзора за безопасностью полетов и открытие новых возможностей для государств в установлении дополнительных показателей эффективности обеспечения безопасности полетов.

Проверки проводятся в следующих областях: основное законодательство и правила в области гражданской авиации; организация гражданской авиации; выдача свидетельств авиационному персоналу и его подготовка; производство полетов воздушных судов; летная годность воздушных судов; расследование авиационных происшествий и инцидентов; аэронавигационное обслуживание; аэродромы (проектирование и эксплуатация). Указанные проверки показали свою эффективность [14, с. 6].

Глобальная система предупреждения о воздушном бедствии и обеспечения безопасности полетов (Руководство по глобальной системе оповещения о бедствии и безопасности в воздухе будет опубликовано в 2024 г.) направлена на облегчение контактов между органами обслуживания воздушного движения, эксплуатантами воздушных судов, координационными центрами поиска и спасания, обеспечения своевременного получения поисково-спасательными силами уведомления о местонахождении воздушного судна, терпящего бедствие, дистанционное активирование данных бортовых самописцев и их незамедлительное предоставление органам расследования авиационных происшествий. Базируется на непрерывном обмене потоками данных о воздушном судне по космической системе связи и системе автоматического зависимого наблюдения (ADS-B) и доступа к ним через специальный веб-сайт [5].

Таким образом, в правовом регулировании обеспечения безопасности полетов прослеживается современная тенденция по комплексному правовому регулированию, на основе развития информационных технологий, выбора эффективных показателей и единообразия их применения к различным сферам авиационной деятельности, подлежащих гармонизации на основании ст. 37, 38 Конвенции о международной гражданской авиации и имплементации в национальное законодательство Республики Беларусь, в частности к усовершенствованию правового регулирования поиска и спасания с установлением показателей готовности и способно-

сти аварийного обслуживания, расследования авиационных происшествий с установлением показателей, характеризующих достоверность, объективность, оперативность, всесторонность процесса расследования, обеспечения безопасности полетов с определением показателей эффективности проводимых изменений названной системы.

Библиографические ссылки

1. *Аралов Г. Д.* Повысится ли безопасность полетов в XXI веке? // Проблемы безопасности полетов. 2000. № 10. С. 3–6.
2. Воздушный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 3 апр. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 24 апр. 2006 г. Минск : Амалфея, 2006. 83 с.
3. Конвенция о международной гражданской авиации [Электронный ресурс] : [заключена в г. Чикаго 07.12.1944 г.] // iLex : информ. правовая система / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
4. *Ноздрин В. И.* Система борьбы с международным терроризмом на 21 век должна быть основана на новейшей технологии // Проблемы безопасности полетов. 2003. № 3. С. 41–45.
5. Понимание Глобальной системы оповещения о бедствии и безопасности в воздухе (GADSS). URL: <https://www.icao.int/safety/OPS/OPS-Section/Pages/Understanding-GADSS.aspx> (дата обращения: 10.05.2024).
6. Приложение 12 Поиск и спасание. 8-е изд. Монреаль : ИКАО, 2004. 48 с.
7. Приложение 13 Расследование авиационных происшествий и инцидентов [Электронный ресурс]. 11-е изд. Монреаль : ИКАО, 2016. 74 с.
8. Приложение 19 к Конвенции о международной гражданской авиации. Управление безопасностью полетов. 2-е изд. Монреаль : ИКАО, 2016. 48 с.
9. Проведение проверок безопасности полетов авиакомпаниями (Программа LOSA). 1-е изд. ИКАО, Монреаль, 1998. 19 с.
10. Руководство по непрерывному мониторингу в рамках Универсальной программы проверок организации контроля за обеспечением безопасности полетов. 3-е изд. Монреаль : ИКАО, 2011. 72 с.
11. Руководство по предотвращению авиационных происшествий. 1-е изд. – Монреаль : ИКАО, 1984. 150 с.
12. Руководство ИКАО по управлению безопасностью полетов (Doc 9859). 3-е изд. Монреаль : ИКАО, 2013. 300 с.
13. Цели и проблемы для обсуждения на 37-й Ассамблеи ИКАО // ИКАО-2010, № 4. С. 19–22.
14. ICAO Safety Report 2023 Edition [Электронный ресурс]. URL: https://www.icao.int/safety/Documents/ICAO_SR_2023_20230823.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Данилевич, А. В. Солтанович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, DanilevichA@bsu.by*

В статье, посвященной реализации конституционного принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе Республики Беларусь, на основе международно-правовых актов, отечественного и зарубежного законодательства, специальной литературы рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные с применением такой меры пресечения, как заключение под стражу.

Ключевые слова: неприкосновенность; личность; заключение под стражу.

РЭАЛІЗАЦЫЯ КАНСТЫТУЦЫЙНАГА ПРЫНЦЫПА НЕДАТЫКАЛЬНАСЦІ АСОБЫ У КРЫМІНАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

А. А. Данілевіч, А. У. Салтановіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, DanilevichA@bsu.by*

У артыкуле, прысвечаным рэалізацыі канстытуцыйнага прынцыпа недатыкальнасці асобы, на падставе міжнародна-прававых актаў, айчыннага і замежнага заканадаўства, спецыяльнай літаратуры разглядаюцца дыскусійныя пытанні, звязаныя з прымяненнем такой меры спынення, як заключэнне пад варту.

Ключавыя словы: недатыкальнасць; асоба; заключэнне пад варту.

IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF PERSONAL INVIOABILITY IN THE CRIMINAL PROCEED- ING OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. A. Danilevich, A. V. Coltanivich

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, DanilevichA@bsu.by*

The article is devoted to the implementation of the constitutional principle of personal inviolability in the criminal proceeding of the Republic of Belarus. On the basis of international legal acts, domestic and foreign legislation, special literature the controversial issues related to the use of such a preventive measure as detention are considered.

Keywords: inviolability; personality; detention.

В ст. 25 Конституции Республики Беларусь установлено, что государство, наряду со свободой и достоинством личности, обеспечивает ее неприкосновенность.

Неприкосновенность личности включает в себя неприкосновенность физическую (жизнь, здоровье), нравственную (честь, достоинство) и духовную. В Международном пакте о гражданских и политических правах указано, что: а) каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность; б) никто не должен быть лишен свободы иначе как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом; в) каждому арестованному сообщается при аресте причина его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявляемое ему обвинение (п. 1 и 2 ст. 9). Указанные положения в определенной степени нашли отражение в ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь), содержащей предписания общего порядка применительно к ограничению права на неприкосновенность личности. Следует отметить, что в той или иной степени предусмотренные законом ограничения права на неприкосновенность имеют место при производстве большинства процессуальных действий. Однако для применения таких мер процессуального принуждения, как задержание, запрет определенных действий, домашний арест, заключение под стражу, помещение в организацию здравоохранения для производства судебно-психиатрической или иной экспертизы, в наибольшей степени стесняющих личную свободу, предусмотрены дополнительные гарантии материального и процессуального характера.

Одним из условий реального обеспечения права на неприкосновенность личности является установление разумных сроков как производства по уголовному делу в целом, так и при применении мер процессуального принуждения, в наибольшей степени стесняющих личную свободу, прежде всего срока содержания под стражей и его продления. Право каждого арестованного или задержанного по уголовному обвинению лица на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение закреплено в п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, в ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и других международно-правовых документах. В УПК Республики Беларусь, в отличие от уголовно-процессуального закона Российской Федерации (далее – УПК РФ), текстуально термин «разумные сроки» не закреплен. В ч. 3 ст. 6-1 УПК РФ указано, что при определении разумного срока уголовного судопроизводства учитываются такие обстоятельства, как: правовая и фактическая сложность уголовного дела; поведение участников уголовного судопроизводства; достаточность и эффективность действий суда и органов,

осуществляющих уголовное преследование; общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Нельзя не отметить, что проблема разумных сроков в уголовном процессе является предметом многочисленных исследований как отечественных [1], так и зарубежных ученых и практических работников [2; 3, с. 30–33]. При этом особое внимание уделяется срокам применения мер пресечения и прежде всего заключения под стражу [4, с. 3–6; 5, с. 115–120; 6, с. 31–35].

Изучение опыта зарубежных стран в части правовой регламентации сроков содержания под стражей, в том числе на стадии предварительного расследования, позволяет сделать несложный вывод о том, что имеются как некие общие подходы по данному вопросу, так и существенные отличия. Здесь видимо стоит констатировать, что каждое государство именно свои общие и предельные сроки содержания под стражей видит наиболее разумными, связывая их с категориями преступлений, однако, тем не менее, высказывание известного российского юриста Н. Н. Полянского, сделанное более ста лет назад, о том, что «путем установления сроков для деятельности обвинителя и судьи..., закон в правовом государстве стремится устранить возможности слишком длительного содержания обвиняемого под стражей или оставления его, под предлогом еще не закончившегося расследования дела, в страшной неизвестности относительно предстоящей ему участи» [7, с. 93], до сих пор остается актуальным.

Нельзя не указать на то, что в СССР до принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (1958 г.) не было предельных сроков содержания под стражей, но этим актом он устанавливался и равнялся девяти месяцам (правда, на практике это положение обходили, так как Генеральный прокурор СССР обращался в Президиум Верховного Совета СССР, и последний продлевал срок содержания под стражей, однако это были исключительные случаи). Указанный предельный срок содержания под стражей продержался тридцать один год, до 28 ноября 1989 г., когда Законом о внесении изменений и дополнений в указанные Основы предельный срок содержания под стражей был увеличен вдвое, т. е. до восемнадцати месяцев, в котором Беларусь пребывает и сегодня (без учета возможности его дальнейшего продления судом по находящемуся в производстве последнего уголовному делу).

Несомненно, применительно к вопросу о предельных сроках содержания под стражей в первую очередь необходимо ориентироваться на международные стандарты и практику Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ).

Так, Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), исходят из

того, что продолжительность предварительного заключения под стражу не должна превышать времени, необходимого для достижения соответствующих целей.

ЕСПЧ в своих решениях неоднократно обращал внимание на то, что государство не может содержать лицо под арестом без ограничения во времени, и что, если прекращает действие критерий «обоснованного подозрения» или появляются обстоятельства, сводящие до минимума вероятность побега (например, возможность внесения залога), содержание под стражей становится необоснованным.

Еще одним острым вопросом, требующим разрешения в УПК Республики Беларусь, является установление разумно коротких интервалов времени для пересмотра обоснованности заключения под стражу, на что еще 9 апреля 1965 г. обращалось внимание в Резолюции «Заключение под стражу» Комитета Министров Совета Европы. При каждом таком пересмотре следует принимать во внимание все изменения в обстоятельствах, которые произошли с того момента, как лицо было взято под стражу.

По этому поводу известный российский юрист П. И. Люблинский писал, что интервал анализируемого пересмотра должен составлять один месяц [8, с. 48].

В постсоветских государствах в наибольшей степени приведенным выше рекомендациям как по срокам содержания под стражей, так и по интервалам их продления соответствует УПК Молдовы. Во-первых, в нем закреплено, что срок содержания обвиняемого, подсудимого под стражей не может превышать разумного срока, установленного в зависимости от сложности расследования, необходимого для установления истины, с учетом обязательства об оперативности при разрешении уголовного дела. При этом арест первоначально назначается на срок, не превышающий тридцати дней (уголовное преследование осуществляется в разумный срок, устанавливаемый по конкретному делу прокурором). Во-вторых, в УПК Молдовы устанавливается, что срок содержания под стражей может быть продлен, когда иных мер пресечения, не связанных с лишением свободы, недостаточно для устранения рисков, оправдывающих применение предварительного ареста, и сохранена актуальность условий и критериев его применения. Срок каждого продления предварительного ареста не может превышать тридцати дней.

Представляется, что опыт Российской Федерации и Молдовы по закреплению в уголовно-процессуальном законе понятия «разумный срок», установлению как общего срока содержания под стражей, так и интервалов его продления может быть использован для совершенствования УПК Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. *Букаато Л. Г.* Регламентация предельного общего срока производства по материалам и уголовному делу как необходимая процессуальная гарантия // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–12 нояб. 2017 г. / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак., каф. уголов. процесса и прокур. надзора ; редкол.: В. И. Самарин (отв. ред.), М. Хегер, О. В. Мороз. Минск : Изд. центр БГУ, 2017. С. 42–46.
2. *Рябцева Е. В.* Принцип разумности в уголовном процессе России : монография. М. : Юрлитинформ, 2011. 240 с.
3. *Образцов А. В.* Процессуальное руководство и разумный срок уголовного судопроизводства как условия повышения эффективности предварительного следствия // Российский следователь. 2016. № 23. С. 30–33.
4. *Колоколов Н. А.* Срок предварительного расследования, содержания под стражей: критерий разумности // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 3–7.
5. *Лосев В., Солтанович А.* Меры пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь : предложения по устранению отдельных недостатков их правовой регламентации // Меры пресечения в уголовном процессе по законодательству Украины, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Молдова : сборник научных трудов. Киев : Нац. академия прокуратуры Украины, 2018. С. 115–120.
6. *Щерба С. П.* Законодательство зарубежных стран о полномочиях прокурора и суда по применению ареста как меры пресечения, о сроках содержания под стражей и их продлении // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 4. С. 31–35.
7. *Полянский Н. Н.* Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность. М. : Тип. Тов-ва И. Д. Сытина, 1911. 203 с.
8. *Люблинский П. И.* Меры пресечения. М. : Право и жизнь, 1924. 56 с.

ПОЛЕМИКА МЕЖДУ Х.-Г. ГАДАМЕРОМ И Э. БЭТТИ О ТОЛКОВАНИИ ПРАВОВЫХ НОРМ

Н. М. Дубрава

*Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
пр. Машерова, 6а, 220005, г. Минск, Беларусь*

Рассматривается полемика между представителями юридической герменевтики Х.-Г. Гадамером и Э. Бэтти о толковании правовых норм. Делается вывод, что Х.-Г. Гадамер, обосновавший юридическую герменевтику как способ правового познания и толкования права, в целом отстаивал реалистические позиции в теории толкования права и делал акцент на личности интерпретатора. Э. Бетти, напротив, был более близок в толковании права к правовому формализму и традиционной юридической догматике, что подтверждается системой разработанных герменевтических канонов.

Ключевые слова: герменевтика; юридическая герменевтика; понимание; пред-
понимание; герменевтический круг.

ПАЛЕМІКА ПАМІЖ Х.-Г. ГАДАМЕРАМ І Э. БЭЦІ ПРА ТЛУМАЧЭННЕ ПРАВАВЫХ НОРМ

Н. М. Дубрава

*Акадэмія Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь,
пр. Машэрава, 6а, 220005, г. Мінск, Беларусь*

Разглядаецца палеміка паміж прадстаўнікамі юрыдычнай герменеўтыкі Х.-Г. Гадамерам і Э. Бэці аб тлумачэнні прававых нормаў. Робіцца выснова, што Х.-Г. Гадамер, які абгрунтаваў юрыдычную герменеўтыку як спосаб прававога пазнання і тлумачэння права, у цэлым адстойваў рэалістычныя пазіцыі ў тэорыі тлумачэння права і рабіў акцэнт на асобу інтэрпрэтатара. Э. Бэці, наадварот, быў больш блізкі ў тлумачэнні права да прававога фармалізму і традыцыйнай юрыдычнай дагматыцы, што пацвярджаецца сістэмай распрацаваных герменеўтычных канонаў.

Ключавыя словы: герменеўтыка; юрыдычная герменеўтыка; разуменне;
паняцце; герменеўтычны круг.

CONTROVERSY BETWEEN H.-G. GADAMER AND E. BATTY ON THE INTERPRETATION OF LEGAL RULES

N. M. Dubrava

*Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus,
6a Masherova Avenue, Minsk 220005, Belarus*

The article examines the controversy between representatives of legal hermeneutics H.-G. Gadamer and E. Batty on the interpretation of legal norms. It is concluded that

H.-G.Gadamer, who substantiated legal hermeneutics as a method of legal knowledge and interpretation of law, generally defended realistic positions in the theory of interpretation of law and emphasized the personality of the interpreter. E. Betti, on the contrary, was closer in the interpretation of law to legal formalism and traditional legal dogmatics, which is confirmed by the system of developed hermeneutical canons.

Keywords: hermeneutics; legal hermeneutics; understanding; pre-understanding; hermeneutic circle.

На современном этапе развития фундаментальной юриспруденции сформировалось два пути философско-методологического познания права – классический и постклассический. Классическая юриспруденция основывается на трех типах правопонимания (юснатурализм, позитивизм и социологизм) и присущих им методологических установках, связанных с классической рациональностью и новоевропейским методом рационализма. Постклассическая юриспруденция предлагает при познании права использовать современные философские концепции ввиду тех открытий, которые были сделаны в их рамках (юридическая герменевтика, коммуникативная теория права, антропология права, правовая семиотика, феноменология, экзистенциализм и др.).

Вопрос толкования правовых норм и в целом учение о толковании права сегодня являются важнейшими компонентами как современной правовой теории, так и юридической практики. Наибольшее влияние на теорию толкования правовых норм оказала *герменевтика*, как направление социально-гуманитарных наук, и основанная на ней (в ее развитии) – *юридическая герменевтика*.

Современная юридическая герменевтика как самостоятельное научное направление в отечественной юридической науке – явление относительно молодое. Вместе с тем, как верно заметила Н. И. Хабибулина, «именно герменевтический подход к праву отвечает гуманитарным и правовым идеалам настоящего» [6, с. 169]. Однако возникновение герменевтики как таковой – дело не сегодняшнего дня. Эволюцию понимания (предназначения) герменевтики кратко и при этом емко представил А. М. Михайлов. Так, ученый пишет, что первоначально герменевтика выступает в качестве техники интерпретации произведений древних авторов, священных текстов, многозначных символов, искусства проникновения в подлинный смысл особо значимых для культуры текстуальных памятников. Для интеллектуалов средневековья герменевтика выступает неотъемлемой частью диалектики, являясь искусством доказывать истинное и опровергать ложное, правильно определять и классифицировать понятия. В эпоху Возрождения герменевтика начинает пониматься как средство перевода содержания памятников античной культуры на язык культуры современной, как интеллектуальный инструмент

актуализации античной культуры. В XIX в. понятие герменевтики обогащается за счет ее концептуализации как искусства понимания чужой индивидуальности (Ф. Шлейермахер), метода исторической интерпретации (В. Дильтей). В Западной философии XX в. под герменевтикой понимают прежде всего обладающую качественной спецификой методологическую программу гуманитарных наук (Э. Гуссерль, Х.-Г. Гадамер, Э. Бетти и др.), а также философские учения, претендующие на новое истолкование не только гносеологической проблематики, но и онтологии – формирование новой «картины мира» (М. Хайдеггер) [5, с. 165].

Таким образом, являясь поначалу лишь специфическим философским искусством, тесно связанным с риторикой, герменевтика постепенно приобрела статус науки о духе, а в XX в. стала онтологией.

Юридическая герменевтика как учение о познании, понимании и толковании права главным образом акцентирует внимание на субъекте понимания и толкования права, а также на природе толкуемого объекта – норме права, которая помещается не только в формально-логический, но и в онтолого-юридический контекст. В юридической герменевтике с позиции реальной правовой действительности достаточно аргументированно обосновано сближение субъекта и объекта толкования, наличие их взаимовлияния и даже взаимопроникновения.

Центральное место среди основных категорий (положений, базовых элементов) юридической герменевтики занимают понятия *понимания, предпонимания и герменевтического круга*. *Понимание* применительно к толкованию норм права представляет собой обнаружение правового смысла нормы субъектом правовой интерпретации, которое одновременно рассматривается и как составной элемент синхронного пониманию процесса применения понятого содержания. *Предпонимание* – это «понимание в контексте разрешаемой жизненной ситуации на начальной стадии, своего рода набросок смысла, начальное смыслоожидание» [3, с. 19]. *Герменевтический круг* в общеметодологическом плане представляет собой способ (метод) понимания текста, заключающийся в возможности понимания частей текста через понимание всего текста, и наоборот. Процесс понимания движется по кругу, в котором целое понимается из анализа частей, а единичное только в связи с целым.

На развитие юридической герменевтики оказала влияние дискуссия между мыслителями второй половины XX в. Х.-Г. Гадамером и Э. Бетти, которые отстаивали два разных направления учения о толковании права. Они первыми разработали подходы к толкованию норм права в процессе его применения в рамках юридико-герменевтической традиции, а также обратили внимание на общность исторической, теологической, филологической и юридической герменевтик.

Герменевтика Х.-Г. Гадамера имеет статус онтологической герменевтики. Свою главную задачу он видел в необходимости и возможности содержательного познания герменевтики только в случае комплексного подхода, заключающегося в ценностной компиляции (связи) филологической, теологической, юридической герменевтик и исторического метода познания. В противовес прежней герменевтике, которая различала процедуры понимания (*subtilitas intelligendi*), истолкования (*subtilitas explicandi*) и применения (*subtilitas applicandi*), Х.-Г. Гадамер указывает, что на самом деле все эти процессы тождественны, а точнее, именно из этих трех моментов и состоит процесс понимания. Интересно, что все три процедуры назывались «*subtilitas*» (тонкость, ловкость, искусство), т. е. мыслились не столько как методы, сколько как некий навык, требующий особенной духовной утонченности [2, с. 364]. Для Х.-Г. Гадамера, понимание является истолковывающим, а истолкование – понимающим. Так, Х.-Г. Гадамер пишет: «Истолкование – это не какой-то отдельный акт, задним числом и при случае дополняющий понимание; понимание всегда является истолкованием, а это последнее соответственно суть эксплицитная форма понимания» [2, с. 364]. Таким образом, ученый резюмирует, что «единство понимания и истолкования подтверждается как раз тем, что истолкование, которое разворачивает смысловые импликации текста и дает им отчетливое языковое выражение, кажется по отношению к уже данному тексту новым творчеством и тем не менее не претендует на самостоятельное по отношению к пониманию бытие» [2, с. 547].

Понимание по Х.-Г. Гадамеру это процесс слияния горизонтов (горизонта интерпретатора и горизонта автора интерпретируемого текста). Лишь осознание интерпретатором собственной исторической обусловленности, проникновение в историческую ситуацию, подлежащую пониманию, указывает Х.-Г. Гадамер, способствует преодолению как его собственной партикулярности, так и партикулярности текста, приводит истолкователя к образованию нового (более общего, более широкого, более глубокого) «горизонта». При этом, интерпретатор, обращаясь к тексту, уже имеет определенное предварительное его понимание (*предпонимание*), детерминированное условиями, в которых он живет (семья, общество, государство). Это предпонимание имеет характер предрассудка (*vorurteil*). При этом Х.-Г. Гадамер обращает внимание на то, что предрассудок может быть оценен не только отрицательно, как было принято в эпоху Просвещения, но и положительно, и означает «суждение, которое выносится до окончательной проверки всех предметно определяющих моментов... справедливое решение до вынесения подлинного окончательного приговора» [2, с. 322–323]. Применительно к судебной практике, для участника судебной разбирательства, вынесе-

ние предварительного решения имеет позитивную значимость. Правовая ценность предварительного решения, по мнению Х.-Г. Гадамера, аналогична позитивной правовой ценности судебного прецедента [2, с. 323]. Таким образом, подлинное понимание по Х.-Г. Гадамеру является не только репродуктивным, но продуктивным, что требует, по верному замечанию Н. И. Хабибулиной, постоянного учета исторической дистанции между интерпретатором и текстом, всех исторических обстоятельств, непосредственно или опосредованно связывающих их, взаимодействия прошлой и нынешней духовной атмосферы [6, с. 171].

Для юридической герменевтики, отмечает Х.-Г. Гадамер, конституирующим является напряжение, существующее между данным текстом закона, с одной стороны, и тем смыслом, который он получает в результате его применения в конкретной жизненной ситуации истолкования (судебный приговор), с другой стороны. Закон не претендует быть понятым исторически, но должен быть путем истолкования конкретизирован в своей правовой значимости (он нуждается в таком понимании, которое позволило бы ему оказать свое «спасительное воздействие») [2, с. 365]. Так, чтобы понять текст закона правильно, т. е. в соответствии с выдвигаемыми им притязаниями, интерпретатор должен в каждой конкретной жизненной ситуации, понимать его по-новому. Понимание в данном случае всегда является применением [2, с. 366]. Соответственно постижение смысла закона, в том числе через его конкретизацию, производится с точки зрения и ради конкретного жизненного случая [2, с. 384]. Тем самым интерпретатор (правоприменитель, судья) решает практическую задачу – «приспосабливает закон, дошедший до него из прошлого, к потребностям современности», что не означает произвольного толкования, а свидетельствует о признании действующего опосредованного смысла закона [2, с. 387]. Задача истолкования, делает вывод Х.-Г. Гадамер, «суть задача конкретизации закона в том или ином случае, то есть задача аппликации» [2, с. 389].

Вышеизложенное позволяет резюмировать, что Х.-Г. Гадамер, обосновавший юридическую герменевтику как способ правового познания и толкования права, в целом отстаивал реалистические позиции в теории толкования права и делал акцент на личности интерпретатора.

На развитие теории толкования норм права также оказала влияние разработанная итальянским юристом Э. Бэтти общая теория интерпретации, имеющая в качестве своих истоков подходы и методы, выработанные и применяемые последним в юридической герменевтике и при изучении истории права. Цель юридической герменевтики, согласно Э. Бэтти, состоит в том, чтобы не давать норме оторваться от реальных обстоятельств, становиться им чуждой. «При чем более общие и абст-

рактные понятия используются в формулировках законов или других правовых актов, чем в большей степени они ввиду своей абстрактности отдалены от конкретной социальной ситуации, тем очевиднее становится, что они должны быть обновлены – адаптированы и приведены в соответствие с жизнью» [4, с. 34].

По мнению Э. Бэтти, истолкование предназначено для решения эпистемологической проблемы понимания и представляет собой, как «деятельность, следствием и целесообразным результатом которой является понимание» [1, с. 21]. *Истолкование* – это трехчленный процесс, с одной стороны – интерпретатор, как живой, мыслящий дух, с другой стороны – дух, объективированный в смылосодержащих формах, не входящие в непосредственное соприкосновение, а также – смылосодержащая форма, в которой объективированный дух предстает перед интерпретатором в своей неустранимой инаковости [1, с. 23]. Истолкование возможно лишь применительно к *смылосодержащим формам*. При этом форма понимается ученым, как «единая структурная взаимосвязь многих воспринимаемых элементов», пригодная к тому, чтобы сохранять в себе отпечаток духа, который сотворил ее или воплощен в ней [1, с. 14–15]. *Понимание* же, представляет собой: «познание заново (*Wieder-erkennen*) и повторное (*Nachkonstruieren*) конструирование смысла» [1, с. 24–25].

В своем учении Э. Бэтти говорит о необходимости соответствия толкования *двум противоположным требованиям*: во-первых, от интерпретатора требуется объективность, так как повторное конструирование смысла смылосодержащих форм должно как можно точнее соответствовать их содержанию; во-вторых, субъективность интерпретатора, обеспечиваемая благодаря его способности осознавать обусловленность адекватному предмету понимания [1, с. 26]. Данные требования, по мнению Э. Бэтти, выполнимы при условии следования в процессе толкования разработанным им герменевтическим канонам. Так, ученый выделяет *герменевтические каноны* (критерии и принципы истолкования, методы истолкования), относящиеся к объекту и субъекту толкования. Среди канонов, относящихся к *объекту*, ученый называет: 1) *канон герменевтической автономии объекта* (канон имманентности герменевтического масштаба), означающий, что смылосодержащие формы должны быть поняты сообразно объективированному в них чужому духу (*sensusnonestinferendus, sedefferendus*), то есть искомый смысл нельзя вложить в смылосодержащую форму по наитию, произвольно, смысл нельзя, так сказать, подбросить, напротив, он должен быть извлечен из этой формы) [1, с. 28–29]; 2) *канон тотальности и смысловой связанности герменевтического рассмотрения* (выявление взаимоотношения и когерентности (взаимосвязи) между отдельными составными частями

речи, как и любого изъяснения мысли) [1, с 30–31]. Среди канонов, относящихся к субъекту, Э. Бэтти называет: 1) *канон актуальности понимания*, согласно которому «интерпретатор должен в себе самом пройти (в обратном движении) путь творчества, повторно конструировать его изнутри... в собственную жизненную актуальность, то есть в рамках собственного опыта приспособить их к своему собственному духовному горизонту и включить в него...» [1, с. 40]; 2) *канон смысловой адекватности понимания, или канон герменевтического смыслового соответствия (или согласования)*, согласно которому интерпретатор должен стремиться привести собственную жизненную актуальность к глубочайшему внутреннему согласованию с побуждением, исходящим от объекта, чтобы они, будучи настроены друг на друга, зазвучали в унисон [1, с. 118–119].

Обобщив, можно говорить о том, что Э. Бэтти выступает за объективность сохранения воли законодателя, которая благодаря канонам (методам) толкования неизменно перемещается в субъективность правоприменителя (интерпретатора). Заметим, что в отличие от Х.-Г. Гадамера, Э. Бетти был более близок в толковании права к правовому формализму и традиционной юридической догматике.

Проанализировав вышеизложенные позиции относительно юридической герменевтики и ее возможностей в процессе толкования норм права, можно сделать заключение, что позиции Х.-Г. Гадамера и Э. Бэтти различаются в том, что Э. Бэтти рассматривал герменевтику как методологию толкования, а Х.-Г. Гадамер как саму философию, которая поднимает онтологические вопросы, заложенные в человеческом бытии. Э. Бэтти выдвигал тезис о независимости и чужеродности интерпретируемого смысла по отношению к интерпретатору, в частности, о независимости (бытии «само по себе») прошлого по отношению к настоящему. Х.-Г. Гадамер же в своем учении доказывал опосредованность прошлого и настоящего, а также субъективную актуальность объекта для интерпретатора. В отличие от Х.-Г. Гадамера, отрицающего фундаментальный эпистемологический статус идеала объективности, Э. Бэтти предпринимал попытки совместить требования объективности результатов истолкования и субъективной актуальности его объекта [1, с. 5–6]. Именно последнее является сквозным вопросом полемики между методологической и философской стратегиями в герменевтике и одним из фундаментальных вопросов эпистемологии гуманитарных наук.

Тем самым можно увидеть, что подход Х.-Г. Гадамера к толкованию норм права в процессе применения с точки зрения юридико-герменевтического подхода заключается в переносе в процессе понимания смысла правовой нормы на субъект понимания – то есть на интер-

претатора. В свою очередь, подход Э. Бэтти заключающийся в необходимости разработки и использовании конкретных методов толкования норм права, косвенно нивелировал роль практика (в данном случае интерпретатора) и его личности (личностных свойств, качеств). Это же соотношение (позиций Х.-Г. Гадамера и Э. Бэтти) является своеобразной оппозицией между юридическим позитивизмом (номинализмом, формализмом, объективизмом) и антропологией права, правовым реализмом.

Библиографические ссылки

1. *Бэтти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Е. В. Борисов. М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2011. 144 с.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
3. *Павлов В. И.* Понятие нормы судейского права и судейского правотворчества в контексте личностно-правовой активности судьи: антрополого-правовой анализ // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь, Ин-т правовых исслед. ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Вып. 18. Минск : Коллоград, 2023. С. 16–27.
4. *Россиус Ю. Г.* Эмилио Бетти: от истории права к общей теории интерпретации // Философская мысль. 2020. № 11. С. 30–44.
5. *Тонков Е. Н.* Парадигмы юридической герменевтики : монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2017. 490 с.
6. *Хабибулина Н. И.* Идеи юридической герменевтики в трудах немецких мыслителей Г.Ф. Пухты и Х.-Г. Гадамера // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Общественные науки. 2012. № 28. С. 169–172.

ОРГАНЫ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ

Б. В. Еремич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Проанализирован Закон Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании» на предмет создания и законодательного закрепления органов Всебелорусского народного собрания.

Ключевые слова: Всебелорусское народное собрание; органы собрания; Президиум; Секретариат; комиссии.

ОРГАНЫ ЎСЕБЕЛАРУСКАГА НАРОДНАГА СХОДУ

Б. В. Ярэмич

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Прааналізаваны Закон Рэспублікі Беларусь «Аб Усебеларускім народным сходзе» на прадмет стварэння і заканадаўчага замацавання органаў Усебеларускага народнага сходу.

Ключавыя словы: Усебеларускі народны сход; органы сходу; Прэзідыум; Сакратарыят; камісіі.

THE BODIES OF THE ALL-BELARUSIAN PEOPLE'S ASSEMBLY

B. V. Eremich

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, theory-law@bsu.by*

This article analyzes the Law of the Republic of Belarus «On the All-Belarusian People's Assembly» with a view to creating and legislative consolidation bodies of the All-Belarusian People's Assembly.

Keywords: the All-Belarusian People's Assembly; the Assembly bodies; the Presidium; the Secretariat; the commissions.

В настоящее время в Законе Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. «О Всебелорусском народном собрании» (далее – Закон) не закреплена система органов Всебелорусского народного собрания (далее – ВНС или Собрание), но о них говорится в ряде его статей, в частности в ст. 28, 29, 33, 41, 19. В них предусматривается существование Президиума ВНС, его научно-консультативных и иных совещательных органов, Счетной комиссии, специальной комиссии, Секретариата ВНС. В то же

время в ст. 28 указывается на возможность работы ВНС не только в форме заседаний, но и в форме работы иных органов Всебелорусского народного собрания.

О возможности существования иных органов свидетельствует также закрепленная в ч. 8 ст. 38 Закона обязанность делегата участвовать не только заседаниях ВНС, но и в работе иных органов Собрания, членом которых он является.

Выскажем свою точку зрения на предмет органов ВНС, исходя из анализа положений Закона и опираясь на мнения ученых.

В качестве органа ВНС полагаем целесообразным считать Председателя ВНС, который является руководителем данного органа и не просто организует работу органа во время заседания (ст. 31 Закона), но также, как отмечала А. В. Шавцова в отношении председателей палат Парламента и местных советов депутатов, Председатель ВНС «реализует властные полномочия по отношению к членам данного органа и сформированным в нем структурам» [1, с. 27], что подтверждается абз. 5 ч. 3 ст. 31 Закона, где закреплено его право на дачу поручений органам ВНС и его Секретариату по вопросам, относящимся к их ведению.

Важность роли единоначальных постоянно действующих органов власти в отношении глав Палаты представителей и Совета Республики подчеркивала также О. В. Чмыга, отмечая, что их роль сложно переоценить: «Именно главы палат (председатели) в течение всего срока полномочий палат осуществляют надлежащую координацию деятельности данного высшего законодательного органа» [2, с. 134].

Самостоятельной фигурой является заместитель Председателя ВНС, который может подменять председателя при ведении собрания (например, при отсутствии председателя или если председатель ему поручил), по поручению Председателя ВНС решать вопросы, входящие в компетенцию Председателя ВНС, осуществлять иные полномочия в соответствии с поручениями Председателя ВНС, Президиума ВНС.

Но как единоначальный орган ВНС заместитель может рассматриваться в связи с тем, что он в соответствии с ч. 4 ст. 32 Закона, ст. 20 Временного регламента Всебелорусского народного собрания обладает собственной компетенцией: самостоятельно вносит предложения по планированию деятельности ВНС; дает Секретариату ВНС поручения по вопросам, связанным с проведением заседаний ВНС, Президиума ВНС, и иным вопросам, относящимся к их ведению; взаимодействует с делегатами ВНС по вопросам их деятельности. При этом методы осуществления возложенных на него полномочий определяются им самостоятельно.

Заместитель Председателя ВНС осуществляет свои полномочия на профессиональной основе и является государственным гражданским служащим.

В соответствии со ст. 33 Закона Президиум ВНС является постоянно действующим коллегиальным органом, подотчетным Собранию, обеспечивающим оперативное решение вопросов, входящих в компетенцию Собрания и выполняющий свои задачи в период деятельности ВНС. Компетенция Президиума определена в ст. 35 Закона. Членами Президиума ВНС являются Председатель ВНС, его заместители, иные члены Президиума ВНС, которые избираются Собранием на его первом заседании из числа его делегатов. Предельная численность Президиума составляет 15 человек) (ст. 33 Закона).

В соответствии с ч. 4 ст. 33 Закона при Президиуме ВНС могут создаваться на общественных началах научно-консультативные и иные совещательные органы, которые также следует рассматривать в числе органов ВНС. Основной целью их создания является учет экспертного и общественного мнения, разработка предложений по вопросам, входящим в компетенцию органа, при котором создается научно-консультативный либо и иной совещательный орган.

Учеными подчеркивалась способность таких органов сделать проблему переговорной, избежать риска (предприняв все необходимые усилия) и конфликта [3, с. 261], а также назывались некоторые виды данных органов, существующие в Республике Беларусь, например, отмечались советы при высших органах государственного управления; комиссии при Совете Министров Республики Беларусь; общественно-консультативные советы при министерствах и государственных комитетах [4, с. 117].

В то же время практически при всех государственных органах Республики Беларусь имеются научно-консультативные органы. Их существование предусмотрено при палатах Национального собрания, Конституционном Суде, Верховном Суде, Генеральной прокуратуре, Центральной избирательной комиссии, республиканских органах государственного управления и др.

Обычно в состав данных органов в зависимости от компетенции органа входят на общественных началах ученые в соответствующей области знаний и опытные практики.

Для реализации компетенции Собрания создаются и другие органы. Названия данных органов в Законе встречается только применительно к Счетной комиссии (ст. 29) и Специальной комиссии (ст. 19), реализующей полномочия ВНС о смещении Президента с должности. В остальных случаях речь идет об органах ВНС без указания их названия. В частности, в ч. 2 ст. 28 Закона предусматривается, что вопросы о леги-

тимности выборов, о смещении Президента Республики Беларусь с должности, об отмене правовых актов, иных решений государственных органов и должностных лиц, противоречащих интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов, предварительно рассматриваются на заседаниях органов Всебелорусского народного собрания.

Полагаем, что ВНС может создать другие комиссии для решения вопросов, отнесенных к его компетенции, например, кадровых.

В соответствии со ст. 41 Закона о ВНС его рабочим органом является Секретариат, который действует на основании Положения, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16.02.2024 г. (до принятия соответствующего решения об утверждении Положения Собранием в соответствии с ч. 1 ст. 41 Закона).

Данный орган можно сравнить по компетенции и выполняемым задачам с Аппаратом Совета Министров Республики Беларусь, на вспомогательную роль которого указывал А. Н. Крамник [5, с. 362].

Секретариат имеет свою организационную структуру, утвержденную вышеуказанным положением. В структуре Секретариата имеется начальник Секретариата, который назначается на государственную гражданскую должность и освобождается от должности Президиумом Собрания по представлению Председателя ВНС. В соответствии с п. 12 вышеназванного положения начальник Секретариата имеет заместителя. В качестве структурных звеньев выделяются управление экспертно-аналитической работы и управление организационной работы.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что органы Всебелорусского народного собрания можно обозначить как законодательно закрепленные – Председатель ВНС как единоначальный постоянно действующий рабочий орган; Заместитель Председателя как самостоятельный постоянно действующий орган; Президиум как постоянно действующий коллегиальный орган; Секретариат как рабочий орган; комиссии ВНС, создаваемые для качественной реализации компетенции Собрания; научно-консультативные и иные совещательные органы при Президиуме ВНС.

В заключение следует отметить, что порядок создания органов ВНС должен определяться Регламентом, предоставив также право создания временных органов для подготовки рассмотрения на ВНС конкретных вопросов Президиуму ВНС. В данном акте следует подробно закрепить их правовой статус и порядок работы.

Библиографические ссылки

1. Шавцова А. В., Козак М. А. Сочетание принципа коллегиальности и единоначалия в деятельности представительных органов зак // Право.by. 2021. № 2. С. 24–30.

2. Чмыга О. В. Роль и правовое положение единоличных и коллегиальных постояннодействующих органов Парламента Беларуси // Вестник Полоцкого государственного университета. Юридические и экономические науки. 2022. № 5. С. 134–139. URL: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2022-60-5-134-139> (дата обращения: 19.05.2024)

3. Richardson J. J., Jordan A. G. Overcrowded Policymaking: Some British and European Reflections. Policy Sciences. No. 15. Amsterdam : Elsevier Scientific publishing company, 1983. 268 p.

4. Мордосевич Е. Л. Консультативно-совещательные структуры при государственных органах Республики Беларусь // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2019. № 4 (135). С. 115–122.

5. Крамник А. Н. Курс административного права Республики Беларусь. Минск : Тесей, 2002. 608 с.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Л. М. Ермошина

*Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов (1996–2021 гг.),
ул. Советская, 11, 220010, г. Минск, Беларусь, info@rec.gov.by*

Председатель Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов (в период с 1996 по 2021 г.) кратко характеризует путь, по которому развивалась система избирательных органов в стране с момента образования первого профессионального избирательного органа и до принятия обновленной Конституции. Проводится анализ основных этапов эволюции избирательного законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: система избирательных органов; избирательные комиссии; эволюция избирательного законодательства Республики Беларусь; избирательное право.

СТАНОВЛЕННЯ І РАЗВИЦЦЁ СІСТЭМЫ ВЫБАРЧЫХ КАМІСІЙ У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

Л. М. Ярмошына

*Цэнтральная камісія Рэспублікі Беларусь па выбарах і правядзенні рэспубліканскіх рэферэндумаў (1996–2021 гг.),
вул. Савецкая, 11, 220010, г. Мінск, Беларусь, info@rec.gov.by*

Старшыня Цэнтральнай камісіі Рэспублікі Беларусь па выбарах і правядзенні рэспубліканскіх рэферэндумаў (у перыяд з 1996 па 2021 г.) каротка характарызуе шлях, па якім развівалася сістэма выбарчых органаў у краіне з моманту ўтварэння першага прафесійнага выбарчага органа і да нашых дзён. Праводзіцца аналіз асноўных этапаў эвалюцыі выбарчага заканадаўства Рэспублікі Беларусь. Публікацыя ўяўляе цікавасць для асоб, якія вывучаюць выбарчае права, і журналістаў.

Ключавыя словы: сістэма выбарчых органаў; выбарчыя камісіі; эвалюцыя выбарчага заканадаўства Рэспублікі Беларусь; выбарчае права.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF ELECTION COMMISSIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

L. M. Ermoshina

Central Commission of the Republic of Belarus for Elections and Republican Referendums (1996–2021), 11 Sovetskaya Street, Minsk 220010, Belarus, info@rec.gov.by

The author is Lidia Ermoshina, the Chairperson of the Central Commission of the Republic of Belarus on Elections and Holding Republican Referenda (from 1996 to 2021). The article briefly describes the way in which the electoral system in the country has

developed from the formation of the first professional electoral body to the present day. The article is of interest to people studying electoral law, and to journalists.

Keywords: electoral system; election commissions; evolution of the electoral legislation of the Republic of Belarus; suffrage.

Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов (далее – Центральная комиссия) была образована 4 декабря 1989 г. Верховным Советом Белорусской ССР в целях обеспечения организации выборов Верховного Совета БССР 12-го созыва. Таким образом, важнейший современный государственный институт, обеспечивающий демократический способ передачи власти, появился на 2 года раньше суверенного государства Республики Беларусь.

Полномочия и статус Центральной комиссии в первоначальный период определил Закон Белорусской ССР «О выборах народных депутатов Белорусской ССР», в котором был определен способ формирования комиссии, ее количественный состав и полномочия, к основным из которых были отнесены контроль за исполнением закона о выборах, направление деятельности нижестоящих избирательных комиссий, рассмотрение заявлений и жалоб на их действия и вынесение по ним окончательных решений, распределение денежных средств, подведение итогов выборов и решение о проведении повторных выборов и другие. Для осуществления названных полномочий Центральной комиссии было предоставлено право создавать рабочие группы для организационного, правового и технического обеспечения выборов.

В отношении системы нижестоящих комиссий было установлено, что они действуют не на постоянной основе, а только в рамках конкретной избирательной кампании.

Вместе с тем в законодательных актах не нашли отражение, в связи с чем оставались неопределенными, вопросы юридического статуса Центральной комиссии и ее аппарата, а также правового статуса самих членов Центральной комиссии. Следует отметить, что подобная неопределенность сохранялась вплоть до принятия новой редакции Конституции Республики Беларусь 24 ноября 1996 г., что не способствовало укреплению статуса Центральной комиссии как независимого государственного органа.

Особенностью начального периода деятельности Центральной комиссии являлось то, что в ее ведении находились только выборы главного законодательного органа страны – Верховного Совета, в то время как контроль за проведением выборов депутатов местных Советов, а также референдума она не вправе была осуществлять.

В связи с этим при определении организационных мер в рамках первого в истории страны всесоюзного референдума Законом Белорусской ССР от 13 июня 1991 г. «О народном голосовании (референдуме) в Белорусской ССР» было установлено, что полномочия Центральной комиссии по референдуму Белорусской ССР осуществляются Центральной комиссией по выборам народных депутатов Белорусской ССР.

Аналогично при проведении местных выборов Законом Белорусской ССР «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Белорусской ССР» на Центральную комиссию были возложены полномочия центрального органа по обеспечению проведения данного вида выборов.

Таким образом, в зависимости от характера и вида проводимых в стране кампаний менялся как объем компетенции, так и названия Центральной комиссии.

В 1994 г. при назначении выборов первого Президента Республики Беларусь Постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 30 марта 1994 г. «О проведении выборов Президента Республики Беларусь» на Центральную комиссию были возложены полномочия главного избирательного органа по выборам Президента Беларуси. Одновременно с этим Верховный Совет постановил называть в дальнейшем Центральную комиссию по выборам народных депутатов Республики Беларусь Центральной комиссией Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. В результате этого главная избирательная комиссия страны приобрела название, действующее до конституционных изменений 2022 г.

В 1995–1996 гг. деятельность Центральной комиссии осуществлялась в условиях сложившейся в стране достаточно сложной политической ситуации. 31 января 1995 г. Верховный Совет постановил продолжить полномочия Центральной комиссии до завершения выборов депутатов Верховного Совета Республики Беларусь тринадцатого созыва и депутатов местных Советов и принятия Верховным Советом специального закона, комплексно определяющего порядок образования, полномочия и гарантии осуществления деятельности Центральной комиссии.

Таким образом, был закреплён «переходный» срок полномочий Центральной комиссии: она должна была действовать до образования нового состава в соответствии со специальным законодательным актом.

Конституционная реформа 1996 г. определила независимый статус Центральной комиссии и принципы ее образования.

Так, до принятия 24 ноября 1996 г. изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь Центральная комиссия была подотчетна Верховному Совету, который полностью формировал ее персональный состав.

После вступления в силу новой редакции Конституции Республики Беларусь Центральная комиссия стала формироваться на паритетной основе Президентом Республики Беларусь и верхней палатой Парламента, количественный состав комиссии уменьшен с 19 до 12 членов комиссии. Также было установлено, что Председатель Центральной комиссии назначается Президентом Республики Беларусь с согласия Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь из числа членов Центральной комиссии.

Завершающим звеном законодательного оформления статуса и полномочий Центральной комиссии на данном этапе явилось принятие Закона Республики Беларусь от 30 апреля 1998 г. № 137-З «О Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов». Вместе с тем в стране отсутствовал единый закон, который устанавливал бы единообразные подходы к организации и проведению выборов и определял систему нижестоящих избирательных комиссий и порядок их образования.

Унификация всех законодательных актов, определяющих порядок проведения выборов и референдумов, отзыва депутатов и членов Совета Республики, порядок образования и принципы действия избирательных органов для выборов всех органов, была завершена в начале 2000 г. в связи со вступлением в силу Избирательного кодекса Республики Беларусь от 11 февраля 2000 г. № 370-З.

Данный Кодекс окончательно закрепил принцип, согласно которому, не входя ни в одну из ветвей государственной власти, система избирательных комиссий в целом действует как структура, высший орган которой – Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов – является государственным, а остальные комиссии – общественными образованиями, решения которых, принятые в пределах их компетенции, обязательны для всех государственных органов, политических партий, общественных объединений и иных организаций, а также граждан.

В соответствии с принятым Избирательным кодексом изменился порядок образования окружных и территориальных избирательных комиссий. Если ранее использовалась так называемая административная модель формирования комиссий, то есть решениями органов исполнительной власти, то теперь данный порядок сохранен только для участковых комиссий и территориальных избирательных комиссий по выборам местных Советов депутатов первичного уровня. Предусматривалось, что территориальные комиссии по выборам депутатов местных Советов получают постоянный статус и сохраняют свои полномочия до назначения очередных выборов в местные Советы депутатов.

Поправки, внесенные в Избирательный кодекс Законом Республики Беларусь от 8 ноября 2011 г. № 309-З, дополнили его институтом членов комиссии с правом совещательного голоса, которые включаются в состав Центральной комиссии на период проведения выборов Президента Республики Беларусь по предложению кандидатов на этот пост, а во время проведения выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь – в состав окружных по предложению политических партий, имеющих зарегистрированных кандидатов в депутаты. Данный институт был введен для усиления принципа коллегиальности в работе избирательных органов.

На этой основе усилиями Центральной комиссии была усовершенствована правоприменительная практика, проводилось регулярное обучение персонала нижестоящих избирательных органов, передача данных и обработка аналитических сведений осуществлялась с помощью современных информационных технологий. Это в значительной степени отличается от первоначального опыта работы избирательных органов в сторону приближения его к высоким стандартам избирательного процесса.

В соответствии с решением республиканского референдума 27 февраля 2022 г. положения о системе избирательных комиссий были закреплены в Конституции Республики Беларусь. На конституционном уровне определено, что систему избирательных комиссий возглавляет Центральная избирательная комиссия, которая организует выборы Президента, делегатов Всебелорусского народного собрания, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики, депутатов местных Советов депутатов, проведение республиканских референдумов, осуществляет контроль за исполнением законодательства о выборах и референдуме, а также иные полномочия, установленные законом; Председатель и члены Центральной избирательной комиссии избираются на пять лет и освобождаются от должности Всебелорусским народным собранием; система, порядок формирования, компетенция избирательных комиссий и гарантии их независимости определяются законом. Данные конституционные положения, включая демократический порядок избрания Центральной избирательной комиссии Всебелорусским народным собранием, нашли развитие в изменениях Избирательного кодекса Республики Беларусь, внесенных Законом Республики Беларусь от 16 февраля 2023 г. № 252-З, иных законах Республики Беларусь. В Избирательном кодексе Республики Беларусь предусмотрено, что избирательные комиссии в пределах своих полномочий независимы от государственных органов и не связаны решениями политических партий и других общественных объединений.

4 декабря 2024 г. Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь отметит свой 35-летний юбилей. С момента образования под ее руководством организованы и проведены 6 избирательных кампаний по выборам Президента Республики Беларусь, 5 референдумов, выборы депутатов национального Парламента восьми созывов, выборы депутатов местных Советов девяти созывов. Кроме этого, начиная с 1996 г. Центральная комиссия организует проведение выборов членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, избираемых депутатами местных Советов базового уровня.

Неизменным на всех этапах становления и развития системы избирательных комиссий в Республике Беларусь является то, что избирательные комиссии являются органами, образованными из представителей гражданского общества на основе демократической процедуры, работающими открыто и гласно.

КАТЕГОРИЯ «ДЕЙСТВИЕ ПРАВА»: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ

Т. В. Иванова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Раскрываются понятие, сущность и пределы действия категории «действие права», связь с механизмом правового регулирования и его место в системе действия права. Действие права охватывает своим содержанием реализацию права, хотя и не исключено, что не всякое действие права связано с его реализацией. Рассматривается различие понятий «действие права» и «правовое действие», влияние действия права на системный механизм общественных отношений (правотворчество, правообразование и правореализацию).

Ключевые слова: действия права; правопонимание; правообразование; правореализация; правоотношения.

КАТЭГОРЫЯ «ДЗЕЯННЕ ПРАВА»: ПАНЯЦЦЕ, СУТНАСЦЬ І МЕЖЫ

Т. У. Іванова

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Раскрываецца паняцце, сутнасць і межы дзеяння катэгорыі «дзеянне права», сувязь з механізмам прававога рэгулявання і яго месца ў сістэме дзеяння права. Дзеянне права ахоплівае сваім зместам рэалізацыю права, хоць і не выключана, што не ўсякае дзеянне права звязана з яго рэалізацыяй. Разглядаецца адрозненне паняццяў «дзеянне права» і «правовое дзеянне», ўплыў дзеяння права на сістэмны механізм грамадскіх адносін (праватворчасць, праваўтварэнне і праварэалізацыю).

Ключавыя словы: дзейнасць права; праваразуменне; праваутварэнне; праварэалізацыя; праваадносіны.

CATEGORY «LEGAL ACTION»: CONCEPT, ESSENCE AND LIMITS

T. V. Ivanova

*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
theory-law@bsu.by*

This article reveals the concept, essence and limits of the category of «actions of law», correlation with mechanism of legal regulation, and its place in the system of action of law. The action of law covers the realization of the right in its content, although it is possible that not every action of law is associated with its realization. The difference between the

concepts of «legal action» and «legal action» is considered. The influence of the law on the systemic mechanism of public relations (lawmaking, legal education and legal realization).

Keywords: legal action; legal understanding; law formation; law enforcement; legal relations.

Правопонимание в рамках любого типа основывается на признании способности права выступать регулятором социальных отношений. Исходное ценностное начало права – способность оказывать воздействие на волю и сознание людей. Отсюда и проистекает значение вопросов действия права. При этом право мы рассматриваем во взаимосвязи с иными социальными явлениями и философскими основаниями, экономикой, географией, мировоззрением, в отрыве от которых не будет иметь место действие права, трансформация абстрактных положений в реальные правоотношения, т. е. в логике открытой системности [1, с. 97].

Действие права – это его информационное, ценностно-мотивационное и непосредственно регулирующее воздействие на общественные отношения в пределах определенного пространства, времени и круга лиц.

Право потеряло бы всякий смысл, если бы не проявляло себя как активное творческое начало, если бы не формировало и не изменяло общественную среду, не определяло направление и формы поведения участников общественных отношений. Право действует и в сфере законотворчества, и в области активной реализации установленных законоположений, и в сфере пассивной охраны действующих нормативных правовых актов.

Действие права указывает на функционирование отдельных норм и всей правовой системы. Оно подчеркивает динамизм права, хотя и статическая функция права немыслима вне его действия.

Действие права означает переход (перевод) социальных моделей и абстрактных ценностей в реальную практику. Действие права материализует присущую праву по определению справедливость в поведение отдельной личности, поведение социальных общностей, образ жизни общества. Право как серьезная социальная сила реализует свой потенциал в ходе воздействия на общественные отношения.

Действие права имеет свою внутреннюю и внешнюю стороны. Внутренняя сторона связана с восприятием права его адресатами. Внешняя – с формами и методами, которыми заявляет о себе право, а также формами и методами правомерного поведения управомоченных и обязанных субъектов.

Было бы неверно отрывать действие права от потребностей и интересов людей. Социально-экономическая, политическая, культурная и собственно правовая обусловленность действия права составляет его

системообразующий стержень. В книге Ш. Л. Монтескье «О духе законов» наиболее полно, на наш взгляд, была прослежена в свое время зависимость содержания права, его направленность и его результативность от многообразных условий жизни разных народов. По условиям современности мы имеем разве лишь более цивилизованное в целом проявление многочисленных факторов, но время не изменило их направленности на механизм действия права.

Было бы неправильно отрывать действие права от деятельности государства. Этот момент освещается в работах о соотношении права и государства, о понятии права и государства, их воздействии на развитие общества. Задача государства состоит в обеспечении действия права. Оно вырабатывает средства правовой регуляции. Оно пускает эти средства в ход для достижения конечных целей права.

Как следует из приведенного определения, действие права включает в себе прежде всего информационное начало. Право содержит многообразную информацию. И не просто правовую информацию, а знание о самых разных сторонах жизни общества. Не случайно по историческим памятникам права мы многое узнаем о наших предках. А знание, как известно, учит и призывает соответствующим образом действовать.

С информативным действием тесно связано и действие ценностно-мотивационное. Следует, однако, заметить, что помимо действия определенных знаний на мотивацию адресатов права напрямую, законодателю приходится вводить специальные нормы и положения, закрепляемые, в частности, в преамбулах, дабы вызвать мотивы правомерного поведения.

Информационное и ценностно-мотивационное действие права в первую очередь призвано реализовать охранительную функцию права. Но особой содержательной стороной действия права является собственно правовое регулирование, отражающее сугубо динамическую роль права. Здесь право организует поведение участников общественных отношений, заставляя их действовать активно в соответствии с возлагаемыми на них обязанностями. Здесь право стимулирует соответствующее поведение, фиксируя у своих адресатов субъективные права.

Действие права охватывает собой предметное действие; действие во времени; действие в пространстве; действие по кругу лиц.

В предмет правового регулирования входят волевые отношения, что исключает распространение действия права на события или состояния, в которых не участвует человеческая воля. Повлиять на их ход право не может.

Во времени действие права начинается еще до появления государственного веления. Напротив, именно право побуждает к действию законодателя. Именно право требует своего закрепления в законе. И лишь за-

тем актуализируется проблема действия актов, изданных в установленном порядке компетентными государственными органами.

Действие права в пространстве не ограничено какими-либо территориальными пределами. Не случайно имеет место примат международного права. Однако действие законов и других нормативных правовых актов, исходящих от государства, ограничивается пределами государственной территории.

Право в принципе адресовано человеку. Но, воплощаясь в нормативных правовых актах государства, оно ограничивается в своем действии, как правило, кругом лиц, проживающих на территории данного государства.

Право выступает в качестве высшей социальной ценности лишь тогда, когда его принципы и нормы воплощаются в жизни, реализуются в действиях субъектов социального общения. Общество, с одной стороны, и государство, с другой, принимают на себя обязательство следовать праву. Речь идет о конструировании правопорядка. Суть правопорядка состоит в том, что на основе права складываются реальные общественные отношения.

В осмыслении сути и реального содержания правопорядка исследователя подстерегает ряд теоретических сложностей. Главная из них – разграничение процессов правообразования и правореализации, разведение права и правопорядка. Для реалистической школы права оба этих процесса едва ли не идентичны, и настоящее право усматривается ею в том, что реально сделает судья или администратор [2, с. 91].

Следует иметь в виду три обстоятельства:

1) разные правовые системы «доверяют» поиск и формирование права разным силам – народу, парламенту, судьям, администраторам, ученым и т. д.;

2) творческая реализация права, становление прочного конкретизированного правопорядка всегда заключают в себе элементы правотворчества;

3) разные правовые системы по-разному определяют, какие акты признавать правом [3, с. 411].

Исходной формой действия права, реализуемого государством является законотворчество. Принятие законов, формулирование в законах правовых предписаний – трудоемкий процесс для субъектов законотворчества. Тем самым они реализуют содержащиеся в общественных отношениях объективные по обстоятельствам и естественные по условиям места и времени требования. Принятие подзаконных актов – уже вторичный процесс. Здесь в основном в форме конкретизации реализуется право, выраженное в законах.

Установление государством правовых норм не представляет самоцели. Главная же задача состоит в сосредоточении всех усилий на деловом, практическом осуществлении положений норм права, т. е. реализации права в объективном смысле.

Реализацию права можно рассматривать и как процесс, и как конечный результат действия права.

Как конечный результат реализация права означает достижение полного соответствия между требованиями норм совершить или воздержаться от совершения определенных поступков и суммой фактически последовавших действий. Так, согласно нормам, регулирующим индивидуальную трудовую деятельность, граждане до начала занятия ею должны: 1) получить разрешение; 2) уплатить государственную пошлину за выдачу документа на разрешение; 3) получить регистрационное удостоверение или 4) получить лицензию.

Только эти действия, а не какие-либо их эквиваленты, и только в полном наборе будут означать реализацию требований закона. Реализацией права достигается тот результат, к которому законодатель стремится и который, по его мнению, должен привести к какой-то полезной цели. Достижение последней (в нашем примере, скажем, развитие какого-то промысла, каких-то услуг) выходит за рамки реализации права. Юриста интересуют лишь действия, которых требует закон.

Реализация права как процесс может быть охарактеризована с объективной и субъективной стороны.

С объективной стороны она представляет собой совершение определенными средствами, в известной последовательности, в некоторые сроки и в некотором месте предусмотренных нормами права правомерных действий.

Субъективная сторона в реализации права характеризует отношение субъекта к реализуемым правовым требованиям, его установки и волю в момент совершения предписываемых действий. Субъект может быть заинтересованным в реализации права, осуществлять правовые предписания из сознания общественного долга или из страха неблагоприятных последствий. Но главное в этом процессе – scrupulous следование образу действий, условиям места и времени их совершения.

Сущность реализации права с субъективной стороны состоит в повиновении адресата норм права их требованиям. Если он решительно отказывается повиноваться предъявленному требованию, то последнее никогда не будет осуществлено в его поведении. Поэтому государство использует ряд методов для того, чтобы сформировать у граждан, должностных лиц и коллективных субъектов права потребность, желание или необходимость совершить предусмотренные в нормах права действия.

Эффективность перевода нормативных требований права в реальное поведение связана в конечном счете с совершенствованием элементов механизма действия права (норм права, юридических фактов, правоотношений), воздействием на ценностно-мотивационную сторону действия права (формированием определенного уровня правовой культуры субъектов правоотношений).

Библиографические ссылки

1. Калинин С. А. Геокультурный подход мировоззренческой исследовательской программы : о проблеме взаимодействия либеральных и традиционных стандартов // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Том 15. № 1. С. 94–124.

2. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск : БГУ ; Изд-во «Четыре четверти», 2017. 416 с.

3. Проблемы общей теории права и государства : учебник / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2010.

ВОПРОСЫ ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

А. В. Карамышев

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kafedra_gu@bsu.by*

Рассматриваются вопросы систематизации административных процедур в контексте современной базовой методологии. Анализируются некоторые существенные особенности и проблемные аспекты институализации административной процедуры по законодательству Республики Беларусь.

Ключевые слова: общая административная процедура; специальная административная процедура; коллизионное правило; субсидиарность; перечни административных процедур.

ПЫТАННІ АГУЛЬНАГА І АСАБЛІВАГА У АДМІНІСТРАЦЫЙНЫМ ПРАЦЭСУАЛЬНЫМ ПРАВЕ

А. У. Карамышаў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, kafedra_gu@bsu.by*

Разглядаюцца пытанні сістэматызацыі адміністрацыйных працэдур у кантэксце сучаснай базавай метадалогіі. Аналізуюцца некаторыя істотныя асаблівасці і праблемныя аспекты інстытуалізацыі адміністрацыйнай працэдур па заканадаўстве Рэспублікі Беларусь.

Ключавыя словы: агульная адміністрацыйная працэдура; спецыяльная адміністрацыйная працэдура; калізійнае правіла, субсідыярнасць; пералікі адміністрацыйных працэдур.

GENERAL AND SPECIFIC ISSUES IN ADMINISTRATIVE PROCEDURE LAW

A. V. Karamyshev

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, kafedra_gu@bsu.by*

The article deals with the issues of systematization of administrative procedures in the context of modern basic methodology. Some essential features and problematic aspects of institutionalization of administrative procedure under the legislation of the Republic of Belarus are analyzed.

Keywords: general administrative procedure; special administrative procedure; conflict of laws rule; subsidiarity; lists of administrative procedures; lists of administrative procedures.

Вопросы типологизации и систематизации административных процедур имеют значение, во-первых, с точки зрения уяснения сущности этого правового феномена и, во-вторых, сбалансированного регулятивного его обеспечения. В этом аспекте важно избежать псевдокритериев и руководствоваться объективно верными ориентирами для анализа и оценки. Нередко эти ориентиры размыты, являются скорее количественными, а не качественными. Особенно это характерно, если отсутствует базовый системообразующий закон об административной процедуре (производстве), фиксирующий структурированную дефиницию процедуры и сопутствующий ей инструментарий.

В качестве примера такого закона можно привести Закон Азербайджанской Республики от 21 октября 2005 г. № 1036-ПQ «Об административном производстве» (далее – Закон № 1036-ПQ). В соответствии с ст. 2 закона административное производство – принятие, исполнение, изменение либо отмена административного акта на основании обращения физических либо юридических лиц или по собственной инициативе административных органов, а также деятельность по рассмотрению административных жалоб, осуществляемая соответствующими административными органами в пределах процедурных правил, установленных настоящим Законом.

Другой пример. Согласно ст. 6 Административного кодекса Республики Молдова от 19 июля 2018 г. № 116 (далее – Закон № 116) административное производство – это имеющая внешние последствия деятельность органов публичной власти, направленная на рассмотрение условий для издания индивидуального административного акта, его подготовку и издание, рассмотрение условий для заключения административного договора, его подготовку и заключение или рассмотрение условий для принятия меры, относящейся сугубо к публичной власти, ее подготовку и принятие. Издание индивидуального административного акта, заключение административного договора, принятие меры, относящейся сугубо к публичной власти, являются частями административного производства.

Приведенные базовые законы регламентируют единое «сквозное» административное производство. Оно имеет важное правовое значение общей процедуры. При этом следует уточнить, что эта процедура вариативна в двух составляющих, которые принято обозначать «неформальной» (условно свободной) и «формальной» (осложненной процессуальным элементом) процедурой.

Важными с точки зрения системной (не расширительной) типологизации административных процедур являются также следующие положения, касающиеся специальных процедур. Согласно ст. 3 Закона № 1036-

ПQ специальными законами могут быть установлены положения, дополняющие предусмотренные настоящим Законом положения, либо специальные правила, связанные с административным производством. Еще более сконцентрированную («центростремительную») систему процедур определяет норма ст. 2 Закона № 116, по смыслу которой специальное регулирование допускается, если оно крайне необходимо и не противоречит принципам настоящего Закона.

В ситуации, когда такого рода базовые нормативные установления отсутствуют, появляется ложный компенсаторный импульс, и в типологии административных процедур активируется матрица квазикритериев. В этом аберрационном поле возникает искусственное множество «административных процедур» – «внутренние», «внешние», «регулятивные», «юрисдикционные», «правонаделяющие», «разрешительные», «регистрационные», «контрольно-надзорные», «по рассмотрению заявлений и предложений», «по рассмотрению жалоб», «по предоставлению информации», «по оказанию государственных услуг» и т. п. Такую типологию нельзя признать подлинной, самостоятельной с наличием имманентных признаков. По сути, она подвержена подмене материально-установочными административными конструкциями.

Закон Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур» (далее – Закон № 433-З) содержит дефиницию административной процедуры. Дефиниция существенно отличается от вышеприведенных и других такого же плана определений в страновых законах. Она своей нетипичностью «специализирует» и определенным образом вычленяет феномен административной процедуры из административной деятельности. При этом сами процедурные «действия» отнесены на второй план, лишены в дефинитивной конструкции какой-либо эксплицитности. В этой части ее установочно-регулирующая нагрузка ослаблена.

Дефиниция выдержана не в собственно процедурном, а материально-правовом ключе с упором на перечневое закрепление реализуемых прав на имущественные объекты в определенном (сервисном) блоке государственно-публичного администрирования. Эта линия последовательно проведена посредством нормативного закрепления разного рода материальных «перечней» и «регламентов» административных процедур.

Материально-правовое (количественное) заполнение административной процедуры, а оно, что парадоксально, доминирует в данном институте, являясь еще одним искусственным его «консервантом», выражено в сформированном указанием Закона № 433-З учетно-перечневом субстрате. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 утвержден перечень административных процедур, осуществляе-

мых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 2017 г. № 445 установлен перечень сложных и многоступенчатых административных процедур, осуществляемых уполномоченными органами в отношении граждан (кроме индивидуальных предпринимателей). Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2018 г. № 740 установило перечень административных процедур, прием заявлений и выдача решений по которым осуществляются через службу «одно окно». Наконец, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 сентября 2021 г. № 548 утвержден единый перечень административных процедур, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования.

Весь этот материально-учетный конгломерат семантически и лексически, тем более конструктивно, в перспективе будет выведен из административно-процедурной институционализации и займет свое объективно важное в количественном и качественном отношении место в материально-правовом блоке государственных административных услуг, использующем те или иные административно-процедурные алгоритмы.

Применительно к собственно процедурной типологизации необходимо отметить следующее. Несмотря на то, что Закон № 433-З имеет название «Об основах...», и в п. 1 ст. 2 он определен к общему (с весомым перечнем изъятий) применению в административных процедурах, нет оснований классифицировать данный закон в качестве общей процедурной основы внешней административной деятельности. В то же время не будет корректным определять Закон № 433-З и в качестве специального акта. Это было бы возможно при обязательном конструктивном соотношении его с актом общего действия. А такового в отечественной правовой системе, увы, нет. Тем не менее Закон № 433-З следует соотносить, даже не вполне методологически корректно, с административно-процедурной типологией. Не будем здесь использовать такие, например, характеристики, как «отдельный», «особый». Обозначим его как «специализированный», первично беря во внимание специфические, материально-сегментарные признаки, о которых речь шла выше.

Отнесение Закона № 433-З к условному «специализированному» типу не снимает с повестки общую проблематику системного процедурного обеспечения административной деятельности – институализации общей и специальных процедур, их сбалансированности (субсидиарности), «алгоритмичности». При всей специфике Закон № 433-З, так или иначе, неся в себе процедурную идеологию и базово-начальный алгоритм, обладает свойством «валентности» и потенциально способен на некоем первичном уровне формировать как опосредованные (декларативные),

так и прямые (структурные) соединения с различными блоками административной деятельности. Это касается тех сфер, в которых не используются какие-либо «процедуры» из перечней и, соответственно, не активирован напрямую алгоритм Закона № 433-З, а действует некий в той или иной степени структурированный «порядок», который, по сути, является административной процедурой в разной степени качества. Административные сферы, прямо выведенные из-под действия Закона № 433-З, здесь не исключение. В свою очередь, содержательная административная специфика позитивно влияла бы на формирование общей и специальных процедур.

Такого рода динамику можно проследить на примере лицензирования. В ранее действовавшем постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2012 г. № 156 об утверждении единого перечня административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей указывалось (пункт 2), что оно не распространяется на отношения, связанные с лицензированием отдельных видов деятельности. В действующем постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 24 сентября 2021 г. № 548 об утверждении единого перечня административных процедур, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования, такая норма отсутствует, а перечень, в свою очередь, содержит ряд лицензионных «процедур».

С принятием Закона Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании» (далее – лицензионный закон) Закон № 433-З дополнен в ст. 3 правилом, несущим коллизионную нагрузку (п. 5¹). Согласно данной новелле, если законодательными актами в сфере лицензирования установлены «иные правила», чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются нормы законодательного акта в сфере лицензирования.

Юридическая эффективность такого рода регуляции (привнесенной) видится проблематичной. Она расходится с общепринятой апробированной моделью субсидиарного соотношения общей и специальной административной процедуры. Также нельзя не отметить, что лицензионный закон, определяя, например, в главе 5 «порядок предоставления, изменения лицензий», не обеспечен процедурной канвой. Это в целом характерно и для других глав лицензионного закона. В свою очередь, Закон № 433-З также не был активирован для решения проблемы общих и «иных правил» (надо отметить, типичной для «порядков» многих административных сфер).

Тем не менее на данном примере можно и нужно констатировать в целом методологически перспективную попытку отказаться от прямого

размежевания административной процедуры и «самодостаточной» (в первом приближении) правоприменительной сферы, в данном конкретном случае – сферы лицензирования, и структурно их связать. Пока это выполнено в большей мере «материально» – отнесением ряда лицензионно-сервисных практик к «административным процедурам». Однако, с долей методологического оптимизма признаем, что наряду с этим имеет место, будем считать ее «пилотной», активация условно общей и специальной административных процедур.

ИСТОЧНИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ПОДРЯДА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ПРОЕКТНЫХ И ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

А. Ю. Карпович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, civillaw@bsu.by*

Анализируется развитие правового регулирования договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ в Республике Беларусь. Определяются основные этапы становления и развития законодательства, регулирующего отношения, возникающие при заключении и исполнении договора на выполнение проектных и изыскательских работ. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития правового регулирования соответствующих отношений в направлении повышения его системности и комплексности при соблюдении принципа свободы договора.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор; договор на выполнение проектных и изыскательских работ; источники правового регулирования; Гражданский кодекс Республики Беларусь; строительная деятельность.

КРЫНІЦЫ ПРАВАВОГА РЭГУЛЯВАННЯ ДАГАВОРА ПАДРАДУ НА ВЫКАНАННЕ ПРАЕКТНЫХ І ВЫШУКАЛЬНЫХ РАБОТ

А. Ю. Карповіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, civillaw@bsu.by*

Аналізуецца развіццё прававога рэгулявання дагавора падраду на выкананне праектных і вышукальных работ у Рэспубліцы Беларусь. Вызначаюцца асноўныя этапы станаўлення і развіцця заканадаўства, якое рэгулюе адносіны, якія ўзнікаюць пры заключэнні і выкананні дагавора на выкананне праектных і вышукальных работ. Робіцца вывад аб неабходнасці далейшага развіцця прававога рэгулявання адпаведных адносін у напрамку павышэння яго сістэмнасці і комплекснасці на падставе прынцыпу свабоды дагавора.

Ключавыя словы: грамадзянска-прававы дагавор; дагавор на выкананне праектных і вышукальных работ; крыніцы прававога рэгулявання; Грамадзянскі кодэкс Рэспублікі Беларусь; будаўнічая дзейнасць.

SOURCES OF REGULATION OF CONTRACT CONTRACTS FOR DESIGN AND SURVEY WORK

A. Karpovich

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, civillaw@bsu.by*

The article analyses the development of legal regulation of contracting agreements for design and survey works in the Republic of Belarus. The main stages of the formation and

development of legislation regulating relations arising from the conclusion and execution of a contract for design and survey works are determined. The conclusion is made about the need for further development of the legal regulation of relevant relations aiming to increase its consistency and comprehensiveness in compliance with the principle of freedom of contract.

Keywords: civil contract; contract for design and survey work; sources of legal regulation; Civil Code of the Republic of Belarus; construction activity.

Договор подряда на выполнение проектных и изыскательских работ (далее – договор ПИР) регулирует отношения по проведению изысканий и разработке проектно-сметной документации между субъектами, действующими в сфере строительства. А. М. Абрамович отмечал, что строительный проект представляет собой, по сути, твердый технический план возведения объекта [1, с. 49].

В самостоятельный вид подрядных отношений договор ПИР впервые был выделен с принятием в 1991 г. Основ гражданского законодательства Союза СССР и республик (Постановление Верховного Совета СССР от 31 мая 1991 г. № 2211-1). После распада СССР в независимой Беларуси был принят Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – Гражданский кодекс), в котором положения о договоре ПИР закреплялись более подробно. Статьи 713–717 Гражданского кодекса действуют до настоящего времени в их первоначальной редакции.

Гражданский кодекс обладает ведущей ролью среди источников правового регулирования договора ПИР как системообразующий нормативный правовой акт, закрепляющий принципы и нормы правового регулирования наиболее важных общественных отношений. Из ст. 2 и 3 Гражданского кодекса вытекает, что содержащиеся в других законах нормы гражданского права, регулирующие отношения, связанные с договором ПИР, должны соответствовать данному Кодексу. Вместе с тем по своему содержанию нормы Гражданского кодекса не содержат необходимой конкретизации сущности и порядка реализации правоотношений в рамках договора ПИР. С развитием экономических отношений положениями нормативных правовых актов различного уровня последовательно расширялся круг вопросов, подлежащих учету сторонами при заключении договора ПИР.

Одна из первых попыток комплексно урегулировать данный вид правоотношений на основе норм Гражданского кодекса была предпринята в 1999 г. Приказом Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 4 ноября 1999 г. № 339 было утверждено Положение о договорах подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, предназначенное для регулирования отношений сторон при за-

ключении и исполнении ими договоров ПИР, выполняемых в соответствии со строительными нормами Республики Беларусь. В этот период была также утверждена Инструкция о порядке расчетов между заказчиком и подрядчиком за выполнение проектных и изыскательских работ для строительства объектов (постановление Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 28 февраля 2003 г. № 3) и иные акты. Вместе с тем имевшаяся в тот период судебная практика свидетельствовала о наличии ряда проблемных вопросов, в частности, касающихся ответственности заказчика.

Следующим значимым этапом развития правового регулирования договора ПИР стало принятие Закона Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 300-З «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь». Отметим, что данный Закон содержал основные положения не только о договоре ПИР, но и о строительной деятельности в целом, внося при этом определенную ясность в сложную децентрализованную систему законодательного регулирования сферы строительства и на законодательном уровне определял ее терминологию, компетенцию в области проведения проектных и изыскательских работ органов государственного управления, закреплял правовые основы выдачи разрешений на проведение проектно-изыскательских работ, а также положения о требованиях по выполнению инженерных изысканий как составляющей архитектурно-планировочного задания, регулировал другие вопросы инженерных изысканий.

Нормы, регулирующие порядок заключения и исполнения договора ПИР, содержались также в Декрете Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь», постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 8 октября 2008 г. № 1476 «Об утверждении Положения о порядке разработки, согласования и утверждения градостроительных проектов, проектной документации», постановлении Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 10 мая 2011 г. № 18 «Об утверждении Инструкции о порядке оказания инженерных услуг в строительстве и признании утратившими силу нормативных правовых актов, отдельных структурных элементов постановлений Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь и других актах законодательства», иных нормативных правовых актах, принятых в рассматриваемый период.

Вместе с тем очевидным становилось постепенное разрастание источников правового регулирования договора ПИР, что усложняло правоприменительную практику. Одновременно оставались неурегулированными важные аспекты взаимоотношений сторон. Об этом свидетельствует, в частности, необходимость соответствующих разъяснений Мини-

стерства архитектуры и строительства Республики Беларусь по вопросам оплаты за проведение экспертизы проектно-сметной документации (письмо от 24 июня 2009 г. № 02-3-06/3143 «О разъяснении») и иных.

Целям дальнейшего повышения системности и комплексности правового регулирования отношений, связанных с заключением и исполнением договора ПИР, отвечало утверждение Министерством архитектуры и строительства Республики Беларусь Методических рекомендаций о порядке заключения и исполнения договоров подряда на выполнение проектных и (или) изыскательских работ и расчетов за выполненные работы (постановление от 9 ноября 2012 г. № 33). В данных Рекомендациях детально излагались вопросы заключения и исполнения договора ПИР, однако они были не обязательны к применению, что также не способствовало упорядочению правовых отношений.

Несогласованность норм права, их моральное устаревание, неурегулированность отдельных вопросов обеспечения качества строительной деятельности, иные обозначившиеся проблемы не только в рамках рассматриваемого института, но и в правовом регулировании строительной отрасли в целом, обусловили новый этап совершенствования законодательства. Так, с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 14 января 2014 г. № 26 «О мерах по совершенствованию строительной деятельности» (далее – Указ № 26) было определено место проектных и изыскательских работ среди видов строительных работ, установлена необходимость прохождения аттестации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, руководителей, специалистов организаций, осуществляющих деятельность в сфере строительства, определена возможность проведения параллельного проектирования и строительства. Указ № 26 имел важнейшую роль для развития рассматриваемых отношений, поскольку регулировал ряд вопросов обеспечения качества проектных и изыскательских работ, которые ранее были вне поля зрения законодателя. Для согласования с его положениями Закон «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» был дополнен нормами, согласно которым отдельные виды данной деятельности, а также выполнение работ по обследованию зданий и сооружений осуществляются юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями при наличии аттестата соответствия.

В развитие Указа № 26 постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 апреля 2014 г. № 297 также были утверждены Правила заключения и исполнения договоров подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и (или) ведение авторского надзора за строительством (далее – Правила ПИР). В Правилах ПИР обеспечено наиболее подробное регулирование отношений между заказчиком и подрядчиком, возникающих при заключении и исполнении договоров

ПИР. Были урегулированы такие вопросы, как порядок заключения договора; права и обязанности сторон при исполнении договора; сроки выполнения работ по договору и другие вопросы. Принципиальной новизной обладали положения, в которых детально излагались процедуры заключения и расторжения договора ПИР, правила соблюдения сроков по договору и размеры законной неустойки за его нарушение сторонами.

Кроме того, в Правилах ПИР напрямую была установлена возможность использования международных типовых контрактов Международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC) (далее – проформы FIDIC), хоть и с оговоркой о приоритете национального законодательства в сфере строительства. Однако, хотя это и было значительным шагом в направлении поддержки использования проформ FIDIC, в настоящий момент данный вопрос требует дальнейшего внимания в связи с жесткой регламентацией договорных отношений в области строительной деятельности законодательством Республики Беларусь, затрудняющей широкое использование основных положений проформ FIDIC.

Одним из значимых событий в развитии законодательства, регулирующего договор ПИР, стало принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» (далее – Декрет № 7), которым обеспечивалась либерализация законодательства в сфере хозяйственной деятельности, в том числе законодательства, регулирующего проектно-изыскательскую деятельность.

Современный этап развития системы источников правового регулирования договора ПИР обоснованно можно связывать с принятием Кодекса Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности от 17 июля 2023 г. № 289-З который вступает в силу 23 июля 2024 г. (далее – КАГС). КАГС регулирует отношения, в том числе связанные с выполнением изыскательских работ; разработкой и утверждением предпроектной (предынвестиционной) документации и иные. В КАГС закреплены определения понятий «изыскательские работы», «проектная документация», «архитектурный проект» и иных, основания гражданской и иной ответственности за нарушение законодательства лица, осуществившего изыскательские работы, разработку предпроектной (предынвестиционной) или проектной документации, закрепляется компетенция Совета Министров и иных органов государственного управления по регулированию правил заключения и исполнения договоров ПИР, осуществлению единой технической политики в области изыскательских работ, определен состав сведений, используемых для разработки проектной документации, а также источники финансирования разработки предпроектной (предынвестиционной) документации и регулируются иные вопросы, связанные с заключением договора ПИР.

Однако, на наш взгляд, применительно к отношениям по договору ПИР цели обеспечения КАГС комплексного системного правового регулирования в полной мере достигнуты не были. Так, КАГС содержит лишь 6 статей, непосредственно посвященных указанному институту, что является недостаточным как минимум по признаку количества регулирующих его нормативных правовых актов. В КАГС не уделено также достаточное внимание такому виду исходных в сфере строительства работ, как изыскательские работы. Полагаем, что КАГС в дальнейшем должен быть наполнен соответствующими нормами.

Таким образом, представляется возможным условно выделить следующие этапы становления и развития системы источников правового регулирования отношений между подрядчиком и заказчиком, возникающих при заключении и исполнении договора ПИР: 1) 1991–1999 гг. – выделение договора ПИР в отдельный вид правоотношений и создание первого комплексного нормативного правового акта, регулирующего отношения, связанные с заключением и исполнением договора ПИР; 2) 2004–2017 гг. – системное регулирование отношений ПИР как составляющей архитектурной, строительной и градостроительной деятельности, обеспечения их социальных и экономических результатов, на уровне законодательных актов и в специальном постановлении Правительства; 3) с 2018 г. – дальнейшее развитие отношений, включающее и кодификацию соответствующих норм в КАГС.

Правовое регулирование договора ПИР представляет собой существенную по объему систему взаимоувязанных и взаимодополняющих друг друга норм, содержащихся в актах гражданского законодательства различного уровня, в которых ведущая роль принадлежит Гражданскому кодексу, а также КАГС.

Полагаем, что тенденция к развитию правового регулирования гражданско-правовых отношений, возникающих при заключении и исполнении договора ПИР, в направлении повышения системности и комплексности данного регулирования при соблюдении принципа свободы договора должна сохраняться и в дальнейшем.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Государственное управление строительством в СССР // Избранные труды. Минск : ЮрСпектр, 2019. С. 38–156.

2. *Карпович А. Ю.* Проблемы применения типовых контрактов FIDIC на территории Республики Беларусь через призму пяти золотых принципов FIDIC // Юрид. записки студентов, магистрантов и аспирантов : сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов юрид. фак-та Белорус. гос. ун-та. Вып. 1 / БГУ, Юрид. фак. ; [под ред. Т. М. Киселёвой, А. А. Пухова]. Минск : БГУ, 2021. – С. 49–53.

МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ (ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД)

В. Н. Карташов

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
ул. Советская, 14, 150003, г. Ярославль, Россия, kartazov@uniyar.ac.ru*

Публикация посвящена проблемам методологии юридической науки. Автор изучает подходы к определению понятия «методология», исследует структуру методологического познания, уделяет внимание качествам и особенностям исследователя-ученого, предмету и объекту исследования юридической науки. Приводятся особенности динамической стороны технологии юридического познания, в том числе классифицируются методы, приемы, тактика исследования, обращается внимание на принципы, прогнозы и планы как стратегический компонент технологии познания, а также на этапы, циклы, фазы юридического познания, которые составляют процессуальную сторону творческой деятельности ученых-юристов. Автор рассматривает и такие элементы технологии познания как результаты исследования и требования к ним, а также методику обобщения и обработки знаний. В целом делается вывод о важности технологического подхода для решения спорных вопросов методологии юридической науки.

Ключевые слова: методология теоретической юриспруденции; юридическое познание; структура юридического познания; методы познания правовой реальности.

МЕТАДАЛОГІЯ ЮРЫДЫЧНАГО ПАЗНАННЯ (ІННАВАЦЫЙНЫ ПАДЫХОД)

У. М. Карташоў

*Яраслаўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. Г. Дзямідава,
вул. Савецкая, 14, 150003, г. Яраслаўль, Расія, kartazov@uniyar.ac.ru*

Публікацыя прысвечана праблемам метадалогіі юрыдычнай навукі. Аўтар вывучае падыходы да вызначэння паняцця «метадалогія», даследуе структуру метадалагічнага пазнання, надае ўвагу рысам і асаблівасцям даследчыка-навукоўца, прадмету і аб'екту юрыдычнай навукі. Прыводзяцца асаблівасці дынамічнага боку тэхналогіі юрыдычнага пазнання, у тым ліку класіфікуюцца метады, прыёмы, тактыка даследавання, звяртаецца ўвага на прынцыпы, прагнозы і планы як стратэгічны кампанент тэхналогіі пазнання, а таксама на этапы, цыклы, фазы юрыдычнага пазнання, якія складаюць працэсуальны бок творчай дзейнасці навукоўцаў-юрыстаў. Аўтар разглядае і такія элементы тэхналогіі пазнання, як вынікі даследавання і патрабаванні да іх, а таксама методыку абагульнення і апрацоўкі ведаў. У цэлым робіцца выснова пра важнасць тэхналагічнага падыходу для вырашэння спрэчных пытанняў метадалогіі юрыдычнай навукі.

Ключавыя словы: метадалогія тэарэтычнай юрыспрудэнцыі; юрыдычнае пазнаванне; структура юрыдычнага пазнавання; метады пазнавання прававой рэальнасці.

METHODOLOGY OF LEGAL COGNITION (INNOVATIVE APPROACH)

V. N. Kartashov

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

14 Sovetskaya Street, Yaroslavl 150003, Russia, kartazov@uniyar.ac.ru

The publication is devoted to the problems of the methodology of legal science. The author studies approaches to the definition of the concept of «methodology», explores the structure of methodological knowledge, pays attention to the qualities and characteristics of a researcher-scientist, the subject and object of legal science research. The features of the dynamic side of the technology of legal cognition are given, including methods, techniques, tactics of research, attention is drawn to principles, forecasts and plans as a strategic component of the technology of cognition, as well as to the stages, cycles, phases of legal cognition, which constitute the procedural side of the creative activity of legal scientists. The author also considers such elements of the technology of cognition as the results of research and the requirements for them, as well as the methodology of generalization and processing of knowledge. In general, the conclusion is made about the importance of a technological approach to solving controversial issues of the methodology of legal science.

Keywords: methodology of theoretical jurisprudence; legal cognition; structure of legal cognition; methods of cognition of legal reality.

Методологические проблемы юридической науки в настоящее время, по мнению большинства авторов, разработаны весьма слабо, что дает повод говорить об определенных симптомах кризиса современного российского правоведения. Так, Д. А. Керимов пишет, что ученые-юристы «явно пренебрегают методологическими проблемами своей собственной науки. Результатом явилось, за редким исключением, многолетнее повторение одного и того же и фактическое отсутствие приращения научного знания. Но потребность в развитии методологии права с каждым днем ощущается все острее» [5, с. 61].

Выход из кризиса видится в более четком определении понятия и структуры методологии науки, в том числе фундаментального правоведения. Дело в том, что термин «методология» употреблялся и до сих пор используется в литературе в различных значениях: философские и теоретические проблемы науки; совокупность методов познания; учение о методах; механизм применения теоретических принципов, логических и иных приемов и специальных средств исследования явлений и процессов; в качестве самостоятельной научной теории, дисциплины и метадисциплины [4–6; 8; 12; 14].

Профессор Н. И. Матузов полагает, что в науке все-таки сложилось более или менее консолидированное понимание рассматриваемого фе-

номена. «Оно сводится к тому, — пишет он, — что **методология** — это система определенных принципов, способов, приемов, методов, правил научной деятельности, применяемых для получения истинных знаний об окружающей действительности. Имеется в виду вся совокупность познавательного инструментария, а также учение об этом инструментарии» [7, с. 12].

Анализ теоретических источников и собственные размышления по поводу понятия и структуры методологии юридической науки привел меня к следующим выводам.

Термин «методология» в переводе с греческого («*methodos*» и «*logos*») — это «путь исследования, познания», который раскрывает, по сути дела сущность данного феномена. При характеристике юридического познания необходимо иметь в виду, что речь идет об особой форме духовно-материального производства, оптимальной научной технологии, которые направлены на теоретическое освоение и преобразование мира [2, с. 259–291].

Основными компонентами и элементами логической структуры современной технологии юридического познания являются: объекты и субъекты; их действия и операции; техники, тактики и стратегии; стадии и производства; цели и полученные результаты, ресурсообеспеченность научной деятельности и др. Кратко рассмотрим некоторые из них.

Субъекты («производители»), т. е. компетентные в той или иной области правовой системы и юридической жизни ученые-юристы, их коллективы и организации. Это конкретные люди, обладающие соответствующими знаниями (философскими, психологическими, социологическими, математическими, юридическими и др.), умениями, навыками, привычками, мастерством, профессиональной интуицией, креативным мышлением. Важным компонентом здесь является мировоззренческая основа — система определенных жизненных позиций ученых-юристов, их идеалы и убеждения, ценностные ориентиры и установки, которые играют существенную роль в научном исследовании и внедрении их результатов в практическую деятельность. «Прогресс науки, — писал Л. Пастер, — определяется трудами ученых и ценностью их открытий» [11, с. 44].

Отечественные философы в числе необходимых качеств, присущих исследователю, также выделяют: а) достаточно развитые чувственные способности к познанию объекта (предмета) исследования; б) predisposition к абстрактному мышлению, учитывающую законы логики; в) отличную память, обеспечивающую необходимый запас знаний; г) существенное творческое воображение, позволяющее выдвигать новые идеи и перспективные направления исследования [13, с. 231–232].

В. М. Сырых полагает, что, кроме этого, ученый-юрист должен обладать как минимум еще четырьмя свойствами: «1) глубокими знаниями отрасли правовой науки, в которой он планирует проводить научные исследования; 2) философской культуры; 3) умением применять современные методы научного познания; 4) устойчивым стремлением заниматься научными исследованиями, внести достойный вклад в развитие правовой науки» [14, с. 26]. Этот перечень свойств, несомненно, следует предложить, что не позволяет сделать ограниченный объем статьи.

В любой юридической науке важно разграничивать актуальные, теоретически и практически значимые объекты и предметы познания. *Объекты* – это то, на что направлена интеллектуальная деятельность ее субъектов. Ими могут быть общественные отношения, социально-правовые ситуации, правовые акты и другие явления и сферы жизнедеятельности общества, имеющее юридическое значение. *Предмет* – та часть объекта, которая в данный момент непосредственно включается в технологический процесс («продукт обработки»), подвергается уяснению, осмыслению, оценке, идеальному моделированию. Например, в норме права (объект) предметом может быть гипотеза, диспозиция либо санкция.

Следует иметь в виду, что существует определенный эмпирический (фактические данные, правовые акты и другие официальные документы) и теоретический (результаты уже проведенных исследований, отраженных в разнообразных научных трудах) материал, составляющий основу, базис для дальнейшего изучения вопросов, входящих в объект и предмет той или иной юридической науки.

Динамичную сторону технологии юридического познания образуют *внутренние* (сознательные, целенаправленные, мыслительные и пр.) и *актуализированные вовне действия и операции* ученых по разработке определенных направлений в науке [1; 9: 13]. С. Л. Рубинштейн писал, что даже внутренняя теоретическая деятельность «должна иметь и доступную для внешнего мира материальную форму существования – хотя бы в виде речи» [10, с. 148–149].

Система общесоциальных, технических специально-юридических и иных средств, используемых субъектами в процессе соответствующих действий и операций, представляет собой *технику, инструментальную часть технологии юридического познания*.

Одни и те же средства могут быть использованы в познании по-разному с помощью различных приемов, способов, методов и правил, которые образуют *тактику*, т. е. умение и искусство ученых оптимально организовывать и осуществлять свою научную деятельность. *Тактический прием* представляет собой рациональную и локальную операцию

с конкретным средством. *Способ* – это совокупность приемов, определяющих наиболее целесообразные направления достижения намеченных целей с помощью конкретных средств и при наличии соответствующих внутренних и внешних условий и предпосылок юридического познания. Можно, например, выделить следующие приемы и способы формирования юридических дефиниций: «в виде развернутой характеристики термина при первом его упоминании; в скобках после первого употребления термина; без скобок через тире; с помощью выражения «то есть»; в виде отдельной части (абзаца) в статье и пункте закона; наконец, в виде самостоятельной статьи (пункта) нормативного акта» [15, с. 130].

В связи с острой полемикой по данному вопросу все *методы (подходы)* в юридической науке схематически мы сводим к трем основным группам. Первую группу составляют логический, языковой, философский, социологический и психологический подходы, которые можно назвать *универсальными*. Они используются при разработке любой юридической проблемы, формировании практически всех общетеоретических концепций, теорий и научных направлений. Вторую группу образуют понятия и категории, теоретические конструкции и законы, принципы и приемы, способы и методы, правила и процедуры присущие другим *специальным неюридическим наукам* (например, историческим, этическим, экономическим, политическим, математическим, педагогическим, антропологическим).

Третью группу составляют *специально-юридические методы*. Для правильного их понимания необходимо сделать два существенных уточнения. Во-первых, в фундаментальной науке используются многие категории, конструкции, средства, методы и процедуры познания, характерные для отраслевых и иных юридических наук, без привлечения которых невозможно создать ни одно общее учение, например, о нормах права, правоотношениях, юридических практиках. Во-вторых, в «чистом» виде о специально-юридических методах можно говорить лишь тогда, когда в процессе исследования используются правовые понятия, категории, конструкции, принципы, достоверные и аргументированные юридические знания.

Государственная *юридическая политика*, научно обоснованные *принципы, прогнозы и планы* образуют *стратегический компонент* технологии познания. К сожалению, данные вопросы слабо исследованы в отечественной науке и требуют глубокого и обстоятельного изучения на фундаментальном, отраслевом и прикладном уровнях со стороны значительного числа ученых (юристов, философов, психологов, социологов, математиков и др.) и их коллективов.

Определенные *этапы, циклы, фазы юридического познания* составляют *процессуальную сторону* творческой деятельности ученых-юристов. Например, к числу обязательных стадий в правовой эпистемологии выделяют следующие: а) определение цели исследования; б) подготовку библиографии по избранной теме; в) сбор наиболее полной базы фактологического материала и установление истории поставленной проблемы; г) выявление новизны, теоретической и практической значимости темы; д) последним этапом работы является изложение и оформление итогов исследования в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Результаты («продукты») выражаются в приращении научных знаний, в получении таких выводов, рекомендаций и предложений, которые *должны отличаться конструктивностью, высоким интеллектуально-познавательным потенциалом, достоверностью и обоснованностью*. Цель науки – объективное, истинное отражение действительности. Достигается она с помощью выработки новых знаний о юридических явлениях, процессах и состояниях, их систематизации, хранении, трансляции ученым и практикам. Основными задачами являются познание, описание и предсказание тенденций и закономерностей, раскрывающих развитие предметов исследования и явлений (процессов) с ними связанных.

Ресурсобеспеченность науки – это один из важнейших ее компонентов, т. е. в соответствии с поставленными целями и задачами должны выделяться оптимальные трудовые, финансовые, материальные, технические, информационные, временные, юридические и иные ресурсы (юридическое познание – достаточно затратное «производство»).

Существенным компонентом философско-правовой эпистемологии и научной технологии является *методика обобщения и обработки* (предварительных, промежуточных и окончательных) *знаний*, формулирование научных выводов и рекомендаций, процедуры их внедрения в разнообразные юридические и иные науки, учебные и воспитательные процессы, практики преобразования соответствующих сфер жизнедеятельности общества.

Технология юридического познания включает также *учения о субъектах и объектах, ресурсах и техниках, тактиках и стратегиях, механизмах и методиках познания* реальной действительности, *строении научных знаний* и наиболее *перспективных направлениях научного поиска*.

Таким образом, технологический подход к юридическому познанию снимает многие спорные методологические вопросы в науке, а самое главное – указывает конкретные «пути исследования» (от греч. «*methodos*») наиболее перспективных и актуальных проблем.

Библиографические ссылки

1. Беспалов Б. И. Действие (Психологические механизмы визуального мышления). М., 1984. 206 с.
2. Боруленков Ю. П. Юридическое познание: доказательство и доказывание (методология, теория, практика) : монография / под науч. ред. проф. В. Н. Карташова. М. : Юрлитинформ, 2016. 536 с.
3. Бранский В. П., Каган М. С., Майзель И. А. Диалектика познания / под ред. А. С. Кармина. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 304 с.
4. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества : учеб. для вызов. М. : Юрайт, 2018. 283 с.
5. Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 4-е изд. М. : Изд-во СГУ, 2008. 521 с.
6. Лазарев В. В., Липень С. В. История и методология юридической науки. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. 496 с.
7. Матузов Н. И. О методологической ситуации в российском правоведении // Современные методы исследования в правоведении. Саратов, 2007. С. 5–24.
8. Общая теория права / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск : БГУ : изд-во «Четыре четверти» 2013. 416 с.
9. Психологический механизм юридического поведения личности / под науч. ред. В. Н. Карташова. Ярославль : ЯрГУ, 2011. 184 с.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940. 720 с.
11. Слово о науке. М., 1976. Кн. 1. 186 с.
12. Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов : СЮИ МВД России, 2007. 560 с.
13. Суходольский Г. В. Основы психологической теории деятельности. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 168 с.
14. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. 464 с.
15. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М. : Юрид. лит., 1990. 192 с.

ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СТРАН СНГ

А. В. Конюк

*Посольство Республики Беларусь в Республике Армения,
ул. М. Баграмяна, 9, 9/1, 2210, Котайкский марз, с. Ариндж, Армения*

Анализируется роль органов прокуратуры в странах СНГ. Анализ законодательства стран СНГ свидетельствует о различных подходах при решении вопроса о закреплении такого института, как прокуратура. Структура деятельности прокуратуры в государствах – участниках СНГ представлена с учетом избранных ими моделей. В четырех странах (Азербайджан, Армения, Украина и Молдова) упразднена функция общего надзора. В семи государствах – России, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане функция общего надзора сохранена.

Ключевые слова: органы прокуратуры; система государственных органов стран СНГ; модели структуры деятельности прокуратуры; функция общего надзора; полномочия вневедомственного управления в правоохранительной сфере.

ОРГАНЫ ПРАКУРАТУРЫ Ў СІСТЭМЕ ДЗЯРЖАЎНЫХ ОРГАНАЎ КРАЇН СНД

А. У. Канюк

*Пасольства Рэспублікі Беларусь у Рэспубліцы Армения,
вул. М. Баграмяна, 9, 9/1, 2210, Котайкскі марз, с. Арындж, Армения*

Аналізуецца роля органаў пракуратуры ў краінах СНД. Аналіз заканадаўства краін СНД сведчыць аб розных падыходах пры вырашэнні пытання аб замацаванні такога інстытута, як пракуратура. Структура дзейнасці пракуратуры ў дзяржавах – удзельніцах СНД прадстаўлена з улікам абраных імі мадэляў. У чатырох краінах (Азербайджан, Армения, Украіна і Малдова) скасавана функцыя агульнага нагляду. У сямі дзяржавах – Расіі, Беларусі, Казахстане, Кыргызстане, Таджыкістане, Туркменістане, Узбекістане функцыя агульнага нагляду захавана.

Ключавыя словы: органы пракуратуры; сістэма дзяржаўных органаў краін СНД; мадэлі структуры дзейнасці пракуратуры; функцыя агульнага нагляду; паўнамоцтвы пазаведамаснага кіравання ў праваахоўнай сферы.

THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE SYSTEM OF STATE BODIES OF THE CIS COUNTRIES

A. V. Konyuk

*Embassy of the Republic of Belarus in the Republic of Armenia,
9, 9/1 M. Baghramyan Street, Kotayk marz, p. Arinj 2210, Armenia*

The article analyzes the role of prosecution authorities in the CIS countries. An analysis of the legislation of the CIS countries indicates various approaches in deciding the

issue of consolidating such an institution as the prosecutor's office. The structure of the prosecutor's office in the CIS member states is presented taking into account their chosen models. In four countries (Azerbaijan, Armenia, Ukraine and Moldova) the function of general supervision has been abolished. In seven states – Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, the overall oversight function has been retained.

Keywords: prosecution authorities; system of state bodies of the CIS countries; models of the structure of the prosecutor's office; general oversight function; powers of extra-departmental management in law enforcement.

В современных государствах существует широкое разнообразие подходов в отношении организации прокуратуры и определения ее функционального содержания в условиях конкретного национального контекста.

Разнообразие возможных моделей, связанных с ролью прокуратуры в демократическом обществе, а также значительная обусловленность (культурным наследием, правовыми традициями и конституционной историей) объема ее функций в конкретном государстве были признаны в Заключении № 3 (2008) Консультативного совета европейских прокуроров «О роли прокуратуры вне уголовно-правовой сферы» (п. 4), а также в Рекомендации CM/Rec (2012) Комитета министров Совета Европы «О роли прокуроров вне системы уголовного правосудия» [1].

Как следует из указанных документов, полномочие по надзору за исполнением законов и законностью правовых актов, издаваемых органами государственной власти и местного самоуправления, Консультативный совет европейских прокуроров оценил как делающее прокуратуру «основным инструментом реальной защиты прав и свобод больших групп граждан либо неограниченного круга лиц».

Развитие правовых систем стран СНГ основывалось на законодательстве и правовой практике СССР, следовательно, эти государства могут иметь схожие правовые проблемы. В процессе становления правовых систем в странах СНГ каждая страна выработала свою концепцию построения прокуратуры, создала свою модель ее функционирования.

Одним из результатов объединения усилий стран СНГ в работе по созданию и совершенствованию международно-правовых стандартов противодействия современным угрозам и вызовам безопасности на территории государств – участников Содружества стало принятие Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ модельного закона от 16 ноября 2006 г. № 27-6 «О прокуратуре» [2]. Этот закон направлен на регулирование правовых, организационных и иных отношений, возникающих в процессе деятельности прокуратуры.

В модельном законе «О прокуратуре» дается следующее определение прокуратуры (ст. 1): «Прокуратура является независимым специали-

зированной институт государственной власти, осуществляющим надзор за соблюдением конституции, законов, а также норм международного права и международных договоров государства, являющихся составной частью правовой системы государства». Таким образом, в модельном законодательстве акцентировано внимание именно на функции надзора как основе деятельности прокуратуры.

Статья 5 модельного закона «О прокуратуре», перечисляя функции прокуратуры, на первое место ставит надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, надзор за исполнением законов, при этом указывается, что объекты надзора за исполнением законов устанавливаются в каждом государстве самостоятельно.

В настоящее время в европейских странах сложились две основные структурно-функциональные модели прокуратуры. В рамках первой модели прокуратура является главным образом органом уголовного преследования и обвинения, в контексте второй – многофункциональным органом, приоритетной функцией которого является надзорная. Государства – участники СНГ избрали различные модели деятельности органов прокуратуры. В Украине, Азербайджанской Республике, Республике Армения, Республике Молдова избран первый вариант функционирования прокуратуры, что предопределило упразднение так называемого «общего» надзора. В семи государствах – России, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане функция надзора за исполнением (соблюдением) законов (общего надзора) сохранена.

Основой правового статуса государственного органа являются нормы права, определяющие его цели, задачи, функции и полномочия, а также правовое положение, которое он занимает в государстве и обществе среди других органов. Среди норм права, закрепляющих статус государственного органа, первое место отдается конституционным, поскольку именно они устанавливают общие статусные характеристики и образуют в своей совокупности конституционно-правовой статус.

Общим для органов прокуратуры стран СНГ является то, что в конституциях всех этих государств прокуратуре отведено специальное место.

В Азербайджанской Республике, Республике Казахстан, Республике Молдова, Украине нормы о статусе прокуратуры включены в главы, посвященные судебной власти. В Конституции Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. прокуратуре отведено место в главе «Иные государственные органы» [3].

В конституциях Республики Беларусь, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан ее статус определен в самостоятельных главах «Прокуратура», в Армении – в главе «Прокуратура и следственные органы», в Туркменистане – в специальном разделе Конституции.

В Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. прокуратуре также определено место в системе судебной власти (ст. 133) [4]. Однако конституционное положение о надзоре за точным и единообразным исполнением и применением законов не всегда распространяется на всех субъектов правоотношений. Например, в Законе Азербайджанской Республики «О прокуратуре», принятом в 1999 г., предусмотрен только надзор за исполнением законов в деятельности органов дознания и оперативно-розыскных органов [5].

В Республике Казахстан конституционные нормы, посвященные прокуратуре (ст. 83), включены в главу 7 «Суды и правосудие» Основного закона [6]. Это связано с тем, что отправление правосудия осуществляется судом с участием прокурора, а в реализации правозащитной деятельности и обеспечении верховенства закона они дополняют друг друга. Согласно ст. 83 Конституции Республики Казахстан прокуратура от имени государства осуществляет в установленных законом пределах и формах высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан, представляет интересы государства в суде и от имени государства осуществляет уголовное преследование.

Ст. 129 Конституции Российской Федерации, посвященная статусу прокуратуры, расположена в главе 7 под названием «Судебная власть и прокуратура» [7]. Согласно ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» основной задачей прокуратуры является надзор за соблюдением Конституции России и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [8]. Несмотря на включение ст. 129 Конституции Российской Федерации в главу 7, прокуратура не является механизмом судебной власти, поскольку не осуществляет правосудие и полномочия прокурора не укладываются в прерогативу судебной власти. Прокуратура Российской Федерации, имея статус независимого конституционного органа государственной власти, выступает важнейшим механизмом сдержек и противовесов как в системе разделения властей, так и между федеральными структурами и органами власти субъектов Федерации.

Особым образом регламентирован конституционный статус прокуратуры Кыргызской Республики. В главе 7 Конституции Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г., имеющей название «Иные государственные органы», ст. 104 посвящена прокуратуре Республики [3]. На прокуратуру возлагается: надзор за точным и единообразным исполнением законов органами исполнительной власти, а также другими государственными органами, перечень которых определяется конституционным законом, органами местного самоуправления и должностными лицами указанных органов; надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, следствие; надзор за

соблюдением законов при исполнении судебных решений по уголовным делам, а также при применении мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан; представительство интересов гражданина или государства в суде в случаях, определенных законом; поддержание государственного обвинения в суде; возбуждение уголовных дел в отношении должностных лиц государственных органов, перечень которых определяется конституционным законом, с передачей дел на расследование в соответствующие органы, а также уголовное преследование лиц, имеющих статус военнослужащих. Иными словами, вся деятельность органов государственного управления по исполнению законов поднадзорна прокуратуре в полном объеме.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что включение в Конституции ряда стран Содружества статей о прокуратуре в главы о судебной или иной власти не свидетельствует о принадлежности органов прокуратуры к указанным ветвям власти.

В данном контексте наиболее отвечающий характеру правовой системы путь избран в Беларуси, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, в конституциях которых выделены специальные главы или разделы, посвященные прокуратуре, что свидетельствует о самостоятельном и независимом конституционном статусе органа в системе государственного механизма.

Законодатели Республики Таджикистан и Республики Узбекистан сочли целесообразным в статьях конституций своих государств выделить лишь основную функцию прокуратуры, определив тем самым ее предназначение.

В ст. 118 Конституции Узбекистана от 8 декабря 1992 г. установлено, что Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры осуществляют надзор за точным и единообразным исполнением законов на территории Республики [9]. Другие функции прокуратуры в Основном законе не выделены, однако отмечено, что организация, полномочия и порядок деятельности органов прокуратуры определяются законом.

В ст. 93 Конституции Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. предусмотрен надзор за точным и единообразным исполнением законов на территории государства Генеральным прокурором и подчиненными ему прокурорами в пределах своих полномочий [10].

В свете изложенного можно сделать общий вывод о том, что в странах СНГ на конституционном уровне определены как предназначение, так и функции прокуратуры, что нашло свое дальнейшее развитие в специальных законах о прокуратуре.

В законах о прокуратуре стран СНГ дается характеристика и раскрывается сущностное предназначение института прокуратуры с указа-

нием его основной функции. Так, согласно ст. 1 Закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [7].

Таким образом, приоритетной функцией органов прокуратур семи стран СНГ (Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) является надзор за точным и единообразным применением законов, которая охватывает практически все сферы правовых отношений, представляет систему функций и подразделяется на ряд подфункций.

В России в прокурорском надзоре выделяют пять надзорных отраслей или видов надзора:

а) надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов; б) надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; в) надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; г) надзор за исполнением законов судебными приставами; д) надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. Аналогичные функции надзора, за исключением надзора за исполнением законов судебными приставами, существуют и в других странах СНГ, сохранивших общий надзор.

Сравнивая предмет и формы общего надзора в прокуратурах стран СНГ, можно отметить следующее. В России предмет надзора определен лишь в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», тогда как в других государствах – участниках СНГ он закреплен в конституции каждой страны: в Республике Беларусь – надзор за точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных актов (ст. 125 Конституции Республики Беларусь [12]); в Республике Казахстан в установленных законом пределах и формах высший

надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан (ч. 1 ст. 83 Конституции Республики Казахстан [6]); в Кыргызской Республике – надзор за точным и единообразным исполнением законов органами исполнительной власти, а также другими государственными органами, перечень которых определяется конституционным законом, органами местного самоуправления и должностными лицами указанных органов; надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, следствие; надзор за соблюдением законов при исполнении судебных решений по уголовным делам, а также при применении мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан (ст. 104 Конституции Кыргызской Республики [3]), в Туркменистане – надзор за точным и единообразным соблюдением законов Туркменистана, актов Президента, кабинета Министров Туркменистана, постановлений Меджлиса Туркменистана (ст. 129 Конституции Туркменистана), в республиках Узбекистан и Таджикистан – надзор за точным и единообразным исполнением законов (соответственно ст. 118 и ст. 93 конституций этих государств [9; 10]).

В ст. 6 Закона Республики Казахстан от 30 июня 2017 г. № 81-VI «О прокуратуре» [11] закреплено, что надзор за законностью актов, действий (бездействий) государственных, местных представительных и исполнительных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц (в исключительных случаях по поручению Президента Республики Казахстан или Генерального Прокурора – иных организаций независимо от формы собственности) осуществляется путем проведения проверок и анализа состояния законности, а также оценки актов, вступивших в силу. Проверка соблюдения законности назначается и проводится прокурором в пределах его компетенции на основании поручений Президента Республики Казахстан, Генерального Прокурора Республики Казахстан. Решения заместителей Генерального Прокурора, прокуроров областей и приравненных к ним прокуроров, прокуроров районов и приравненных к ним прокуроров о назначении и проведении проверки деятельности государственных, местных представительных и исполнительных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц принимаются для защиты прав, свобод и законных интересов лиц, которые в силу физических, психических и иных обстоятельств не могут самостоятельно осуществлять их защиту; неограниченного круга лиц; лиц, общества и государства, если это необходимо для предотвращения необратимых последствий для жизни, здоровья людей либо безопасности Республики Казахстан.

Порядок проведения анализа состояния законности, в том числе с использованием доступа к информационным системам и ресурсам, ин-

тегрированным с системой информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов проводится без посещения прокурорами субъектов (объектов) путем изучения статистических данных, сведений государственных и международных организаций, средств массовой информации, материалов гражданских и уголовных дел, дел об административных правонарушениях, а также иных источников информации.

Таким образом, прокурорский надзор за законностью представляет собой широкую и многогранную надзорную функцию, которая охватывает обширное правовое поле и большое количество поднадзорных органов. Именно в сфере общенадзорной деятельности органами прокуратуры выявляется наибольшее число нарушений законности, а также противоречащих закону правовых актов.

Следует отметить наличие в законодательстве стран СНГ различных вариантов иерархии отраслей надзора. В соответствии со ст. 5 модельного закона «О прокуратуре» Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ приоритет отдан функции надзора за соблюдением прав человека и гражданина [2], так же как, к примеру, в Конституции Российской Федерации, в ст. 2 которой закреплено императивное положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Следовательно, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина должен являться приоритетным видом надзора и занимать ведущее место среди надзорных отраслей [7]. Именно такой путь в нормотворчестве избрал законодатель Туркменистана (ч. 1 ст. 3 Закона Туркменистана «О прокуратуре Туркменистана»), декларируя целью надзора обеспечение верховенства Закона и укрепление законности, заключающиеся в защите в первую очередь социально-экономических, политических и иных прав и свобод граждан.

Так же как в названном модельном законе (глава 4) предусмотрена самостоятельная глава о надзоре за соблюдением прав и свобод гражданина в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» (глава 2 раздела III) [8]. Можно констатировать, что правозащитная функция прокуратуры неразрывно связана с защитой прав личности.

Следует отметить, что надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в Беларуси в качестве специально закрепленного в законе вида надзора отсутствует. Однако в ч. 1 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» указано, что задачами прокуратуры являются обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов [13]. В целях выполнения именно указанных задач прокуратура осуществляет различные виды надзора.

Процесс трансформации иерархии основных функций прокуратуры отвечает европейским стандартам создания новых правовых основ ее функционирования в современных условиях. Именно поэтому правозащитная, или так называемая общенадзорная, функция прокуратуры Российской Федерации и прокуратур других стран, в которых она является приоритетной, общепризнанна в рамках Совета Европы. На Конференции Генеральных прокуроров, проведенной Советом Европы совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации (Санкт-Петербург, 3 июля 2008 г.), было подчеркнуто, что несмотря на отсутствие общеевропейских правовых норм и правил, касающихся задач, функций и организации прокуратуры, во всех государствах прокуроры играют важную роль и несут обязанность по защите прав человека, обеспечению законности и защите публичных интересов.

Конференция подчеркнула все возрастающую необходимость эффективной защиты прав социально уязвимых групп населения, особенно детей и молодежи, потерпевших, свидетелей, инвалидов, а также социальных и экономических прав населения в целом. Конференция выразила мнение, что прокуроры в этом вопросе могут играть решающую роль. При этом возрастающее участие государства в решении таких современных проблем, как защита окружающей среды, прав потребителей и здоровья населения, может привести к расширению роли органов прокуратуры. Другим странам была дана рекомендация использовать опыт работы прокуратуры Российской Федерации в деле эффективной защиты органами прокуратуры прав личности с использованием своих полномочий вне уголовно-правовой сферы.

В итоговом документе Конференции генеральных прокуроров европейских стран 2008 г. констатировалось, что деятельность прокуратуры вне уголовно-правовой сферы, особенно в защите прав человека и публичных интересов, отвечает принципам демократического государства [14].

Отдельным направлением является прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Надзор за законностью в данной сфере деятельности находится в тесной взаимосвязи с надзором за исполнением законов в досудебных стадиях уголовного процесса, что объясняется общностью поставленных перед ними задач, а также необходимостью постоянного сотрудничества в ходе раскрытия и расследования преступлений. Вместе с тем надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности имеет специфику, что служит основанием для придания ему статуса самостоятельного направления (отрасли) надзора.

Оперативно-розыскная деятельность, являясь специфической формой предотвращения различных угроз национальной безопасности и

борьбы с преступностью, осуществляется преимущественно с использованием негласных способов и средств получения информации и непосредственно затрагивает сферу частной жизни, в определенной мере ограничивая конституционные права физических и юридических лиц.

В России, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и в других странах надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, закреплен в законах о прокуратуре как единое направление надзорной деятельности.

Согласно Закону Азербайджанской Республики от 7 декабря 1999 г. № 767-IQ «О прокуратуре» прокурорский надзор за законностью предварительного следствия упразднен. Сохранен только контроль за исполнением и применением законов в деятельности органов дознания и оперативно-розыскными органами (ст. 4 Закона Азербайджанской Республики «О прокуратуре») [5].

В Республике Армения в соответствии со ст. 176 Конституции закреплена функция надзора за законностью досудебного уголовного производства [15].

В России, Кыргызстане, Таджикистане предметом надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, является надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнением оперативно-розыскных мероприятий и проведением расследования, а также законностью решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Надзор за соответствием закону судебных решений предусмотрен в нормативных актах большинства стран СНГ, поскольку он является одним из важных видов надзорной деятельности органов прокуратуры. Однако в законах о прокуратуре некоторых стран данный вид надзора является самостоятельным, а в других лишь указана его сущность.

В законодательстве стран СНГ нормативно закреплены полномочия прокурора по опротестованию решений, приговоров и постановлений суда: ст. 4 и 19 Закона Азербайджанской Республики «О прокуратуре», п. 5 ст. 4 и ст. 28 Закона Республики Армения «О прокуратуре», ст. 13 Закона Республики Казахстан «О прокуратуре», ст. 28 Закона Кыргызской Республики «О прокуратуре Кыргызской Республики», ст. 37–39 Закона Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан», ст. 4, 35, 36 Закона Республики Узбекистан «О прокуратуре».

Прокурорский надзор за законностью исполнения наказаний и законностью в местах задержания и предварительного заключения яв-

ляется одним из основных и самостоятельных надзорных направлений деятельности органов прокуратуры, отличительными чертами которого являются:

- выполнение им роли основного гаранта соблюдения прав и свобод находящихся в указанных органах и учреждениях лиц, которая предопределена иммунитетом прокурорского надзора к восприятию местных и ведомственных влияний, его особым местом в системе контроля за законностью действий и актов данных органов и учреждений;

- инициативный характер проведения проверок, не требующих обязательного наличия сигналов о нарушениях законности;

- выраженная властность полномочий прокурора, обеспечивающая его непосредственное участие в установлении и пресечении нарушений закона.

Данный вид прокурорского надзора закреплен в ст. 4 и 29 Закона Республики Армении «О прокуратуре»; в ст. 5 Закона Республики Казахстан «О прокуратуре»; в ст. 37–39 Закона Кыргызской Республики «О прокуратуре Кыргызской Республики»; в ст. 32–34 Федерального закона Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации»; в ст. 44–46 Закона Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан»; в ст. 49–51 Закона Туркменистана «О прокуратуре Туркменистана»; в ст. 30–32 Закона Республики Узбекистан «О прокуратуре».

Согласно ст. 32 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» предметом рассматриваемого вида прокурорского надзора являются:

- законность нахождения лиц в местах содержания задержанных, предварительного заключения, исправительно-трудовых и иных органах и учреждениях, исполняющих наказание и меры принудительного характера, назначаемые судом;

- соблюдение установленных законодательством Российской Федерации прав и обязанностей задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера, порядка и условий их содержания;

- законность исполнения наказания, не связанного с лишением свободы [8].

Аналогичный по сути предмет надзора предусмотрен законами о прокуратуре Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана. В Республике Узбекистан отдельно выделен надзор за соблюдением законодательства в деятельности органов и учреждений, должностных лиц, применяющих уголовно-исполнительное законодательство.

Прокуратура занимает особое место в системе государственных органов стран СНГ и призвана осуществлять важнейшие задачи в сфере

правоохранения. В компетенции прокуратуры находится достаточно широкий круг полномочий, исполнение которых имеет важное значение для выполнения государством своих функций.

В правовом регулировании наиболее удачный подход избран в тех странах, где на конституционном уровне определены как предназначение, так и основные функции прокуратуры.

Анализ законодательства стран СНГ свидетельствует о различных подходах при решении вопроса о закреплении такого института, как прокуратура. Структура деятельности прокуратуры в государствах – участниках СНГ представлена с учетом избранных ими моделей. В четырех странах (Азербайджан, Армения, Украина и Молдова) упразднена функция общего надзора. В семи государствах – России, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане функция общего надзора сохранена.

В большинстве государств – участников СНГ структура органов прокуратуры определяется специальными законами и включает в себя три основных звена (элемента), предопределенных, как правило, административно-территориальным устройством той или иной страны. Каждое звено решает задачи правоохранения применительно к региону функциональной активности с учетом направлений деятельности прокуратуры. Высшие и средние структурные элементы обладают полномочиями оценки и управления процессом реализации правоохранительной функции органов прокуратуры. В некоторых странах (например, Республика Беларусь, Российская Федерация) органы прокуратуры наделены полномочиями вневедомственного управления в правоохранительной сфере, реализуемыми посредством координационных совещаний.

Библиографические ссылки

1. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционализация прокурорского надзора в Российской Федерации : проблемы теории и практики [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2024.

2. О прокуратуре [Электронный ресурс] : модельный закон, 16 нояб. 2006 г., № 27-6 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018.

3. Конституция Кыргызской Республики от 21 октября 2007 г. в ред. от 27 июня 2010 г., 05 мая 2021 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». URL: <http://base.spinform.ru> (дата обращения: 19.08.2024).

4. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. с изм. и доп., принятыми на всенародных голосования (референдумах) 24 авг. 2002 г., 18 март. 2009 г. и 26 сент. 2016 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». URL: <http://base.spinform.ru> (дата обращения: 19.08.2024).

5. О прокуратуре [Электронный ресурс] : Закон Азербайджанской Респ., 7 дек. 1999 г., № 767-IQ // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2800 (дата обращения: 19.08.2024).

6. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. : с изм. и доп. от 19 сент. 2022 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». URL: <http://base.spininform.ru> (дата обращения: 19.08.2024).

7. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с изм. и доп., принятыми всенародным голосованием 1 июля 2020 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2024.

8. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2024.

9. Конституция Узбекистана от 8 декабря 1992 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». URL: <http://base.spininform.ru> (дата обращения: 19.08.2024).

10. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». URL: <http://base.spininform.ru> (дата обращения: 19.08.2024).

11. О прокуратуре [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 21 дек. 1995 г., № 2709 : в ред. от 06.04.2016 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ» URL: <http://base.spininform.ru> (дата обращения: 19.08.2024).

12. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск : Национальный центр правовой информации Респ. Беларусь, 2022. 192 с.

13. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З в ред. Закона от 03.01.2024 № 336-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

14. *Звягинцев А. Г.* То, что России доверили провести Конференцию МАП, – это признание авторитета российской прокуратуры в международном юридическом сообществе [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2024.

15. Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. : с изм. и доп., от 2005 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». URL: <http://base.spininform.ru> (дата обращения: 19.09.2024).

ДАЛУЧЭННЕ ГРАМАДСКАСЦІ ДА АДПРАЎЛЕННЯ ПРАВАСУДДЗЯ Ў САВЕЦКІМ КРЫМІНАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XX ст.

Г. А. Корабава

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Разглядаецца савецкі вопыт прыцягнення грамадскасці да адпраўлення правасуддзя ў другой палове XX ст. Аўтар звяртае ўвагу на ўдасканаленне савецкага крымінальна-працэсуальнага заканадаўства, якое рэгламентавала працэсуальнае і прававое становішча народных засядацеляў. Аўтарам вызначаюцца і непрацэсуальныя формы дзейнасці народных засядацеляў, якія спрыялі ўмацаванню сувязі судовай улады і грамадскасці.

Ключавыя словы: грамадскасць; савецкі крымінальны працэс; удзельнікі крымінальнага працэсу; народныя засядацелі; адпраўленне правасуддзя.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ К ОТПРАВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

А. А. Коробова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Рассматривается советский опыт привлечения общественности к отправлению правосудия во второй половине XX в. Автор обращает внимание на совершенствование советского уголовно-процессуального законодательства, которое регламентировало процессуальное и правовое положение народных заседателей. Автором обращается внимание на непроцессуальные формы деятельности народных заседателей, которые способствовали укреплению связи судебной власти и общественности.

Ключевые слова: общественность; советский уголовный процесс; участники уголовного процесса; народные заседатели; отправление правосудия.

INVOLVEMENT OF COMMUNITY IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN THE SOVIET CRIMINAL PROCEDURE IN THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY

A. A. Korobova

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, theory-law@bsu.by*

The article examines the Soviet experience of involvement of community in the administration of justice in the second half of the 20th century. The author draws attention to the improvement of the Soviet criminal procedure legislation, which regulated the procedural and legal status of people's assessors. The author outlines the non-procedural forms of activity of people's assessors, which contributed to strengthening the connection between the judiciary and the community.

Keywords: the community; the Soviet criminal process; the criminal procedure participants; people's assessors; administration of justice.

Так звана «хрушчоўская адліга» выклікала змяненні і ў крымінальна-працэсуальным заканадаўстве СССР і саюзных рэспублік.

Паводле вынікаў XXI з'езду КПСС амаль усе працоўныя павінны былі быць прыцягнуты да кіравання грамадскім і гаспадарчым жыццём краіны. Удзел грамадскасці ў крымінальным судаводстве павінен быў узмацніць палітычную свядомасць грамадзян, сацыялістычную законнасць і правапарадак у СССР [1, с. 92]. Грамадскія арганізацыі і калектывы працоўных выконвалі частку функцый праваахоўных органаў і існавалі паралельна з імі.

Аднымі з першых актаў, якія заклалі аснову для далучэння народных засядацеляў да разгляду спраў сталі Закон СССР «Аб зацвярджэнні Асноў заканадаўства аб судаўладкаванні Саюза ССР, саюзных і аўтаномных рэспублік» ад 25 снежня 1958 г. (далей – Асновы судаўладкавання СССР 1958 г.) і Закон «Аб зацвярджэнні Асноў крымінальнага судаводства Саюза ССР і саюзных рэспублік» ад 25 снежня 1958 г. (далей – Асновы крымінальнага судаводства СССР 1958 г.).

Паводле Асноў аб судаўладкаванні СССР 1958 г. адбыліся змены ў арганізацыі інстытута народных засядацеляў. Народныя засядацелі былі прадстаўлены ў судах усіх узроўняў: раённых (гарадскіх) судах; абласных, краявых, гарадскіх судах, судах аўтаномных абласцей і нацыянальных акруг; Вярхоўных судах саюзных і аўтаномных рэспублік; Вярхоўным судзе СССР [2].

Народным засядацелем мог быць абраны кожны грамадзянін СССР, які валодаў выбарчым правам і дасягнуў да дня выбараў 25 гадоў. Народныя засядацелі заклікаліся да выканання сваіх абавязкаў у судах у парадку чарговасці не больш чым на два тыдні ў годзе, акрамя выпадкаў, калі разгляд справы, пачатай з удзелам гэтых засядацеляў доўжыўся больш за двухтыднёвы тэрмін [2].

Захоўваліся і сацыяльныя правы народных засядацеляў, такія як захаванне за імі заробтнай платы па месцы працы, а калі яны не з'яўляліся рабочымі або службоўцамі – пакрываліся толькі выдаткі, звязаныя з выкананнем іх абавязкаў у судзе. Прадугледжвалася датэрміновае вызваленне народных засядацеляў ад іх паўнамоцтваў выбаршчыкамі,

а таксама паводле прысуду, пастаноўленага ў адносінах да народнага засядацеля. Замацоўвалася і гарантыя недакранальнасці народнага засядацеля: не маглі быць прыцягнутымі да крымінальнай адказнасці і ў сувязі з гэтым быць адхіленымі ад пасады, або падвергнуцца арышту народныя засядацелі абласных, краявых, гарадскіх судаў, судаў аўтаномных абласцей і нацыянальных акруг і Вярхоўных Судаў аўтаномных і саюзных рэспублік – без згоды Прэзідыума Вярхоўнага Савета Саюзнай Рэспублікі, народныя засядацелі Вярхоўнага Суда СССР – без згоды Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР [2].

Народныя засядацелі раённых (гарадскіх) народных судаў абіраліся на агульных сходах рабочых, служачых і сялян па месцы іх працы або жыхарства, для ваеннаслужачых – па воінскіх частках тэрмінам на два гады [2].

Асновы крымінальнага судаводства СССР 1958 г. вызначалі склад суда першай інстанцыі ў асобе прафесійнага суддзі і двух народных засядацеляў і падкрэслівалі прынцып калегіяльнасці разгляду крымінальных спраў. Таксама адзначалася роўнасць правоў народных засядацеляў і старшыні судовага пасяджэння ў вырашэнні ўсіх пытанняў, якія ўзнікалі пры разглядзе справы і пастанове прысуду. Аднаасобныя дзеянні суддзі паводле свайго характару не маглі ўплываць на зыход справы і зводзіліся да агульнага кіраўніцтва судовым пасяджэннем. Асобна вызначалася, што народныя засядацелі павінны вырашаць крымінальныя справы на падставе закона, у адпаведнасці з сацыялістычнай правасвядомасцю, ва ўмовах, якія выключалі старонняе ўздзеянне на суддзяў [3].

Пазней пэўныя змяненні былі вызначаны Канстытуцый СССР, прынятай Вярхоўным Саветам СССР 7 кастрычніка 1977 г. Паводле арт. 152 Канстытуцыі прадугледжваўся пачатак адпраўлення правасуддзя на прынцыпе выбарнасці народных засядацеляў. Народныя засядацелі раённых (гарадскіх) народных судаў абіраліся на сходах грамадзян па месцы іх працы або жыхарства адкрытым галасаваннем тэрмінам на два з паловай гады. Народныя засядацелі Ваенных Трыбуналаў абіраліся на той жа тэрмін сходамі вайскоўцаў. Артыкул 154 на канстытуцыйным узроўні замацоўваў прынцып калегіяльнасці разгляду спраў у судах першай інстанцыі з удзелам народных засядацеляў. Акрамя таго, Канстытуцыя СССР 1977 г. замацоўвала астатнія прынцыпы крымінальнага судаводства, якія прадугледжваліся Асновамі [4]. Такія ж палажэнні ўтрымлівала і Канстытуцыя БССР 1978 г.

Варта адзначыць, што пры выбарах народных засядацеляў не дзейнічаў класавы або партыйны падыход. Статыстычныя дадзеныя сведчылі, што толькі каля 40-45 % народных засядацеляў з'яўляліся членамі КПСС [5, с. 10].

Даволі важным новаўвядзеннем была справаздачнасць народных засядацеляў. Раней замацоўвалася толькі справаздачнасць народных суддзяў перад выбаршчыкамі, дзе яны ў тым ліку давалі справаздачу і па дзейнасці народных засядацеляў. Аднак, ніводны нарматыўны акт прама не замацоўваў справаздачнасць народнага засядацеля. Артыкул 33 Асноў судаўладкавання СССР 1958 г. ўтрымліваў палажэнні аб справаздачнасці толькі народных суддзяў перад выбаршчыкамі. Але праз замацаваныя палажэнні праграмы КПСС 1961 г. аб справаздачнасці народных засядацеляў і замацаваны у Канстытуцыі СССР 1977 г. прынцып справаздачнасці кожнай выбранай асобы, справаздачнасць народных засядацеляў мела месца, хоць і не была распаўсюджана. Засядацель распавядаў пра свой асабісты ўклад у савецкае правасуддзе, найбольш паказальныя або тыповыя справы, у разгледзе якіх ён прымаў удзел. У літаратуры выказваліся меркаванні аб заканадаўчым замацаванні абавязку аб справаздачнасці і карысці сумесных выступленняў са справаздачай народных суддзяў і народных засядацеляў, што дазваляла б выбаршчыкам больш шырока і аб'ектыўна разгледзець работу суда [6, с. 20–21].

Таксама вызначалася грамадская дзейнасць народных засядацеляў у выглядзе саветаў народных засядацеляў, якая не замацоўвалася ў заканадаўстве, але была арганізавана паводле практыкі дзейнасці судоў. Саветы народных засядацеляў ствараліся пры раённых і гарадскіх судах. Саветы выбіраліся агульным сходам засядацеляў народнага суда на тэрмін іх паўнамоцтваў. Колькасць членаў савета была ўстаноўлена агульных сходам і залежала ад аб'ёму работы. У саветах звычайна ствараліся секцыі па прававому выхаванню грамадзян і арганізацыі справаздачнасці перад выбаршчыкамі, кантролі за выкананнем прыватных пастановаў суда, кантролі за выкананнем прысудаў, кантролі за перавыхаваннем асуджаных не да пазбаўлення волі, па здзяйсненні прававой дапамогі таварыскім судам і народным дружынам і інш. Саветы звычайна ўзгаднялі свае дзеянні са старшынёй суда і дапамагалі суду ў здзяйсненні функцый і задач, якія стаялі перад судом шляхам метадамі грамадскага ўздзеяння [7, с. 62–65]. Пленум Вярхоўнага Суда СССР неаднаразова звяртаў увагу на неабходнасць шырокага прыцягнення народных засядацеляў да кантролю за выкананнем прыватных пастановаў, за паводзінамі ўмоўна асуджаных, падтрымання і распаўсюджвання новых форм работы з народнымі засядацелямі, якія б забяспечылі павышэнне іх актыўнасці ў аказанні дапамогі судам у адпраўленні правасуддзя, папярэджанні злачынстваў і выпраўленні правапарушальнікаў [8].

У адпаведнасці з Асновамі судаўладкавання 1958 г. ў лістападзе 1959 г. Вярхоўным Саветам БССР быў прыняты Закон «Аб судаўладкаванні

Беларускай ССР», які цалкам адпавядаў Асновам судаўладкавання 1958 г. Тут трэба пазначыць, што калі на тэрыторыі Беларусі прынцып выбарнасці прафесійных суддзяў меў фармальны характар, і яны выбіраліся не на падставе ўсеагульнага, роўнага і прамога выбарчага права, а абласнымі Саветамі, то выбар народных засядацеляў цалкам адпавядаў парадку, устаноўленаму заканадаўствам: на ўсеагульных сходах па месцах іх працы, вучобы, службы [9, с. 390].

Падчас выканання сваіх абавязкаў у судзе народныя засядацелі валодалі ўсімі паўнамоцтвамі, неабходнымі для ажыццяўлення права-суддзя. Яны карысталіся ўсімі правамі суддзі і нароўні са старшынёй судовага пасяджэння ўдзельнічалі ў вырашэнні ўсіх пытанняў, якія ўзніклі пры разглядзе справы і пастанове прысуду.

У судовым пасяджэнні народныя засядацелі былі абавязаны старанна правярыць усе прадстаўленыя доказы, устанавіць вінаватасць або невінаватасць падсуднага і ў выпадку ўстанаўлення вінаватасці прызначыць адпаведную меру пакарання. Усе пытанні і хадаўніцтвы вырашаліся складам суда калегіяльна большасцю галасоў. Народны засядацель нароўні з прафесійным суддзёй меў права задаваць пытанні ўдзельнікам працэсу і прымаць удзел у даследаванні доказаў. Для пастанаўлення правасуднага прысуду, заснаванага на законе і адпаведнага асабістаму ўнутранаму перакананню, народны засядацель быў абавязаны прыняць актыўны ўдзел для ўсебаковага поўнага і аб'ектыўнага даследавання абставін справы.

Кароткія тэрміны, на які выбіраліся народныя засядацелі, і тэрмін здзяйснення імі сваіх абавязкаў дазвалялі прыцягнуць да разгляду крымінальных спраў вялікую колькасць грамадзян. Пра гэта можна меркаваць па колькасці выбраных народных засядацеляў. Так, на выбарах у 1969 г. было абрана больш за 580 тысяч народных засядацеляў раённых (гарадскіх) народных судов. У 1982 г. у СССР налічвалася звыш за 730 тысяч народных засядацеляў [10, с. 50].

Працягнула сваё развіццё і спецыялізацыя народных засядацеляў. З мэтай павысіць якасць разгляду асобных катэгорый крымінальных спраў з улікам іх асаблівасцяў прызнавалася мэтазгодным уключаць у склад суда народных засядацеляў, якія валодалі спецыяльнымі ведамі або мелі вопыт у той ці іншай сферы дзейнасці.

Можна прыйсці да высновы, што ў другой палове савецкага перыяду ў крымінальным судаводстве прынцып удзелу грамадзян у ажыццяўленні правасуддзя па крымінальных справах дзейнічаў без якіх-небудзь выключэнняў. У заканадаўстве захаваліся і атрымалі развіццё ўсе асноўныя палажэнні аб інстытуце народных засядацеляў, вырацаваныя раней.

Такім чынам, у дадзены перыяд развіцця крымінальна-працэсуальнага заканадаўства савецкіх краін узмацняліся гарантыі для прадстаўнікоў грамадскасці ў адпраўленні правасуддзя і развіваліся новыя працэсуальныя формы ўзаемадзеяння судовай улады і грамадскасці, што, у сваю чаргу, узмацняла давер насельніцтва да судовай улады і спрыяла ўмацаванню сувязі судовай улады і грамадскасці. Заканадаўства Рэспублікі Беларусь аб судаўладкаванні, а таксама крымінальна-працэсуальнае заканадаўства Рэспублікі Беларусь пайшлі шляхам пераемнасці савецкага вопыту прыцягнення грамадскасці да адпраўлення правасуддзя.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Материалы Внеочередного XXI съезда КПСС. М. : Госполитиздат, 1959. 259 с.
2. Об утверждении Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик [Электронный ресурс] : Закон СССР : 25 декабря 1958 г. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5351.htm (дата обращения: 11.04.2024).
3. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс] : Закон СССР : 25 декабря 1958 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9006425> (дата обращения: 18.04.2024).
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята ВС СССР 7 октября 1977 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 18.04.2024).
5. Анашкин Г. З. Народные заседатели в советском суде. 3-е изд., испр. и доп. М. : Госюриздат, 1960. 84 с.
6. Понделков М. И. Участие народных заседателей в рассмотрении судами уголовных дел. М. : Юрид. лит., 1978. 95 с.
7. Козлов Ю. Д. Народные заседатели – равноправные судьи. М. : Юрид. лит., 1967. 72 с.
8. О задачах по устранению недостатков и дальнейшему улучшению деятельности судов по борьбе с преступностью : постановление Пленума Верховного Суда СССР : 14 мая 1962 г., № 7 // Советская юстиция. 1962. № 13. С. 29–30.
9. Доўнар Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. 2-е выд., выпр. і дап. Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2021. 431 с.
10. Мартинович И. И. Наше правосудие. Минск : Народная асвета, 1983. 80 с.

ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТРУДАХ А. М. АБРАМОВИЧА

Л. А. Краснобаева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kafedra_gu@bsu.by*

Исследуются представления о социальной справедливости основателя белорусской школы теории права А. М. Абрамовича. Анализируются сформулированные им формальные и содержательные критерии, определяющие значение принципа справедливости в политической и социально-экономической сферах.

Ключевые слова: правовой статус гражданина; социальная справедливость; равенство; общественные отношения.

ІДЭЯ САЦЫЯЛЬНАЙ СПРАВЯДЛІВАСЦІ Ў ПРАЦАХ А. М. АБРАМОВІЧА

Л. А. Краснобаева

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, kafedra_gu@bsu.by*

Даследуюцца ўяўленні аб сацыяльнай справядлівасці заснавальніка беларускай школы тэорыі права А. М. Абрамовіча. Анализуюцца сфармуляваныя ім фармальныя і змястоўныя крытэрыі, якія вызначаюць значэнне прынцыпу справядлівасці ў палітычнай і сацыяльна-эканамічнай сферах.

Ключавыя словы: прававы статус грамадзяніна; сацыяльная справядлівасць; роўнасць; грамадскія адносіны.

THE IDEA OF SOCIAL JUSTICE IN THE WORKS OF A. M. ABRAMOVICH

L. A. Krasnobaeva

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, kafedra_gu@bsu.by*

The article examines the ideas of social justice developed by the founder of the Belarusian school of legal theory, A. M. Abramovich. It analyzes the formal and substantive criteria formulated by him that determine the meaning of the principle of justice in the political and socio-economic spheres.

Keywords: legal status of a citizen; social justice; equality; social relations.

Александр Михайлович Абрамович – один из видных научных и общественных деятелей Республики Беларусь, в работах которого заложены фундаментальные положения о сущности государственного

управления, ценностных ориентирах в праве, динамике правового положения как юридической формы и меры социальной свободы гражданина.

Именно в осмыслении правового статуса личности состоят разработанные А. М. Абрамовичем теоретические принципы социального государства и конституционализма как идейного и общественно-политического движения.

Еще в советский период, когда не принято было рассуждать об особом предназначении личности, ее субъективных правах и обязанностях, ученый последовательно отстаивал мысль о социальной ценности права, социальной справедливости и необходимости их использования в правовом регулировании общественной жизни.

В монографии «Правовой статус советского гражданина» (1988) Александр Михайлович отмечал высокую общечеловеческую ценность права, его неразрывную связь с государством и государственным управлением. Ученый подчеркивал, что «находясь в органической связи с такими социальными явлениями, как государство и власть, политика и право, справедливость и гуманность, законность и правопорядок, правовой статус личности отражает наиболее существенные возможности, вид и меру долженствующего поведения в обществе» [1, с. 3].

Несмотря на то, что монография написана в конце 80-х гг. XX в., она по-прежнему сохраняет свою актуальность и значимость для развития белорусской государственности на современном этапе, а высказанный А. М. Абрамовичем тезис – «личность обнаруживает статус гражданина лишь в ее отношении к государству» [1, с. 5] – как никогда находит свое актуальное значение в современных реалиях.

В последние несколько десятилетий проблемы социальной справедливости занимают существенное место в политической мысли и правовой доктрине. Возросший интерес к данной теме вызван многими причинами, в том числе поиском оптимальной модели социального государства, отвечающей современным требованиям общественно-политического устройства. Заслуживает особого внимания высказанная А. М. Абрамовичем идея социальной справедливости, которую ученый определяет как специфическую черту правового статуса гражданина и которая находит свое выражение в различных сферах функционирования общества и личности – политической, социально-экономической, духовной. Так, в политической сфере социальная справедливость обеспечивается путем предоставления и обеспечения гражданам *равного права на участие* в осуществлении государственной власти, в управлении государственными и общественными делами – через другие структуры политической системы. Особое значение имеет соблюдение принципа социальной справедливости в социально-экономической сфере. Закрепление

такого подхода, по мнению ученого, является условием для определенного выравнивания положения различных граждан и стимулирования или вознаграждения лиц, заслуживающих этого перед обществом и государством, работающих в приоритетных сферах [2, с. 444]. Второе проявление принципа социальной справедливости, по неоспоримому мнению автора, связано с *концепцией равенства* в распределении, эгалитарности, что базируется на признании каждого конкретного труда общественно необходимым.

Таким образом, идеи, лежащие в основе анализа правового статуса личности, сформулированные А. М. Абрамовичем, пронизаны глубокой мыслью о необходимости формирования политико-правовой концепции, базирующейся на формировании общественного устройства на *принципах правового и социального равенства*. Проблема социальной справедливости в трудах белорусского ученого неразрывно связана с проблемой равенства. И такое мнение не случайно, поскольку оно исторически обусловлено тем, что в человеческом достоинстве и сущности заложено глубокое стремление к равенству.

Развитие содержания принципа справедливости нашло свое отражение и в последующих работах А. М. Абрамовича. В статье «Современное правопонимание и совершенствование гражданского, трудового и уголовного законодательства» (2013) ученый особо подчеркнул: «Через призму меры справедливости как одной из концепций правопонимания следует оценивать содержание многих норм иных отраслей права...» [3, с. 39]. Таким образом, социальная справедливость выступает как категория, которая характеризуется как мера равенства в условиях жизни различных социальных общностей и индивидов. Развивая эту мысль, констатируем, что идея социальной справедливости представляет собой основу для формирования правовых механизмов социально-экономического развития общества, приводя к динамике социальные процессы, а также во многом влияет на политические институты и системы. Определить социальную справедливость в современных общественных отношениях представляется сложной задачей, так как для ее обозначения нужно найти баланс между потребностями конкретной личности, интересами народа (нации) и государственными интересами.

При анализе публикаций выдающего ученого [4; 5], прослеживается однозначное мнение автора, что именно нормотворчество является самым важным направлением работы любого государства. Как пишет ученый, «по результатам нормотворческой работы судят о государстве в целом, степени его демократичности, цивилизованности, справедливости и культурности» [6, с. 6].

Таким образом, идея социальной справедливости является основной для формирования демократических социальных институтов. В заключение процитируем выдающегося ученого: «Общество должно быть нацелено не только на удовлетворение потребностей отдельных индивидов, но и на действенное воплощение социальной концепции справедливости».

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Правовой статус советского гражданина / под ред. В. И. Шабайлова. Минск : Наука и техника, 1988. 91 с.
2. *Абрамович А. М.* Избранные труды. Минск : ЮрСпектр, 2019. 576 с. (Наследие права).
3. *Абрамович А. М.* Современное правопонимание и совершенствование гражданского, трудового и уголовного законодательства // Генетические закономерности права : сб. науч. тр., посвящ. 90-летию проф. С. Г. Дробязко / Белорус. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. Минск : Бизнесофсет, 2013. С. 31–41.
4. *Абрамович А. М.* Основные направления совершенствования гражданского и хозяйственного законодательства // Юстиция Беларуси. 2004. № 10. С. 11–14.
5. *Абрамович А. М.* Инвестиции для развития экономики Республики Беларусь // Вестн. Высш. Хоз. Суда. 2002. № 8/1. С. 26–30.
6. *Абрамович А. М.* Актуальные вопросы нормотворчества в Республике Беларусь // Актуальные вопросы нормотворчества в Республике Беларусь : материалы науч.-практ. конф., Минск, 21 дек. 2000 г. / Нац. центр законопроект. деятельности при Президенте Респ. Беларусь. Минск : НЦЗД, 2001. С. 6–15.

**РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА
В ТРУДАХ А. М. АБРАМОВИЧА**

Д. А. Кучугурный

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kuchuhurnij@bsu.by*

Раскрывается позиция А. М. Абрамовича на примере капитального строительства о роли, значении и связи производственной и социальной инфраструктуры для функционирования государства.

Ключевые слова: А. М. Абрамович; производственная и социальная инфраструктура; капитальное строительство.

**РОЛЯ І ЗНАЧЭННЕ ІНФРАСТРУКТУРЫ Ё ЗАБЕСПЯЧЭННІ
ФУНКЦЫЯНАВАННЯ ДЗЯРЖАВЫ Ё ПРАЦАХ
А. М. АБРАМОВІЧА**

Д. А. Кучугурны

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, kuchuhurnij@bsu.by*

Раскрываецца пазіцыя А. М. Абрамовіча на прыкладзе капітальнага будаўніцтва аб ролі, значэнні і сувязі вытворчай і сацыяльнай інфраструктуры для функцыянавання дзяржавы.

Ключавыя словы: А. М. Абрамовіч; вытворчая і сацыяльная інфраструктура; капітальнае будаўніцтва.

**THE ROLE AND IMPORTANCE OF INFRASTRUCTURE
IN ENSURING THE FUNCTIONING OF THE STATE
IN THE WORKS OF A. M. ABRAMOVICH**

D. A. Kuchugurni

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, kuchuhurnij@bsu.by*

This article reveals the role, importance and connection of industrial and social infrastructure for the functioning of the state. The dominant role of infrastructure in determining the degree of maturity of the region and its prospects is noted. The importance of infrastructure as a factor in the deployment of production forces is determined.

Keywords: industrial and social infrastructure; capital construction.

Важным направлением в творческой биографии А. М. Абрамовича являлось исследование вопросов капитального строительства, которое допустимо рассматривать через призму проблем инфраструктурного обеспечения функционирования государства. Так, по его мнению, цель капитального строительства состоит в наиболее полном и качественном удовлетворении потребностей экономики и культуры, а также отдельных граждан в зданиях и сооружениях [1, с. 45], а главной задачей строительства – дальнейшее наращивание производственного потенциала на новой технической основе, сооружение объектов коммунально-бытового и социально-культурного назначения [2, с. 39]. Последующий анализ трудов Профессора позволяет прийти к выводу, что под инфраструктурой он понимает совокупность разнообразных объектов как производственной, так и социальной инфраструктуры, неразрывно связанных друг с другом. Поэтому наличие соответствующих элементов социальной и производственной инфраструктуры, степень их нагруженности и износа является одним из критериев отнесения населенных пунктов к перспективным [2, с. 136], а в районах пионерного освоения роль инфраструктурных объектов вообще имеет первостепенное значение [2, с. 87].

Говоря о производственной инфраструктуре, мыслитель соглашается с мнением ведущих советских экономистов о том, что уровень ее развития и уровень развития межотраслевых производств определяет степень зрелости народнохозяйственного комплекса региона [2, с. 407; 3, с. 23]. При учете инфраструктуры как фактора размещения производительных сил одним из основных показателей нужно считать нагруженность ее элементов [2, с. 129], так как приближение инфраструктуры непосредственно к производству позволяет снизить себестоимость продукции и сократить издержки, что в свою очередь является положительным эффектом функционирования народного хозяйства [2, с. 174].

При этом производственная инфраструктура неразрывно связана с социальной, что требует учета в схемах и проектах районной планировки и генеральных планах сложившейся планировки и застройки городов уровня обеспечения их объектами социальной инфраструктуры, размещения основных мест приложения труда и массового отдыха, развития транспортных коммуникаций [2, с. 133].

А. М. Абрамович прямо указывал на проблему сбалансированного развития крупных и малых городов, отмечая, что размещение новых и расширение действующих предприятий, а также учреждений образования осуществляется главным образом в крупных городах, обуславливая дальнейшее увеличение численности их населения. С одной стороны, органы управления объективно заинтересованы в использовании сложившейся инфраструктуры и возможности привлечения квалифициро-

ванных кадров. Но с другой стороны, порождает дисбалансы в их развитии населенных пунктов [2, с. 405]. Решение данной проблемы заключается в полном и своевременном целевом финансировании создания оптимальной инфраструктуры. При этом ускоренное же комплексное развитие на территориях других регионов, т. е. имеющих надлежаще развитый производственный потенциал, требует преимущественного формирования в них производственной и социальной инфраструктуры. Такой подход к осуществлению региональной политики диктуется необходимостью более полного использования на современном этапе возможностей человеческого фактора во всех сферах, в том числе в сфере материального производства [2, с. 407].

Согласимся, что успешно работающие предприятия в новых условиях хозяйствования должны иметь возможность направлять часть средств из своих фондов на сооружение объектов социальной инфраструктуры [2, с. 424]. Указанное требует взаимодействия всех уровней государственной власти для устранения негативных последствий сооружения предприятий без достаточной производственной и социальной инфраструктуры и обеспечения комплексной застройки жилых районов и микрорайонов в местах дислоцирования таких предприятий [2, с. 85].

Рассуждая о необходимости теоретического осмысления многогранных проблем организации государственных программ, в том числе в области строительства, ученый приходит к выводу, что конечная цель при комплексном целевом программировании и управлении имеет новую функцию по сравнению с целями традиционных систем управления [2, с. 46]. Указанное позволяет выделять кроме производственной и социальной инфраструктуры также и институциональную инфраструктуру, представляющую собой систему разноуровневых органов управления.

Изложенное позволяет сделать вывод, что А. М. Абрамович изучал проблемы капитального строительства через призму инфраструктурной природы современного государства.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Государственное управление строительством в СССР / ред. В. И. Шабайлов. Минск : Наука и техника, 1982. 271 с.
2. *Абрамович А. М.* Избранные труды. Минск : ЮрСпектр, 2019. 576 с. (Наследие права).
3. Региональные проблемы развития инфраструктуры и межотраслевых производств / Л. Ф. Геращенко, Я. А. Гольбин, Е. Г. Киреенко [и др.] ; под ред. Л. В. Козловской. Минск : Наука и техника, 1985. 246 с.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

Д. А. Лагун

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Исследуются вопросы прецедентного характера различных видов судебной деятельности и их влияния на систему источников права.

Ключевые слова: прецедент; судебский опыт; судебная практика; источник права.

ПРЭЦЭДЭНТНЫ ХАРАКТАР СУДОВАЙ ДЗЕЙНАСЦІ Ў КАНТЭКСТЕ КРЫНІЦ ПРАВА

Д. А. Лагун

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Даследуюцца пытанні прэцэдэнтнага характару розных відаў судовай дзейнасці і іх уплыву на сістэму крыніц права.

Ключавыя словы: прэцэдэнт; судзейскі вопыт; судовая практыка; крыніца права.

PRECEDENTIAL NATURE OF JUDICIAL ACTIVITY IN THE CONTEXT OF SOURCES OF LAW

D. A. Lagun

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, theory-law@bsu.by*

The article examines issues of the precedent nature of various types of judicial activity and their impact on the system of sources of law.

Keywords: precedent; judicial experience; judicial practice; source of law.

Интеграционные процессы мироустройства, приобретшие характер тенденций мирового развития во второй половине XX в., побудили к сближению различные правовые семьи и усилили их взаимное влияние друг на друга. Конвергенции подверглись и основополагающие категории данных семей.

Эта закономерность не обошла и систему источников права каждой правовой семьи. Роль несвойственных (нетипичных) для данной правовой семьи источников права стала усиливаться за счет давления (влия-

ния) другой правовой семьи. Так, в романо-германской правовой семье повышенное внимание стало уделяться судебным прецедентам, а в англо-американской правовой семье постепенно возрастает значение статута (нормативного правового акта или закона в широком смысле).

Планомерным итогом развития такой тенденции становится возникновение и развитие научной дискуссии в юридической науке относительно статуса судебного прецедента в системе источников права континентальной правовой семьи и особенности его положения в правовой системе Республики Беларусь.

В целом результатом «вторжения» судебного прецедента в систему источников права романо-германской правовой семьи стало формирование трех основных подходов в юридической науке и практике европейских стран:

1) судебный прецедент – признанный юридической наукой и законодательной практикой источник права в отдельных странах и союзах континентальной правовой семьи [1; 2];

2) судебный прецедент – признаваемый (допускаемый) в юридической науке модифицированный (нетипичный) источник права в отдельных странах континентальной правовой семьи, однако законодательная практика отрицает статус источника права за судебным прецедентом (например, эта позиция отражается в трудах Г. А. Василевича [3, с. 186], Н. В. Сильченко [4, с. 94] и др.);

3) судебный прецедент – источник права англо-американской правовой семьи, не признаваемый таковым ни в юридической науке, ни в законодательной практике отдельных стран континентальной правовой семьи [5, с. 406–415; 6, с. 167].

Таким образом, можно утверждать, что в романо-германской правовой семье фактически признано приемлемым придание судебному прецеденту статуса источника права, а в отдельных правовых системах европейских государств и законодательная практика закрепляет данный статус.

В отношении Республики Беларусь дискуссия в юридической науке о природе и месте судебного прецедента в системе источников белорусского права продолжается, но законодательная практика дает отрицательный ответ, не признавая его таковым. Тем не менее этот вывод не исключает дальнейших исследований в рассматриваемой области и не отменяет необходимости изучения прецедентных свойств (характеристик) самой судебной деятельности.

Считаем, что фактическое непризнание судебного прецедента в качестве источника права в Республике Беларусь вовсе не означает отсутствия его влияния на систему источников права в государстве. Видится

важным проведение научного анализа тех видов судебных актов и деятельности, которые оказывают определенное воздействие на теорию источников права. К ним, на наш взгляд, можно отнести следующие:

- 1) судебский опыт;
- 2) аналогию судебных постановлений;
- 3) судебную практику;
- 4) обобщение судебной практики;
- 5) акты Конституционного Суда.

Судейский опыт можно оценивать как наработанный профессиональный опыт конкретного судьи по рассмотрению и разрешению определенной категории судебных дел, принимаемый во внимание этим судьей при рассмотрении подобных судебных дел в будущем.

В соответствии со ст. 297 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь [7] и ст. 350 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [8] суд обязан вынести (постановить) законное и обоснованное решение (приговор), которым судебное дело разрешается по существу. Процессуальным законодательством также устанавливается юридическая процедура проверки законности и обоснованности судебного постановления первой инстанции в апелляционной, кассационной и/или надзорной инстанции. Иными словами, постановление суда выносится судьей, в последующем может быть подтверждено вышестоящими инстанциями и приобретает законный и обоснованный характер. Судья, рассматривающий определенные категории дел, получив подтверждение законности и обоснованности своего постановления, очевидно, будет в будущем выносить подобные решения (приговоры) по подобным категориям дел, накапливая свой профессиональный опыт. С течением некоторого периода времени у судьи сформируется устойчивый судебский опыт по разрешению похожих дел, подкрепленный разработанными «шаблонами» судебных решений (приговоров), в которых он будет менять только фактические сведения участников судопроизводства и данные дела, оставляя без изменения нормативно-правовое обоснование (ссылки на нормативные правовые акты) разрешаемого судебного дела.

Фактически, благодаря судебскому опыту, предыдущие судебные постановления данного судьи, получившие подтверждение их законности и обоснованности (в том числе от вышестоящих инстанций), будут приобретать для него прецедентный характер, становясь негласными источниками права.

Накопленный судебский опыт вкупе с авторитетом самого судьи выступают ценным исследовательским материалом, изучение которого делается неотъемлемой обязанностью более молодого поколения судей.

Заимствование (перенятие) профессиональных знаний (судейского опыта) одного судьи в деятельности другого судьи становится причиной вынесения судебных решений (приговоров) второго судьи по аналогии с судебным разрешением дел первым судьей. Так формируется практика принятия судебных постановлений по аналогии. Накопленный судебский опыт одного судьи начинает влиять на разрешение судебных дел иными судьями, что еще более усиливает прецедентный характер судебной деятельности.

Следующим этапом по уяснению прецедентных свойств судебной деятельности выступает судебная практика. В отличие от судебского опыта и вынесения судебного постановления по аналогии судебная практика масштабируется за счет как территории своего формирования (уже не отдельный регион, а вся или большая часть государства), так и за счет количества субъектов (не отдельный судья или несколько судей, а весь или значительная часть судебского корпуса).

Судебная практика объективирует судебский опыт в разрезе различных категорий судебных дел в заданные временные рамки. Она вбирает в себя схемы разрешения судебных дел конкретной категории за отчетный период, что дает возможность уже широкому кругу субъектов ознакомиться с подходами, которые реализуются судебной властью при разрешении правовых споров.

Субъекты, профессионально вовлеченные в разрешение судебных дел (адвокаты, нотариусы, прокурорские работники, юристы, следователи) с необходимостью будут учитывать правовую позицию судебных органов в своей профессиональной деятельности. Таким образом, прецедентный характер судебной деятельности в виде судебной практики переносится в иную юридическую среду и воспринимается там как аргумент (обстоятельство), учитываемый при выборе той или иной модели поведения, но уже вне судопроизводства. Возникает очевидное влияние судебной практики на иные сферы юридической деятельности, что позволяет рассматривать не только нормативные правовые акты, но и судебную практику в качестве источника, воздействующего на сферу правореализации.

Обобщение судебной практики, выступая завершающей (но факультативной) стадией формирования прецедентного характера судебной деятельности, сводится к принятию Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь по отдельным вопросам судебной практики специального одноименного постановления. Обобщению подлежит не вся судебная практика, а только наиболее актуальная, важная, типичная, вызывающая особый интерес как у судебского корпуса, так и у иных субъектов права. И если судебский опыт, аналогия судебных постановлений, судебная

практика приобретали весомое значение прецедентного характера для субъектов на уровне психологического и социологического подходов к праву (и, соответственно, к теории источников права), то постановление Пленума Верховного Суда об обобщении судебной практики в соответствии со ст. 3 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» [9] признается нормативным правовым актом, имеющим общеобязательную силу. Как следствие, данные постановления формально утрачивают прецедентный характер, который заменяется его юридической силой, придавая ему полноценный нормативный статус источника права.

Вместе с тем отметим, что в юридической литературе не завершена дискуссия о правовой природе постановлений Пленума Верховного Суда об обобщении судебной практики. Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [10], впервые придав им статус нормативных правовых актов, выступил серьезным, но не окончательным аргументом в поддержку нормативной природы этих актов. Актуальной и вполне обоснованной с учетом принципа разделения властей и основной функции судебной власти выступает позиция об интерпретационной природе постановлений Пленума Верховного Суда об обобщении судебной практики.

Акты Конституционного Суда в вопросе прецедентного характера судебной деятельности стоят особым порядком в силу функционального предназначения данного Суда как органа конституционного контроля, разрешающего не классические судебные споры, в рамках которых исторически и сформировалось прецедентное право, а споры о самом праве, т. е. споры, порождающие конфликт между нормативными правовыми актами разного уровня. Специфика предмета конституционного судопроизводства предопределила характер принимаемых актов Конституционного Суда как нормативных, а не прецедентных. Иначе прецедент определял бы судьбу всего законодательства (кроме Конституции), тем самым превозносился бы над всеми нормативными правовыми актами, утверждая их вторичный статус, что не укладывается в юридическую историческую традицию романо-германской правовой семьи.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что непризнание судебного прецедента в качестве источника права в законодательной практике Республики Беларусь, относящейся к континентальной правовой семье, не исключает факта прецедентного характера самой судебной деятельности, изучение которой служит безусловным источником новых правовых знаний и влияет на формирование практики правоприменения, привлекая различных субъектов права к изучению отдельных судебных решений и судебной практики в целом.

Библиографические ссылки

1. *Гошин В. А.* Судебный прецедент как источник права Европейского союза // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 290–295.
2. *Гук П. А.* Судебный прецедент в национальных правовых системах: зарубежный и российский опыт // Современное право. 2006. № 1. С. 33–40.
3. *Василевич Г. А.* Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина. 2-е изд., доп. Минск : Тесей, 2008. 218 с.
4. *Сільчанка М. У.* Тэорыя крыніц беларускага права : манаграфія. Гродна : ГрДУ, 2012. – 253 с.
5. *Нерсисянц В. С.* Общая теория права и государства : учеб. для юридических вузов и факультетов. М. : Издательская группа НОРМА – ИНФРА•М, 1999. 552 с.
6. Общая теория права : учебник для юридических вузов / под общ. ред. А. С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1997. 384 с.
7. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 1999 г. № 238-З (с изменениями и дополнениями) // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З (с изменениями и дополнениями) // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
9. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З (с изменениями и дополнениями) // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
10. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 января 2000г. № 361-З (утратил силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

ПРАКТЫЧНЫ АСПЕКТ ДЗЕЙНАСЦІ А. М. АБРАМОВІЧА Ў ФАРМІРАВАННІ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПРАВА

А. Я. Ляскоў

*Адміністрацыя Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь,
вул. Карла Маркса, 38, 220016, Мінск, Беларусь*

Разглядаецца значэнне дзейнасці А. М. Абрамовіча ў фарміраванні нацыянальнага права на этапе станаўлення суверэннай Рэспублікі Беларусь. Адзначаецца яго ўдзел у канстытуцыйнай рэформе 1996 года, працэсах кадыфікацыі заканадаўства і планіравання падрыхтоўкі законапраектаў.

Ключавыя словы: А. М. Абрамовіч; канстытуцыйная рэформа; кадыфікацыя; планіраванне; праватворчасць.

ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. М. АБРАМОВИЧА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

А. Я. Лясков

*Администрация Президента Республики Беларусь,
ул. Карла Маркса, 38, 220016, Минск, Беларусь*

Рассматривается значение деятельности А. М. Абрамовича в формировании национального права на этапе становления суверенной Республики Беларусь. Отмечается его участие в конституционной реформе 1996 года, процессах кодификации законодательства и планирования подготовки законопроектов.

Ключевые слова: А. М. Абрамович; конституционная реформа; кодификация; планирование; правотворчество.

PRACTICAL ASPECT OF A. M. ABRAMOVICH'S ACTIVITIES IN THE FORMATION OF NATIONAL LAW

A. Ya. Lyaskov

*Administration of the President of the Republic of Belarus,
38 Karl Marx Street, Minsk 220016, Belarus*

The article examines the importance of A. M. Abramovich's activities in the formation of national law at the stage of the formation of the sovereign Republic of Belarus. His participation in the constitutional reform of 1996, the processes of codification of legislation and planning the preparation of draft laws is noted.

Keywords: A. M. Abramovich; constitutional reform; codification; planning, lawmaking.

Перыяд актыўнай дзейнасці доктара юрыдычных навук, прафесара Абрамовіча Аляксандра Міхайлавіча ў сферы фарміравання нацыянальнага права звязаны з этапам станаўлення суверэннай Рэспублікі Беларусь як дэмакратычнай прававой дзяржавы.

Пасля прыняцця Вярхоўным Саветам БССР 25 жніўня 1991 г. Закона «Аб наданні статуса канстытуцыйнага закона Дэкларацыі аб дзяржаўным суверэнітэце БССР» Беларусь юрыдычна аформіла сваю незалежнасць.

Перад новай дзяржавай і беларускім грамадствам адразу паўстаў шэраг сур'ёзных выклікаў. Адзін з іх – неадпаведнасць масіва савецкага заканадаўства ўзнікшым на той час сацыяльна-эканамічным і палітычным адносінам.

Для пераадолення гэтага выкліку неабходна было фактычна з нуля фарміраваць сістэму права суверэннай дзяржавы, у тым ліку ствараць уласнае нацыянальнае заканадаўства. Такая маштабная задача патрабавала мабілізацыі значных рэсурсаў – адміністрацыйных, навуковых, інтэлектуальных і іншых.

У гэтых умовах узрастала роля спецыялістаў-прафесіяналаў, правазнаўцаў, наватараў, якія маглі задаць тон у выкананні адказнай і складанай работы, выпрацаваць тэарэтычныя і канцэптуальныя асновы для фарміравання нацыянальнага заканадаўства.

Сярод такіх прафесіяналаў А. М. Абрамовіч вылучаўся асаблівай кампетэнтнасцю. Ён быў вядомым навукоўцам у вобласці права. Шмат гадоў працаваў у Акадэміі навук БССР, у тым ліку выконваў абавязкі намесніка аддзела інстытута філасофіі і права гэтай установы. У 1986 г. абараніў доктарскую дысертацыю па праблематыцы, звязанай з вывучэннем шэрагу аспектаў дзяржаўнага кіравання. З 1988 г. ўзначальваў кафедру тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У 1990 г. яму было прысвоена званне прафесара. У 1991 г. уваходзіў у склад Камітэта канстытуцыйнага нагляду СССР.

Можна сказаць, што ў перыяд станаўлення суверэннай Рэспублікі Беларусь А. М. Абрамовіч дасягнуў піка сваёй творчай формы, быў поўны сіл, ідэй і задумак. У далейшым яго жыццёвыя абставіны склаліся такім чынам, што ён змог рэалізаваць свае веды і вопыт у розных сферах дзяржаўнага будаўніцтва, у тым ліку ў праватворчасці.

З пункту гледжання ацэнкі таго, як развіваліся грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі ў той пераломны (і пераходны) перыяд, А. М. Абрамовіча можна ахарактарызаваць як чалавека сваёй эпохі. Да яго ў пэўным сэнсе можна аднесці словы Гегеля: «Великий человек эпохи тот, который может воплотить в словах волю своей эпохи, сказать

своей эпохе, в чем ее воля и выполнить ее. То, что он делает – сердцевина и суть его эпохи, через него проявляется эпоха» [5].

Прызначэнне 22 студзеня 1996 г. А. М. Абрамовіча на пасаду Намесніка Кіраўніка Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, адказнага ў тым ліку за фарміраванне прававога поля, дало магчымасць шырока разгарнуцца яго таленту.

Пра ролю Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ў нарматворчай (уключаючы праватворчую) дзейнасці ён пісаў наступнае: «Необходимо заметить, что координация нормотворческой деятельности является одной из основных и самых важных функций Администрации Президента Республики Беларусь... Нормотворческий процесс должен быть управляемым и координируемым. Это бесспорно. Поэтому именно на выполнение этой задачи направлена деятельность Администрации Президента Республики Беларусь. Можно с удовлетворением отметить, что в целях реализации координирующей функции Администрацией Президента Республики Беларусь сделано немало» [2, с. 555–556].

Вялікі асабісты ўклад унёс А. М. Абрамовіч у якасці Намесніка Кіраўніка Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь у канстытуцыйнае будаўніцтва, сістэматызацыю заканадаўства, ажыццяўленне планіравання заканадаўчай дзейнасці.

У асабістай размове А. М. Абрамовіч паведаміў аўтару артыкула, што самым важным сваім дасягненнем у сферы фарміравання нацыянальнага права ён лічыць удзел у падрыхтоўцы праекта абноўленай Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь у 1996 г.

Вядома, што прыняты ў 1994 г. Асноўны Закон меў значныя хібы прававога рэгулявання працэсу дзяржаўнага кіравання. Галоўнае – ён не забяспечваў неабходнага балансу інтарэсаў галін улады, не прадугледжваў дзейных інструментаў для пераадолення супярэчнасцяў паміж імі.

Асабліва востра праяўлялася непрапарцыянальная роля Парламента – Вярхоўнага Савета – у механізме ажыццяўлення дзяржаўнай улады, што аб'ектыўна прывяло да канфлікту заканадаўчага органа з Прэзідэнтам краіны.

А. М. Абрамовіч так ацэньваў склаўшуюся на той час сітуацыю: «Практыка дзяржаўнага будаўніцтва за мінулы перыяд выявіла сур'ёзныя недахопы ў канстытуцыйным забеспячэнні і функцыянаванні цэнтральных дзяржаўных органаў – як ва ўзаемадзеянні іх паміж сабой, так і ў рэалізацыі іх непасрэдных функцый. Агульнавядома, што Канстытуцыя 1994 г. хаця і дэкларавала прынцып падзелу ўладаў і ўвела пасаду прэзідэнта ў якасці кіраўніка дзяржавы і выканаўчай улады, тым не менш па зместу засталася канстытуцыйнай, заснаванай на монаўладдзе, пры якой усе іншыя органы фактычна і юрыдычна падкантрольны і падсправздачны адной уладзе, у нашым выпадку – савету дэпутатаў» [3, с. 564].

Адзіна магчымым выхадам з палітычнага крызісу 1996 г. было правядзенне канстытуцыйнай рэформы.

А. М. Абрамовіч знаходзіўся ў эпіцэнтры працэсаў, звязаных з падрыхтоўкай гэтай рэформы. Так, ён узначаліў створаную распараджэннем Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 17 верасня 1996 г. № 272рп камісію па абагульненню прапаноў і заўваг па праекту змяненняў і дапаўненняў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь. Менавіта гэтай камісіі было даручана прадставіць на разгляд Прэзідэнту Рэспублікі Беларусь канчатковы тэкст праекта змяненняў і дапаўненняў Асноўнага Закона для вынясення яго на рэспубліканскі рэферэндум.

На думку А. М. Абрамовіча, пры карэкціроўцы Канстытуцыі патрэбна было вырашыць складаныя тэарэтычныя пытанні, звязаныя з больш дакладным вызначэннем прававога статусу Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, а таксама кампетэнцыі і ўзаемадзеяння галін дзяржаўнай улады ў рэчышчы павышэння эфектыўнасці дзяржаўнага кіравання.

Пры падрыхтоўцы канстытуцыйных змяненняў улічваўся замежны вопыт. Асаблівая ўвага надавалася вывучэнню Канстытуцыі Французскай Рэспублікі 1958 г.

У выніку дзейнасці камісіі пад кіраўніцтвам А. М. Абрамовіча быў выпрацаваны такі праект новай рэдакцыі Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, які замацоўваў больш дасканалую сістэму органаў дзяржаўнай улады.

Так, прадугледжвалася, што Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь набудзе статус Кіраўніка дзяржавы, які не ўваходзіць ні ў адну з галін улады, але стане для іх вярхоўным арбітрам, будзе каардынаваць і накіроўваць іх дзейнасць у мэтах забяспячэння ўстойлівасці ўсяго дзяржаўнага механізма і прадухілення ўзнікнення супярэчнасцяў паміж галінамі ўлады.

У сваю чаргу, Парламент стане двухпалатным і будзе называцца Нацыянальны сход Рэспублікі Беларусь. Ніжняя палата – Палата прадстаўнікоў – задумвалася як орган, які фарміруецца на аснове ўсеагульнага прамога выбарчага права. Верхняя палата – Савет Рэспублікі – павінна была стаць палатай тэрытарыяльнага прадстаўніцтва.

Увядзенне двухпалатнага Парламента А. М. Абрамовіч лічыў адным з фактараў забяспячэння балансу ў дзейнасці органаў дзяржаўнай улады. Ён адзначаў: «Вядома, што кожная галіна ўлады як пэўны сацыяльны арганізм імкнецца расшырыць свае функцыі, а значыць, і паўнамоцтвы, гэта аб'ектыўны закон, ён дзейнічае і ў іншых краінах. Аднак у аптымальнаарганізаваных дзяржаўных сістэмах прадугледжваюцца механізмы, якія функцыянуюць як стрымліваючыя не толькі паміж рознымі галінамі ўлады, але і ўнутры саміх гэтых галін улад...

Такім стрымліваючым механізмам для заканадаўчай улады з'яўляецца двухпалатная сістэма... Пры двухпалатнай сістэме парламента,

з аднаго боку, існуе спецыяльны прафесіянальны орган, які працуе ў галіне законатворчасці – гэта палата дэпутатаў або прадстаўнікоў; другая палата выконвае, па-першае, экспертна-кантрольныя функцыі. Яна, напрыклад, на нейкі момант можа затрымаць увядзенне ў жыццё не адпавядаючым яго патрабаванням законаў... Другая палата магла б таксама вырашаць пытанні, звязаныя з прызначэннем вышэйшых службовых асоб дзяржавы ў межах кампетэнцыі парламента. І нарэшце, падкрэслім: другая палата адлюстроўвала б пераважна не столькі палітычныя, колькі рэгіянальныя інтарэсы, што вельмі важна для ўстойлівага функцыянавання дзяржаўнага механізма» [3, с. 565].

Пасля адабрэння на рэспубліканскім рэферэндуме 24 лістапада 1996 г. адпаведных канстытуцыйных змяненняў у Рэспубліцы Беларусь была сфарміравана збалансаваная і ўстойлівая сістэма органаў дзяржаўнай улады, якая, што называецца, вытрымала выпрабаванне часам і засведчыла сваю эфектыўнасць.

Яшчэ адзін важны аспект дзейнасці А. М. Абрамовіча ў фарміраванні нацыянальнага права – гэта, безумоўна, удзел у працэсе кадыфікацыі заканадаўства. Прычым больш правільна будзе сказаць, што ён быў натхняльнікам, ідэолагам і арганізатарам кадыфікацыі.

Для А. М. Абрамовіча кадыфікацыя была ключавым метадам удасканалення ўсяго заканадаўства і ўскосным фактарам забеспячэння стабільнасці сацыяльна-эканамічнай сістэмы дзяржавы. Ён адзначаў: «Совершенствование многочисленных текущих нормативных актов, регламентирующих отношения как в экономической, так и в социальной сферах, связано с принятием целого ряда других новых комплексных, или, как еще говорят, основополагающих, консолидированных актов – кодексов. Основная ставка на коренное улучшение социально-экономического и иного законодательства путем его систематизации и кодификации сделана именно в 1997 г. Это связано с тем, что только таким путем можно создать обновленную правовую основу прогрессивного социально-экономического развития в стране, что, безусловно, является главным» [1, с. 540].

Асаблівасцю кадыфікацыі ў той перыяд было тое, што гэты працэс насіў вельмі амбіцыйны характар, бо ставілася задача ў сціслыя тэрміны прыняць кадыфікаваныя акты, якія б забяспечвалі правое рэгуляванне розных сфер грамадскіх адносін.

Думаецца, што такая ўвага А. М. Абрамовіча да праблемы кадыфікацыі была абумоўлена ў першую чаргу тым, што ён бачыў нацыянальную сістэму заканадаўства як комплекс навукова абгрунтаваных і ўзаемазвязаных нарматыўных прававых актаў, аснову якога складаюць менавіта сістэматызаваныя заканадаўчыя акты – кодэксы.

Паказальна, што ў распрацаванай пад кіраўніцтвам А. М. Абрамовіча Канцэпцыі ўдасканалення заканадаўства Рэспублікі Беларусь, зацверджанай Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 10 красавіка 2002 г. № 205, прама сцвярджалася, што адметная рыса заканадаўства Рэспублікі Беларусь – імкненне да актыўнай кадыфікацыі і кансалідацыі нарматыўных прававых актаў, што сведчыць аб тэндэнцыі да сістэмнай нарматворчасці [6].

Гаварылася аб тым, што галіны заканадаўства базіруюцца на кодэксах, за выключэннем тых галін, кадыфікацыя каторых з’яўляецца цяжкай, альбо несвоечасовай. Такія галіны павінны засноўвацца на комплексе кансалідаваных законаў. Кодэкс або кансалідаваны закон вызначаюць асноўныя інстытуты канкрэтнай галіны заканадаўства, а таксама нарматыўныя прававыя акты, якія неабходна прыняць [6].

Бачыў А. М. Абрамовіч і іншыя перавагі кадыфікацыі. Сярод іх – забеспячэнне якасці і стабільнасці заканадаўства, павелічэнне рэгулятыўнай эфектыўнасці права, павышэнне прававой культуры грамадзян, для якіх кодэкс з’яўляецца больш даступным і зразумелым дакументам, чым іншыя нарматыўныя прававыя акты.

Выступаючы на адкрыцці навукова-практычнай канферэнцыі «Актуальныя пытанні нарматворчасці ў Рэспубліцы Беларусь» 21 снежня 2000 г. А. М. Абрамовіч асабліва выдзяліў дасягнутыя поспехі ў справе кадыфікацыі нацыянальнага заканадаўства. Ён падкрэсліў, што за перыяд з 1996 па 2000 г. ў Рэспубліцы Беларусь удалося прыняць рэкордную колькасць кадыфікаваных нарматыўных прававых актаў – 17, у той час як у Расійскай Федэрацыі было прынята 8 кодэксаў, у Кыргызстане – 14, у Казахстане – 7, у Малдове – 3, а на Ўкраіне – ніводнага кодэкса [4, с. 4].

Завяршыць работу па сістэматызацыі заканадаўства, на думку А. М. Абрамовіча, павінна была падрыхтоўка Зводу законаў Рэспублікі Беларусь, як поўнага сістэматызаванага корпуса заканадаўчых актаў Рэспублікі Беларусь [4, с. 4].

Вялікае значэнне мела практычная дзейнасць А. М. Абрамовіча і для планіравання працэсу падрыхтоўкі законапраектаў (з 1998 г. указамі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь зацвярджаюцца планы падрыхтоўкі законапраектаў у Рэспубліцы Беларусь), прыняцця шэрагу знакавых законаў: «Аб нарматыўных прававых актах Рэспублікі Беларусь», «Аб статусе дэпутата Палаты прадстаўнікоў, члена Савета Рэспублікі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь», «Аб грамадзянстве Рэспублікі Беларусь», «Аб адміністрацыйна-тэрытарыяльным уладкаванні Рэспублікі Беларусь», «Аб зваротах грамадзян» і іншых.

У цэлым можна сказаць, што многія канцэптуальныя ідэі А. М. Абрамовіча былі рэалізаваны ў працэсе фарміравання нацыянальнага права. Ён валодаў, сярод іншага, магутнай інтуіцыяй. І гэта ў тым ліку дапамагло А. М. Абрамовічу прымаць стратэгічныя, скіраваныя ў будучыню рашэнні, якія на многія гады прадвызначылі далейшыя шляхі развіцця нацыянальнага права.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Абрамович А. М.* Право и социально-экономическое развитие страны // Избр. тр. Минск, 2019. С. 534–546.
2. *Абрамович А. М.* Актуальные вопросы нормотворчества в Республике Беларусь // Избр. тр. Минск, 2019. С. 553–562.
3. *Абрамовіч А. М.* Канстытуцыйная рэформа: праблемы і перспектывы // Избр. тр. Минск, 2019. С. 563–568.
4. *Абрамович А. М.* Вступительное слово Заместителя Главы Администрации Президента Республики Беларусь А. М. Абрамовича на республиканской научно-практической конференции «Актуальные вопросы нормотворчества в Республике Беларусь» // Актуальные вопросы нормотворчества в Республике Беларусь : материалы науч.-практ. конф., 21 дек. 2000 г. / А. М. Абрамович [и др.] ; Нац. центр законопроект. деятельности при Президенте Респ. Беларусь. Минск, 2001. С. 3–5.
5. *Карр Э. Г.* Что такое история? Рассуждения о теории истории и роли историка [Электронный ресурс]. Алматы, 1997. 208 с. URL: https://vk.com/doc-23433303_467427014?hash=m4q9t6qst0bmOudZrBYvh2eOUNRaiO3Zy65liwrqXik (дата обращения: 06.08.2024).
6. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д. С. Маркевич

*Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова 1, корп 2, 220072, г. Минск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Анализируются конституционные положения, определяющие особенности цифровой трансформации экономики в Республике Беларусь. Показано, что в настоящее время сформирован ряд экономических и законодательных предпосылок для социально ориентированного ответственного развития цифровой экономики в Беларуси, а также сформулированы предложения по развитию конституционных положений в отраслевом законодательстве.

Ключевые слова: социальное государство; цифровая экономика; конституционное право; публичный интерес; правовое обеспечение цифрового развития.

КАНСТЫТУЦЫЙНЫЯ АСНОВЫ ЛІЧБАВАЙ ЭКАНОМІКІ Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

Д. С. Маркевіч

*Інстытут эканомікі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
вул. Сурганава 1, корп 2, 220072, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Аналізуюцца канстытуцыйныя палажэнні, якія вызначаюць асаблівасці лічбавай трансфармацыі эканомікі ў Рэспубліцы Беларусь. Паказана, што быў сфарміраваны шэраг эканамічных і заканадаўчых перадумоў для сацыяльна арыентаванага адказнага развіцця лічбавай эканомікі ў Беларусі, а таксама сфармуляваны прапановы па развіццю канстытуцыйных палажэнняў у галіновым заканадаўстве.

Ключавыя словы: сацыяльная дзяржава; лічбавая эканоміка; канстытуцыйнае права; публічны інтарэс; прававое забеспячэнне лічбавага развіцця.

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE DIGITAL ECONOMY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

D. S. Markevich

*Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
1, building 2 Surganova Street, Minsk 220072, Belarus, theory-law@bsu.by*

The article is devoted to the analysis of constitutional provisions that determine the features of the digital transformation of the economy in the Republic of Belarus. It is shown that at present a number of economic and legislative prerequisites have been formed for the socially oriented responsible development of the digital economy in Belarus, and proposals have been formulated for the development of constitutional provisions in sectoral legislation.

Keywords: social state; digital economy; constitutional law; public interest; legal support for digital development.

Безусловной идеологической и правовой основой для развития всех сфер общественной жизни, в том числе экономической, выступает Конституция, которая формирует правовые механизмы взаимодействия человека, общества и государства, определяет место и роль государства в системе экономических отношений, закрепляет правовой режим различных видов собственности, устанавливает необходимый объем прав и обязанностей в экономической сфере, а также определяет иные ключевые аспекты регулирования экономики. В то же время в условиях тектонических сдвигов в мировой экономической системе, цифровизации национальных экономик и иных внешних вызовов, которые претерпевает общество в силу объективных законов развития, формируются тенденции к трансформации отдельных императивов и дополнения текста Основного Закона новыми положениями. Названное справедливо и для Республики Беларусь, что нашло свое отражение в изменениях Конституции, принятых на республиканском референдуме, проведенном в 2022 г. И несмотря на то, что нормы, направленные на регулирование цифровой экономики, прямого закрепления не получили, необходимо констатировать наличие следующих конституционных императивов, определяющих особенности законодательного обеспечения развития цифровой экономики в Беларуси.

1. Модель социального государства на современном этапе инновационной экономики. При описании данной модели авторы научно-практического комментария к Конституции Республики Беларусь указывают на происходящую трансформацию данного концепта. Она выражается в том, что государство помимо обычного для социального государства набора форм и способов реализации экономической и иных функций, выполняет задачи по обеспечению социального партнерства, социальной ответственности [1, с. 14], нормы о которой были включены в ч. 3 ст. 21 Основного Закона.

При этом рассматриваемые положения не должны трактоваться как идея устранения государства от решения важнейших задач социального развития, наоборот, в таких условиях лишь возрастает необходимость обеспечения социальной справедливости на основе баланса элитарных и эгалитарных начал, происходит повышение роли государства при регулировании экономических отношений, о чем справедливо отмечал доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь А. М. Абрамович [2, с. 527–528, 530].

Идея о трансформации экономической природы и роли государства содержательно рассматривается также в рамках экономической науки,

в особенности политической экономии, которая находится во взаимосвязи с положениями конституционной экономики, экономического анализа права. Так, некоторые авторы, анализируя экономические отношения в условиях позднего капитализма, указывают на замещение ключевых категорий рыночной экономики (конкуренция, экономическая эффективность) пострыночными (общественное благо, социальный прогресс, социальная справедливость, экологическая стабильность) и объективное становление государства как политической формы экономического актора (то есть общество выступает экономическим актором, а государство его формой) [3, с. 11–13]. Оптимальной моделью в таких условиях исследователи видят государство развития, которое является результатом эволюции идеи патернализма в рамках моделей регулирующего, социального государства [4, с. 51–57]. Оно отличается новым уровнем социального компромисса, основанного на широких интересах основной массы населения, требующего от государства осуществления стратегии общественного развития [5, с. 9–10]. Для этого предлагается, чтобы в государстве были сформированы организационные и правовые основы регулирования производственной деятельности и рыночного обмена, стимулирования индустриальной экономики и обеспечения индустриального протекционизма, поддержки инновационного предпринимательства, противодействия ограничению конкуренции, справедливого распределения ренты, обеспечения инфраструктуры и привлечения инвестиций и др., при одновременном свертывании командно-бюрократического регулирования [4, с. 58–59].

Полагаем, что в Республике Беларусь на конституционном уровне созданы необходимые законодательные предпосылки для обеспечения реализации рассматриваемой модели, существуют и благоприятные экономические условия (низкий уровень социального неравенства, высокий уровень доступности услуг здравоохранения, образования и др.), что означает необходимость надлежащего законодательного обеспечения развития государства на уровне отраслевого законодательства, а также определения места и роли цифровых технологий при его функционировании.

2. Принцип социальной ответственности каждого, закрепленный в Конституции в результате реформы 2022 г. Данный принцип распространяется и на субъектов цифровой экономики (физических и юридических лиц, в том числе незарегистрированных в национальной юрисдикции), деятельность которых может быть не урегулирована законодательно, при этом презюмируется их обязанность об ответственном поведении. В его развитие целесообразно предложить закрепление специальных отраслевых принципов, направленных на реализацию ответст-

венного поведения субъектов в цифровой среде, в особенности операторов цифровых платформ. Последние представляют собой высокотехнологичные компании, способные формулировать и обеспечивать правила поведения для иных участников цифрового взаимодействия. К специальным отраслевым принципам можно отнести принципы прозрачности, доступности, ответственной разработки и использования цифровых технологий, проектируемой безопасности, формальное закрепление и реализация которых позволит создать устойчивые правовые механизмы обеспечения безопасности и доверия в цифровой среде. Кроме того, необходимо установить запреты, касающиеся ограничения правосубъектности пользователей цифровой платформы, ограничения автономии воли иных участников, которые реализуются через пользовательские соглашения, правила сообщества, регламенты, издаваемые оператором цифровой платформы. Как отмечалось ранее, для решения данных проблем может быть предложена разработка и принятие специального акта, устанавливающего базовые требования, предъявляемые к пользовательским соглашениям [6, с. 335].

В то же время, учитывая характер общественных отношений в рамках инновационной деятельности, в особенности в области цифровых инноваций, необходимо законодательное обеспечение стимулирования социальной ответственности корпораций в случаях, когда применение императивного регулирования не является оправданным. В частности, заслуживает поддержки создание механизмов сотрудничества субъектов цифровой экономики с государственными органами посредством заключения соглашений (например, в Беларуси в 2016 г. Министерство по налогам и сборам и компания Uber B.V. заключили соглашение о сотрудничестве и взаимодействии в борьбе с нелегальным оказанием услуг по перевозке пассажиров [7]), принятия кодексов и руководящих принципов деятельности, публикации отчетов о функционировании и выполнении законных требований государственных органов со стороны операторов цифровых платформ.

3. Требование по осуществлению регулирования экономической деятельности в интересах человека и общества. Так, вопрос определения правообразующих интересов при регулировании новых общественных отношений либо тех, что подвергаются трансформации в силу их технологизации, приобретает особую актуальность, поскольку возникает множество конфликтов интересов различных субъектов. К примеру, потребители (пользователи) нуждаются в доступных технологиях и ресурсах, обеспечении доверия и совместимости технологических решений, в то время как высокотехнологичные корпорации стремятся к снижению издержек, созданию конкурентоспособных продуктов и сервисов, в том

числе посредством недобросовестных, а иногда неправомерных практик. В основе их интереса лежит стремление к максимизации прибыли, что возможно только через привлечение все новых пользователей, а также расширение числа товаров и услуг, которые можно реализовать привлеченным клиентам. В этом контексте заслуживает одобрения предлагаемая А. А. Ивановым и А. А. Волосом идея конституционного права на цифровизацию или отказа от нее, которое может быть выведено из содержания уже признанных на конституционном уровне прав и свобод [8, с. 34–45].

Таким образом, вследствие нарушения действовавшего баланса интересов в связи с развитием цифровых технологий необходимы новые инструменты обеспечения защиты наиболее уязвимых сторон цифрового взаимодействия. В таких условиях только сильное государство способно обеспечить эффективную защиту и адекватную юридическую институционализацию публичных интересов в субъективные права и юридические обязанности, а также их дальнейшую реализацию.

4. Закрепление в ч. 2 ст. 28 Конституции за государством статуса субъекта, создающего условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. С одной стороны, названная норма является отправной точкой в реализации государственной политики в отношении одного из ключевых ресурсов цифровой экономики – данных, с другой – в тексте рассматриваемых поправок говорится лишь об одной из разновидностей данных, а именно персональных данных. Согласимся с А. И. Савельевым в том, что данные выступают важнейшим фактором производства в цифровой экономике и нуждаются в соответствующей законодательной «прописке» [9, с. 61–62]. При этом в поправках Конституции Российской Федерации данные как объект правового регулирования получили определенное признание в п. «м» ст. 71 в части отнесения их к предметам федерального ведения [10, с. 96].

Полагаем, что для Республики Беларусь принципиальным является закрепление и последовательная реализация права субъекта персональных данных на управление своими данными, а также использование данных как общедоступного ресурса в интересах белорусского общества.

Таким образом, в рамках конституционных императивов социально ориентированного государства, направленного на регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества, при создании условий для защиты персональных данных, а также реализации принципа социальной ответственности каждого и др. видится дальнейшее развитие нормативной правовой базы по обеспечению цифровой трансформации экономики. Их содержание должно найти свое отражение как в системе специальных принципов правового регулирования цифровой

экономики, так и в ключевых нормативных правовых актах по вопросам цифрового развития Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. комментарий / под общ. ред. П. П. Миклашевича, О. И. Чуприс, Г. А. Василевича. Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. 544 с.
2. *Абрамович А. М.* Избранные труды. Минск : ЮрСпектр, 2019. 576 с.
3. *Бузгалин А. В.* Государство в экономике XXI в.: политико-экономическая интерпретация // Экономическая наука современной России. 2019. № 86(3). С. 7–18.
4. На пути к новой экономической теории государства / О. И. Ананьин [и др.] ; под ред. А. Я. Рубинштейна. М. : ИЭ РАН, 2018. 109 с.
5. *Колганов А. И.* Экономическая функция государственного патернализма: производство опекаемых благ или инвестиции в развитие? // Общество и экономика. 2022. № 10. С. 5–16.
6. *Маркевич Д. С.* Техничко-экономическая природа цифровых платформ как детерминанта государственно-правового регулирования общественных отношений в сфере цифровой экономики // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сб. науч. ст. / редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2022. Вып. 4. С. 331–338.
7. Министерство по налогам и сборам Беларуси и Uber подписали соглашение о сотрудничестве и взаимодействии [Электронный ресурс] // НЦЗПИ, 2003–2024. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2016/november/21882/> (дата обращения: 02.05.2024).
8. *Волос А. А., Иванов А. А.* Цифровизация и Конституция // Закон. 2022. № 12. С. 34–45.
9. *Савельев А. И.* Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20, № 1. С. 60–92.
10. *Алферова Е. В.* «Цифровые» новеллы Конституции Российской Федерации: взгляд ученых-юристов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2023. № 4. С. 92–108.

НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Н. Матарас

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Анализируется проблема исторического исследования формальных норм права. Предлагается междисциплинарная методология, где при исследовании правовых текстов учитываются данные исторической социологии права в параметрах времени функционирования правовой системы.

Ключевые слова: норма права; историческая социология; правовая действительность; правоотношения.

НАВУКОВЫЯ АСПЕКТЫ ГІСТОРЫКА-ПРАВАВОГА ДАСЛЕДАВАННЯ

В. Н. Матарас

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Аналізуецца праблема гістарычнага даследавання фармальных норм права. Прапануецца междысцыплінарная метадалогія, дзе пры даследаванні прававых тэкстаў улічваюцца дадзеныя гістарычнай сацыялогіі права ў параметрах часу функцынавання прававой сістэмы.

Ключавыя словы: норма права; гістарычная сацыялогія; прававая рэчаіснасць; праваадносіны.

SCIENTIFIC ASPECTS OF HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

V. N. Mataras

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, theory-law@bsu.by*

The article analyzes the problem of the history of the study of legal norms. An interdisciplinary methodology is proposed, where, when studying historical legal texts, data from the sociology of law in the historical parameters of the functioning of the legal system are taken into account.

Keywords: legal norm; historical sociology; legal reality; legal relations.

Историки права не всегда могут понять существовавшую в историческом прошлом систему правопорядка, если объект их изучения – создание ума и рук человеческих – институты и формальные нормы исто-

рического правопорядка и его правовой системы, которые могут дойти до нас, а могут и не дойти, т. е. либо сохраниться, либо не сохраниться. Но даже если они сохранились, применение только филологического метода, на основе анализа формальных норм, при исследовании существовавшего когда-то правопорядка приводит к упрощениям.

Формальные нормы права, отслоенные от среды своего функционирования, имеют свою внутреннюю логику. Они могут нести в себе эмпирическую составляющую, а могут и не быть таковыми и нуждаются в проверке и перепроверке. Следовательно, мы видим только часть системы правопорядка в виде записанных и сохранившихся формальных норм, но не всегда понимаем, почему они были приняты и функционировали ли эти нормы вообще в том виде, в котором записаны в тексте.

«Проблемы истории находятся не между художником и картиной, равно как и не между картиной и пейзажем, но внутри самого пейзажа, в сердце самой жизни», – утверждал Ф. Бродель [1, с. 17]. Это и есть, по нашему мнению, идеал научной работы. Взгляд историка права должен быть «направлен прежде всего не на юридические отвлечения и формулировки минувшего времени, а на его действительную правовую и нравственную жизнь во всей ее целостности» [2, с. 71].

Большая часть исследований истории римского права содержит только историю догмы права, т. е. законодательства и, следовательно, предполагает филологическое исследование дошедших до нас правовых норм, а не исследование существовавшей системы правопорядка как многоаспектного феномена. При таком подходе догма права лишается своей связи с фактическим миром правоотношений коллектива, в котором она находила условия своего функционирования. К этому присоединяется еще и тот факт, что источники, из которых историк права должен черпать свой материал, являлись догматическими работами для своего времени. Причина в том, что римские правоведы создавали для своих современников, а не для будущих историков права, и поэтому для них не было необходимости описывать римскую систему отношений. Для них она была и так понятна, а для нас это и есть неясный и искомый срез знаний, определяющий основания функционирования той или иной формальной нормы права.

Кроме того, функционирующие формальные нормы, принятые в определенном временном состоянии параметров системы правопорядка, объективно наполняются с течением времени новым содержанием или становятся статично умозрительными, перестают быть эмпирическими фактами и вне учета этой связи становятся спекуляцией слов.

Что мы видим, кроме текстов норм? Это узкий предмет, границы которого не выходят за рамки текста. Историю фиксации правовых норм

как цепочки, схватывающей определенные состояния коллектива, мы наблюдаем постоянно. Следовательно, история принятых и записанных норм права – это граница социальной формы организации через фиксацию формальных норм права. Историк права всегда видит явление формальных норм, но не соотношение между ними; видит внешнюю форму, но не этническое основание в виде стереотипов поведения и социокультурных доминант; он наблюдает элементы системы правопорядка, а не системные связи, которые, как известно, составляют основу любого правопорядка, особенно при его трансформациях.

«Наши профессора, переписывая чужие термины, стали глоссаторами поневоле. Что скажет норма? Вот основной вопрос, который они себе задают» [3, с. 174]. «Будучи как-бы раздавлены тяжестью закона, они опутывают толкование сетями буквы закона, поклоняясь тексту кодекса так, как обычно поклоняются священным текстам» [3, с. 173], превращая научное исследование в философскую веру. Тогда исследование из живого исторического понимания творческих процессов в истории права уходит в спекуляцию слов и политизированное понимание истории, а истолкование путем философии не дает ответа на вопросы и не приносит научного результата.

Взгляд историка права не должен направляться лишь на формальные нормы права прошлого – историко-филологический метод не всегда дает ответы на поставленные вопросы. В анализ научного исследования должна входить действительная правовая и функциональная составляющая таких правовых норм, во всей их целостности и взаимосвязи, и только тогда они не будут изолированными для научного анализа.

Цитирование формального источника права также не заслуживает полного доверия, пусть даже аутентичного. Только сводка достаточно большого числа эмпирических фактов, систематизированных по определенным критериям обобщений позволяет начать поиски логики нормогенеза, а понимание этих процессов невозможно без анализа системных связей феномена правопорядка. Исследование связей дает возможность проникнуть в глубину исторических закономерностей системы правопорядка и его правовой системы.

Этот подход создает предпосылки для синтеза теоретической истории правопорядка и исторической социологии права в том объеме, который устанавливает причинно-следственные связи для верификаций закономерностей в проявлении нормотворчества. Задача исторической социологии права – не создавать предмет по своему усмотрению, а лишь «воссоздать прошлое, стараясь (в идеале – *авт.*) приблизить описание и анализ к тому, что имело место в действительности» [4, с. 12].

Библиографические ссылки

1. *Бродель Ф.* Очерки истории : пер. с фр. 2-е изд. М. : Академический проект, 2017. 223 с.
2. *Иеринг Р.* (Рудольф фон). Избранные труды. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2006. Т. 2. 547 с.
3. *Кабрияк Р.* Кодификации / пер. с фр. и вступительная статья Л. В. Головки. М. : Статут, 2007. 476 с.
4. *Гулыга А. В.* История как наука // Философские проблемы исторической науки / ред. А. В. Гулыга, Ю. А. Левада ; Академия наук СССР, Институт философии. М. : Наука, 1969. С. 7–50.

О КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫМ ФОРМАМ

С. А. Минич

*Институт правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассматривается классификация юридических лиц по организационно-правовым формам, в которых они могут создаваться и функционировать. Проводится краткий сравнительный анализ сформированных и законодательно утвержденных перечней организационно-правовых форм юридических лиц в государствах – членах ЕАЭС. Особое внимание уделено корневому уровню деления юридических лиц по организационно-правовым формам как общему началу для всех последующих этапов деления.

Ключевые слова: законодательство; юридические лица; организационно-правовая форма; классификация; система.

АБ КЛАСІФІКАЦЫІ ЮРЫДЫЧНЫХ АСОБ ПА АРГАНІЗАЦЫЙНА-ПРАВОВЫХ ФОРМАХ

С. А. Мініч

*Інстытут прававых даследаванняў Нацыянальнага цэнтра
заканадаўства і прававых даследаванняў Рэспублікі Беларусь,
вул. Берсана, 1а, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Разглядаецца класіфікацыя юрыдычных асоб па арганізацыйна-прававых формах, у якіх яны могуць стварацца і функцыянаваць. Проводзіцца кароткі параўнальны аналіз сфарміраваных і заканадаўча зацверджаных пералікаў арганізацыйна-прававых форм юрыдычных асоб у дзяржавах – членах ЕАЭС. Адмысловая ўвага нададзена каранёваму ўзроўню дзялення юрыдычных асоб па арганізацыйна-прававых формах як агульнаму пачатку для ўсіх наступных этапаў дзялення.

Ключавыя словы: заканадаўства; юрыдычныя асобы; арганізацыйна-прававая форма; класіфікацыя; сістэма.

ON THE CLASSIFICATION OF LEGAL ENTITIES BY ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS

S. A. Minich

*Institute of Legal Research of the National Center for Legislation
and Legal Research of the Republic of Belarus,
1a Berson Street, Minsk 220030, Belarus*

The study examines the classification of legal entities according to the organizational and legal forms in which they can be created and operate. A brief comparative analysis of the generated and legally approved lists of organizational and legal forms of legal entities in the member states of the EAEU is carried out. Particular attention is paid to the root level of division of legal entities by organizational and legal forms as a common basis for all subsequent stages of division.

Keywords: legislation; legal entities; organizational and legal form; classification; system.

Все юридические лица объединены в определенную целостность, которую принято называть системой юридических лиц. Отметим, что системный подход является преобладающим во многих областях науки, так как позволяет комплексно рассмотреть все составляющие элементы исследуемого объекта, установить связи между ними, что обеспечивает объединение полученных знаний о данном объекте в определенное наиболее полное по своему объему содержание.

Ключевая причина, по которой следует рассматривать все элементы системы юридических лиц в неразрывном единстве, обусловлена в первую очередь тем, что «ценностную сущность каждый элемент может проявить только во взаимосвязи с другими элементами» [1, с. 40]. Именно взаимосвязь структурных элементов друг с другом определяет динамику каждого из них и придает подвижный характер всей системе, одновременно демонстрируя ее целостность. Кроме того, единство всех составных элементов исследуемого объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций составляет содержание изучаемого целого, а его внутренняя организация, структура (иерархический порядок) – представляет собой форму выражения содержания, способа его существования. И эти две стороны единого целого (в нашем случае это совокупность юридических лиц) одинаково важны в изучении, так как развитие любой системы со временем неизбежно приводит к несоответствию содержания и формы, что в конечном счете «разрешается “сбрасыванием” старой и возникновением новой формы, адекватной новому содержанию» [2, с. 20]. Данная закономерность не исключает возможности изменения действующих подходов к построению системы юридических лиц, приводит к пересмотру оснований классификации юридических лиц в целях выстраивания достаточного количества классификационных ступеней исследуемого множества, их четкой последовательности и заполненности элементами, которые можно расположить на одном уровне, предполагает переоценку набора сущностных признаков отдельных конструкций юридического лица, а также понимания необходимости создания новых моделей юридических лиц с учетом реальных потребностей гражданского оборота.

Для каждой системы характерно наличие единого основания классификации элементов. Группирование юридических лиц на определенные однородные классы может осуществляться по различным критериям, однако «в соответствии с правилами формальной логики, деление должно производиться только по одному основанию. В противном случае произойдет перекрещивание объемов понятий, выражающих отдельные элементы деления» [3, с. 44]. В правовой доктрине и на законодательном уровне в связи с многогранностью исследуемого множества предложен ряд классификаций по тем или иным признакам. В рамках данного исследования мы остановились на систематизации юридических лиц по организационно-правовым формам.

Определенную сложность в контексте обозначенной проблематики вызывает отсутствие в национальном законодательстве легальной дефиниции категории организационно-правовая форма юридического лица (далее – ОПФ ЮЛ). Это порождает некоторую правовую неопределенность при разграничении юридических лиц по организационно-правовым формам, демонстрирует неоднозначность позиций относительно выделения ключевых признаков, присущих каждой конкретной классификационной модели юридического лица в многоуровневой системе всех ОПФ ЮЛ. Важность выработки универсального определения ОПФ ЮЛ, выступающего базовым ориентиром для формирования оптимального перечня ОПФ ЮЛ, обусловлена также тем, что «в понятии отражается совокупность существенных признаков, т. е. таких, каждый из которых, взятый отдельно, необходим, а все вместе взятые достаточны, чтобы с их помощью можно было отличить (выделить) данный предмет от всех остальных» [4, с. 67].

В Республике Беларусь, как и в иных государствах – членах ЕАЭС, перечень организационно-правовых форм, в которых могут создаваться и функционировать юридические лица, определен законодательно и носит закрытый характер. В Классификаторе организационно-правовых форм хозяйствования в рамках Евразийского экономического союза, утвержденном Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 апреля 2019 г. № 54 (далее – классификатор ОПФ ЕАЭС), представлен обобщенный перечень организационно-правовых форм широкого спектра субъектов экономических отношений, сформированный по результатам анализа национальных классификаторов и законодательства каждого из государств-членов. Значительную часть данного перечня занимают ОПФ ЮЛ. Несмотря на то, что в большинстве государств – членов ЕАЭС сохраняется традиционная классификация ОПФ ЮЛ: ОПФ ЮЛ, являющихся коммерческими организациями, и ОПФ ЮЛ, являющихся некоммерческими организациями, однако можно отметить и отличия

тельные особенности при выделении тех или иных правовых конструкций, составляющих наиболее крупные классификационные блоки.

Так, в Республике Армения к ОПФ ЮЛ предельно высокого иерархического уровня отнесены: коммерческая организация, некоммерческая организация и кооператив. В Республике Казахстан достаточно большой перечень моделей ОПФ ЮЛ, занимающих в общей системе правовых конструкций равнозначную позицию, т. е. находящихся на одной ступени деления всего множества юридических лиц на отдельные подмножества, однако градация ОПФ ЮЛ на более масштабные группы в классификаторе ОПФ ЕАЭС не представлена. В свою очередь анализ государственного классификатора и положений Гражданского кодекса Республики Казахстан показал, что исходная классификационная ступень системы юридических лиц включает более объемные элементы, на ней располагаются ОПФ ЮЛ, являющиеся коммерческими организациями и ОПФ ЮЛ, являющиеся некоммерческими организациями. Для Кыргызской Республики и Республики Беларусь характерно схожее деление юридических лиц по организационно-правовым формам. Первое звено многоуровневой системы ОПФ ЮЛ занимают два больших блока: коммерческие и некоммерческие организации. В Российской Федерации первичный классификационный уровень составляют следующие ОПФ ЮЛ: коммерческие корпоративные организации; некоммерческие корпоративные организации; коммерческие унитарные организации; некоммерческие унитарные организации.

От классификации юридических лиц по организационно-правовым формам (ОПФ ЮЛ – это основание деления юридических лиц), каждая из которых представляет собой имеющий собственное наименование набор существенных гражданско-правовых признаков юридического лица, которые четко определены законодателем, что дает возможность проводить отграничение одной ОПФ ЮЛ от другой [5, с. 154], следует отличать, к примеру, классификацию юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, осуществляемую на основе одновременного сочетания двух критериев – цели (критерия прибыльности) и возможности (запрета) распределения прибыли [3, с. 44] (т. е. в основании данного деления лежат сразу два признака, что расходится с требованием наличия единого основания классификации для построения четкой упорядоченной системы любого исследуемого множества).

Границы представленной работы не позволяют подробно проанализировать полный перечень всех ОПФ ЮЛ, представленных в классификаторе ОПФ ЕАЭС, раскрыть последовательность их группирования и соподчиненность в многоуровневой системе ОПФ ЮЛ. В исследовании отражен лишь корневой уровень разграничения юридических лиц по ор-

ганизационно-правовым формам, так как любая иерархия должна иметь начало, общее для всех последующих этапов деления. И как показывает научный поиск, первая ступень (уровень) деления рассматриваемого множества имеет от страны к стране определенные отличия. Особая многогранность ОПФ ЮЛ начального классификационного звена присуща российскому законодательству. Кроме того, законодатель Российской Федерации допускает наибольшее количество классификационных ступеней ОПФ ЮЛ. С одной стороны, это указывает на высокую степень емкости системы ОПФ ЮЛ, ее широкую разветвленность и достаточную полноту, обеспечивающую группировку всего множества юридических лиц по соответствующим организационно-правовым формам. С другой стороны, вызывает вопрос: не является ли данная многоуровневая система ОПФ ЮЛ избыточной и соответствует ли она современным запросам социально-экономического развития страны?

Резюмируя сказанное, отметим, что классификация юридических лиц из-за постоянного развития и совершенствования законодательства о юридических лицах подвержена изменениям и никогда не будет считаться окончательно завершенной. В поисках универсальных подходов к построению максимально точной и целостной системы юридических лиц в первую очередь важен правильный выбор единого основания их классификации.

Библиографические ссылки

1. *Васильев В. В.* Понятие «структурный элемент системы гражданского права»: от философского знания к правовой сущности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4-1(18). С. 39–41.
2. *Горелов Н. А., Круглов Д. В.* Методология научных исследований : учебник. 1-е изд. М. : Юрайт, 2016. 290 с.
3. *Серова О. А.* Теоретико-методологические и практические проблемы классификации юридических лиц современного гражданского права России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / СаГА. М., 2011. 67 с.
4. *Гетманова А. Д.* Логика: углубленный курс : учеб. пособие. М. : Кнорус, 2007. 191 с.
5. *Гутников О. В.* Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 2. С. 128–163.

КРИТЕРИИ АДАПТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВА В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н. С. Минько

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассматриваются аспекты адаптации права и законодательства в интеграционных образованиях с учетом критериев правовой и конституционно-правовой эффективности. Отмечается, что экономическое объединение на дальнейших этапах своего развития трансформируется в объединение политическое, что приводит к комплексным преобразованиям в правовой и институциональной системах. Акцентируется внимание на том обстоятельстве, что приоритет конституционного правопорядка должен являться определяющим для формирования интеграционного правопорядка с учетом определенных условий.

Ключевые слова: адаптивность; конституционно-правовая эффективность; приоритет конституционного правопорядка; евразийское пространство.

КРЫТЭРЫІ АДАПТЫЎНАСЦІ ЗАКАНАДАЎСТВА І ПРАВА Ў ПРАЦЭСЕ ІНТЭГРАЦЫЙНАГА РАЗВІЦЦЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАВЫ НА ЕЎРАЗІЙСКАЙ ПРАСТОРА

Н. С. Мінько

*Нацыянальны цэнтр заканадаўства і прававых даследаванняў
Рэспублікі Беларусь, вул. Берсана, 1а, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Разглядаюцца аспекты адаптацыі права і заканадаўства ў інтэграцыйных утварэннях з улікам крытэрыяў прававой і канстытуцыйна-прававой эфектыўнасці. Адзначаецца, што эканамічнае аб'яднанне на далейшых этапах свайго развіцця трансфармуецца ў аб'яднанне палітычнае, што прыводзіць да комплексных пераўтварэнняў у прававой і інстытуцыйнай сістэмах. Акцэнтуюцца ўвага, што прыярытэт канстытуцыйнага правапарадку павінен з'яўляцца вызначальным для фарміравання інтэграцыйнага правапарадку з улікам пэўных умоў.

Ключавыя словы: адаптыўнасць; канстытуцыйна-прававая эфектыўнасць; прыярытэт канстытуцыйнага правапарадку; еўразійская прастора.

CRITERIA FOR ADAPTABILITY OF LEGISLATION AND LAW IN THE PROCESS OF INTEGRATION DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN STATE IN THE EURASIAN SPACE

N. S. Minko

*National Center for Legislation and Legal Research of the Republic
of Belarus, 1a Berson Street, Minsk 220030, Belarus*

The article examines aspects of adaptation of law and legislation in integration entities, taking into account the criteria of legal and constitutional effectiveness. It is noted that the economic association at further stages of its development is transformed into a political association, which leads to complex transformations in the legal and institutional systems. Attention is focused on the fact that the priority of the constitutional legal order should be decisive for the formation of an integration legal order, taking into account certain conditions.

Keywords: adaptability; constitutional and legal effectiveness; priority of constitutional law and order; Eurasian space.

Адаптация права и законодательства в интеграционных образованиях предполагает процесс проникновения юридического опыта таких образований в национальную правовую систему. Так, А. В. Егоров утверждает, что «интеграционный вектор развития современной Беларуси складывается не только как важный фактор особенностей дальнейшего интеграционного развития белорусского государства, но и как определенный катализатор объединительных процессов евро-азиатского характера» [1, с. 171]. Также он указывает, что «первой структурной единицей интеграционного объединения является система права, нормативно представленная отраслями и соответствующими институтами» [1, с. 173], обращая внимание, что «в системе права Союзного государства не определен элемент конституционного, или государственного, права, который мог бы выступить основным звеном для всей системы права» [1, с. 174].

Дальнейшее формирование интеграционного права ЕАЭС, развитие норм и институтов интеграционного права СНГ и Союзного государства актуализирует постановку вопроса об оценке возможностей его адаптации в национальную правовую систему, критериях адаптивности и последующей эффективности конституционно-правового регулирования интеграционных процессов. В связи с этим Т. Н. Михалева, Т. А. Волкогон обращают внимание, что «для интеграционной системы права, регулирующей единое пространство, важно, каковы правовые последствия такого воздействия и обеспечивается ли эффективная и равная реализация заданного правового регулирования» [9, с. 38], выдвигая вопрос правовой и конституционно-правовой эффективности на первый план.

Д. А. Лагун подчеркивает, что «юридическая эффективность проявляется в создании устойчивой правовой системы, в которой особую роль играют система права и система законодательства, аппарат государства и институты общества» [5, с. 49]. Автор определяет ее как «характеристику (свойство) юридической деятельности различных субъектов права по воплощению правовых предписаний на практике, которая определяет степень тождества (уровень соответствия) целей правового регулирования,

заявленных при принятии нормативного правового акта, и достигнутого фактического результата данного правового регулирования» [5, с. 49].

С. А. Курочкин, анализируя эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия, указывает, что в наиболее общем виде «категория эффективности характеризует соотношение поставленной цели и достигнутых результатов», при этом «... эффективность правовых норм характеризует меру реализации правового воздействия и определяется путем ее сравнения с фактически достигнутым результатом» [4, с. 70–71]. Ученый также отмечает важность оценки «экономичности» правового воздействия, корректировки целеполагания. Представляется обоснованным вывод автора о том, что «придать полезную динамику правоотношениям – вот каким представляется результат эффективного правового воздействия. Оценивать такой результат можно как абсолютными, так и относительными показателями, сопоставлять исходное и конечное состояния, взвешивать возможные альтернативы в выборе средств достижения поставленных целей» [4, с. 76].

О. С. Лустова, обращаясь к определению понятия, критериев и условий эффективности правовых норм, заключает: «Критерием оценки эффективности правовых норм являются их цели, для достижения которых была создана норма. ... О достижении поставленной цели позволяют судить определенные показатели» [6, с. 25]. Такой же позиции придерживаются Г. С. Беляева, А. Б. Венгеров, С. Г. Воронцов, В. В. Глазырин, В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко и др. [12]. Данная теория именуется в литературе как «целевая концепция эффективности». Кроме того, «эффективность действия правовых норм зависит от определенных субъективных и объективных условий, которые относятся как к самому праву, так и к сфере его реализации» [6, с. 26].

В. А. Рыбаков, осуществляя поиск критериев определения эффективности права, указывает в качестве критерия эффективности норм права – цели их реализации, а в качестве показателей – статистические, финансовые и экономические показатели, дающие «возможность составить представление о наблюдаемой правовой реальности» [11, с. 6]. При этом цель «позволяет различать потенциальную (прогнозируемую) эффективность и реальную (фактическую)» [11, с. 8]. Автор приходит к интересному выводу, что «эффективность права – это соотношение цели правового регулирования и полученного положительного результата с учетом материальных затрат и юридического инструментария» [11, с. 10].

Учитывая указанное, не вдаваясь подробно в дискуссию по проблеме эффективности норм права и правовой эффективности, нужно обозначить, что «понятие “эффективность правовых норм” полностью или частично отождествляется с их оптимальностью, правильностью, обоснованностью и целесообразностью» [13].

Видом юридической (правовой) эффективности выступает конституционно-правовая эффективность. Конституционно-правовая (политическая) эффективность выступает основным критерием адаптивности законодательства и права в процессе интеграционного развития белорусского государства на евразийском пространстве (наряду с экономической эффективностью, анализу которой уделяется внимание в исследованиях экономической направленности). Говоря о критерии (от греч. *criterion*), подразумевают «признак, служащий основой оценки, меру оценки, определения, сопоставления явления или процесса; признак, являющийся основой классификации» [3].

Опираясь на Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности» (решение от 5 марта 2024 г.), в качестве основных показателей конституционно-правовой эффективности можно выделить «сохранение правового суверенитета и конституционной идентичности в условиях взаимодействия международного, наднационального и национального права»; воплощение «на языке действующего законодательства, правовой идеологии и реальной политики идеалов личности, общества и государства»; поддержание конституционной безопасности, понимаемой «как защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, незыблемость конституционного строя и невозможность его изменения нелегитимным путем»; «реальное обеспечение конституционно-правового статуса личности, прав и свобод граждан, а также юридических гарантий их реализации, устанавливая объективно необходимые и социально обоснованные правовые ограничения и возлагая дополнительные обязанности на граждан, соблюдая оптимальный баланс частных и публичных интересов», обеспечение «реального доступа к правосудию, полного осуществления права на судебную защиту», «неукоснительного следования в нормотворчестве конституционными принципам и нормам», «утверждение конституционной законности в нормотворчестве и правоприменении», «достижение высокого качества законодательства, правовой определенности, обеспечение понятности правовых предписаний и предсказуемости для граждан правовых последствий своих действий», «создание гибкой системы законодательной регламентации, стимулирующей развитие технологий искусственного интеллекта и робототехники, но при этом гарантирующей безопасность, права и свободы человека» [10] с дальнейшим формированием конституционно-правового механизма интеграционного развития в порядке достижения конституционных целей.

Очевидно, что конституционно-правовую эффективность могут определять такие показатели, как общественная результативность, которая отражает уровень запланированных социально-общественных результа-

тов; продуктивность деятельности субъектов; достижение поставленных государственно-значимых целей и задач в их взаимосвязи с общественным эффектом и потребностями общества. Е. Б. Малей и Р. О. Трубович в порядке анализа использования государственных средств отмечают важность «достижения наилучшего соотношения достигнутого результата с произведенными затратами» [7, с. 67].

В Концепции правовой политики Республики Беларусь отмечается «верховенство Конституции в системе законодательства при формировании наднационального права, в том числе в рамках интеграционных процессов» (ч. 2 п. 20) [2]. Одновременно Т. Н. Михалева обосновывает концепцию квалифицированного приоритета права ЕАЭС как удовлетворяющую критериям формирования автономной системы права регионального интеграционного объединения и отмечает необходимость учета конституционно-правовых основ государств-членов, с выстраиванием внутренней иерархии актов союза [8, с. 576].

Обобщая указанное, можно сделать ряд выводов. Экономическое объединение на дальнейших этапах своего развития трансформируется в объединение политическое, что приводит к комплексным преобразованиям в правовой и институциональной системах, поскольку процессы экономического и политического объединения состоят в диалектической взаимосвязи. Данные результаты предполагают необходимость оценки результатов эффективности правового (в том числе конституционно-правового) воздействия на указанные интеграционные процессы.

Целевая концепция эффективности предусматривает соотношение цели правового регулирования и полученного положительного результата с учетом материальных затрат и юридического инструментария. При этом конституционно-правовая (политическая) эффективность выступает основным критерием адаптивности законодательства и права в процессе интеграционного развития белорусского государства на евразийском пространстве. В качестве основных показателей конституционно-правовой эффективности можно выделить: сохранение правового суверенитета и конституционной идентичности в условиях взаимодействия международного, наднационального и национального права; поддержание конституционной безопасности; утверждение конституционной законности в нормотворчестве и правоприменении; достижение высокого качества законодательства, правовой определенности (в том числе путем сдерживания законодательной инфляции); создания гибкой системы законодательной регламентации, стимулирующей развитие технологий искусственного интеллекта и робототехники, но при этом гарантирующей безопасность, права и свободы человека; развитая и скоординированная система стратегического планирования интеграционных объединений на евразийском пространстве.

Приоритет конституционного правопорядка должен являться определяющим для формирования интеграционного правопорядка. Это может быть реализовано с учетом следующих условий: 1) наличие теоретически и методологически обоснованных стратегических ориентиров интеграционного строительства; 2) наличие сформированной и признанной идеологической основы, сформированной с учетом конституционных ценностей и традиций; 3) практическая обеспеченность конституционных положений о верховенстве закона и равноправии граждан; 4) высокий уровень ответственности государства, государственных, надгосударственных органов и должностных лиц за результаты евразийского интеграционного строительства, за обеспечение безопасности общества и государства, реализацию прав и свобод человека и гражданина, формирование развитых механизмов конституционно-правовой и международно-правовой ответственности; 5) наличие реальных правовых гарантий и механизмов реализации прав и свобод человека и гражданина, развитие институтов союзного гражданства, парламентаризма и т. д.; 6) реализация в интеграционном образовании принципа разделения властей, развитость судебной власти интеграционного образования.

Формирование правовых систем евразийских интеграционных образований с участием Беларуси, обладающих комплексным нормативным, организационным и институциональным содержанием, является важным результатом их адаптивности. В качестве конкретного итога результата адаптивности законодательства в процессе интеграционного развития мы можем видеть унифицированное и гармонизированное законодательство, при этом итогом адаптивности права в интеграционных процессах будет являться единое правовое пространство в целом. При реализации интеграционной функции белорусского государства видится крайне важной разработка научно обоснованной концепции правоустановительной деятельности евразийских интеграционных объединений.

Библиографические ссылки

1. *Егоров А. В.* Сравнительное правоведение в Республике Беларусь: интеграционно-правовые основания: монография. Минск : БГЭУ, 2023. 223 с.
2. Концепция правовой политики Республики Беларусь: по состоянию на 2 октября 2023 г. Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. 23 с.
3. Критерий. Толковый словарь Ожегова и Шведовой [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BA%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B9> (дата обращения: 10.05.2024).
4. *Курочкин С. А.* Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия // Ученые записки Казанского ун-та. Серия гуманитарные науки. 2020. Т. 162., Кн. 2. С. 69–83.

5. *Лагун Д. А.* Юридическая эффективность реализации нормативных правовых актов // Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения заслуж. юриста Респ. Беларусь, д-ра юрид. наук, проф. А. М. Абрамовича, Минск. 24–25 мая 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: С. А. Балащенко (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2019. 223 с.
6. *Лустова О. С.* Понятие, критерии и условия эффективности правовых норм // Вестник Челябинского государственного ун-та. 2004. № 9 (1). С. 22–29.
7. *Малей Е. Б., Трубович Р. О.* Методика оценки использования государственных средств // Вестник Полоцкого государственного ун-та. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2022. № 5. С. 66–71.
8. *Михалева Т. Н.* Принцип верховенства права Евразийского экономического союза: концепция квалифицированного приоритета // Беларусь в современном мире : материалы XXII Междунар. науч. конф., посвящ. 102-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2023. С. 575–581.
9. *Михалева Т. Н., Волкогон Т. А.* О методологии права региональной интеграции // Известия Алтайского государственного ун-та. 2018. № 6 (104). С. 37–41.
10. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности» [Электронный ресурс]: решение, 5 марта 2024 г. // Интернет-сайт Конституционного Суда Республики Беларусь. URL: <http://www.kc.gov.by/document-75473> (дата обращения: 10.05.2024).
11. *Рыбаков В. А.* Критерии определения эффективности права // Правоприменение. 2019. Т. 3, № 2. С. 5–13.
12. *Самощенко И. С., Никитинский В. И., Венгеров А. Б.* К методике изучения эффективности правовых норм // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 70–78.
13. Эффективность норм права, эффективность права, эффективность актов применения. Актуальные публикации по белорусскому праву // Электронная библиотека library.by. URL: https://library.by/portalus/modules/belorussianlaw/readme.php?subaction=showfull&id=1195503661&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 10.05.2024).

О МОМЕНТЕ РАСТОРЖЕНИЯ КОНТРАКТА ПО ТРЕБОВАНИЮ РАБОТНИКА В СЛУЧАЕ НАРУШЕНИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВ

Е. В. Мотина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lawgrproc@bsu.by*

Исследуются проблемные аспекты продолжения трудовых отношений, когда работником предъявлено требование о прекращении контракта по требованию работника в случае нарушения его трудовых прав. Обосновывается, что нет оснований для оценки судом факта нарушения трудовых прав при условии установления данных обстоятельств иными компетентными органами. Делается вывод о необходимости специального регулирования отношений в части момента прекращения трудового договора при применении данного основания. Предлагается научно обоснованный вариант разрешения ситуации при последующем законодательном решении.

Ключевые слова: право на труд; нарушение трудовых прав; контракт; прекращение срочного трудового договора.

АБ МОМАНЦЕ СКАСАВАННЯ КАНТРАКТА ПА ПАТРАБАВАННІ РАБОТНІКА Ё ВПЯДКУ ПАРУШЭННЯ ПРАЦОЎНЫХ ПРАВОЎ

Я. У. Моціна

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, lawgrproc@bsu.by*

Даследуюцца праблемныя аспекты працягу працоўных адносін, калі работнікам прад'яўлена патрабаванне аб спыненні кантракту па патрабаванні работніка ў выпадку парушэння яго працоўных правоў. Абгрунтаваецца, што няма падстаў для ацэнкі судом факту парушэння працоўных правоў пры ўмове ўстанаўлення дадзеных абставін іншымі кампетэнтнымі органамі. Робіцца выснова аб неабходнасці спецыяльнага рэгулявання адносін у частцы моманту спынення працоўнага дагавора пры ўжыванні дадзенай падставы. Прапануецца навукова абгрунтаваны варыянт вырашэння сітуацыі пры далейшым заканадаўчым рашэнні.

Ключавыя словы: права на працу; парушэнне працоўных правоў; кантракт; спыненне тэрміновай працоўнай дамовы.

ON THE MOMENT OF TERMINATION OF THE CONTRACT AT THE REQUEST OF THE EMPLOYEE IN CASE OF VIOLATION OF LABOR RIGHTS

E. V. Motina

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, lawgrproc@bsu.by*

The problematic aspects of the continuation of labor relations are investigated, when an employee is required to terminate a contract at the request of an employee in case of violation of his labor rights. It is proved that there are no grounds for the court to assess the fact of violation of labor rights, provided that these circumstances are established by other competent authorities. The conclusion is made about the need for special regulation of relations regarding the moment of termination of the employment contract when applying this basis. A scientifically based solution to the situation is proposed with a subsequent legislative decision.

Keywords: right to work; violation of labor rights; contract; termination of a fixed-term employment contract.

Нормы Трудового кодекса Республики Беларусь от 26.07.1999 № 296-З (далее – ТК) разрабатывались на основе конституционных принципов и были рассчитаны на то, что основным видом трудового договора будет являться трудовой договор на неопределенный срок. Такой вид трудового договора соответствует природе длящихся трудовых отношений. Однако Декрет Президента Республики Беларусь от 26.07.1999 № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» предусмотрел возможность заключения контракта как разновидности срочного трудового договора с любыми категориями работников, независимо от характера и условий выполняемой работы как исключение из общего правила о допустимости срочных трудовых договоров. При этом норм, позволяющих расторгнуть такое соглашение по желанию работника, в законодательстве не оказалось.

По мнению А. М. Абрамовича, современное правопонимание в Беларуси можно отнести к легитимистскому. Однако такая сущность национального права не является препятствием к тому, чтоб «наполнить ее общий концепт новым, в целом прогрессивным содержанием, придать социально, экономически и политически “новое содержание”» [1, с. 34]. «В легитимистской концепции правопонимания, видимо, постоянно должна присутствовать ее наполняемость идеями понимания права как меры социальной справедливости» [1, с. 37]. В трудовых отношениях это особенно важно и фактически не оспаривается. «Между тем установившаяся практика едва ли не сплошной реализации конституционного права граждан на труд путем заключения трудовых контрактов в ее белорусском “варианте” вряд ли совместима с общей идеей права граждан на труд. Речь идет о том, что в ряде случаев истечение сроков действия контрактов является основанием для возможного немотивированного увольнения работников. Исключение законодателем предусмотрено лишь для небольшой категории работников – беременных женщин, женщин, имеющих малолетних детей, и др. При этом зачастую в оправ-

дание такой практики исполнения контрактной формы найма работников выдвигаются политические заявления о том, что “так делается везде, в частности в Европе”» [1, с. 38].

Такая обширная цитата из работы известнейшего ученого-правоведа приведена с целью показать, что за прошедшие с момента ее публикации годы в правовом регулировании трудовых отношений на основе контрактной формы найма кардинальных изменений не произошло. Более того, отдельные аспекты применения такой формы еще больше усложнились. Для иллюстрации указанного приведем некоторые факты, которые и будут предметом рассмотрения настоящей работы.

В советский период нормы о расторжении срочного трудового договора по инициативе рабочего или служащего содержались в ст. 32 КЗоТ БССР 1972 г. К числу юридических фактов, позволяющих работнику расторгнуть такой договор, относилось и нарушение администрацией законодательства о труде, коллективного или трудового договора. Кодекс не предусматривал необходимость установления факта нарушения трудовых прав какими-либо органами. Важно подчеркнуть, что «указанные нормы советского периода и почти тридцатилетняя практика их применения формировались на основе конституционного принципа обязательности труда» [2]. При этом трудовые договоры, заключаемые работниками в советский период, преимущественно были бессрочными. И, как следствие, работники могли прекратить такой трудовой договор по собственному желанию, предупредив нанимателя заранее. В настоящее время ситуация иная.

В ст. 41 Конституции Республики Беларусь гарантируется право граждан на труд и, следовательно, запрещается принудительный труд. Этот принцип содержится в ст. 13 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), что соответствует международным обязательствам нашего государства. В ч. 3 ст. 17 ТК закреплено общее правило о возможности заключения срочного трудового договора лишь при соблюдении указанных в законе условий и в определенных случаях. Однако, как указывалось выше, исключение сделано для контрактов, которые могут заключаться с любыми работниками независимо от характера предстоящей работы и условий ее выполнения. Согласно официальным данным, занятыми по трудовому договору являются 95,5 % населения Беларуси [3]. При этом преобладающей формой, опосредующей трудовые отношения, является контракт [4]. Такая ситуация в целом приводит к тому, что «наниматель, заключая трудовой контракт с работником, стремится *максимизировать* результат его деятельности и *минимизировать* издержки на его содержание, не боясь при этом потерять трудовой ресурс... Злоупотребление нанимателем своим положением по отношению к работникам может деморализовать трудовой коллектив, превра-

щая его в совокупность сотрудников, где каждый борется только сам за себя» [5, с. 1]. Работник не наделяется правом расторжения срочного договора по желанию. Прекращение такого договора возможно только по его требованию при соблюдении всех особенностей основания и порядка досрочного расторжения договора по ст. 41 ТК, которые, как свидетельствует практика, имеют много сложностей.

Остановимся кратко на анализе ч. 2 ст. 41 ТК: «Факт нарушения нанимателем законодательства о труде, коллективного договора, трудового договора устанавливается уполномоченным органом надзора за соблюдением законодательства о труде, профсоюзами и (или) судом либо может быть установлен нанимателем самостоятельно». В ч. 4 п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21.12.2023 № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров» указано, что «прекращение истцом работы в одностороннем порядке до разрешения судом спора о досрочном расторжении контракта по статье 41 ТК может быть расценено как нарушение трудовой дисциплины. Однако доводы работника о невозможности продолжения работы подлежат тщательной проверке судом с точки зрения обеспечения нанимателем здоровых и безопасных условий труда, отсутствия угрозы жизни и здоровью работника». Обратим внимание, что оснований для такого однозначного вывода в самой ст. 41 ТК, на наш взгляд, нет. Норма ч. 1 ст. 41 ТК сформулирована императивно: «Срочный трудовой договор *подлежит* расторжению досрочно по требованию работника в случае...». Факт нарушения трудовых прав работника устанавливается Департаментом государственной инспекции труда, профсоюзом, нанимателем и (или) судом и является самостоятельным элементом юридического состава, формирующего основание увольнения. Такой вывод вытекает из буквального толкования ст. 41 ТК. Следует подчеркнуть, что судебная практика должна безусловно зависеть от действующей системы юридических норм. По этой причине важно определить, «когда у работника возникает право требования о расторжении договора, а у нанимателя соответствующая обязанность прекратить такой договор; вправе ли работник оставить работу, если факт установлен иными компетентными органами, но не судом; когда у работника возникает право оставить работу по договору, если факт установлен судом, но решение суда не вступило в законную силу» [2].

Разделяем мнение О. С. Курылёвой о том, что если факт нарушения установлен компетентным органом, то в этом случае у работника возникает право требования расторжения договора и обязанность нанимателя удовлетворить требование работника в указанный им срок [2]. В связи

с этим нет оснований для оценки судом юридического факта нарушения трудовых прав при условии установления данных обстоятельств иными компетентными органами. Решение таких компетентных органов, поскольку оно предусмотрено законодателем, должно иметь самостоятельное правовое значение и должно порождать обязанность нанимателя прекратить договор по требованию работника. Противоположный подход, отраженный в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21.12.2023 № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров», фактически означает возможность работника прекратить трудовой договор ввиду нарушения трудовых прав только в судебном порядке и оставить работу только после вступления в законную силу решения суда.

Представляется важным в отсутствие специальных правил регулирования момента расторжения срочного трудового договора на данном этапе развития трудового законодательства на уровне постановления Пленума Верховного Суда прибегнуть к указанию в решении суда даты прекращения срочного трудового договора. Обязывание работника продолжать работу до вступления в силу решения суда, если допущено нарушение трудовых прав, не способствует реальной защите нарушенного права на труд. Если трудовой договор считать расторгнутым с момента вступления решения в законную силу, то работник, трудовые отношения которого с нанимателем должны сохраняться вопреки его воле из-за нарушения его прав, по-прежнему находится в уязвимом положении и существует реальность злоупотребления нанимателями своими правами в этой части.

Примечательно, что в п. 2 ст. 290 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь предусматривается, что «в необходимых случаях в резолютивной части решения указываются срок и порядок исполнения решения, а также о допущении немедленного исполнения или обеспечения исполнения решения, о повороте исполнения решения». В ст. 302 Кодекса гражданского судопроизводства также указывается, что «суд может допустить немедленное исполнение решения полностью или в части, если вследствие особых обстоятельств замедление в исполнении решения может привести к значительному ущербу для взыскателя или сделать невозможным само исполнение». Полагаем, что таким видом ущерба для работника является обязанность продолжать работу в условиях нарушения его прав, уже установленного компетентными органами. Полагаем, что такая ситуация не соответствует реализации права работника на труд.

Характерно, что, понимая имеющиеся риски, российский законодатель в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) отказался

от жесткой привязки момента расторжения договора по суду к моменту вступления решения в законную силу. Сейчас ч. 2 п. 3 ст. 453 ГК РФ сформулирована следующим образом: «В случае изменения или расторжения договора в судебном порядке обязательства считаются измененными или прекращенными с момента вступления в законную силу решения суда об изменении или о расторжении договора, если этим решением не предусмотрена дата, с которой обязательства считаются соответственно измененными или прекращенными. Такая дата определяется судом исходя из существа договора и (или) характера правовых последствий его изменения, но не может быть ранее даты наступления обстоятельств, послуживших основанием для изменения или расторжения договора».

Представляется, что указанная выше правовая конструкция может быть избрана и применительно к расторжению срочного трудового договора в судебном порядке: с момента вынесения судом решения или с даты, указанной в самом решении.

Ввиду того, что эта ситуация нуждается в специальном правовом регулировании, полагаем, что необходимо дополнить нормы ст. 243, 247 ТК указанием на немедленное исполнение решения суда в случае расторжения срочного трудового договора с работником по его требованию по ч. 2 ст. 41 ТК. При этом если факт нарушения трудовых прав установлен компетентным органом, то у работника возникает право требования расторжения договора и обязанность нанимателя удовлетворить требование работника в указанный им срок.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Современное правопонимание и совершенствование гражданского, трудового и уголовного законодательства // Генетические закономерности права : сб. науч. тр., посвящ. 90-летию проф. С. Г. Дробязко / Белорус. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: С. А. Балащенко (гл. ред.) [и др.]. Минск : Бизнесофсет, 2013. С. 31–41.
2. *Курылёва О. С.* Расторжение срочного трудового договора (контракта) по требованию (инициативе) работника в связи с нарушением его трудовых прав: проблемы толкования и применения // Юрист. 2008. № 11. С. 71–91.
3. Занятость в Республике Беларусь в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/zanyatost_bezrobotica-2022.pdf (дата обращения: 10.05.2024).
4. Все о контрактах / В. Шелкович; опубликовано: 28.06.2008 [Электронный ресурс]. URL: Все о контрактах (sb.by) (дата обращения: 10.05.2024).
5. *Мартинкевич А. В.* Инфорсмент в сфере трудовых отношений: социологический подход : автореф. дис. ... канд. социолог. наук ; 22.00.03 / Институт социологии Национальной академии наук Беларуси. Минск, 2016. 30 с.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Л. О. Мурашко

*Конституционный Суд Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 4, 220016, г. Минск, Беларусь*

Анализируются актуальные вопросы цифровизации и тех изменений, которые данный процесс приносит во все сферы жизнедеятельности, включая правовое регулирование.

Ключевые слова: цифровизация; правовое регулирование; цифровое право; информационное общество.

ЮРЫДЫЧНАЕ ВЫМЯРЭННЕ ЛІЧБАВАЙ ПРАСТОРА Ў СУЧАСНЫХ УМОВАХ

Л. А. Мурашка

*Канстытуцыйны Суд Рэспублікі Беларусь,
вул. Краснаармейская, 4, 220016, г. Минск, Беларусь*

Аналізуюцца актуальныя пытанні лічбавізацыі і тых змяненняў, якія гэты працэс прыносіць ва ўсе сферы жыццядзейнасці, уключаючы прававое рэгуляванне.

Ключавыя словы: лічбавізацыя; прававое рэгуляванне; лічбавае права; інфармацыйнае грамадства.

LEGAL DIMENSION OF DIGITASPACE IN MODERN CONDITIONS

L. O. Murashko

*Constitutional Court of the Republic of Belarus,
4 Krasnoarmeyskaya Street, Minsk 220016, Belarus*

The article analyses current issues of digitalisation and changes brought on by this process to all spheres of life, including legal regulation.

Keywords: digitalisation; legal regulation; digital law; information society.

При определении задач и целей правового регулирования, объема воздействия государственно-правовых институтов на общественные отношения, на круг субъектов этих отношений, как правило, исходят из тех границ, в которых общественному прогрессу способствует такая система нормативного регулирования, как право. «Верхняя граница» при этом расположена в пределах отношений, которые вне досягаемости регулирования государством или обществом в целом и не могут быть под-

контрольны по своей природе; «нижняя граница» заканчивается отношениями, в регулировании которых нет необходимости. Таким образом, от возможного регулирования до необходимого: в этих пределах работает нормотворец, функционируют субъекты права.

Последнее время правовое регулирование сосредоточено на цифровом мире: разработка киберправа и робоправа, понятий цифрового государства, цифрового суверенитета, цифровых прав человека и т. д. [1–3]. «Вызовы нового этапа развития информационного общества касаются обоснования цифры как формы представления информации и важности введения ее в понятийный аппарат информационного права» [4, с. 59]. Новое цифровое пространство расширяется постоянно и интенсивно; «цифровая экспансия» бросает вызовы всем сферам экономической, политической и культурной жизни, всем отраслям гуманитарного знания.

Данные процессы очевидно выходят за рамки какой-либо одной отрасли права, посредством которой можно было бы эффективно реагировать на отношения, складывающиеся благодаря «цифре». Так, в российской цивилистике, осмысливая изменения Гражданского кодекса Российской Федерации 2019 г. (введение субъективных цифровых прав и др.), развернулась активная дискуссия, участники которой подвергают критике нормативное закрепление цифровых прав, их включение в ГК в контексте обозначения технического термина «токен», требуют комплексной модернизации целых отраслей права в свете цифровой реальности (Л. А. Новоселова, А. И. Овчинников, В. И. Фахти, С. В. Сарбаш, М. А. Рожкова, О. А. Зыкова и др.).

Совсем недавно мы говорили о цифровом измерении правового пространства, при котором право и все правовые явления активно используют достижения информационно-коммуникационных технологий, качественно прирастая такими характеристиками, как масштабность, экономичность, оперативность. В настоящее время вопрос стоит иначе — о юридическом измерении цифрового пространства, задача которого — облечь в надлежащую правовую форму новые знания информационного общества, получаемые посредством технологий больших данных (BigData), искусственного интеллекта (AI), привести к «правовому знаменателю» функционирование различных цифровых платформ, технологию блокчейн и другие децентрализованные цифровые системы, найти эффективный правовой инструментарий в отношении новых цифровых финансовых активов, включая NFT, выработать ясные и справедливые правила для развивающихся онлайн-образования и онлайн-медицины и др.

При этом скептики спрашивают, а есть ли праву что предложить миру алгоритмов и кодов, имманентно обладающему безусловно соблюдае-

мыми аксиоматическими правилами, и в целом – будет ли востребовано право, которое знает человеческая цивилизация, в цифровой реальности.

В настоящее время право отвечает прежде всего на вызовы стремительно развивающейся цифровой экономики, которая, наряду с глобализацией и транснациональным регулированием, меняет наши представления о таких известных феноменах человеческого бытия, как пространство, время, коммуникация. Мир вокруг нас благодаря цифровым технологиям ускоряется и объективно универсализируется, что требует гибкого универсального законодательства в имеющихся отраслях права, и совершенно нового законодательства для «привычного» правового регулирования целых секторов цифровой экономики.

В современных условиях становится очевидным, что в случае процессов цифровизации «опережающее отражение» права существенно запаздывает, и безропотно идет вслед развитию технологий, опирающихся на саморегулирование или в лучшем случае «мягкое право». Это предъявляет повышенные требования к законодателю, отвыкшему, по крайней мере в странах с давними правовыми традициями, вдумчиво и бережно исследовать складывающиеся обычаи и обыкновения, облакающему в нормативную правовую форму объективно развивающиеся отношения по принципу «лучше меньше, да лучше». Тем самым процессы цифровизации выводят на передний план вопросы заимствования «лучших практик», образцов, успешных правовых механизмов, которые рецепируются и адаптируются к разным правовым условиям, зачастую вопреки устоявшимся правовым традициям, в различных государствах мира. Имеются в виду, безусловно, прорывные для правового регулирования в области цифрового развития положения Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», разработанные во многом благодаря усилиям информационного сообщества, сформированного в рамках Парка высоких технологий.

Положения Декрета не просто расширили виды деятельности резидентов указанного Парка (в качестве новых видов деятельности резидентов Парка были предусмотрены разработка биотехнологий, медицинских, авиационных и космических технологий, киберспорт и др.), было осуществлено комплексное правовое регулирование бизнесов на основе технологии блокчейн, созданы правовые условия для проведения ICO, использования криптовалюты и внедрения смарт-контрактов. Анализируя положения данного нормативного акта, Беларусь стали обозначать как «первую в мире страну, узаконившую смарт-контракты» [5]. Как отмечают ученые, «процессы цифровизации в Беларуси будут играть огромную позитивную роль при формировании новых и модернизации действующих производств» [6, с. 19].

В контексте прав человека автор согласен с позицией, что «в целом цифровизация не порождает новых прав человека принципиально иной юридической природы; она лишь актуализирует или нивелирует определенные аспекты давно признаваемых прав, переносит их осуществление в виртуальное пространство, создает новые возможности для их реализации» [7, с. 162].

К какой бы сфере общественных отношений мы не обратились в настоящее время, становится очевидным, перефразируя известное историческое выражение, что «цифровая революция» свершилась. В связи с этим правовой теоретической науке следует уделить внимание складывающимся в современном цифровом мире формам регулирования общественных отношений, – пытаюсь предугадать, какой дизайн примет нормативность в будущем, и надеюсь, что центральное место в регулировании общественных процессов будет по-прежнему отведено праву, которое мы знаем.

Библиографические ссылки

1. *Зорькин В. Д.* Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Гос. и право. 2020. № 6. С. 7–19.
2. *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–17.
3. *Ромашов Р. А., Панченко В. Ю.* Цифровое государство (Digital State) – концептуальное основание глобального мирового порядка // Гос. и право. 2018. № 7. С. 99–109.
4. *Бачило И. Л.* Цифровизация управления и экономики – задача общегосударственная // Гос. и право. 2018. № 1. С. 59–69.
5. *Михайлов А. В.* Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 7–13.
6. *Тихиня В.* Правовая стратегия формирования и развития цифровой экономики в современной Беларуси: общий взгляд на проблему // Юстиция Беларуси. 2018. № 4. С. 19–21.
7. *Варламова Н. В.* Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Ин-та гос. и права РАН. 2019. Т. 14. № 5. С. 141–167.

ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ВОСПИТАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. С. Мухля

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Mukhlia@bsu.by*

В настоящее время система высшего образования Республики Беларусь, а именно воспитательный процесс, претерпевает значительную трансформацию с учетом развивающихся тенденций государственного и международного уровней. Воспитание – неотъемлемая часть образования, которая направлена на формирование разносторонней, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося. В статье рассматриваются следующие аспекты: правовое регулирование воспитания в системе высшего образования Республики Беларусь, основные требования данного процесса. На основании проведенного исследования предложены дополнения в Кодекс Республики Беларусь об образовании.

Ключевые слова: образование; система высшего образования; воспитание; основные требования воспитания; личностно ориентированная парадигма; индивидуальный подход.

ПРАВОВОЕ РАЗВИТТЦЁ ВЫХАВАННЯ Ў СІСТЭМЕ ВЫШЭЙШАЙ АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

В. С. Мухля

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, Mukhlia@bsu.by*

У цяперашні час сістэма вышэйшай адукацыі Рэспублікі Беларусь, а менавіта выхаваўчы працэс, перажывае значную трансфармацыю з улікам тэндэнцый дзяржаўнага і міжнароднага ўзроўняў. Выхаванне – неад’емная частка адукацыі, якая накіравана на фарміраванне рознабаковай, маральна сталай, творчай асобы навучэнца. У артыкуле разглядаюцца наступныя аспекты: прававое рэгуляванне выхавання ў сістэме вышэйшай адукацыі Рэспублікі Беларусь, асноўныя патрабаванні гэтага працэсу. На падставе праведзенага даследавання прапанаваны дапаўненні ў Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб адукацыі.

Ключавыя словы: адукацыя; сістэма вышэйшай адукацыі; выхаванне; асноўныя патрабаванні выхавання; асобасна арыентаваная парадыгма; індывідуальны падыход.

LEGAL DEVELOPMENT OF EDUCATION IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

O. S. Mukhlia

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, Mukhlia@bsu.by*

Currently, the higher education system of the Republic of Belarus, namely the educational process, is undergoing a significant transformation, taking into account developing trends at the state and international levels. Upbringing is an integral part of education, which is aimed at developing a versatile, morally mature, creative personality of the student. The article discusses the following aspects: legal regulation of education in the higher education system of the Republic of Belarus, the main requirements of this process. Based on the conducted research, additions to the Code of the Republic of Belarus on Education were proposed.

Keywords: education; higher education system; upbringing; basic requirements of upbringing; personality-oriented paradigm; individual approach.

Воспитание – неотъемлемый процесс образования. Термин «образование» (от латинского слова «education») означает действие, просвещение¹, от которого происходит английское слово «education», обозначающее процесс, в ходе которого «ум и характер человека развиваются обычно путем формального обучения, путем прохождения систематического курса инструкторования» [1, с. 225].

Образование – многогранное явление, существующее на объективном и субъективном уровнях бытия. Таким образом, оно исследуется многими науками в различных аспектах: философией, психологией, педагогикой, социологией, историей, юриспруденцией и др. Считается, что в широком значении понятие «образование» означает непрерывный процесс получения новых знаний, навыков и умений, а также формирование и трансформацию поведения личности.

В словаре С. Н. Ожегова понятие «образование» определяется как обучение и просвещение. В учебниках по педагогике «образование» определяется как «единый процесс физического и духовного формирования личности, процесс социализации, сознательно ориентированный на некоторые идеальные образы, на исторически обусловленные, более или менее четко зафиксированные в общественном сознании социальные эталоны» [2, с. 78].

В соответствии со ст. 1 Кодекса Республики Беларусь об образовании под «образованием» понимается «обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на интеллектуальное, духовно-нравственное, творческое, физическое и профессиональное развитие личности, удовлетворение ее образовательных потребностей и интересов, а также совокупность приоритетных знаний, умений, навыков и компетенций определенного объема и сложности», под «воспитанием» понимается «целенаправленный процесс формирования разносто-

¹ Русско-латинский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://classes.ru/all-latin/dictionary-russian-latin-term-8748.htm> (дата обращения: 22.04.2024).

ронне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося» [3].

Из этого следует, что образование служит для развития способностей человека, духовно-нравственного и ценностного формирования его для создания гармоничной и разносторонне развитой личности. Образование служит всестороннему развитию человека.

По мнению М. А. Галагузовой, под «воспитанием» понимается целенаправленная деятельность по приобщению людей к нравственно-духовным ценностям и социальным нормам; может быть профессиональной (воспитание в образовательных учреждениях) и непрофессиональной (семейное воспитание, конфессиональное воспитание, общественное воспитание) [4, с. 121].

Таким образом, понятие «образование» раскрывает сущность процесса обучения (получение знаний в интересах личности, общества и государства, направленных на усвоение знаний, умений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося) и воспитания (формирования поведения, направленного на развитие духовно-нравственной и эмоционально ценностной сферы личности обучающегося) в условиях непрерывного обучения.

Правовое регулирование процесса воспитания осуществляется в соответствии с Конституцией Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) [5], Кодексом Республики Беларусь об образовании [3], Законом Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики» [6] и др.

Отметим, что ст. 17 Кодекса Республики Беларусь об образовании содержит нормы, устанавливающие цель, задачи, ценности, основные требования, основные составляющие воспитания. Под целью воспитания понимается «формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося» [3].

Считаем, что для достижения поставленной цели необходимо использовать личностно ориентированную парадигму к воспитательной работе со студенческой молодежью. «Личностно ориентированное образование – это не формирование личности с заданными свойствами, а создание условий для полноценного проявления и соответственно развития личностных функций субъектов образовательного процесса» [7, с. 42]. Поэтому роль преподавателя имеет большое значение при формировании атмосферы процесса передачи информации и создания условий индивидуализации каждого обучающегося.

В свою очередь, Ш. А. Амонашвили утверждал: «Учебно-познавательная деятельность школьника стимулируется не только посредством

интересного учебного материала и разнообразных методов его преподавания, но и характером отношений, которые утверждает педагог в процессе обучения. В атмосфере любви, доброжелательности, доверия, сопереживания, уважения школьник легко и охотно принимает учебно-познавательную задачу. Школьник, видя, как ценится его достоинство, самостоятельная мысль, творческий поиск, начинает стремиться к решению более сложных учебно-познавательных задач» [8, с. 175].

Согласно ст. 17 Кодекса Республики Беларусь об образовании основными требованиями воспитания являются: «соответствие содержания, форм и методов воспитания цели и задачам воспитания; системность и единство педагогических требований; преемственность, непрерывность и последовательность реализации содержания воспитания с учетом возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся; создание условий для развития творческих способностей обучающихся, включение их в различные виды социально значимой деятельности» [3].

Также при организации воспитательной работы в университетах необходимо подходить не с «формальной» стороны, а с индивидуальности каждого обучающегося. Как отмечает С. П. Куликов, в процессе воспитательной работы «необходимо учитывать не только внешнее поведение студента, но и стараться понять его внутренний мир, переживания и проблемы, с которыми он сталкивается, и принять необходимые меры для их позитивного решения» [9, с. 523].

На основании вышеизложенного автор исследования считает целесообразным внести в ст. 17 Кодекса Республики Беларусь об образовании дополнения в части основных требований воспитания, а именно «индивидуальный подход к каждому обучающемуся; создание доверительных отношений со стороны преподавателя, сотрудника высшего учреждения образования; выражение сопереживания и уважения, проявление заинтересованности к деятельности обучающегося и поддержки; проведение разъяснительной и информационной работы с обучающимся при необходимости».

При личностно ориентированном подходе преподаватель, основываясь на знаниях, умениях и навыках студенческой молодежи способен выявить и дополнительно помогать развивать способности каждого обучающегося. В свою очередь, для студента важен момент эмоциональной отдачи преподавателя в его сторону, поскольку обучающийся будет чувствовать, что он самостоятелен и его ценят в коллективе. Данный факт способствует позитивному настроению молодежи при посещении занятий, а также воспитательному процессу в учреждениях высшего образования Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. *Кисленко С. В.* Философско-этимологический анализ понятия «образование» // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. 2008. № 2(8). С. 225–227.
2. Педагогика : учеб. пособие для пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко [и др.]. М. : Школа-Пресс, 1998. 512 с.
3. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011., № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.03.2023 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. Минск, 2024.
4. *Галагузова М. А., Штинова Г. Н.* Эволюция понятийного аппарата педагогики и образования : монография. М. : ИНФРА-М, 2020. 137 с.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
6. Об основах государственной молодежной политики [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 2009 г. № 65-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
7. *Сериков В. В.* Личностный подход в образовании: концепция и технологии. Волгоград : Перемена, 1994. 149 с.
8. *Амонашвили Ш. А.* Воспитательная и образовательная функция оценки учения школьников. М. : Педагогика, 1984. 297 с.
9. *Куликов С. П.* Организация воспитательной работы и молодежной политики в Московском авиационном институте // Московский экономический журнал. 2021. № 10. С. 519–532.

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Е. И. Орловская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Дается общая характеристика средневекового канонического права как системы норм, регулирующих общественные отношения, отдельно выделяются нормы наследственного права как важной составной части канонического права.

Ключевые слова: Средневековая Европа; каноническое право; наследственное право.

СПАДЧЫННАЕ ПРАВА ЯК СКЛАДОВАЯ ЧАСТКА КАНАНІЧНАГА ПРАВА СЯРЭДНЯВЕЧНАЙ ЕЎРОПЫ

А. І. Арлоўская

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Даецца агульная характарыстыка сярэднявечнага кананічнага права як сістэмы нормаў, якія рэгулююць грамадскія адносіны, і асобна вылучаюцца нормы спадчынага права як важнай складовай часткі кананічнага права.

Ключавыя словы: Сярэднявечная Еўропа; кананічнае права; спадчыннае права.

INHERITANCE LAW AS AN INTEGRAL PART OF CANON LAW OF MEDIEVAL EUROPE

E. I. Orlovskaya

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, theory-law@bsu.by*

The paper gives a general description of medieval canon law as a system of norms governing public relations, and separately highlights the norms of inheritance law as an important component of canon law.

Keywords: Medieval Europe; canon law; inheritance law.

Средневековое каноническое право представляло собой весьма сложную и взаимосвязанную систему, в которой моральные и религиозные нормы имели такое же значение, как и собственно юридические, поэтому рассматривать последние в отрыве от всей системы невозможно.

Тот факт, что нормы канонического права играли важную роль в регулировании общественных отношений в Средневековой Европе, обу-

словлен рядом причин. Во-первых, каноническое право разрабатывалось и внедрялось римско-католической церковью во главе с папой римским, которая обладала существенной могущественностью. Во-вторых, каноническое право являлось универсальным и экстерриториальным: его нормы имели юридическую силу во всех государствах, принявших католицизм. В-третьих, каноническое право регулировало весьма широкий круг отношений, его нормы распространялись не только на церковных служителей, но и на простых граждан. В-четвертых, нельзя не отметить тот факт, что каноническое право своими корнями уходило в античность, в греческую философию и в римскую правовую культуру, то есть сохраняло определенные традиции регулирования отношений, существовавшие в Средневековой Европе в предыдущие века.

Таким образом, каноническое право в Средние века являлось неотъемлемым компонентом средневековой религиозной и политической жизни. В средневековой жизни практически невозможно было избежать его воздействия из-за всепроникающего влияния норм канонического права как на частную, так и на общественную жизнь. Оно занимало центральную позицию в средневековой политической, экономической и общественной жизни общества. Оно являлось значительной составляющей в интеллектуальном развитии общества в Средние века, так как канонисты сумели найти новые решения как старых правовых проблем, так и вновь возникающих, исходя из инновационных подходов к анализу правовых и церковных институтов, и способствовали продвижению на практике новых идей, внося неоценимый интеллектуальный вклад в правовую науку. Граница между каноническим и светским правом была необычайно тонка, и они оказывали сильное влияние друг на друга. Знатоков канонического права занимали вопросы как папской, так и королевской власти, как церковные правовые казусы, так и светские. В разрешении данных вопросов каноническое право могло как и повторять законодательство светских отраслей права, так и создавать свои собственные правовые институты. К их числу относятся и нормы наследственного права.

Отдельные нормы, регулирующие правила передачи имущества после смерти собственника, встречаются уже в ранних памятниках канонического права. Так, например, в VI в. н. э. Императором Юстинианом I был впервые законодательно установлен статус еретиков. Причисленным к этой категории населения было запрещено наследовать любое имущество [1, с. 86]. Однако окончательно отрасль наследственного права в каноническом праве оформилась в XII в. и основывалась как на религиозных догмах, так и на германско-христианском институте дарения («дар в предвидении смерти») и классическом римском наследственном праве.

В каноническом праве наследство являлось сложной правовой единицей: оно состояло из имущества умершего, рабов, его наследственных привилегий и обязательств, всех юридических прав и обязанностей покойного. Это все немедленно после смерти человека переходило к его наследнику. При этом наследнику было предоставлено право отказаться от принятия наследства, если он видел, что обязательства по нему превосходят его возможности.

Вместе с тем каноническое наследственное право имело важнейшее отличие: в противоположность римскому праву завещательные формальности были сведены к минимуму. Законными и правильными признавались не только «последние слова», сказанные на смертном одре исповеднику, но и вообще все устные завещания. Римские правила, требовавшие подписей и печатей семи достойных свидетелей, уступили место норме, изложенной в декретальном письме папы Александра III к епископу Остии: «Мы постановляем, что все завещания, которые сделаны вашими прихожанами в присутствии своего священника и трех или двух других подходящих лиц, являются постоянно действительными» [2, с. 225].

Юристы, занимающиеся каноническим правом, много сделали для защиты оставшегося в живых супруга и детей против лишения наследства завещателем. Еще по нормам римского права определенная категория наследников (родители, дети и внуки) не могла быть лишена их «законной доли». Каноническое право увеличило эту долю и включило под защиту этого условия жену, исключив внуков и родителей умершего. Так, если у покойного оставались жена и дети, то завещание не могло лишить ее или их более чем трети собственности, подлежащей распределению по завещанию, если у покойного оставалась только жена или только дети, то она или они получали половину.

Особое значение приобрело преобразование церковью установленного Юстинианом соотношения законной доли прямых наследников к законной доле братьев и сестер отца ($1/2$ к $1/4$) с выделением законной доли Христа, т. е. самой церкви. Христос, таким образом, должен был указываться как наследник в каждом завещании. Этот принцип восходит к отцу церкви Августину, учившему, что Христос должен по каждому завещанию получать свою долю в размере доли детей [3].

Еще одним важным нововведением является институт управления наследственным имуществом. Было установлено, что по смерти завещателя вместо принятия наследства наследником назначенное в завещании исполнителем завещания (душеприказчиком) лицо брало на себя владение всей собственностью, подлежащей распределению. Не наследник, а душеприказчик осуществлял права завещателя и выполнял его обязательства. Он мог предъявлять должникам завещателя иски в светских

судах, однако наследники по завещанию должны были подавать на него в церковный суд. Заставить душеприказчика отдать законную долю жены и детей завещателя тоже можно было только в церковном суде [2, с. 226].

Со временем церковные суды разработали практику назначения управителя для распределения собственности человека, который умер без завещания. Его функции были те же, что и у душеприказчика.

Церковь также контролировала вопросы наследования без завещания, считая, что если человек не выразил свою последнюю волю, он по всей вероятности, умер без покаяния, следовательно, имущество умершего без завещания следовало употребить на благо его души. «Законная доля» доставалась только жене и детям.

Центральная роль церкви в вопросах наследования была обусловлена тем, что именно ее представители и органы имели ключевое значение на всех стадиях оформления и распределения наследства. Например, священники выслушивали «последние слова», были свидетелями последней воли, служили душеприказчиками и управителями, принимали завещанное имущество в качестве доверенных лиц религиозных организаций или на благотворительные дела. Церковный суд, в свою очередь, заслушивал отчеты от душеприказчиков и надзирал за лицами, которым было доверено употребить имущество на религиозные или благотворительные цели.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о формировании канонического наследственного права. И хотя законодательная инициатива церкви имела своей целью создать благоприятные условия для обогащения за счет средств умершего, нельзя отрицать позитивные изменения, которые были привнесены каноническим правом (например, увеличение «законной доли» и включение в перечень претендующих на нее пережившего супруга, институт управления наследством).

Библиографические ссылки

1. *Величко А. М., Гаврилов С. О., Колмогоров С. А.* Каноническое право: юридическая природа, доктринальные особенности, проблемы рецепции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки = Humanities, social economic and social sciences. 2022. № 1. С. 85–89.
2. *Берман, Г. Дж.* Западная традиция права: Эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА·М – НОРМА, 1998. 622 с.
3. *Аннерс, Э.* История европейского права : пер. со швед. / Ин-т Европы. М.: Наука, 1994. 397 с.

РОЛЬ И МЕСТО ГОСУДАРСТВА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЙСТВИЯ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВООПОНИМАНИЯ (ВЗГЛЯД С АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ)

В. И. Павлов

*Академия МВД Республики Беларусь,
пр. Машерова, 6а, 220005, г. Минск, Беларусь*

Рассматривается роль и место государства в формировании права в контексте проблемы правоопонимания. Автор основывается на антрополого-правовых позициях. Делается вывод, что государство в процессе правогенеза не противопоставляется обществу и человеку по принципу договора, а выступает в двух основных статусах: 1) как инстанция позитивации права и его закрепления в официальных источниках права; 2) как непосредственный субъект правоустановления в тех сферах правового регулирования, которые недоступны или крайне затруднительны для социума.

Ключевые слова: государство; право; правоопонимание; правогенез.

РОЛЯ І МЕСЦА ДЗЯРЖАВЫ Ў ПРАЦЭСЕ ФАРМІРАВАННЯ І ДЗЕЯННЯ ПРАВА Ў КАНТЭКСЦЕ ПРАБЛЕМЫ ПРАВАРАЗУМЕННЯ (ПОГЛЯД З АНТРАПОЛОГА-ПРАВОВЫХ ПАЗІЦЫЙ)

В. І. Паўлаў

*Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь,
пр. Машэрава, 6а, 220005, г. Мінск, Беларусь*

Разглядаюцца роля і месца дзяржавы ў фарміраванні права ў кантэксце праблемы праваразумення. Аўтар грунтуецца на антрапалагава-правовых пазіцыях. Робіцца выснова, што дзяржава ў працэсе правагенезу не супрацьпастаўляецца грамадству і чалавеку па прынцыпе дагавора, а выступае ў двух асноўных статусах: 1) як інстанцыя пазітывацыі права і яго замацавання ў афіцыйных крыніцах права; 2) як непасрэдны суб'ект праваўстанаўлення ў тых сферах прававога рэгулявання, якія недаступныя або вельмі цяжкія для социума.

Ключавыя словы: дзяржава; права; праваразуменне; правагенез.

THE ROLE AND PLACE OF THE STATE IN THE FORMATION PROCESS AND THE ACTIONS OF LAW IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF LEGAL UNDERSTANDING (A VIEW FROM THE ANTHROPOLOGICAL AND LEGAL POSITIONS)

V. I. Pavlov

*Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus,
6a Masherova Avenue, Minsk 220005, Belarus*

The article is devoted to the consideration of the role and place of the state in the formation of law in the context of the problem of legal understanding. The author is based on anthropological and legal positions. It is concluded that the state in the process of legal genesis is not opposed to society and man on the principle of a contract, but acts in two main statuses: 1) as an instance of the positivization of law and its consolidation in official sources of law; 2) as a direct subject of legal establishment in those areas of legal regulation that are inaccessible or extremely difficult for society.

Keywords: state; law; legal understanding; legal genesis.

В современных дискуссиях о правопонимании одним из важнейших вопросов является вопрос о месте и роли государства в процессе возникновения права, обретения последним свойств юридической действительности. После эпохи Нового времени и обоснования в рамках просветительской методологии идеи о договорном характере государственной власти, полном подчинении его правовым началам функционирования, казалось, что вопрос о соотношении права и государства решен однозначно и государство окончательно утрачивает свою субъектность в части правогенеза. Однако последние два десятилетия, связанные со снижением темпов политической и государственно-правовой глобализации, выдвиганием на первый план именно национально-государственных (а не наднациональных) интересов в условиях различного рода конфликтов и кризисов, несмотря на повышение трансграничности развития цифровых технологий и цифровой среды в целом, государство постепенно «возвращается» в поле дискуссий о правопонимании. Не случайно последние крупные общетеоретические работы посвящены именно этой проблематике и связаны с анализом классического и современного юридического позитивизма и аналитической юриспруденции в целом, с возвращением к исследованию дискуссии 1930-х гг. между Г. Кельзенем и К. Шмиттом о месте государства в правовом порядке и основаниях действительности права и т. п. [см.: 1; 2]. В настоящей работе кратко проанализируем роль и место государства в процессе формирования и действия права с антрополого-правовых позиций.

1. Сделаем необходимую оговорку о том, что любой исследователь-теоретик права решает вопрос о месте и роли государства в процессе правогенеза с позиции той концепции правопонимания и в целом с концептуальной позиции того направления в праве, которого он придерживается. Разумеется, что принадлежность к правовой концепции определяет и использование ее базовых концептуальных схем в решении исследуемого вопроса, либо во введении новых схем, которые должны быть обоснованы. Несмотря на то, что юридическая практика, в том числе связанная с деятельностью высших органов государственной власти, редко ставит вопросы о правопонимании (исключением является,

пожалуй, Конституционный Суд), тем не менее конкретный образ воспроизведения способа понимания права уясняется из Конституции и нормативных правовых актов программно-политического характера, ряда компетентностных норм высших органов государственной власти, регламентации форм и способов осуществления прямой демократии, включая правовой статус и правовое положение гражданского общества, а также из юридической практики, прежде всего судебной. Не с теоретической, а с практической точки зрения представить процесс формирования и создания права без государства практически невозможно, однако в XX в. наиболее популярными концепциями правопонимания являлись так называемые неэтикатистские концепции, которые связывали основания действительности права не с инициативами и процедурно-нормотворческой деятельностью государства, а с правами человека, другими априорными правовыми ценностями (юснатурализм), с общественными отношениями (социологические направления права). После Второй мировой войны и поражения гитлеровской Германии в западноевропейской юриспруденции встал вопрос об ограничении государства в качестве правоустанавливающей инстанции, на первый план вышли идеи о естественном праве. Однако de-facto правоустановительная деятельность государства, особенно в сфере экономики в части жесткого государственного регулирования, в отличие от популярной в последней четверти прошлого века идеи свободного рынка, становится все более востребованной и те государства, которые берут ее на вооружение, демонстрируют рост экономических показателей.

2. Обобщение научных положений, обосновываемых автором в рамках разрабатываемой антрополого-правовой концепции, позволяет указать на следующие базовые идеи, лежащие в основе решения вопроса о месте и роли государства в процессе правогенеза: 1) центральным и главным элементом правовой реальности является действующий в праве человек (принцип человекомерности права), что, однако, не означает полного отождествления данного положения с идеями новоевропейского гуманизма: человек (равно и социум как множество личностно-правовых позиций) и государство не противопоставляются, а взаимодополняют друг друга и связываются с различными уровнями обоснования и практического осуществления правогенеза; 2) человек как правовой деятель с позиции правовой онтологии принадлежит к антропологическому, а государство – к институциональному уровням правовой реальности, каждый из которых обладает своими функциональными особенностями, возможностями и ограничениями; 3) человек является высшим правовым благом в правовом порядке, высшей целью и ценностью как общества, так и государства (ст. 2 Конституции Республики Беларусь), однако это

не означает признания абсолютного произвола человеческих притязаний на основе доктрины прав и свобод человека: в концептуализации человека как высшего правового блага выделяются, с одной стороны, базовые гуманитарные стандарты, с другой – высшие правовые ценности антрополого-правовой природы (правовые идеалы), учитывающие традиционные, публично-правовые, конвенциональные факторы идеальной модели правового человека конкретного народа, общества, государства; 4) вопрос о субъектах и источниках правоустановления является связанным с вопросом о ценностно-правовом содержании устанавливаемого и имеет меньший относительно него приоритет [3].

3. В антрополого-правовой концепции в контексте исследуемого вопроса государство рассматривается в качестве авторитетной, властной, институционально объективированной формы позитивации права, соотносящейся с его общественным признанием. В связи с первичным значением в правоустановлении ценностно-правового содержания роль государства в правогенезе усматривается в двух основных направлениях деятельности. *Во-первых*, в институциональном закреплении личностно и социально признанных ценных для конкретного лица, социума и правопорядка правовых притязаний посредством их отражения в иерархической системе источников права, осуществления разнообразных видов государственной властной юридической деятельности по реализации этих притязаний. *Во-вторых*, в самом государственном ценностно-правовом установлении в тех сферах жизнедеятельности общества, которые затруднительны либо недоступны для личности и общества в силу их специфики и задач, возложенных на компетентные государственные органы. К таким сферам, в частности, относятся сфера национальной безопасности, сфера развития информационно-коммуникационных технологий, связанная с появлением криптовалют, новых форм правоотношений, осложненных цифровым элементом, определение условий безопасного Интернета, защиты персональных данных и др. Отметим, что в указанных и иных сферах достаточно сложно использовать делиберативные процедуры, а также основываться в государственном правоустановлении на прямой народной легитимации. Общество как множественность личностных правовых позиций нередко может не осознавать необходимость установления определенного правила поведения. Например, негосударственные корпорации, занимающиеся разработкой компьютерных игр, программного обеспечения, а нередко и сами пользующиеся этими программными продуктами граждане до определенного времени могут не учитывать необходимость защиты персональных данных, в отличие от государства, которое обязано обеспечить конституционные права граждан. Также очевидно, что принятие правовых норм финансово-

экономического характера, имеющих обоснованный и рациональный для правопорядка и национальной экономики характер, связанных с установлением новых налоговых платежей, повышением налоговых ставок, в целом увеличением расходов граждан, нецелесообразно ставить в зависимость от делиберативной процедуры в структуре нормотворческого процесса, что не означает нелегитимность данных норм. Не всегда возможно процедурно верно выявить и факт общей легитимации того или иного притязания граждан, особенно в связи с возможным влиянием на их правовое сознание заинтересованных в определенной сфере деятельности субъектов (например, цифровых медиа, сетевых сообществ, блоггеров и т. д.). В связи с этим должна быть обеспечена процедурная справедливость делиберативных институтов, например, открытые и персонально ответственные правила публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. Для этого целесообразно активнее использовать и становящиеся более привычными для граждан мобильные платформы и приложения. Определенная сфера правового регулирования объективно по соображениям юридической рациональности вообще исключается из пространства общественной легитимации, что присуще всем национальным правопорядкам. Например, в Республике Беларусь, равно как и в других государствах не подлежат публичному обсуждению проекты нормативных правовых актов, регулирующие общественные отношения в области обеспечения обороны и национальной безопасности, защиты государственных секретов, военно-технического сотрудничества и др.

Важным аспектом государственного правоустановления с антрополого-правовой точки зрения является требование его человекоориентированности, связанное с исключением злоупотребления институциональным характером государственной властной деятельности. В связи с этим правовое мышление государственных служащих – законодателя, правоприменителя должно иметь человекоориентированный характер, поскольку не система и институты, а личность является главной правовой ценностью. Внедряемые в современную нормотворческую деятельность различные делиберативные процедуры, в том числе с использованием цифровых инструментов, направлены именно на это.

Таким образом, роль государства на современном этапе состоит в институциональном обеспечении ценностно-правовых притязаний путем их отражения в системе источников права и осуществления разнообразных видов государственной властной юридической деятельности по воплощению правовых ценностей в правовой действительности, а также в связанном с этим инициативным государственным правоустановлением по выявлению общезначимых и ценностных притязаний. В случае ориентации на человекомерность права, выражающуюся в его легитимности

как опоре на общезначимые ценностно-правовые притязания граждан, государство подтверждает свое место в правовогенезе в качестве института обеспечения свободы, стабильности и благополучия развития человека и общества.

Библиографические ссылки

1. Как возможна логика в праве? : коллективная монография / под ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021. 456 с.

2. Три царства права: действительность, действенность, легитимность / Е. В. Тимошина [и др.] ; под ред. Е. В. Тимошиной. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2023. 644 с.

3. Павлов В. И. Антропологическая концепция права // Постклассическая онтология права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016. С. 325–376.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ

Ж. В. Попучеева

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь,
priemnaya@logoysk.gov.by*

Отмечается значимость жилищной политики в целом для государства и отдельно взятого человека. Также обозначена роль жилищной политики, по мнению отдельных авторов. Определены основные цели, задачи и принципы жилищной политики. На основе имеющихся интерпретаций автором предлагается определение термина «жилищная политика».

Ключевые слова: жилищная политика; социальная политика; жильё; жилищные условия.

САЦЫЯЛЬНА-ПРАВОВАЯ АСПЕКТ ДЗЯРЖАЎНАЙ ЖЫЛЛЁВАЙ ПАЛІТЫКІ

Ж. В. Папучэева

*Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт,
пр. Партызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь,
priemnaya@logoysk.gov.by*

Адзначаецца значнасць жыллёвай палітыкі ў цэлым для дзяржавы і асобна ўзятага чалавека. Таксама пазначана роля жыллёвай палітыкі на думку асобных аўтараў. Вызначаны асноўныя мэты, задачы і прынцыпы жыллёвай палітыкі. На аснове наяўных інтэрпрэтацый аўтарам прапануецца вызначэнне тэрміна «жыллёвая палітыка».

Ключавыя словы: жыллёвая палітыка; сацыяльная палітыка; жыллё; жыллёвыя ўмовы.

THE SOCIO-LEGAL ASPECT OF THE STATE HOUSING POLICY

Zh. V. Popucheyeva

*Belarusian State Economic University,
26 Partizansky Avenue, Minsk 220070, Belarus, priemnaya@logoysk.gov.by*

The article notes the importance of housing policy in general for the state and an individual. The role of housing policy is also outlined, according to some authors. The main goals, objectives and principles of housing policy are defined. Based on the available interpretations, the author proposes a definition of the term «housing policy».

Keywords: housing policy; social policy; housing; housing conditions.

Жилье является одной из первостепенных потребностей любого человека. Степень удовлетворения потребности в жилье во многом определяет поведение человека, его психологическое состояние, производственную деятельность, духовное и материальное благосостояние и развитие всей страны. Наличие у граждан жилья определяет развитие демографической ситуации страны, поскольку имея благоустроенное жилье, граждане создают комфортные и безопасные условия для рождения детей. Таким образом, жилищная сфера касается различных правовых отношений, возникающих по поводу жилья. Обеспечивая одни из самых важных потребностей человека, жилищные вопросы являются неотъемлемой частью государственной политики. При значительной дифференциации доходов некоторая часть населения не способна самостоятельно решить жилищную проблему. В связи с этим политика государства в жилищной сфере может выступить гарантом решения многих важных вопросов в правовом регулировании жилищных отношений: государственная поддержка при строительстве жилья (льготные кредиты, предоставление субсидий), предоставление жилых помещений и др.

Жилищная политика, представляет собой одно из важных направлений государственной социально-экономической политики. Она может трактоваться как в узком – политика, направленная на обеспечение граждан жильем, так и в широком смысле – политика, направленная на развитие строительства, регулирование жилищных отношений и повышение качества жилищных услуг, обеспечение доступности жилья.

Различные мнения высказываются авторами относительно значимости жилищной политики.

Например, российские ученые Е. Е. Шваков и Д. А. Кожанова считают жилищную политику одним из направлений современной национальной социальной политики, так как уровень обеспеченности населения жильем является одним из ключевых индикаторов уровня благосостояния и благополучия населения региона. Улучшение жилищных условий, по мнению указных авторов, является безусловным показателем роста благосостояния населения страны, основой политической и экономической стабильности государства [1, с. 105]. В качестве составляющей государственной политики, жилищную политику определяет М. М. Еременко. Она отмечает, что жилищная политика в области содействия улучшению жилищных условий населения оказывает влияние не только на качество жизни населения, но и является локомотивом развития практически всех отраслей народного хозяйства [2, с. 421]. Конкретизируя понимание жилищной политики через призму государственного управления К. Ю. Прокофьев выделяет отдельные задачи органов власти: установление целей; определение задач и принципов; разработка

программ, инструментов и методов для обеспечения реализации конституционного права всех граждан на жилище [3, с. 55]. Т. В. Соколова утверждает, что социальная политика в жилищной сфере направлена на помощь гражданам, находящимся в трудном жизненном положении, которое нарушает или затрудняет их жизнедеятельность в случае, если они не в состоянии преодолеть его собственными силами. Это могут быть различные ситуации: недееспособность в связи с болезнью или преклонным возрастом, потеря работы, сиротство, потеря жилья вследствие различных причин, низкий уровень жизни и бедность. Для того чтобы преодолеть подобные ситуации, гражданам требуется помощь со стороны общества и государства [4, с. 12].

И. И. Колесникова отмечает, что в современной зарубежной литературе сложилось представление о трех различных типах жилищной политики государств, которые описаны в либеральной, социал-демократической и корпоративистской моделях. Например, социал-демократическая модель характеризуется довольно сильным вмешательством государства в вопросы жилищной политики, обеспечение жильем осуществляется на общих основаниях, а не по результатам проверки нуждаемости. В свою очередь, в условиях либеральной модели жилищной политики определяющую роль играет рынок, при этом социальные пособия и услуги используются для обеспечения социальной защиты наиболее уязвимых групп населения. Социальное субсидирование осуществляется в направлении наиболее социально уязвимых семей. Противоположный подход используется в корпоративистской модели, которая предполагает социальное обеспечение в жилищной сфере на основе согласия между социальными партнерами и государством. Для данной модели характерна «трансляция» общественной иерархии в иерархию в жилищной сфере, при этом положение в иерархии определяется принадлежностью к определенной группе (корпорации): профсоюзы, иные профессиональные корпорации [5, с. 280].

Относительно жилищной политики Республики Беларусь можно отметить сходство с либеральной моделью в части поддержания социально незащищенных слоев населения: многодетных семей, детей-сирот, семей с невысоким доходом. В целом же жилищная политика в Республике Беларусь социально ориентированная. Это проявляется в предоставлении льготных кредитов, субсидий по уплате кредитов и процентов за пользование кредитом, регулирование стоимости строительства жилья для граждан, состоящих на учете, нуждающихся в улучшении жилищных условий и пр.

Проведенный правовой анализ свидетельствует о том, что нормативные правовые акты не содержат определение термина «жилищная поли-

тика». Определение «жилищной политики» должно наиболее полно отражать ее сущность, основные характеристики. В связи с этим «жилищную политику» можно определить как один из важных компонентов государственной политики, цель которой обеспечение реализации гарантий права граждан на жилье путем создания условий для удовлетворения их потребности в доступном и комфортном жилье согласно индивидуальным запросам и финансовым возможностям, формирование полноценного рынка жилья, а также поддержки отдельных категорий граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, в порядке, предусмотренном законодательством.

Задачи государственной жилищной политики состоят в том, чтобы предоставить каждому гражданину широкий выбор способов решения жилищного вопроса, включая строительство нового жилья, его приобретение на вторичном рынке, наем жилых помещений государственного и частного жилищных фондов.

Жилищная политика является важной составляющей социальной политики государства и направлена на обеспечение жилищных потребностей населения и создание условий для достойной жизни каждого гражданина. Она основывается на ряде принципов, которые направлены на обеспечение населения достойным и доступным жильем.

К важнейшим принципам жилищной политики в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 февраля 2008 г. № 262 «О Концепции строительства (реконструкции) доступного и комфортного жилья для граждан Республики Беларусь» следует отнести:

- комплексный подход в развитии жилищной сферы;
- планирование развития жилищной сферы в республике и регионах в зависимости от демографической ситуации;
- разграничение сфер влияния органов республиканского и местного уровней управления;
- обеспечение доступности жилья и жилищно-коммунальных услуг в пределах нормы предоставления общей площади жилого помещения социального пользования;
- сохранение обязательств государства перед гражданами, состоящими на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий;
- реализация права граждан на жилище;
- создание благоприятных условий для инициативного решения жилищных проблем.

Указанные принципы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Все они важны для успешной реализации жилищной политики. Принципы определяют пути совершенствования и дальнейшего удовлетворения потребности населения в достойном и доступном жилье, в улучшении качества

жилищного фонда и создании комфортных условий для проживания. Это означает, что каждый человек должен иметь возможность приобрести или арендовать жилье в соответствии с экономическим и социальным положением семей и отдельных граждан.

Ключевой целью реализации жилищной политики белорусского государства является предоставление каждому трудоспособному человеку возможности собственным трудом и предприимчивостью обеспечить приобретение достойного жилья себе и своей семье, каждому социально уязвимому гражданину, нуждающемуся в улучшении жилищных условий, в получении социального или арендного жилья, строительство жилья с государственной поддержкой. На это направлены государственные меры по обеспечению граждан государственной поддержкой в строительстве (приобретении) и в получении жилья.

Значимость данных принципов означает, что государство должно учитывать различные социальные группы и их потребности при разработке и реализации жилищной политики. Например, предоставление льгот и субсидий на жилье для малоимущих граждан или молодых семей.

Государственное регулирование является неотъемлемой частью жилищной политики. Государство должно создавать правовую и экономическую основу для развития жилищного сектора, контролировать цены на жилье, предоставлять финансовую поддержку и стимулировать строительство и ремонт жилья [6].

Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292, предусмотрено наращивание объемов строительства жилья с государственной поддержкой для социально уязвимых категорий граждан – многодетных семей, детей-сирот, инвалидов и других категорий граждан. Предполагается, что повышению доступности жилья будет способствовать строительство арендного жилья, в том числе с привлечением частного капитала.

Следует также отметить, что в целях реализации жилищной политики государственными органами разрабатывается механизм ее реализации, который представляет собой систему взаимосвязанных программ, мероприятий, нормативов, методов и средств управления. Механизм реализации государственной жилищной политики направлен на организацию деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, предприятий и организаций строительного и жилищно-коммунального комплексов всех форм собственности по установлению, обеспечению, поддержанию и систематическому повышению качества жилья на всех стадиях его жизненного цикла, оказанию социальной поддержки населению в обеспечении прав на жилье.

Библиографические ссылки

1. *Кожанова Д. А., Шваков Е. Е.* Факторы рынка недвижимости частных домо-владений Республики Алтай: их количественная оценка и роль в формировании жилищной политики региона // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 3. С. 104–111.
2. *Еременко М. М.* Принципы государственной жилищной политики и критерии оценки эффективности ее реализации (на примере Республики Беларусь) // Жилищные стратегии. 2018. Т. 5, № 4. С. 421–452.
3. *Прокофьев К. Ю.* Государственная жилищная политика: понятие, цели, задачи, принципы и проблемы формирования и реализации // Регион. экономика: теория и практика. 2015. № 43. С. 54–62.
4. Государственная жилищная политика: социальное измерение / Т. В. Чурбанов [и др.] ; отв. ред. Т. В. Соколова. М. : Либроком, 2009. 285 с.
5. *Колесникова И. И.* Жилищная проблема как элемент качества жизни // Дружковский вестник. 2022. № 1. С. 279–289.
6. Принципы жилищной политики [Электронный ресурс] // Европейская экономическая комиссия ООН. URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/hlm/documents/2010/ese.hbp.2010.6.r.pdf> (дата обращения: 09.01.2024).

О НЕОБХОДИМОСТИ КОРРЕКТИРОВКИ НОРМ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДАЧУ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ

С. В. Рыбак

*БИП – Университет права и социально-информационных технологий,
ул. Октябрьская, 5, 220030, г. Минск, Беларусь, bip.kafupip@mail.ru*

Проводится анализ конструкции ч. 1 ст. 401 Уголовного кодекса Республики Беларусь, обосновывается необходимость уточнения ее содержания, предлагается вариант корректировки указанной нормы. Помимо этого, актуализируется вопрос и аргументируется предложение об уточнении формулировки обязанности эксперта и переводчика не разглашать сведения, которые стали им известны в связи с участием в производстве по материалам и уголовному делу.

Ключевые слова: эксперт; переводчик; показания; уголовная ответственность; стадия.

АБ НЕАБХОДНАСЦІ КАРЭКТАВАННЯ НОРМ ІНСТЫТУТА КРЫМІНАЛЬНАЙ АДКАЗНАСЦІ ЗА ДАЧУ ЗАГАДЗЯ ІЛЖЫВЫХ ПАКАЗАННЯЎ

С. В. Рыбак

*БІП – Універсітэт права і сацыяльна-інфармацыйных тэхналогій,
вул. Кастрычніцкая, 5, 220030, Мінск, Беларусь, bip.kafupip@mail.ru*

Праводзіцца аналіз канструкцыі ч. 1 арт. 401 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь, абгрунтоўваецца неабходнасць удакладнення яе зместу, прапануецца варыянт карэктроўкі названай нормы. Акрамя гэтага актуалізуецца пытанне і аргументуецца прапанова аб удакладненні фармулёўкі абавязку эксперта і перакладчыка не распаўсюджаць звесткі, якія сталі ім вядомыя ў сувязі з удзелам у вытворчасці па матэрыялах і крымінальнай справе.

Ключавыя словы: эксперт; перакладчык; паказанні; крымінальная адказнасць; стадыя.

ABOUT THE NECESSITY TO ADJUST THE STANDARDS OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR COTTAGE KNOWINGLY FALSE INDICATIONS

S. V. Rybak

*BIP – University of Law and social-information technologies,
5 Oktyabrskaya Street, Minsk 220030, Belarus, bip.kafupip@mail.ru*

The article analyzes the design of Part 1 of Art. 401 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, the need to clarify its content is substantiated, and an option for

adjusting this norm is proposed. In addition, the issue is updated and the proposal to clarify the wording of the obligation of the expert and translator not to disclose information that became known to them in connection with participation in the proceedings on materials and the criminal case is argued.

Keywords: expert; translator; testimony; criminal liability; stage.

Правосудие – это наиболее надежный и цивилизованный способ разрешения возникающих в обществе конфликтов, защиты прав и свобод граждан, интересов гражданского общества и государства [1, с. 111]. Оно предполагает деятельность не только самого суда – органа, реализующего функцию осуществления правосудия, но и расследование, обвинение, защиту, юридическую помощь сторонам, представление в процессе публичных интересов и т. п., то есть функции, которые реализуются другими органами или учреждениями (прокуратурой, адвокатурой, следственными подразделениями и т. п.).

Правовые основы деятельности суда и задействованных в осуществлении правосудия государственных органов, их правовой статус и правовой статус остальных участников судопроизводства, авторитет судебной власти и т. д. нуждаются в надлежащих гарантиях, в том числе и уголовно-правового характера. В связи с этим в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) содержится гл. 34, устанавливающая уголовную ответственность за совершение преступлений против правосудия. Дополнительным объектом данной группы преступлений выступают жизнь и здоровье должностных лиц, осуществляющих правосудие, подозреваемых, обвиняемых, осужденных; конституционные права и свободы граждан, а также иные общественные отношения. Названный фактор обуславливает их особую значимость, а также усиливает требования к прозрачности и определенности в нормативной регламентации, корректности и единообразия применения.

Статья 401 УК «Заведомо ложное показание» предусматривает уголовную ответственность за «заведомо ложное показание свидетеля или потерпевшего, либо заведомо ложное заключение эксперта, либо сделанный переводчиком заведомо неправильный перевод в суде при рассмотрении уголовных, гражданских и экономических дел либо при производстве предварительного следствия или дознания».

В структуре и содержании данной нормы имеются недостатки, не позволяющие в некоторых случаях ее корректно трактовать и использовать правоприменительно.

Так, анализ конструкции ч. 1 ст. 401 УК позволяет утверждать, что фраза «при производстве предварительного следствия или дознания» указывает на конкретную стадию уголовного процесса (дознание и

предварительное следствие осуществляется исключительно на стадии предварительного расследования), ограничивая возможность привлечь к уголовной ответственности переводчика за сделанный им заведомо неправильный перевод, а также эксперта за дачу заведомо ложного заключения на стадии возбуждения уголовного дела (при производстве проверки по заявлению (сообщению) о преступлении). На этот момент обращают внимание авторы учебных материалов по уголовному праву, в том числе и научно-практического комментария к УК [2, с. 577; 3, с. 827–828].

В уголовном процессе экспертом признается не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, которое обладает специальными знаниями в науке, искусстве, ремесле и технике, а также иных сферах деятельности и которому поручено проведение экспертизы. В соответствии с ч. 2 ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) назначение и проведение экспертизы является следственным действием, разрешенным к проведению на стадии возбуждения уголовного дела. Часть 2 ст. 226 УПК допускает на данном этапе назначение судебно-медицинской экспертизы для определения причин смерти и степени тяжести телесных повреждений, а также для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Пункт 1 ч. 1 ст. 228 УПК уже *обязывает* орган уголовного преследования назначить экспертизу для установления причины смерти, характера и степени тяжести телесных повреждений. При этом не уточняется момент назначения (до возбуждения уголовного дела или после) и время проведения экспертного исследования, дачи заключения экспертом. Соответственно, все эти действия могут и должны быть реализованы, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела.

Среди обязательных атрибутов заключения эксперта законодатель регламентирует отметку, удостоверенную подписью эксперта, о том, что он предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (п. 4 ч. 1 ст. 236 УПК). Данное требование не ограничено стадией участия эксперта в уголовном процессе, а следовательно, реализуется и на стадии возбуждения уголовного дела. Заключение эксперта может служить источником сведений, позволяющих принять одно из решений на стадии возбуждения уголовного дела, предусмотренных ст. 174 УПК. В ст. 237 УПК закреплено правомочие следователя на получение объяснений от эксперта для разъяснения данного им заключения на стадии возбуждения уголовного дела.

УПК определяет переводчика как лицо, не заинтересованное в исходе уголовного дела, которое владеет языком, необходимым для перевода в ходе проведения следственных и других процессуальных действий,

а также для перевода письменных документов. В ч. 3 ст. 63 УПК закреплены права переводчика, среди которых в п. 1 регламентировано правомочие «отказаться от участия в производстве по материалам и уголовному делу» в случае, когда лицо не обладает нужными для перевода знаниями. В приведенной формулировке законодатель прямо указывает на возможность участия переводчика при производстве по материалам. Последнее, согласно п. 31 ст. 6 УПК, имеет место «при принятии и рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении», то есть на стадии возбуждения уголовного дела.

Все участники уголовного процесса, вступая в него, автоматически наделяются правами и приобретают обязанности. Не исключением являются и те лица, которые принимают участие в уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела. Как минимум они обладают такими универсальными правомочиями, как обращаться с жалобой, заявлением, замечанием на родном языке или языке, которым они владеют, пользоваться бесплатными услугами переводчика и т. д. [4, с. 133]. Реализация указанного права предполагает участие переводчика при проведении проверки по заявлениям (сообщениям) о преступлении.

Правовое положение эксперта и переводчика регламентированы ст. 61, 63 УПК соответственно. Их содержание распространяется на все стадии уголовного процесса, на которых эксперт и переводчик могут осуществлять свою деятельность.

Таким образом, анализ перечисленных норм УПК позволяет резюмировать, что законодатель не проводит ярко выраженной дифференциации деятельности эксперта и переводчика в зависимости от стадии уголовного процесса, не выделяет особенности их процессуального статуса на каждой из стадий.

Однако конструкция ч. 1 ст. 401 УК исключает эксперта и переводчика из субъектов, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, если предусмотренные объективной стороной действия (дача заведомо ложного заключения, осуществление заведомо неправильного перевода) совершены этими участниками уголовного процесса при проведении органом уголовного преследования проверки по заявлениям (сообщениям) о преступлении.

К уголовной ответственности по ст. 401 УК также привлекаются свидетели и потерпевшие, которые дали заведомо ложные показания. Однако действия данных участников уголовного процесса, охватываемые объективной стороной рассматриваемого состава преступления, не могут совершаться на стадии возбуждения уголовного дела. В соответствии со ст. 94 и 95 УПК показания свидетеля или потерпевшего – это све-

дения, сообщенные соответственно свидетелем или потерпевшим в устной или письменной форме при производстве следственных действий с их участием на предварительном следствии, дознании или в судебном заседании. Законодатель исключил возможность дачи свидетелем и потерпевшим показаний до возбуждения уголовного дела. Да и сами эти участники уголовного процесса, в отличие от эксперта и переводчика, появляются в нем только с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Однако и здесь законодателю следовало проработать вопрос о включении с перечень субъектов преступления, предусмотренного ст. 401 УК, такого участника уголовного процесса, как «лицо, дающее объяснения». Вместе с тем эта проблема нуждается в самостоятельном исследовании.

Проведенный анализ ряда норм УК и УПК позволяет резюмировать о целесообразности корректировки редакции ч. 1 ст. 401 УК. Предлагаем выражение «при производстве предварительного следствия или дознания» заменить следующей формулировкой: «на досудебном производстве по материалам или уголовному делу».

В неразрывной связи с указанной проблемой является и некорректная редакция п. 8 ч. 4 ст. 61 и п. 7 ч. 4 ст. 63 УПК, в которых закреплена обязанность эксперта и переводчика не разглашать сведения об обстоятельствах уголовного дела и иные сведения (данные), ставшие им известными в связи с участием в производстве по уголовному делу (для эксперта – проведением экспертизы), если они были предупреждены об этом органом уголовного преследования или судом.

Конструкция этих норм не содержит запретов на разглашения сведений экспертом или переводчиком, которые они могут получить при проведении экспертизы или осуществлении (подготовке) перевода на стадии возбуждения уголовного дела. Для устранения обозначенного пробела предлагаем:

- из п. 8 ч. 4 ст. 61 УПК исключить фразу «об обстоятельствах уголовного дела и иные сведения»;
- из п. 7 ч. 4 ст. 63 УПК исключить фразу «об обстоятельствах уголовного дела и иные данные», а после слов «в производстве» добавить фразу «по материалам и».

Устранение обозначенных пробелов позволит упорядочить соответствующие правоотношения, внесет прозрачность и определенность в конструкцию соответствующих норм, усилит уголовно-правовые гарантии защиты прав, свобод и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовного процесса.

Библиографические ссылки

1. *Лебедев В. М.* Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. СПб. : Лань, 2001. 384 с.
2. Уголовное право : учеб. пособие / А. В. Барков [и др.] ; под ред. А. Л. Савенка, А. В. Шидловского, К. С. Захилько. Минск : БГУ, 2023. 607 с.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. 1000 с.
4. *Рыбак С. В.* Участники уголовного процесса. Глава 4 // Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И. В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И. В. Данько ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2012. 478 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Л. М. Рябцев

*Конституционный Суд Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 4, 220016, г. Минск, Беларусь*

Исследуются сущностно-содержательные аспекты конституционной безопасности. Анализируются соответствующие положения Конституции Республики Беларусь; рассматриваются понятия безопасности, конституционной безопасности, правовой (юридической) безопасности; научные подходы к определению юридической природы конституционной безопасности. По итогам анализа сделан вывод об основополагающем значении конституционных положений о безопасности: как конституционная категория безопасность является правовой основой всей системы национальной безопасности.

Ключевые слова: Конституция; безопасность; конституционная безопасность; право на безопасность; конституционные принципы.

НЕКОТОРЫЯ АСПЕКТЫ КАНСТЫТУЦЫЙНАЙ БЯСПЕКІ

Л. М. Рабцаў

*Канстытуцыйны Суд Рэспублікі Беларусь,
вул. Краснаармейская, 4, 220016, г. Минск, Беларусь*

Даследуюцца сутнасна-змястоўныя аспекты канстытуцыйнай бяспекі. Анализуюцца адпаведныя палажэнні Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь; разглядаюцца паняцці бяспекі, канстытуцыйнай бяспекі, прававой (юрыдычнай) бяспекі; навуковыя падыходы да вызначэння юрыдычнай прыроды канстытуцыйнай бяспекі. Па выніках аналізу зроблена выснова аб асноватворным значэнні канстытуцыйных палажэнняў аб бяспецы: як канстытуцыйная катэгорыя бяспека з'яўляецца прававой асновай усёй сістэмы нацыянальнай бяспекі.

Ключавыя словы: Канстытуцыя; бяпека; канстытуцыйная бяпека; права на бяпеку; канстытуцыйныя прынцыпы.

SOME ASPECTS OF CONSTITUTIONAL SECURITY

L. M. Ryabtsev

*Constitutional Court of the Republic of Belarus,
4 Krasnoarmeyskaya Street, Minsk 220016, Belarus*

The article examines the essential and substantive aspects of constitutional security. The author analyses relevant provisions of the Constitution of the Republic of Belarus; considers the concepts of security, constitutional security, legal security and explores scientific approaches to the legal nature of constitutional security. Based on the results of the analysis the author concludes about the fundamental importance of constitutional provi-

sions on security: being a constitutional category security is the legal basis of the entire national security system.

Keywords: Constitution; security; constitutional security; right to security; constitutional principles.

За последнее время в юридической науке и практике произошли существенные изменения в осмыслении проблем конституционно-правовой безопасности, которые нашли воплощение в законодательстве и доктрине.

Ключевую роль в определении конституционно-правовой безопасности в Республике Беларусь играет Конституция Республики Беларусь (далее также – Конституция), выступающая одновременно источником и основой правовых норм в данной сфере правовых отношений.

В важнейшей части Конституции – преамбуле содержатся исходные принципы формирования конституционно-правовой безопасности белорусского государства, его функционирования и развития. Обусловлено это тем, что преамбула Конституции – это вводная часть, предшествующая основному тексту Конституции, имеющая существенное значение в понимании смысла как Конституции в целом, так и ее отдельных положений.

Так, в преамбуле Конституции указывается: «Мы, народ Республики Беларусь (Беларуси)..., исходя из ответственности за настоящее и будущее Беларуси, принимаем Конституцию – Основной Закон». Это означает, что существуют определенная территория и население, соединенные вместе, которые выступают первоосновой национальной безопасности, поскольку Конституция основывается на воле народа и принимается в его интересах, что предопределяет значимость Основного Закона для последующего развития общества и государства.

В преамбуле содержатся и иные принципы объединения народа Республики Беларусь на ее территории как национальной ценности, например, приверженность общечеловеческим ценностям, утверждение прав и свобод человека и гражданина, устоев правового государства и социально справедливого общества.

В качестве принципов безопасности, заложенных в преамбуле, следует рассматривать и такие исходные положения, как неотъемлемое право на самоопределение, сохранение национальной самобытности и суверенитета, ответственность за настоящее и будущее, независимость и процветание Беларуси. Эти принципы направлены на сохранение содержательной стороны обеспечения безопасности и предполагают неделимость безопасности, ее равенство для всех народов, проживающих на территории Республики Беларусь.

Важными для безопасности являются положения преамбулы, согласно которым население Республики Беларусь сознает себя полноправным субъектом мирового сообщества. Они означают в том числе, что безопасность народа Республики Беларусь должна обеспечиваться не за счет и не в ущерб другим народам и нациям. Данная безопасность выступает основным элементом системы безопасности Республики Беларусь наряду с региональной и международной (всеобщей).

Таким образом, изложенные в преамбуле принципы предопределяют содержание конституционных норм, служат правовой основой конституционной безопасности в Беларуси, направлены на регулирование общественных отношений в рассматриваемой сфере. Данные принципы детализированы в соответствующих статьях Конституции и обуславливают развитие конституционных принципов и норм в законодательстве Республики Беларусь, поскольку Конституция в силу ч. 2 ст. 7 Основного Закона имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь; иные правовые акты издаются на основе и в соответствии с Конституцией.

Конституция Республики Беларусь как особый юридический документ, учредительный акт государства обладает высшей юридической силой, принимается и изменяется в особом порядке, имеет особый предмет правового регулирования общественных отношений и специфическую форму юридической защиты, является правовой и юридической основой конституционной безопасности Республики Беларусь.

Конституция выступает нормативно-правовой основой системы правовых средств обеспечения безопасности личности, общества и государства, а сама безопасность приобретает конституционные характеристики и трансформируется в институт конституционно-правовой безопасности.

В основе обеспечения конституционно-правовой безопасности лежит законодательное регулирование общественных отношений, что обусловлено местом и ролью права, специальными юридическими функциями права как основными направлениями юридического воздействия на общественные отношения, прежде всего функцией регулятивно-нормативного закрепления соответствующих общественных отношений, их организационного оформления и охранительной функцией – действием права, нацеленным на охрану общественных отношений, в которых заинтересовано государство, в целях обеспечения конституционной безопасности государства, защиты его независимости и территориальной целостности, конституционного строя, обеспечения законности и правопорядка (ч. 3 ст. 1 Конституции), безопасности личности, общества и государства (раздел II Конституции).

Этимологический аспект нормативно-правового образования «конституционно-правовая безопасность» представляет собой традиционную

для юриспруденции технико-юридическую конструкцию в виде словосочетания, производного от понятий «конституция», «безопасность» и «правовая безопасность». В наиболее общем значении рассматриваемое институциональное образование представляет собой основанную на положениях Конституции совокупность социально-регулятивных нормативных общеобязательных правил поведения, охраняемых и обеспечиваемых государством, содержащих права и (или) обязанности соответствующих участников общественных отношений. Объектами этих отношений являются конституционная безопасность (ч. 1 ст. 23), создание условий для защиты персональных данных, безопасности личности и общества при их использовании (ч. 2 ст. 28), гарантированные безопасные условия труда для граждан (ч. 1 ст. 41), осуществление права собственности (ч. 5 ст. 44), развитие атомной энергетики в мирных целях (ч. 2 ст. 46).

Совокупность объектов правового регулирования в сфере безопасности и их приоритетный характер определены в нормах Конституции, закрепляющих полномочия Президента Республики Беларусь по принятию мер по охране суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности (ч. 2 ст. 79), полномочия Всебелорусского народного собрания по утверждению Концепции национальной безопасности, принятию по предложению Президента Республики Беларусь решений о возможности направления военнослужащих, сотрудников военизированных организаций иных лиц за пределы Республики Беларусь для участия в обеспечении коллективной безопасности и деятельности по поддержанию международного мира и безопасности (ч. 1 и 10 ст. 89³), об отмене правовых актов, иных решений государственных органов и должностных лиц, противоречащих интересам национальной безопасности (ч. 2 ст. 89⁵); полномочия Правительства по принятию мер по обеспечению прав и свобод граждан, защите интересов государства, национальной безопасности.

К числу других основополагающих норм Конституции, устанавливающих приоритетные объекты правового регулирования, чьи интересы подлежат безусловной защите, относятся нормы, направленные на обеспечение конституционно-правовой безопасности человека, поскольку согласно Конституции человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (ч. 1 ст. 2); обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства (ч. 1 ст. 21).

Приведенные нормы указывают на исключительный характер обеспечения прав и свобод, поскольку главным объектом конституционной безопасности выступают человек и гражданин, их права и свободы,

то есть всем людям, находящимся на территории Республики Беларусь, гарантируется безопасность, при этом государство обязано обеспечивать и принимать все доступные ему меры для полного осуществления прав и свобод. Это означает, что права и свободы человека и гражданина являются первичными по отношению к интересам государства, а их реализация может быть осуществлена лишь при создании безопасности условий для жизни человека.

Таким образом, конституционные нормы регулируют отношения человека, гражданина и государства в сфере безопасности.

При этом следует учитывать, что на практике возникают ситуации, когда права и свободы человека могут быть ограничены. В настоящее время объективная реальность такова, что все государства независимо от уровня развития демократии вынуждены устанавливать ограничения в отношении конституционных прав и свобод человека в интересах национальной безопасности. Произвольное ограничение прав и свобод человека и гражданина в Республике Беларусь не допускается. В соответствии с ч. 1 ст. 23 Конституции ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровье населения, прав и свобод других лиц.

Соответственно, ограничения прав и свобод личности допустимы только в случаях, исчерпывающе определенных в Конституции, и только на основе законов Республики Беларусь. При этом такие ограничения должны обеспечивать достижения справедливого баланса публичных и частных интересов; соблюдение принципа пропорциональности; недопущение чрезмерных ограничений, искажающих суть конституционных прав и свобод личности.

Так, в случаях, предусмотренных п. 22 ст. 84 Конституции, Президент Республики Беларусь может вводить чрезвычайное положение. Законом Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. «О чрезвычайном положении» определено, что целью введения чрезвычайного положения является устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение безопасности жизни и здоровья людей, а также устранение опасности, представляющей угрозу территориальной целостности и существованию государства. В соответствии с данным Законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия.

Таким образом, права и свободы человека и гражданина, охрана, защита и обеспечение их реализации являются базовой ценностью конституционной безопасности.

Особую значимость имеют конституционные нормы, предусматривающие требования, связанные с защитой независимости, территориальной целостности, конституционного строя Республики Беларусь (ч. 3 ст. 1 Конституции).

Защиту территориальной целостности Республики Беларусь следует рассматривать как принцип независимости государства, как неотъемлемый элемент полного и исключительного его суверенитета, являющегося неприкосновенным от посягательств со стороны других государств путем применения силы или угрозы силой.

В связи с этим защита территориальной целостности и независимости может рассматриваться как защита от угрозы конституционной (национальной) безопасности Республики Беларусь.

Одним из основных направлений деятельности по обеспечению безопасности общества и государства является защита конституционного строя путем реализации совокупности социальных, экономических и политико-правовых отношений и институтов, установленных и охраняемых Конституцией и законами Республики Беларусь, поскольку от этого зависят стабильность и развитие страны.

Важное место в Конституции занимают и иные правоустанавливающие нормы, относящиеся к данной сфере правоотношений. В частности, ст. 3 Конституции предусмотрено, что единственным источником государственной власти и носителем суверенитета Республики Беларусь является народ (ч. 1). В других статьях установлены полномочия и ответственность органов государственной власти различных уровней. Так, согласно Конституции Президент Республики Беларусь принимает меры по охране суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности и территориальной целостности (ч. 2 ст. 79); Правительство Республики Беларусь принимает меры по обеспечению прав и свобод граждан, защите интересов государства, национальной безопасности (ч. 5 ст. 107).

При этом рассмотрение всех норм Конституции, определяющих исходные положения конституционного права на конституционную безопасность, вряд ли целесообразно, поскольку в Конституции закреплены основные, отправные положения данного права, которые являются связующими в системе конституционных прав и свобод. Употребление термина «безопасность» в Конституции в разных контекстах свидетельствует о многообразии видов безопасности.

В конституциях государств Европейского союза положения о безопасности также получили закрепление. В частности, пункты «а» – «d» ст. 78 Конституции Австрийской Республики специально посвящены органам, обеспечивающим безопасность государства, а ст. 87 Конституции

ФРГ предусмотрена возможность учреждения федеральным законом ведомств по сбору материалов для целей охраны Конституции и для защиты ее от попыток создать на территории федерации угрозу ее интересам путем применения силы или подготовки ее применения.

Анализ рассмотренных выше положений Конституции позволяет сформулировать следующие выводы:

- безопасность как конституционная категория является правовой основой всей системы национальной безопасности;
- дефиниция «безопасность» употребляется в Конституции в разных контекстах, что свидетельствуют о многообразии видов безопасности;
- основы обеспечения безопасности закреплены в различных конституционно-правовых нормах, нормативный аспект учредительной функции Конституции обуславливает основополагающее значение конституционных положений о безопасности;
- в Конституции установлена система общеобязательных правил (норм), выступающих регулятором качественно однородной группы общественных отношений, связанных общностью предмета правового регулирования – конституционного права на безопасность.

ОБЪЕМ ПРАВ АДВОКАТА ПРИ УЧАСТИИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ВЫДАЧЕ ЛИЦА ИНОСТРАННОМУ ГОСУДАРСТВУ

В. И. Самарин

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, samarynv@bsu.by*

Анализируются права защитника лица, задержанного либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи, с позиции обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов такого лица. Установлена необходимость расширения прав защитника для должного исполнения своего назначения в рассматриваемом производстве.

Ключевые слова: международно-правовая парадигма; международная правовая помощь по уголовным делам; выдача обвиняемого (осужденного); юридическая помощь.

АБ'ЁМ ПРАВОЎ АДВАКАТА ПРЫ ЁДЗЕЛЕ Ё ВЯДЗЕННІ ПА ВЫДАЧЫ АСОБЫ ЗАМЕЖНАЙ ДЗЯРЖАВЕ

В. І. Самарын

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, samarynv@bsu.by*

Аналізуюцца правы абаронцы асобы, затрыманай або да якой прыменена мера стрымання на падставе рашэння аб выкананні просьбы органа замежнай дзяржавы або ў сувязі са знаходжаннем у міжнародным вышуку з мэтай выдачы, з пазіцыі забеспячэння эфектыўнай абароны правоў і законных інтарэсаў такой асобы. Устаноўлена неабходнасць пашырэння правоў абаронцы для належнага выканання свайго прызначэння ў разгляданым вядзенні.

Ключавыя словы: міжнародна-прававая парадыгма; міжнародная прававая дапамога па крымінальных справах; выдача абвінавачванага (асуджанага); юрыдычная дапамога.

SCOPE OF RIGHTS OF A DEFENCE LAWYER WHEN PARTICIPATING IN PROCEEDINGS FOR THE EXTRADITION OF A PERSON TO A FOREIGN STATE

V. I. Samaryn

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, samarynv@bsu.by*

The publication reveals the rights of the defence lawyer of a person detained or to whom a preventive measure has been applied based on a decision to execute a request from

an authority of a foreign state or in connection with being on the international wanted list for the purpose of extradition. The rights are analysed from the standpoint of ensuring effective protection of the rights and legitimate interests of such a person. The need has been established to expand the rights of the defence lawyer in order to properly fulfil his (her) assignment within the proceedings in question.

Keywords: international legal paradigm; international legal assistance in criminal matters; extradition of an accused (convict); legal aid.

Лицо, застигнутое в чуждом правовом пространстве уголовным процессом, всегда требует дополнительной правовой защиты. И если в производстве по уголовному делу большинства государств такие гарантии имеются, то для процедуры оказания международной правовой помощи по уголовным делам это не всегда норма. Важнейшим конституционным правом лиц, вовлекаемых в данную процедуру, является право на юридическую помощь. Исследуя вопросы правового статуса личности, профессор А. М. Абрамович еще в советский период особо отмечал необходимость расширения участия адвоката в уголовном процессе, лоббируя допуск защитника к участию в уголовном процессе с первых часов применения к гражданину мер принуждения и отмечая, что «иное, ухудшающее положение гражданина решение этого вопроса в условиях демократического государства неприемлемо» [1, с. 490–491]. Закономерно, что участие защитника в уголовном процессе должно обеспечивать эффективную защиту прав и законных интересов подзащитного, что может быть достигнуто только при наличии должного объема прав у такого адвоката в определенном производстве.

Обычно право на защиту является ответом на обвинение. Однако обвинение существует в уголовном процессе, где дело рассматривается по существу. Говоря о выдаче, следует понимать, что такой процесс осуществляется, как правило, в запрашивающем государстве. В запрашиваемом же государстве производство ведется не против вовлеченных лиц, а в отношении просьбы органа иностранного государства поддержать основной процесс, т. е. рассматриваемая процедура носит субсидиарный характер. Однако и в такой процедуре лицу может понадобиться юридическая помощь профессионального участника, коим выступает адвокат. Хотя в литературе отмечают, что защита лица, запрашиваемого к выдаче, — это защита от экстрадиции, от необоснованной выдачи в другое государство [2, с. 27].

С этой целью белорусский законодатель расширил функции защитника. Последний осуществляет процессуальную деятельность в целях обеспечения прав и интересов лица, задержанного либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в между-

народном розыске с целью выдачи (далее – лица, подлежащие выдаче). Тем самым законодатель расширил и уголовно-процессуальную функцию защиты, привнеся в уголовный процесс Республики Беларусь иностранный элемент. Задача защитника в рамках оказания международной правовой помощи по уголовным делам следить за соблюдением законодательства Республики Беларусь и международных договоров Республики Беларусь в процессе выдачи, за соблюдением прав (в том числе процессуальных) лиц, подлежащих выдаче [3, с. 57]. Для привлечения защитника к участию в рассмотрении просьбы органа иностранного государства указанным лицам должно быть своевременно и соответствующим образом разъяснено их право иметь защитника (п. 2 ч. 1 ст. 507, абз. 1 ч. 1 ст. 508 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)).

При определении круга лиц, допускаемых в качестве защитников лиц, подлежащих выдаче, законодатель ориентируется на общие положения уголовного процесса Республики Беларусь (ч. 2 ст. 44 УПК), которые исходят из того, что защиту в уголовном процессе могут осуществлять только профессиональные юристы – адвокаты. При этом предусматривается, что адвокаты – граждане иных, чем Республика Беларусь государств, осуществляют защиту только, если это предусмотрено международными договорами. Следует отметить, что на практике органы иностранных государств иногда просят уведомить защитника лица, являющегося в запрашивающем государстве обвиняемым, о времени производства следственного действия.

Статья 509 УПК не определяет момент начала участия защитника в рассмотрении просьбы органа иностранного государства о выдаче лица. Исходя из нормы ч. 4 ст. 44, ст. 507, 508 УПК, можно заключить, что защитник должен иметь возможность участвовать в рассмотрении данной просьбы с момента фактического задержания лица, применения к нему меры пресечения либо вынесения постановления о выдаче лица на время иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого.

Для осуществления своих функций по защите прав и законных интересов лиц, подлежащих выдаче, защитник наделен рядом прав (ч. 2, 3 ст. 509 УПК). Защитник самостоятельно реализует свои права, но средства и методы осуществления защиты он избирает, зачастую, с учетом воли подзащитного. Если сравнить права защитника и указанных представляемых лиц, то можно прийти к выводу, что они производны от прав последних, но несколько уже.

Одновременно можно заметить, что во многом права защитника в исследуемом производстве схожи с правами данного участника в орди-

нарном национальном уголовном процессе (ч. 1 ст. 48 УПК). Правда, они обусловлены не противостоянием обвинению, а необходимостью оказания квалифицированной юридической помощи при применении мер принуждения в связи с нахождением в международном розыске либо при рассмотрении Генеральной прокуратурой Республики Беларусь просьбы органа иностранного государства.

Пункт 1 ч. 2 ст. 509 УПК сопоставим с п. 1 ч. 1 ст. 48 УПК, когда защитнику должна быть доведена информация о сути подозрения (обвинения) подзащитного в рамках национальной процедуры. В производстве по выдаче лица иностранному государству защитник имеет право «знать об обстоятельствах, послуживших основанием для задержания защищаемого им лица либо применения к нему меры пресечения». Вряд ли законодатель понимает под такими «обстоятельствами» лишь сообщение формальных данных о нахождении лица в международном розыске по запросу такого-то государства либо наличии просьбы органа иностранного государства. Сопоставляя с общей процедурой, можно заключить, что защитнику должна быть доведена информация о наличии лица в базе международного розыска (поступлении просьбы органа иностранного государства), сути предъявляемого лицу в иностранном государстве обвинения либо содержания постановленного в отношении подзащитного приговора.

Изначально подзащитный может находиться в розыске, затем, при поступлении просьбы органа иностранного государства, статус лица изменяется и увеличивается круг прав его защитника для обеспечения защиты от постановления о выдаче защищаемого им лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания. Законодатель позволяет защитнику знакомиться с копией такого постановления. Однако для его эффективного обжалования адвокат должен обладать знаниями и о сути просьбы органа иностранного государства (ее содержание в большинстве случаев не может быть раскрыто, исходя из конфиденциальности обмена информацией в межгосударственном общении). И это должно быть обеспечено в рамках п. 1 ч. 2 ст. 509 УПК.

Идентично производству по уголовному делу защитник имеет право беспрепятственно общаться со своим подзащитным наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности бесед (п. 2 ч. 2 ст. 509 УПК, ср. п. 2 ч. 1 ст. 48 УПК); подавать жалобы на действия органа, ведущего уголовный процесс (п. 5 ч. 2 ст. 509 УПК, ср. п. 16 ч. 1 ст. 48 УПК); высказывать в судебном заседании мнения по вопросам, разрешаемым судом (п. 8 ч. 2 ст. 509 УПК, ср. п. 19 ч. 1 ст. 48 УПК); требовать внесения в протокол судебного заседания записей об

обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть отмечены (п. 9 ч. 2 ст. 509 УПК, ср. п. 13 ч. 1 ст. 48 УПК).

Несколько ограничено право защитника на ознакомление с отдельными процессуальными документами в рамках рассматриваемой процедуры (п. 3, 4 ч. 2 ст. 509 УПК). Бросается в глаза отсутствие возможности выписывать из документов необходимые сведения, как это предусмотрено в п. 5 ч. 1 ст. 48 УПК для ординарной процедуры. При этом в производстве по уголовному делу защитник имеет право не только знакомиться с рядом процессуальных документов, но и получать их копии (п. 15 ч. 1 ст. 48 УПК). В рассматриваемом же производстве таким правом наделен только подзащитный (п. 2 ч. 1 ст. 507 УПК), что подразумевает, что содержание таких документов, как правило, не является закрытой информацией. Такой пробел может уменьшить эффективность обжалования процессуальных решений из-за разрыва во времени ознакомления и процесса подготовки жалобы. Непонятно также, почему в отличие от п. 15 ч. 1 ст. 48 УПК защитник не уполномочен на ознакомление с постановлением о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста, предусмотренным в ч. 3 ст. 513 УПК, хотя его подзащитного прокурор или его заместитель должны уведомить о таком продлении (п. 8 ч. 1 ст. 507 УПК), а сам защитник может участвовать при рассмотрении судом жалобы на продление такого срока (п. 6 ч. 2 ст. 509 УПК).

В производстве по уголовному делу защитник может участвовать в допросах подозреваемого, обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 48 УПК). В производстве, связанном с решением о выдаче лица, не предусмотрено проведение следственных действий. Однако ч. 3 ст. 512 УПК обязывает прокурора взять у лица, находящегося в международном розыске с целью выдачи, объяснение по факту объявления его в такой розыск до принятия решения о применении меры пресечения. Участие защитника в данном процессуальном действии может позволить установить уже на этом этапе основания для отказа в исполнении потенциальной просьбы органа иностранного государства, а соответственно защитник должен быть наделен таким правом.

Таким образом, после 16 лет действия норм раздела XV УПК можно отметить необходимость расширения прав защитника лица, задержанного либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи. Следует закрепить право адвоката на получение копий процессуальных документов, которыми оформляются процессуальные решения в рассматриваемом производстве, а также на участие в даче прокурору объяснений подзащитным.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Правовой статус личности // Избранные труды. Минск : ЮрСпектр, 2019. С. 427–510.
2. *Насонов А. А.* Реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / ФГБОУВО «Воронежский гос. ун-т». Воронеж, 2018. 248 с.
3. *Самарин В. И., Третьяков Г. М., Козел В. М.* Международная правовая помощь по уголовным делам : учеб. пособие / под ред. В. И. Самарина. Минск : БГУ, 2022. 307 с.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Е. В. Семашко

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь*

Статья посвящена исследованию принципа социальной справедливости как идеологического императива правовой политики государства и основы правового статуса личности. Анализируются подходы к социальной справедливости, отраженные в монографии А. М. Абрамовича «Правовой статус советского гражданина», изданной в 1988 г., и в Концепции правовой политики, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь в 2023 г. Несмотря на разные стратегии общественного развития последних лет существования советского государства и современной Республики Беларусь, не обнаружено принципиальных противоречий между подходами к определению социальной справедливости в ее нормативном значении. Выявлены особенности реализации данного идеологического императива в отдельных сферах общественных отношений рассматриваемых периодов.

Ключевые слова: социальная справедливость; идеологический императив; правовой статус гражданина; права и обязанности; взаимная ответственность государства и гражданина.

САЦЫЯЛЬНАЯ СПРАВЯДЛІВАСЦЬ ЯК ІДЭАЛАГІЧНЫ ІМПЕРАТЫЎ ПРАВОВОЙ ПАЛІТЫКІ Дзяржавы

А. В. Семашка

*Нацыянальны цэнтр заканадаўства і прававых даследаванняў
Рэспублікі Беларусь,
вул. Берсана, 1а, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Артыкул прысвечаны даследаванню прынцыпа сацыяльнай справядлівасці як ідэалагічнага імператыва прававой палітыкі дзяржавы і асновы прававога статусу асобы. Аналізуюцца падыходы да сацыяльнай справядлівасці, адлюстраваныя ў манаграфіі А. М. Абрамовіча «Прававы статус савецкага грамадзяніна», выдадзенай у 1988 г., і ў Канцэпцыі прававой палітыкі, зацверджанай Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь у 2023 г. Нягледзячы на розныя стратэгіі грамадскага развіцця апошніх гадоў існавання савецкай дзяржавы і сучаснай Рэспублікі Беларусь, не выяўлены прынцыповыя супярэчнасці паміж падыходамі да вызначэння сацыяльнай справядлівасці ў яе нарматыўным значэнні. Выяўлены асаблівасці рэалізацыі дадзенага ідэалагічнага імператыву ў асобных сферах грамадскіх адносін разглядаемых перыядаў.

Ключавыя словы: сацыяльная справядлівасць; ідэалагічны імператыў; прававы статус грамадзяніна; правы і абавязкі; узаемная адказнасць дзяржавы і грамадзяніна.

SOCIAL JUSTICE AS IDEOLOGICAL MANDATORY SETTING OF THE LEGAL POLICY OF THE STATE

E. V. Semashko

*National Center for Legislation and Legal Research of the Republic of
Belarus, 1a Berson Street, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to the research of the principle of social justice as an ideological imperative of the legal policy of the state and the basis of the legal status of the individual. The approaches to social justice are analyzed, reflected in the monograph by A. M. Abramovich «The legal status of a Soviet citizen», published in 1988, and in the Concept of Legal Policy approved by Decree of the President of the Republic of Belarus in 2023. Despite the different strategies of social development in the last years of the existence of the Soviet state and the modern Republic of Belarus, there are no fundamental contradictions between approaches to the definition of social justice in its normative meaning. The peculiarities of the implementation of this ideological imperative in certain spheres of public relations of the periods under consideration are revealed.

Keywords: social justice; ideological mandatory setting; legal status of a citizen; rights and obligations; mutual responsibility of the state and the citizen.

«Строжайшее соблюдение принципа социальной справедливости – одно из важнейших условий функционирования государства и его правовой системы, устанавливающей статус гражданина», – так писал в своей монографии, касающейся анализа правового статуса личности, известный белорусский ученый **Александр Михайлович Абрамович** [1, с. 17].

В Концепции правовой политики Республики Беларусь, которая была утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, социальная справедливость названа одним из идеологических императивов правовой политики государства и одним из основных условий реализации прав и свобод человека и гражданина [6]. Между указанными монографией и Концепцией – 35-летний период отечественного государственно-правового строительства. Приведенные цитаты позволяют говорить о том, что в течение данного времени ключевые подходы к пониманию значения социальной справедливости для государства и общества не изменились.

Однако Александр Михайлович в своей монографии справедливо отмечал, что правовое положение гражданина есть продукт соответствующего общественного строя [1, с. 9]. Более того, хорошо известно, что справедливость – категория оценочная и ее содержание сильно зависит от внешних обстоятельств. При этом 1988 год и 2023 год – это разные парадигмы общественного развития. 1988 – это последние годы существования Беларуси в составе СССР, это классовая природа социалистиче-

ского общества и государства, которая обуславливает наиболее характерные черты отношений граждан с обществом и государством в экономической, политической и других сферах: отмена частной собственности на средства производства и установление политической власти большинства трудящихся, создание системы социалистического хозяйства и др. [1, с. 9].

2023 год – суверенная Республика Беларусь, которая уже прошла тридцатилетний путь становления в качестве унитарного демократического социального правового государства, в котором человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства, которое предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности [5].

Вместе с тем сравнительный анализ понимания социальной справедливости, изложенного в монографии А. М. Абрамовича и в современной правовой литературе, а также в Концепции правовой политики Республики Беларусь показывает, что не только ключевые подходы к определению значения социальной справедливости, но и реализация данного принципа в политических или экономических отношениях не поменяла своего стратегического направления.

А. М. Абрамович идею социальной справедливости рассматривает как специфическую черту правового статуса советского гражданина. Ученый пишет, что она находит свое выражение в различных сферах функционирования общества и личности – политической, социально-экономической, духовной. К примеру, в политической сфере социальная справедливость обеспечивается путем предоставления и обеспечения гражданам равного права на участие в осуществлении государственной власти, в управлении государственными и общественными делами через другие структуры политической системы СССР [1, с. 17]

В Конституции 1978 года Белорусская Советская Социалистическая Республика провозглашалась социалистическим общенародным государством. Формально вся власть в Белорусской ССР принадлежала народу, который осуществлял ее через Советы народных депутатов, составлявшие политическую основу Белорусской ССР [4]. Организация и деятельность Советского государства строились в соответствии с принципом демократического централизма: выборностью всех органов государственной власти снизу доверху, подотчетностью их народу, обязательностью решений вышестоящих органов для нижестоящих. Демократический централизм, как устанавливалось Конституцией, соединял единое управление с инициативой и творческой активностью на местах, с ответ-

ственностью каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело [4].

Но демократия – это не только выборность и творческая активность. Реальная практика советского государственного управления в условиях жесткой его централизации оперировала понятиями «массы» и «народ» вместо «человек» и «личность» [7, с. 20]. Таким образом, для обеспечения социальной справедливости в политической сфере советскому государству не хватало признания человека целью, а не средством для достижения государственных интересов. Хотя в целом именно советский принцип демократического централизма сформировал основу будущего народовластия в суверенной Республике Беларусь.

Еще одно проявление социальной справедливости, по мнению А. М. Абрамовича, связано как раз с отсутствием частной собственности на средства производства. «Обладая равными правами по отношению к средствам общественного производства, граждане СССР в распределительных отношениях участвуют на основе дуалистического проявления принципа социальной справедливости, неизбежного при социализме. Одно проявление этого принципа основано на признании неравноценности конкретных видов труда и характеризуется предпочтительностью для граждан, лучше и больше работающих в приоритетных сферах. Второе проявление принципа социальной справедливости связано с концепцией равенства в распределении, эгалитарности, что базируется на равном праве всех членов общества на общественную собственность и признании каждого конкретного труда общественно необходимым» [1, с. 16].

«Распределительная» или «предпочтительная» социальная справедливость должна была обеспечиваться через дифференцированную оплату труда. Основной же формой реализации «эгалитарной» справедливости служило предоставление гражданину бесплатно (или за частичную оплату) соответствующих благ из фондов общественного потребления вне зависимости от конкретных производственных результатов его труда [1, с. 17].

Современные подходы к обеспечению социальной справедливости в экономической сфере основываются, как отмечается в Концепции правовой политики Республики Беларусь, на похожем принципе обеспечения соответствия между трудом и вознаграждением [6]. Несмотря на свободу частной собственности, абсолютно независимые от государства рыночные отношения с равновесием естественных цен в Республике Беларусь не сложились. Более важным фактором, определяющим степень соблюдения социальной справедливости в экономических отношениях, стала проблема эффективности налоговой системы, а также проблема развития производственно-технологических методик [2].

В Концепции правовой политики Республики Беларусь отмечается также, что социальная справедливость как идеологический императив

выражается в соответствии между правонарушением и применяемыми мерами ответственности за его совершение; в максимальном сближении интересов государства, общества и его граждан, их взаимной ответственности; в гарантированности того, что никто на территории государства не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону.

Ключевым в этом перечне условий или формально-юридических свойств социальной справедливости, на наш взгляд, является взаимная ответственность государства и гражданина, которая определяет пределы вторжения государства в личную сферу гражданина, а также границы индивидуальной автономии человека. Устанавливая оптимальное соотношение публичных и частных начал в организации общественной жизни, принцип взаимной ответственности государства и личности способствует становлению и развитию стабильных и справедливых отношений между человеком, обществом и государством при условии их подчинения велениям права. Нельзя при этом отрицать неизбежные несовпадения между правом и справедливостью. Вспомним хотя бы известную сентенцию И. Канта о том, «строжайшее право – это величайшая несправедливость». Но продолжил это высказывание И. Кант так: «на пути права этому злу ничем помочь нельзя, хотя оно и имеет отношение к правовому требованию, потому что справедливость относится только к суду совести, а каждый правовой вопрос должен решаться на основании гражданского права» [3, с. 144].

Таким образом, социальная справедливость – это идеологический императив правовой политики советского государства, который сохранил свое ключевое значение для правовой политики Республики Беларусь в суверенном фарватере ее развития. Отдельные формы, а также направления реализации принципа социальной справедливости изменились. Так, в политической сфере важной гарантией реализации социальной справедливости стало провозглашение человека высшей ценностью и целью общества и государства. Кроме того, государство взяло на себя ответственность за обеспечение прав и свобод, неприкосновенности и достоинства личности.

В части необходимости обеспечения максимального сближения интересов государства, общества и его граждан подходы советской и постсоветской правовых политик во многом совпадают. «В основе единства прав и обязанностей советских граждан лежат объективно существующие общественные и личные интересы, диалектическое сочетание которых составляет одно из неперенных условий прогресса социалистического общества. Условия для гармоничного сочетания интересов общества и личности обеспечиваются системой социалистических отношений

между людьми. Социальная сущность Советского государства как государства всего народа, выражающего его волю и интересы, предопределяет и единство основных, коренных его интересов с интересами отдельных граждан», – пишет А. М. Абрамович [1, с. 9].

Для дальнейшего практического обеспечения социальной справедливости необходим труд каждого гражданина, учет всех предыдущих ошибок и декларативных норм, реализация принципа социальной ответственности.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Правовой статус советского гражданина / под ред. В. И. Шабайлова. Минск: Наука и техника, 1988. 91 с. URL: https://law.bsu.by/pub/31/Abramivich_1.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

2. *Гроздилов С. В., Баруздин П. Ю.* Справедливость в системе социально-экономических отношений: теоретические и институциональные аспекты // *Уровень жизни населения регионов России*. 2019. Том. 15. № 1. С. 89–97.

3. *Кант И.* Сочинения в шести томах / под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. 478 с. (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии)

4. Конституция Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс]: принята на внеочередной девятой сессии Верховного Совета БССР 14 апр. 1978 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь «Pravo.by». Минск, 2024. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomnigistoyi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978-goda/index.php#1978> (дата обращения: 04.06.2024).

5. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. 80 с.

6. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

7. *Тихомиров Ю. А.* Государство: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 320 с.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

С. М. Сивец

*Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 9, 220016, г. Минск, Беларусь, cr@sovrep.gov.by*

Анализируется конституционный принцип социального партнерства в аспекте понимания его ключевой роли в процессе строительства социального государства. Аргументируется позиция, согласно которой принцип социального партнерства необходимо рассматривать в рамках межсекторной модели, а не исключительно в формате трудовых правоотношений. Вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: конституционный принцип социального партнерства; строительство социального государства; трудовые правоотношения.

КАНСТЫТУЦЫЙНЫ ПРЫНЦЫП САЦЫАЛЬНАГА ПАРТНЁРСТВА ЯК ВАЖНЕЙШЫ ЭЛЕМЕНТ ПАБУДОВЫ САЦЫАЛЬНОЙ ДЗЯРЖАВЫ

С. М. Сівец

*Савет Рэспублікі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь,
вул. Чырвонаармейская, 9, 220016, г. Мінск, Беларусь, cr@sovrep.gov.by*

Аналізуецца канстытуцыйны прынцып сацыяльнага партнёрства ў аспекце разумення яго ключавой ролі ў працэсе будаўніцтва сацыяльнай дзяржавы. Аргументуецца пазіцыя, згодна з якой прынцып сацыяльнага партнёрства неабходна разглядаць у рамках міжсектарнай мадэлі, а не выключна ў фармаце працоўных праваадносін. Уносяцца прапановы па ўдасканаленні дзеючага заканадаўства Рэспублікі Беларусь.

Ключавыя словы: канстытуцыйны прынцып сацыяльнага партнёрства; будаўніцтва сацыяльнай дзяржавы; працоўныя праваадносіны.

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF SOCIAL PARTNERSHIP AS A CRUCIAL ELEMENT OF BUILDING A SOCIAL STATE

S. M. Sivets

*Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus,
9 Krasnoarmeyskaya Street, Minsk 220016, Belarus, cr@sovrep.gov.by*

The article analyzes the constitutional principle of social partnership in the aspect of understanding its key role in the process of building a welfare state. The position is argued that the principle of social partnership should be considered in the framework of an

intersectoral model, and not exclusively in the format of labor relations. Proposals are made to improve the current legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: constitutional principle of social partnership; building a social state; labor relations.

Республика Беларусь является демократическим правовым и социальным государством, что закреплено в ст. 1 Конституции Республики Беларусь (ч. 1). Данная конституционная конструкция общественного устройства основана на целой системе принципов, являющихся обязательным условием ее построения. Среди таких основополагающих принципов как принцип разделения властей, принцип верховенства права, принцип приоритета прав и свобод человека и других особо выделяется принцип социального партнерства. По своей сути данный принцип включает в себя два взаимодополняющих друг друга элемента: 1) солидарности в части решения той или иной проблемы; 2) взаимной ответственности за последствия принятого решения. Как справедливо отмечает Е. А. Лукашева, «социальные качества государственности формулируются на основе совместных действий государственной власти, гражданского общества, человека. Становление гражданского общества в значительной и даже решающей степени зависит от характера взаимодействия государства и человека. В правовой связи «государство-человек» раскрывается характер общественной и политической системы, наличие либо отсутствие диалога власти и человека» [1, с. 67].

В научной литературе выделяют объективные и субъективные условия социального партнерства. К объективным относят демократию и гражданское общество, потребность в социальном партнерстве, сформированность и институциональную оформленность групповых интересов, организационно-правовые и политические установки государства в части регулирования интересов участников рассматриваемых отношений. Субъективные факторы социального партнерства выражаются в наличии воли и осознании общности целей участников социального партнерства, их готовности следовать нормам, зафиксированным в соответствующих документах, наличии системы эффективных санкций за нарушение норм социального партнерства, развитие традиций гражданского участия [2].

Конституционный принцип социального партнерства во многом схож с принципом взаимной ответственности государства и личности, но не тождественен ему. Во-первых, он шире по своему предмету, так как носит не исключительно двухсторонний характер (государство – личность), а подразумевает многосубъектность (государство, институты гражданского общества, бизнес-среда, граждане). Во-вторых, применительно к принципу взаимной ответственности личности и государства,

определяющим фактором его реальности и эффективности является наличие действенной системы взаимных гарантий, тогда как принцип социального партнерства подразумевает под собой скорее меры регулятивного, а не обеспечительного характера.

Традиционно принцип социального партнерства рассматривается в правовой науке применительно к отрасли трудового права. Статья 352 Трудового кодекса Республики Беларусь закрепляет институт социального партнерства как форму взаимодействия органов государственного управления, объединений нанимателей, профессиональных союзов и иных представительных органов работников, уполномоченных в соответствии с актами законодательства представлять их интересы (субъектов социального партнерства) при разработке и реализации социально-экономической политики государства, основанная на учете интересов различных слоев и групп общества в социально-трудовой сфере посредством переговоров, консультаций, отказа от конфронтации и социальных конфликтов.

Вместе с тем сам институт социального партнерства по своей природе является многоаспектным социальным явлением.

«Смысл социального партнерства состоит в конструктивном взаимодействии между государственными структурами, органами местного самоуправления, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями. Термин «партнерство» предполагает вполне определенную форму отношений, возникающих в процессе деятельности социальных субъектов по достижению общих целей. Если цели этих субъектов не совпадают, ставится вопрос о компромиссе, достижении консенсуса. В основе названных отношений, бесспорно, лежит социальное взаимодействие. Социальное взаимодействие выполняет в обществе различные функции: стабилизирующую, консолидирующую, деструктивную. Именно стабилизирующая функция – механизм, который обеспечивает развитие демократического общества в целом и его отдельных сфер» [2].

А. В. Ляпанов полагает, что «целесообразно понимать под социальным партнерством такую оптимальную форму взаимодействия, которая основывалась бы и на принципе: выгодно каждому – выгодно всем» [3, с. 141]. В. А. Холопов и О. В. Шкреттиенко абсолютно справедливо отмечают, что «возникнув как механизм разрешения конфликтов, поиска точек соприкосновения и общих позиций между государством в лице органов власти, работодателями и профсоюзами работников, социальное партнерство во все большей мере превращается в инструмент общественного участия в планировании будущего территории, способствующий экономической стабильности и развитию» [4, с. 171]. Согласно мнению А. А. Клишаса, «на современном этапе социальное партнерство

приобретает новые черты, за ним начинает закрепляться новая экономическая роль. Речь идет о конструктивном взаимовыгодном сотрудничестве между тремя секторами общества – государственными структурами, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями – с целью решения проблем социальной сферы в интересах всего населения или его отдельных групп, проживающих на данной территории. Такое партнерство также определяют как межсекторное» [5].

Стремительное развитие общественных отношений, связанное с достижениями научно-технического прогресса в сфере высоких технологий (робототехники, нанотехнологий, программирования и т. д.), декларируемое стремление высокоразвитых государств мира к построению цифровой экономики и цифрового общества, неизбежно вызывают необходимость пересмотра доктринальных подходов к определению понятия трудовой функции. Освобождение значительного количества трудовых ресурсов в связи с использованием новейших технологий в мировой экономике, сопряженное с прогрессирующим увеличением количества населения в мире, объективно делают существующие модели социального партнерства неактуальными.

Данный фактор неизбежно повлечет дальнейшее развитие социальной роли государства. В постсоветский период социальная политика нашей страны ориентировалась преимущественно на сохранение масштабов оказываемых государством социальных услуг. Роль государства при этом была максимальной: исполнительная власть обеспечивала соблюдение социальных стандартов за счет непосредственного управления социальной сферой. В современных условиях государство в лице органов власти является основным, но не единственным субъектом социальной политики. В связи с этим развивается идея партнерства трех секторов – государства, бизнеса и общественности – в решении социальных проблем. Однако для того, чтобы подобное сотрудничество было плодотворным, необходимо изначально определить роль каждого из них, четко обозначить меру и формы государственного присутствия в социальной сфере. Если государство не будет стремиться к максимальному ее охвату и разделит социальную функцию с другими секторами, то что должно остаться в его непосредственном ведении? Вопрос этот сегодня очень актуален.

Сохранение конституционной модели социального государства, во главу угла которой ставится человек, его права и гарантии их реализации, объективирует доминирующую роль государства как основного субъекта, призванного решать все социальные проблемы в обществе, возникшие по причине экономических трансформаций. В то же время существенно возрастает и роль коммерческих и некоммерческих субъек-

тов в реализации основных направлений социальной политики, призванной обеспечить достойную жизнь и свободное развитие человека. И такое взаимодействие должно быть основано на конституционном принципе межсекторного социального партнерства, суть которого изложена в юридической литературе [6].

Одним из достаточно перспективных направлений такого межсекторного социального партнерства, на наш взгляд, является институт государственно-частного партнерства в социальной сфере. Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» определяет соответствующие направления государственно-частного партнерства в социальной сфере, в том числе здравоохранение; социальное обслуживание; образование, культура; физическая культура, спорт, туризм (ст. 5).

Необходимо отметить, что в Республике Беларусь на протяжении многих лет постоянно также расширяется и углубляется по различным направлениям процесс конвергенции усилий государственных и общественных субъектов социальной политики. Более того, обновленная Конституция и иное законодательство страны сегодня предоставляет максимально широкие возможности для общественных объединений решать важнейшие задачи по проведению государственной социальной политики в кооперации с уполномоченными государственными органами. Другой вопрос, что, на наш взгляд, эти возможности сегодня недостаточно активно используются негосударственными субъектами социальной политики. В связи с этим нами ранее вносились предложения по активизации участия общественных объединений в реализации основных направлений государственной социальной политики и увеличения их роли и значения в этом процессе [7, с. 166].

Таким образом, проведенный анализ характерных особенностей принципа социального партнерства как одного из ключевых элементов построения социального государства свидетельствует о необходимости реализации указанного принципа не только исключительно к социально-трудовым правоотношениям, а к социальной сфере общества в целом.

Библиографические ссылки

1. Права человека и правовое социальное государство в России : монография / отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2018. 400 с.
2. Тиховодова А. В. Социальное партнерство: сущность, функции, особенности развития в России [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-partnerstvo-suschnost-funktsii-osobennosti-razvitiya-v-rossii> (дата обращения: 17.05.2024).
3. Ляпанов А. В. К проблеме развития социального партнерства в России. Территория новых возможностей. // Вестн. Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса. 2014. № 1 (24). С. 140–146.

4. *Холопов В. А., Шкребтиенко О. В.* Социальное партнерство власти, бизнеса и общества как инструмент повышения качества жизни // Изв. ТулГУ. Экономич. и юридич. науки. 2009. № 2-1. С. 178–165.

5. *Клишас А. А.* Социальное государство : монография. М. : Междунар. отношения, 2017. 272 с.

6. *Якимец В. Н., Никовская Л. И.* Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // Власть. 2018. № 4. С. 15–25.

7. *Сивец С. М.* Теоретические и прикладные проблемы формирования и реализации социальной политики Республики Беларусь: конституционно-правовое исследование : монография. Минск : Четыре четверти, 2017. 236 с.

ИЗЛИШНИЕ ДЕНЕЖНЫЕ ВЫПЛАТЫ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО РАБОТНИКОМ НАНИМАТЕЛЮ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В. П. Скобелев

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, skobelev@bsu.by*

Исследуется вопрос о том, какие суммы нельзя относить к излишним денежным выплатам как разновидности ущерба, причиненного работником нанимателю. Обосновано, что к излишним денежным выплатам нельзя относить только административные штрафы. Между тем действующее законодательство, а также практика его толкования и применения дают поводы для самых разнообразных подходов.

Ключевые слова: наниматель; работник; материальный ущерб; излишние денежные выплаты.

ЗАЛІШНІЯ ГРАШОВЫЯ ВЫПЛАТЫ ЯК РАЗНАВІДНАСЦЬ ШКОДЫ, ПРЫЧЫНЕНАЙ РАБОТНІКАМ НАЙМАЛЬНІКУ: ЗАКАНАДАЎЧЫЯ ПАДХОДЫ І ПРАВАПРЫМЯНЯЛЬНЫЯ ІНТЭРПРЭТАЦЫІ

У. П. Скобелеў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, skobelev@bsu.by*

Даследуецца пытанне аб тым, якія сумы нельга адносіць да залішніх грашовых выплат як разнавіднасці шкоды, прычыненай работнікам наймальніку. Абгрунтавана, што да залішніх грашовых выплат нельга адносіць толькі адміністрацыйныя штрафы. Між тым дзейнае заканадаўства, а таксама практыка яго тлумачэння і прымянення даюць падставы для самых разнастайных падыходаў.

Ключавыя словы: наймальнік; работнік; матэрыяльная шкода; залішнія грашовыя выплаты.

EXCESSIVE CASH PAYMENTS AS A TYPE OF DAMAGE CAUSED BY AN EMPLOYEE TO THE EMPLOYER: LEGISLATIVE APPROACHES AND LAW ENFORCEMENT INTERPRETATIONS

V. P. Skobelev

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, skobelev@bsu.by*

The article examines the question of what amounts cannot be classified as excessive monetary payments as a type of damage caused by an employee to the employer. It is justified that only administrative fines cannot be classified as excessive monetary

payments. Meanwhile, the current legislation, as well as the practice of its interpretation and application, give rise to a wide variety of approaches.

Keywords: employer; employee; material damage; excessive cash payments.

Трудовые отношения между работником и нанимателем нередко приводят к причинению первым имущественного ущерба второму. Поэтому большое значение имеет вопрос, какие именно убытки можно включать в содержание причиненного нанимателю имущественного ущерба, в частности, относятся ли к этим убыткам излишние денежные выплаты, и если относятся, то каков может быть их состав.

Изначальная редакция ч. 2 ст. 400 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) определяла, что является причиненным нанимателю ущербом: «Под прямым действительным ущербом понимаются утрата, ухудшение или понижение ценности имущества, влекущие необходимость для нанимателя произвести затраты на восстановление, приобретение имущества или иных ценностей либо произвести излишние выплаты».

Формулировка была крайне неудачной. Из ее буквального смысла следовало, что необходимость нанимателя «произвести излишние выплаты» обусловлена утратой, ухудшением или понижением ценности имущества, т. е. излишние выплаты – это затраты на восстановление или приобретение имущества. Но «затраты на восстановление, приобретение имущества или иных ценностей» уже были названы чуть раньше в тексте в ч. 2 ст. 400 ТК, а значит, формулировка «либо произвести излишние выплаты» являлась в смысловом плане излишней, тавтологичной.

В последующем Законом Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 272-З «О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Беларусь» ч. 2 ст. 400 ГПК была изложена в новой редакции, в результате чего дефиниция прямого действительного ущерба нанимателя была из нее исключена.

Вместе с тем определение прямого действительного ущерба продолжало сохраняться на уровне постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2002 г. № 2 «О применении судами законодательства о материальной ответственности работников за ущерб, причиненный нанимателю при исполнении трудовых обязанностей» (далее – Постановление № 2). Так, в первом предложении п. 3 Постановления № 2 было закреплено: «При определении размера ущерба учитывается только прямой действительный ущерб, т. е. утрата, ухудшение или понижение ценности имущества, влекущие необходимость для нанимателя произвести затраты на восстановление, приобретение имущества или иных ценностей либо произвести излишние выплаты, к которым, в частности, относятся: заработная плата, выплаченная незаконно уволенному работнику, штрафы, взысканные с нанимателя по вине ра-

ботника, потери нанимателя в связи с неудовлетворением исковых требований по причине пропуска исковой давности, расходы, связанные с перевозкой, экспертизой поставленной в торговую сеть некачественной продукции (товара), сверхнормативный расход электроэнергии, горюче-смазочных материалов».

Как видно, несмотря на то, что первое предложение п. 3 Постановления № 2 почти дословно восприняло дефиницию прямого действительного ущерба нанимателя из изначальной редакции ч. 2 ст. 400 ТК (по буквальному смыслу которой излишние выплаты нанимателя – это выплаты, обусловленные исключительно утратой, ухудшением или понижением ценности имущества нанимателя), излишним выплатам здесь было придано значение фактически уже самостоятельной (не связанной с утратой, ухудшением или понижением ценности имущества) разновидности ущерба нанимателя, и приведен развернутый примерный перечень подобных выплат. По смыслу разъяснения получалось, что излишние выплаты – это абсолютно любые денежные затраты нанимателя, которые ему не пришлось бы нести, если бы соответствующий работник (работники) надлежащим образом исполнял свои трудовые обязанности.

В числе излишних выплат в первом предложении п. 3 Постановления № 2 были прямо названы «штрафы, взысканные с нанимателя по вине работника». В судебной практике под этими штрафами понимались именно административные штрафы (в том числе наложенные на нанимателя – транспортную организацию компетентными органами иностранных государств по причине нарушений, допущенных водителями этой транспортной организации при следовании на транспортном средстве по автодорогам этих иностранных государств). По крайней мере, практика взыскания нанимателями с работников ущерба, причиненного наложением на нанимателей по вине работников административных штрафов, была очень распространена [1; 2, с. 29; 3; 4, с. 62].

Законом Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З «Об изменении законов» (далее – Закон № 219-З) ч. 2 ст. 400 ТК была опять изложена в новой редакции, однако вся суть изменений свелась лишь к тому, что ч. 2 ст. 400 ТК была просто дополнена вторым предложением (без какой-либо корректировки первого предложения данной части), содержащим все ту же прежнюю (из изначальной редакции ч. 2 ст. 400 ТК) неудачную дефиницию причиненного нанимателю работником ущерба: «Под реальным ущербом понимаются утрата, ухудшение или понижение ценности имущества, влекущие необходимость для нанимателя произвести затраты на восстановление, приобретение имущества или иных ценностей либо произвести излишние денежные выплаты (за исключением штрафов, взыскиваемых с нанимателя)».

Разница с прежней (из изначальной редакции ч. 2 ст. 400 ТК) дефиницией ущерба только в том, что слова «прямым действительным» в ней заменены на слово «реальным», а завершается дефиниция оговоркой «(за исключением штрафов, взыскиваемых с нанимателя)»

По нашему убеждению, в данной оговорке под штрафами понимаются именно административные штрафы, а сама эта новелла была введена для того, чтобы прекратить упомянутую выше практику взыскания нанимателями сумм таких штрафов с работников (поскольку суммы штрафов, налагаемых на организации и индивидуальных предпринимателей, как правило, очень высоки). В пользу того, что в приведенной оговорке подразумеваются именно административные штрафы, свидетельствует в целом используемый в ней оборот «штрафов, взыскиваемых с нанимателя», так как данный оборот соответствует терминологии ст. 17.2 «Сроки и порядок исполнения административного взыскания в виде штрафа» (а именно терминологии части второй данной статьи) Процессуального исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, где говорится о взыскании штрафов (причем в бесспорном порядке) со счетов (из электронных кошельков) индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

Правда, оборот «штрафов, взыскиваемых с нанимателя» не вполне оптимален (помимо того обстоятельства, что он прямо не указывает на отраслевую принадлежность соответствующих штрафов). Во-первых, об излишних денежных выплатах и соответственно о наличии у нанимателя ущерба можно говорить только тогда, когда административный штраф уже взыскан (т. е. процесс взыскания завершен), а не еще только взыскивается (т. е. когда процесс взыскания продолжается). В этом плане более точной была бы формулировка «штрафов, взысканных с нанимателя». Не случайно поэтому в первоначальной редакции п. 3 Постановления № 2 использовалось словосочетание «штрафы, взысканные (а не взыскиваемые) с нанимателя по вине работника». Во-вторых, оборот «штрафов, взыскиваемых с нанимателя» не учитывает того, что штраф может быть уплачен нанимателем в добровольном порядке. С учетом всего сказанного выше используемой во втором предложении ч. 2 ст. 400 ТК оговорке было бы целесообразно придать следующий вид – «(за исключением административных штрафов, взысканных с нанимателя или уплаченных им)».

Принятие Закона № 219-3 привело к изложению в новой редакции и Постановления № 2. В своей новой редакции п. 3 Постановления № 2 получил разбивку на три части, однако настоящих новаций в нем не так много, как это может показаться на первый взгляд.

К числу положительных новаций можно отнести закрепление во втором предложении ч. 1 п. 3 Постановления № 2 более точной (по сравнению с ч. 2 ст. 400 ТК) формулировки понятия причиненного нанимателю ущерба: «Под реальным ущербом понимаются утрата, ухудшение или понижение ценности имущества, влекущие необходимость для нанимателя произвести затраты на восстановление, приобретение имущества или иных ценностей, либо излишние денежные выплаты (за исключением штрафов, взыскиваемых с нанимателя)». Из данной формулировки, в отличие от формулировки ч. 2 ст. 400 ТК, теперь четко видно, что излишние денежные выплаты являются самостоятельным видом ущерба, причиненного нанимателю, наравне с утратой, ухудшением или понижением ценности принадлежащего нанимателю имущества, и подобную формулировку имело бы смысл заимствовать во второе предложение ч. 2 ст. 400 ТК. Хотя в то же время недостатком второго предложения ч. 1 п. 3 Постановления № 2 является то, что в нем некритически (т. е. несмотря на присущие ей недостатки, отмеченные нами выше) дословно воспроизведена присутствующая во втором предложении ч. 2 ст. 400 ТК оговорка «(за исключением штрафов, взыскиваемых с нанимателя)».

Примерный перечень излишних денежных выплат (ч. 2 п. 3 Постановления № 2) не претерпел изменений, кроме изъятия из него упоминания про «штрафы, взысканные с нанимателя по вине работника» и разделения всех разновидностей излишних денежных выплат точкой с запятой вместо просто запятой: «К излишним денежным выплатам, в частности, могут относиться: заработная плата, выплаченная незаконно уволенному работнику; потери нанимателя в связи с неудовлетворением исковых требований по причине пропуска исковой давности; расходы, связанные с перевозкой, экспертизой поставленной в торговую сеть некачественной продукции (товара); сверхнормативный расход электроэнергии, горюче-смазочных материалов».

Теперь указанным штрафам (т. е. толкованию присутствующей в ч. 2 ст. 400 ТК оговорки «(за исключением штрафов, взыскиваемых с нанимателя)») специально посвящена ч. 3 п. 3 Постановления № 2, которая гласит: «Поскольку законодательством о труде не установлено иное, к штрафам, взыскиваемым с нанимателя, следует относить любой их вид – как административное взыскание, наложенное компетентным органом, так и предусмотренную статьей 311 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) меру гражданско-правовой ответственности».

Подобное разъяснение получило у отечественных юристов неоднозначные оценки. Так, по мнению одних, оно не учитывает историю фор-

мирования судебной практики (где под штрафами понимались только административные взыскания), а также является не вполне логичным (так как запрещает нанимателям компенсировать за счет работников неустойку в виде штрафа и в то же время позволяет без каких-либо ограничений взыскивать с работников суммы уплаченной нанимателем неустойки в форме пени) [5, с. 5; 6]. Другие, наоборот, одобряют данное разъяснение, полагая, что высшая судебная инстанция страны верно уловила дух (вектор) развития трудового законодательства, преследующего цель ограничения материальной ответственности работников [7, с. 23–24].

Как бы то ни было, довольно неудачная формулировка понятия причиненного нанимателю ущерба, отраженная сейчас в ч. 2 ст. 400 ТК и берущая свои истоки из первоначальной редакции данной части статьи, вкупе с весьма неоднозначным разъяснением, получившим закрепление в ч. 3 п. 3 Постановления № 2, размывают понятие взыскиваемых с нанимателя штрафов и дают повод для существования в правоприменительной практике на данный счет самых разнообразных, вплоть до диаметрально противоположных, подходов. Например, при большом желании правоприменительного органа уплаченный нанимателем в добровольном порядке административный штраф может быть не квалифицирован в качестве упомянутого в оговорке второго предложения ч. 2 ст. 400 ТК штрафа (и соответственно сумма этого штрафа может быть взыскана с работника), потому что речь там идет о штрафе, который взыскивается с нанимателя в принудительном порядке, а не уплачивается им добровольно. И наоборот, под указанный в ч. 2 ст. 400 ТК штраф правоприменительным органом может быть подведена (ввиду ее чрезвычайно большого размера) сумма, взысканная с нанимателя по вине его работника в рамках гражданского-правовых обязательств и не имеющая к штрафам вообще никакого отношения (например, повышенные проценты за пользование займом (кредитом) или проценты за пользование чужими денежными средствами по ст. 366 ГК).

Что касается актуальной правоприменительной практики, то здесь можно привести такие примеры. По одному из дел пеня, начисленная нанимателю в связи с нарушением налогового законодательства по вине его работников (главного бухгалтера и начальника бюро налогового учета), была истолкована судом как штраф, упомянутый в оговорке второго предложения ч. 2 ст. 400 ТК [8, с. 30]. Хотя, на наш взгляд, подобная пеня не может признаваться штрафом, и в этом плане весьма показательно то, что суд первой инстанции придерживался именно такого подхода и взыскал сумму пени с работников в пользу нанимателя (в качестве штрафа, упомянутого в ч. 2 ст. 400 ТК, сумма пени была квалифицирована апелляционной инстанцией).

По другому делу, к штрафу, названному в ч. 2 ст. 400 ТК, не была отнесена плата в увеличенном размере за проезд по платным дорогам, которую нанимателю пришлось внести из-за нарушения его работником правил проезда по данным дорогам [8, с. 31]. Хотя, как нам представляется, подобная плата в увеличенном размере по своей природе очень похожа на некий гражданско-правовой штраф, и, собственно, именно в качестве штрафа, подпадающего под действие ч. 2 ст. 400 ТК, данная сумма и была оценена судами первой и апелляционной инстанций (противоположная позиция по данному вопросу была занята судом надзорной инстанции).

Библиографические ссылки

1. Работник несет материальную ответственность за ущерб, причиненный излишними денежными выплатами, в соответствии с условиями заключенного с ним контракта [извлеч. из определения судеб. коллегии по гражд. делам Верхов. Суда Респ. Беларусь] // Судовы веснік. 2009. № 3. С. 34.
2. Кеник К. Применение судами положений коллективных договоров, соглашений // Судовы веснік. 2014. № 4. С. 23–29.
3. Отсутствие вины работника в причинении вреда исключает его ответственность по возмещению материального ущерба, причиненного нанимателю при исполнении трудовых обязанностей [извлеч. из решения Витебск. обл. суда] // Судовы веснік. 2015. № 3. С. 55–56.
4. Соколовская А. Ответственность руководителя за причиненный организации материальный ущерб // Судовы веснік. 2016. № 4. С. 57–62.
5. Скобелев В. Материальная ответственность работников: комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда // Суд. и арбитраж. практика. 2021. № 10. С. 4–11.
6. Взыскание неустойки с виновного работника (круглый стол) / В. Скобелев, Н. Горелов, К. Кеник [и др.] // Юрист. 2024. № 5. С. 34–37.
7. Курылева О. С. Излишние денежные выплаты в составе понятия «реальный ущерб» в трудовом законодательстве Беларуси // Трудовое и социальное право. 2023. № 1. С. 21–28.
8. О практике рассмотрения дел о материальной ответственности работников за ущерб, причиненный нанимателю при исполнении трудовых обязанностей (по материалам обзора) // Судовы веснік. 2021. № 4. С. 20–34.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО РЫНКА ТРУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Н. А. Солянкина

*Институт правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь*

Единый рынок трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС – важнейшее условие успеха интеграционных процессов, а трудовая миграция становится существенным фактором экономического развития все большего числа стран, способствуя рациональному использованию трудовых ресурсов и взаимодействию экономических субъектов.

Ключевые слова: занятость; население; трудовая миграция.

ФАРМІРАВАННЕ АДЗІНАГА РЫНКУ ПРАЦЫ Ў ЕЎРАЗІЙСКІМ ЭКАНАМІЧНЫМ САЮЗЕ

Н. А. Сялянкіна

*Інстытут прававых даследаванняў Нацыянальнага цэнтра
заканадаўства і прававых даследаванняў Рэспублікі Беларусь,
вул. Берсана, 1а, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Адзіны рынак працоўных рэсурсаў у рамках ЕАЭС – найважнейшая ўмова поспеху інтэграцыйных працэсаў, а працоўная міграцыя становіцца істотным фактарам эканамічнага развіцця ўсё большай колькасці краін, спрыяючы рацыянальнаму выкарыстанню працоўных рэсурсаў і ўзаемадзеянню эканамічных суб'ектаў.

Ключавыя словы: занятасць; насельніцтва; працоўная міграцыя.

FORMATION OF A SINGLE LABOR MARKET OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

N. A. Solyankina

*Institute of Legal Research of the National Center of Legislation and Legal
Research of the Republic of Belarus,
1a Bersona Street, Minsk 220050, Belarus*

A single labor market within the EAEU is the most important condition for the success of integration processes, and labor migration is becoming a significant factor in the economic development of an increasing number of countries, promoting the rational use of labor resources and the interaction of economic entities.

Keywords: employment; population; labor migration.

Формирование единого рынка трудовых ресурсов в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) – импульс для создания условий стабильного развития экономик входящих в него государств. Фундамент интеграционных процессов составляют четыре свободы движения: товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Сегодня общий рынок труда реализован от заданного Договором о ЕАЭС уровня более чем на 70 % [1]. По оценкам экспертов, такой рынок труда характеризуется «структурным дисбалансом квалифицированных и неквалифицированных кадров, неэффективностью регулирования, использованием дешевой рабочей силы для снижения себестоимости продукции» [2, с. 33]. В то же время происходят качественные изменения национальных рынков труда, они утрачивают свою обособленность, а интегрированный рынок трудовых ресурсов становится наднациональным образованием.

Правовое регулирование трудовой миграции в рамках ЕАЭС характеризуется своеобразием и отличается от универсальных моделей, сложившихся в рамках ООН. Научный интерес в отношении правового регулирования труда в ЕАЭС вызывают перспективы унификации и гармонизации трудового законодательства всех государств – членов ЕАЭС вплоть до создания единого наднационального нормативного акта, регулирующего труд. В Договоре о ЕАЭС есть специальная глава, посвященная трудовой миграции. Стремление создать единый рынок труда в ЕАЭС привело к отходу от классического для международного права термина «трудящийся-мигрант» в пользу интеграционного термина. Договор о ЕАЭС в ст. 96 закрепляет термин «трудящийся государства-члена», чтобы подчеркнуть своеобразие региональной интеграционной модели свободного передвижения рабочей силы. Трудящийся государства-члена – это лицо, являющееся гражданином государства одной из сторон, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства другой стороны, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает [3]. Трудовая деятельность по ст. 96 включает в себя как деятельность на основании трудового договора, так и деятельность по выполнению работ (оказанию услуг) на основании гражданско-правового договора. В Договоре о ЕАЭС в определении термина «трудящийся государства-члена» большее внимание уделяется законности пребывания и речь идет только о временном характере нахождения.

Основной причиной трудовой миграции является выгода субъекта от трудовой деятельности в месте перемещения: относительно высокая заработная плата, рост качества жизни, низкий уровень конкуренции на рынке труда, снижение риска резких изменений доходов, возможность получения дохода в форме регулярной заработной платы (в отличие от

фиксированного размера пособия по безработице или отсутствия дохода вообще). Основными экономическими следствиями трудовой миграции для самого трудового мигранта выступают изменения дохода и качества жизни. Регуляторами любого рынка труда является множество факторов. Трудовые мигранты ищут себе наиболее выгодное применение, которое дает максимальную эффективность.

Анализ сложившихся масштабов привлечения иностранной рабочей силы в Республике Беларусь показал, что в настоящее время объемы импорта трудовых ресурсов не оказывают заметного давления на национальный рынок труда, а трудовые мигранты не представляют значительной конкуренции в борьбе за имеющиеся рабочие места. При этом объемы незаконной трудовой миграции внутри Беларуси невелики, что обеспечивается достаточно продуманным национальным законодательством о труде. В последнее время поток трудовых мигрантов сокращался. По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в 2022 г. в стране официально работало только 11 тыс. иностранцев, тогда как в 2019-м было 20 тыс. [4].

Согласимся с мнением Г. И. Осадчей, которая главными проблемами формирования единого рынка труда называет: незавершенность разработки нормативно-правовой базы; непоследовательность реализации уже принятых нормативно-правовых документов; отсутствие необходимой миграционной инфраструктуры (единой базы данных предприятий, специальностей, в которых нуждаются страны); отсутствие единых баз данных различных органов исполнительной власти стран – членов ЕАЭС (налоговых органов, миграционных, социальных служб); отсутствие взаимодействия общей системы образования, профессиональной и языковой подготовки [5].

Стоит отметить некоторые особенности общего рынка трудовых ресурсов. Рынки труда государств – членов ЕАЭС характеризуются разной степенью использования такой рабочей силы, поскольку отличаются объемами и потребностью в трудовых ресурсах. В отдельных государствах существуют риски формирования теневого рынка рабочей силы. Присутствует специфика национальных социально-экономических моделей, обусловленная своеобразием, различиями в экономическом развитии, возможностями обеспечения допустимого уровня и качества жизни населения. Являясь важнейшим фактором интеграции, свободное перемещение рабочей силы создает риски притока в страны криминальных и экстремистских элементов под видом рабочей силы, в связи с чем особую значимость приобретают совместные действия по выявлению таких лиц.

Учитывая новые возможности движения рабочей силы в ЕАЭС, важно в рамках социальной политики развивать общую систему образования, профессиональной подготовки кадров и общие механизмы подготовки людей для единого рынка труда. Развитие любого интеграционного объединения требует поэтапного усиления наднациональности. В таком взаимодействии может быть найдена желаемая модель интеграции, которая станет тем более эффективной, чем больше она сможет перенять лучший опыт, накопленный в других региональных интеграционных объединениях, при учете правовых традиций, сложившихся на Евразийском пространстве за последние десятилетия. При этом решения о регулировании потоков трудовой миграции необходимо обосновывать на базе системной оценки влияния положительных и отрицательных, краткосрочных и долгосрочных последствий миграции на рынок труда, социальную и бюджетную сферу государства.

Библиографические ссылки

1. Общий рынок труда ЕАЭС сформирован более чем на 70 % [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/news/568/114052/> (дата обращения: 01.05.2024).
2. Котляров Н. Н., Левченко Л. В., Стародубцева Е. Б. Состояние и тенденции развития общего рынка трудовых ресурсов в рамках евразийского экономического союза // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 1. С. 30–34.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29.05.2014 [Электронный ресурс]: URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176> (дата обращения: 01.05.2024).
4. В Беларуси началась эпоха привлечения трудовых мигрантов. Будут ли к нам ездить и откуда? [Электронный ресурс]. URL: <https://belmarket.by/news/news-54022.html>. (дата обращения: 01.03.2024).
5. Осадчая Г. И. Формирование единого рынка труда евразийского экономического союза как условие успешности интеграционных процессов в ЕАЭС // Архонт. 2017. № 1(1). С. 27–31.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

О. Г. Станкевич

*Национальный центр законодательства и правовой информации,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь, stankevichog@center.gov.by*

Рассмотрены вопросы реализации нового универсального конституционного принципа социальной ответственности каждого, которая является, по мнению автора, основным залогом построения в Республике Беларусь социально справедливого благополучного общества на долговременную перспективу. Обращается внимание на регулятивный потенциал социальной ответственности в контексте проблемы пределов правового регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: социальная ответственность; конституционный принцип; конституционная реформа; гражданские инициативы.

АСОБНЫЯ АСПЕКТЫ РЕАЛІЗАЦЫІ КОНСТЫТУЦЫЙНАГА ПРЫНЦЫПУ САЦЫЯЛЬНАЙ АДКАЗНАСЦІ

А. Г. Станкевіч

*Нацыянальны цэнтр заканадаўства і прававой інфармацыі,
вул. Берсана, 1а, 220030, г. Мінск, Беларусь, stankevichog@center.gov.by*

Разгледжаны пытанні рэалізацыі новага ўніверсальнага канстытуцыйнага прынцыпу сацыяльнай адказнасці кожнага, якая з'яўляецца, на думку аўтара, асноўным залогам пабудовы ў Рэспубліцы Беларусь сацыяльна справядлівага шчаснага грамадства на доўгатэрміновую перспектыву. Звяртаецца ўвага на рэгулятыўны патэнцыял сацыяльнай адказнасці ў кантэксце праблемы межаў прававога рэгулявання грамадскіх адносін.

Ключавыя словы: сацыяльная адказнасць; канстытуцыйны прынцып; канстытуцыйная рэформа; грамадзянскія ініцыятывы.

CERTAIN ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF SOCIAL RESPONSIBILITY

O. G. Stankevich

*National Center for Legislation and Legal Information,
1a Berson Street, Minsk 220030, Belarus, stankevichog@center.gov.by*

The article discusses the implementation of the new universal constitutional principle of social responsibility of everyone, which, in the author's opinion, is the main guarantee of building a socially just, prosperous society in the Republic of Belarus in the long term. Attention is paid to the regulative potential of social responsibility in the context of the problem of the limits of legal regulation of social relations.

Keywords: social responsibility; constitutional principle; constitutional reform; civil initiatives.

В результате конституционной реформы 2022 г. Основной Закон Республики Беларусь существенно дополнен положениями о должном поведении личности (о проявлении социальной ответственности и внесении посильного вклада в развитие общества и государства, о сохранении исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа и патриотизме, об уважении государственных символов, о бережном отношении к природным ресурсам, заботе о сохранении собственного здоровья). Такое обновление Конституции свидетельствует о концептуальном переосмыслении системообразующих отношений «личность – общество – государство» и о повышении роли человека в развитии Беларуси как социального правового государства. При этом важно отметить, что привнесение в «конституционный образ правового человека» новых элементов должностования не изменяет сверхимперативной конституционной формулы *«Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства»*, а укрепляет фундамент ее реализации морально-нравственными основаниями.

Одним из главных достижений конституционной реформы 2022 года в рассматриваемом контексте является, на наш взгляд, новый универсальный конституционный принцип социальной ответственности, в котором заключен неисчерпаемый регулятивный и созидательный потенциал, обусловленный природой социальной ответственности.

Данное конституционное изменение стало весьма своевременным ответом на снижение роли морально-нравственных регуляторов и нарастающие тенденции развития дефицита ответственности во всех сферах общественных отношений. В условиях, когда «...право, на которое мы все уже так привыкли рассчитывать, теряет свой регулятивный потенциал, а правовые конструкции утрачивают былую прочность и надежность» [1, с. 6], принцип социальной ответственности выступает не просто новым конституционным ориентиром, а является ключевой составляющей «конституционного нравственного каркаса», на основе которого может моделироваться новый тип социальности с особой ответственной ролью каждого человека.

Основываясь на научных разработках проблем понимания социальной ответственности, представленных в философии, социологии, педагогике (в частности, работах О. И. Мишуровой, О. Е. Пазиной, В. И. Сперанского, В. А. Ситарова и В. Г. Маралова), обращаем внимание на то, что сущность социальной ответственности состоит не только в осознанной и воспринятой лицом социальной необходимости инициа-

тивного выполнения долга, всей суммы лежащих на нем обязанностей, но и в добровольном и самостоятельном возложении на себя личностью большего круга обязанностей при сохранении или ограничении объема предоставляемых ей социумом прав. Базируясь на внутренней регуляции поведения индивида, социальная ответственность мотивирует его на правомерное поведение в той или иной области правовых отношений, является инструментом правовой социализации, а также стимулирует к достижению общественно значимых результатов в любой деятельности за пределами сферы правового регулирования.

Закрепление принципа социальной ответственности отвечает и современному тренду расширения границ правового регулирования, с одной стороны, посредством вторжения позитивного права в сферу морали, а с другой – в результате, как отмечает Т. Я. Хабриева, совместного воздействия права и морали, «кроссграничного» режима их функционирования на «линии соприкосновения» [2, с. 29].

Опираясь на результаты исследований проблем социального регулирования конфликта интересов, проведенных авторитетными российскими учеными [2], можно сделать вывод о том, что реализация принципа социальной ответственности создает «многослойное социальное регулирование», включающее не только правовые, но и этические нормы, предусматривает вариативность соотношения императивного и рекомендательного, правового и этического регулирования. В связи с этим научно обоснованное развитие социальной ответственности позволит избежать абсолютизации роли правовых регуляторов, которая, как отмечает Ю. А. Тихомиров, «...нередко ведет к упущению человеческого фактора, во многом определяющего исполнение предписаний закона» [2, с. 20].

Полагаем, потенциал социальной ответственности позволяет во многом решить актуальные для любой правовой системы проблемы социальной справедливости. «Высокий статус укорененности, распространения в обществе и развития установки социальной ответственности может рассматриваться как один из главных показателей, свидетельствующих о мере справедливости, зрелости общественного мировоззрения и мироотношения людей» [4, с. 257].

Профессор А. М. Абрамович, обращая внимание на необходимость сбалансированного сочетания так называемых эгалитарного и элитарного срезов справедливости, писал: «Патрабаванні забезпечення аптимальних суадносін егалітарнай і пераважнай справядлівасці ў канчатковым выглядзе зводзяцца да ўстанаўлення балансу інтарэсаў у грамадстве. Пры гэтым у заканадаўстве павінен быць забяспечаны баланс перспектывных і бягучых інтарэсаў, агульных і прыватных інтарэсаў, інтарэсаў розных сацыяльных груп ці класаў, сацыяльна-карпаратыўных

інтарэсаў і інтарэсаў асобы як галоўнай каштоўнасці грамадскай супольнасці» [5, с. 571]. О максимальном сближении интересов государства, общества и его граждан как о неотъемлемой составляющей социальной справедливости говорится в Концепции правовой политики Республики Беларусь. Именно социальная ответственность мотивирует человека действовать не в узкоэгоистических интересах, а в соответствии с интересами других людей и социального целого, интересами своего государства и способна обеспечить их максимально возможный баланс.

Социальная активность ответственного индивида является многоуровневой и может проявляться по-разному: от простого законопослушного поведения до безгранично высокой ценности деятельности человека для общества (в том числе за пределами сферы правового регулирования).

Социальная ответственность способствует эффективности правового регулирования. Вместе с тем, для ее формирования и развития необходимы надлежащие правовые условия, в системе которых возведение социальной ответственности в ранг конституционного принципа имеет основополагающее значение, предполагая при этом дальнейшую правотворческую и правоприменительную работу по претворению соответствующей идеи в жизнь.

Республика Беларусь уже имеет богатый опыт правового стимулирования социально ответственного поведения различных субъектов правовых отношений. Спектр правовых стимулов обширен и позволяет в настоящее время развивать социальную ответственность во многих сферах общественных отношений.

Особое значение имеют правовые стимулы, направленные на активацию финансового участия граждан в решении задач социально-экономического развития, отвечающие фундаментальному концепту социальной ответственности на индивидуальном уровне – обязанности граждан прилагать максимум усилий для самообеспечения и самопомощи. Один из актуальных примеров – правовое регулирование гражданских инициатив – мероприятий, направленных на улучшение качества жизни населения, проживающего на территории соответствующей административно-территориальной единицы или ее части, в том числе на благоустройство территорий земель общего пользования населенных пунктов, строительство (возведение, реконструкцию, ремонт, реставрацию, благоустройство) социально значимых объектов, общую профилактику правонарушений, предупреждение травматизма и гибели граждан, а также на решение иных вопросов местного значения (ст. 36-1 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»).

Важно то, что гражданские инициативы предполагают обязательное участие граждан в софинансировании соответствующих проектов. Согласно Закону инициатор и иные заинтересованные субъекты должны принимать участие в финансировании расходов, связанных с реализацией гражданских инициатив, в денежном выражении в размере не менее 10 процентов стоимости этих гражданских инициатив. Эта новелла белорусского законодательства введена в 2023 г. Ее эффективность и перспективы развития еще предстоит оценить в будущем. На данном этапе встает вопрос о том, не будет ли норма, устанавливающая размер софинансирования, препятствовать воплощению в жизнь идеи о гражданских инициативах, а также самих инициатив, потенциально направленных на улучшение качества жизни населения, проживающего на соответствующей территории. В Российской Федерации реализация инициативных проектов (схожего способа участия граждан в местном самоуправлении) может обеспечиваться не только софинансированием в денежной форме (инициативными платежами), но и в форме добровольного имущественного и (или) трудового участия заинтересованных лиц. Полагаем, в ходе дальнейшего совершенствования законодательства о местном управлении и самоуправлении следует учесть данный российский опыт и расширить формы возможного участия белорусских граждан в материальном обеспечении реализации гражданских инициатив, что будет способствовать развитию социально ответственного отношения.

Дальнейшее движение по пути конституционализации социальной ответственности, полагаем, не исключает поиск новых правовых способов активизации финансового участия граждан в решении социально-экономических задач в добровольной форме.

Реализация конституционного принципа социальной ответственности каждого является, на наш взгляд, основным залогом построения в Республике Беларусь социально справедливого благополучного общества на долговременную перспективу. Опираясь на основополагающие нравственные качества личности и надлежащие правовые условия, социальная ответственность потенциально выступает главным созидательным фактором и в перспективе может стать духовным ядром любых социально-экономических преобразований, динамичного прогрессивного развития государства. В идеале социальная ответственность способна создать для Республики Беларусь фундаментальное преимущество в виде нравственно развитого общества ответственных индивидов.

Библиографические ссылки

1. Зорькин В. Д. Суть права // Правоведение. 2017. № 3. С. 4–27.
2. Научные концепции развития российского законодательства : монография / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой,

Ю. А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2024. 656 с.

3. Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование / Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин, А. В. Габов [и др.] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 5–12.

4. *Костин П. А.* Соотношение категорий ответственность и справедливость в социальной онтологии // Право и практика. 2019. № 3. С. 256–251.

5. *Абрамович А. М.* Избранные труды. Минск : ЮрСпектр, 2019. 576 с.

О ЦЕННОСТИ ПРАВА

А. Н. Фиронов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Рассматривается проблема ценности права как культурного феномена, указывается, что данный аспект бытия права наиболее полно описывается категорией «правовая культура». Обосновывается вывод, что правовая культура должна одновременно соединять в себе ценности как традиционного, так и современного постиндустриального общества.

Ключевые слова: право; правовая культура; ценность; ценность права.

ПРА КАШТОЎНАСЦЬ ПРАВА

А. М. Фіронаў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by*

Разглядаецца праблема каштоўнасці права як культурнага феномена, адзначаецца, што такі аспект існавання права найбольш поўна апісваецца катэгорыяй «прававая культура». Абгрутоўваецца вывад, што прававая культура павінна адначасова аб'ядноўваць у сабе каштоўнасці як традыцыйнага, так і сучаснага постіндустрыяльнага грамадства.

Ключавыя словы: права; прававая культура; каштоўнасць; каштоўнасць права.

ON THE VALUE OF LAW

A. N. Fironov

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, theory-law@bsu.by*

The article examines the issue of the value of law as a cultural phenomenon, it is indicated that this aspect of the existence of law is the most fully described by the category of “legal culture”. The author comes to the conclusion that legal culture should simultaneously combine the values of both traditional and modern post-industrial society.

Keywords: law; legal culture; value; value of law.

В аксиологической системе человека важную роль играют мировоззренческие ценности, отражающие его мировосприятие и уклад жизни, соотносимые с конкретной исторической эпохой. Важную роль в данной системе играет право, которое одновременно с этим обладает и собственной ценностью. Ценность права – это сложная междисциплинарная и

в первую очередь философская проблема, восходящая еще к Платону и Аристотелю. Разрешение данной проблемы имеет научное и практическое значение, позволяет выделить ключевые характеристики права, обозначить направления его воздействия на общество, и тем самым повысить роль права как социального института

В любой исторический период, в любом обществе право ориентируется на определенный нравственный образ человека, отражающий определенный социально-полезный тип поведения (добросовестный человек, честный, заботливый родитель, хороший хозяин и т. д.). При этом современное право ориентировано на особый тип человека «*Homo oeconomicus*», охватывая его особый правовой менталитет, отражающий совокупность проявлений экономического мышления и поведения.

Аксиологическая природа права наиболее проявляется в сравнительном ключе, а именно при рассмотрении систем обычного, индустриального и постиндустриального права. В таком контексте можно установить, что мотивационное действие правового обычая, основанного на однообразном поведении индивидуумов, признающих его необходимость, будет более сильным, нежели действие закона, установленного государством.

Обычай более основательно укоренен в культуре отдельной общности. Заимствованное право, адаптированное отдельной культурой, уже изменяется, становится принципиально абсолютно другим обычаем. Значение обычая в индустриальном обществе уже ограничивается, и его нормативные положения выступают как одно из эффективных средств реализации норм и ценностей.

В индустриальном обществе право реализуется по усмотрению, исходя из принципа эффективности (неэффективности), выгоды (невыгоды). В постиндустриальном обществе, право также исходит из экономических регуляторов, которые и обозначают его природу. Право используется для упорядочения общественных отношений, достижения экономического прогресса, тем не менее определяя границу и меру свободы, пределы вмешательства в жизнь отдельного человека.

Таким образом, место права в системе социальных ценностей различно. В отдельных обществах право выступает высшей социальной ценностью, тем самым подчиняя себе другие остальные ценности (моральные, религиозные и т. д.). В других – оттесняется на второй план и выполняет вспомогательную функцию. Изложенное актуализирует вопрос о ценности права, который рассматривается преимущественно философией права.

Несмотря на динамичность ценности права, в нем на протяжении всех исторических периодов, сохраняются такие базовые ценности, как справедливость, равенство, социальные потребности общества.

Так, согласно либертарно-юридической концепции В. С. Нерсисянца ценность права заключается в том, что право выступает всеобщей, необходимой, общеобязательной формой выражения таких общечеловеческих ценностей, как равенство, свобода, справедливость. Схожая трактовка ценности права давалась и иными мыслителями (Ж. Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье, К. Маркс и т. д.), однако В. С. Нерсисянец объединил данные ценности в единую аксиологическую концепцию [4].

При этом существуют и аксиологические подходы к праву, отрицающие его абсолютную справедливость. Так, Р. Иеринг отрицает существование абсолютно справедливого права, указывая, что ценность права заключается в реализации заложенной в нем цели, в то время как современная юридическая наука рассматривает право в несколько ином аспекте. Право согласно Р. Иерингу является вторичной и инструментальной ценностью, в то время как жизнь, свобода, достоинство личности, собственность выступают первичными ценностями, которые и должны диктовать праву его содержание.

В немецкой философии права ценностной составляющей права было уделено значительное внимание в работах Э. Гуссерля, согласно которому ценность права следует искать в социальной и культурной плоскости бытия, в социальном аспекте права, а направленность права (категория «интенции») является направленностью на социальную действительность [2, с. 26].

Согласно С. С. Алексееву, в рамках постмодернизма возникает такая проблема права, как отсутствие и утрата правом единой культурной и ценностной парадигмы, что не позволяет современным ученым сформулировать некий общий для всех правоведов единый методологический подход к категории права и его ценностной составляющей [1].

По С. С. Алексееву право выступает некой областью ценностей, постигаемых интуицией. Данный подход наиболее полно был раскрыт Л. И. Петражицким, утверждающим, что существуют определенные «неразложимые и первоначальные эмоциональные акты», которые выступают основой того, что мнение человека называет правом. Эту позицию Н. Н. Алексеев уже понимал как некий феноменологический подход к теории права, представленный в системе психологии. По Н. Н. Алексееву неточностью является утверждение о присутствии субъективности правовых ценностей, хотя согласно С. С. Алексееву они наполнены исключительно объективным содержанием [1].

Способность права стать действенным ценностно-окрашенным инструментом разрешения назревших социальных противоречий отражается в феномене «правовая культура», который должен объединить и нормы традиционного права, и ценности современного постиндустри-

ального высокоразвитого общества. Однако, самодостаточная правовая культура не может существовать без «культуры права», «права, как особого культурного феномена», которая и выступает мерой освоения, утверждения и закрепления правовых ценностей, носителей таких ценностей, реализацией самого правопонимания правового мышления и правового опыта современного общества.

Библиографические ссылки

1. *Алексеев С. С.* Социальная ценность права в советском обществе. М. : Юрид. лит., 1971. 222 с.
2. *Гусейнов А. И.* Право как культурный феномен : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2007. 176 с.
3. *Майорова М. С.* Понятие и значение правовых ценностей в культурном изменении // Исторические, философские и культурные науки. 2017. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29426305> (дата обращения: 25.07.2017).
4. *Нечаев А. Н.* Ценность права с позиции либертарно – юридической концепции правопонимания, разработанной академиком В. С. Нерсисянцем // Гуманитарные науки. Право. Вестник ТГУ. 2011. № 6. С. 30–38.
5. *Фабрика И. В.* К вопросу о ценности права // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 40. С. 30–34.

ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

О. А. Хотько

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, o.a.khatsko@gmail.com*

Освещается необходимость учета интеграционных процессов в национальном законодательстве в контексте реализации направлений транспортной политики. Представлены положения о необходимости правовой регламентации транспортной безопасности, сделан вывод о целесообразности и востребованности развития транспортного права с учетом эффективности интеграции и трансформации транспортной отрасли.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; транспортная политика; законодательство.

АДЛЮСТРАВАННЕ ІНТЭГРАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ ПРЫ РЭАЛІЗАЦЫІ ТРАНСПАРТНАЙ ПАЛІТЫКІ Ў ПРАВАВОЙ СІСТЭМЕ ЕЎРАЗІЙСКАГА ЭКАНАМІЧНАГА САЮЗА

В. А. Хацько

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, o.a.khatsko@gmail.com*

Асвятляецца неабходнасць уліку інтэграцыйных працэсаў у нацыянальным заканадаўстве ў кантэксце рэалізацыі напрамкаў транспартнай палітыкі. Абгрунтавана патрэбнасць прававой рэгламентацыі транспартнай бяспекі, зроблена выснова аб мэтазгоднасці і запатрабаванасці развіцця транспартнага права з улікам эфектыўнасці інтэграцыі і трансфармацыі транспартнай галіны.

Ключавыя словы: Еўразійскі эканамічны саюз; транспартная палітыка; заканадаўства.

REFLECTION OF INTEGRATION PROCESSES IN THE IMPLEMENTATION OF TRANSPORT POLICY IN THE LEGAL SYSTEM OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

O. A. Khotsko

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, o.a.khatsko@gmail.com*

The article highlights the need to take into account integration processes in national legislation in the context of the implementation of transport policy directions. Provisions on the need for legal regulation of transport security are presented, a conclusion is drawn

about the feasibility and relevance of the development of transport law, taking into account the effectiveness of integration and transformation of the transport industry.

Keywords: Eurasian Economic Union; transport policy; legislation.

В современных условиях укрепления интеграции, взаимодействия государств на региональном уровне система региональной безопасности вступила в новый период трансформации. Особое значение принадлежит развитию направлений, которые важны для сотрудничества в рамках интеграционных объединений. Исследуя формирование права Союзного государства и теорию союзного строительства, А. В. Егоров верно отмечает, что «феномен наднационального правотворчества еще недостаточно изучен в юридической науке» [3, с. 34]. Вместе с тем в актах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) определены принципы и задачи скоординированной (согласованной) транспортной политики, заключены соглашения об осуществлении международных перевозок, например, с Китайской Народной Республикой в контексте строительства Экономического пояса Шелкового пути и другими странами. Это имеет взаимосвязь с развитием соответствующих отношений в каждом государстве – члене Союза, в том числе с плодотворной реализацией задач в рассматриваемой сфере в Республике Беларусь.

По справедливому утверждению А. М. Абрамовича, «основоположника разработки теоретико-правовых проблем государственного управления на общегосударственном и региональном уровнях» [4, с. 23], «обновление основополагающих правовых актов по вопросам экономического и социального характера, в свою очередь, обусловлено выработкой и воплощением в указанных актах оптимальных экономических, политических и социальных решений, которые и должны составлять основную, содержательную сторону принимаемых и обновляемых нормативных правовых актов» [1, с. 546]. Развитие в области применения передовых технологий, улучшающих работу транспортной системы, повышения уровня безопасности являются ключевыми направлениями в ЕАЭС.

Как отмечается в литературе, тезисы о сохранении суверенитета, независимости, равноправия в процессе интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации «нашли воплощение в положениях Устава и Договора о Союзе, подготовленных при непосредственном участии А. М. Абрамовича» [5, с. 16]. Идеи А. М. Абрамовича, блестяще воплотившиеся в политико-правовой практике, как верно обозначает профессор О. И. Чуприс, «следует признать базисными положениями для современных нормотворческих теорий и практик» [11, с. 20]. В связи с тем, что в современных социально-экономических и геополитических условиях приоритетным становится повышение качества оказания

транспортных услуг, обратимся к вопросу реализации транспортной политики в условиях интеграционного взаимодействия Республики Беларусь.

Первоначально отметим, что правовые основы рассматриваемой сферы по направлениям развития транспортной политики в нашем государстве заложены с принятием Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 140-З «Об основах транспортной деятельности», нормы которого направлены на определение основ транспортной деятельности и принципов ее осуществления, закрепление правового статуса субъектов данной деятельности. Особое внимание уделяется в государстве правовым аспектам автомобильных перевозок, что подтверждается принятыми нормативными правовыми актами в области регулирования перевозок пассажиров и грузов, безопасности и автоматизации процессов (например, Указ Президента Республики Беларусь от 25 января 2024 г. № 32 «Об автомобильных перевозках пассажиров»). Внедрение цифровизации в транспортную отрасль, вносит существенные изменения в общественные отношения в транспортной отрасли, что приводит к трансформации уже существующих общественных отношений. С правовой точки зрения, требуется дополнительная регламентация правового положения субъектов и их деятельности в новом формате, их соотношения с уже существующими участниками транспортных отношений. Некоторые позиции получили отражение в законодательстве Российской Федерации, что проявляется в различных аспектах перевозочной деятельности. Заметим, что конкретные шаги по построению объединенной транспортной системы на уровне Союзного государства уже предприняты, действуют акты, обеспечивающие реализацию принципа безопасности транспортной деятельности. Соглашаясь с подходом Президента Республики Беларусь о роли интеграционных объединений, в которой обозначается, что «Союз Беларуси и России ... это глубокое, продвинутое интеграционное образование. Второй уровень – это Евразийский экономический союз» [8], отметим, что ведется и планомерная работа по реализации направлений транспортной политики и в ЕАЭС [9].

Особое место в деятельности по совершенствованию правовых актов принадлежит систематизации положений о транспортной безопасности на национальном и региональном уровнях, гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС в целях избежания различных трактовок в соответствующей области общественных отношений. Обеспечение безопасности при применении высокотехнологичных видов транспортных средств как деятельность по преодолению угроз, обусловленных процессом умышленного нанесения ущерба национальным и региональным интересам, требует своевременного правового закрепления путем определения в законодательстве комплекса мер реагирования. Ответом

на существующие угрозы в Республике Беларусь являются в первую очередь положения Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, в перспективе, возможно, на консенсуальной основе это будут нормы Концепции обеспечения безопасности государств – членов ЕАЭС.

В то же время транспортная деятельность в ЕАЭС рассматривается как вид деятельности, в рамках которой декарбонизация транспорта является одним из приоритетных направлений. Так, Министр по энергетике и инфраструктуре Евразийской экономической комиссии А. Кожошев отмечает, что общие усилия в данной сфере позволят «замедлить развитие климатического кризиса» [2]. Соглашаясь с позицией профессора Н. А. Карпович о ведущей роли экологического аспекта как основы для экономического и социального развития при рассмотрении значимости трех составляющих устойчивого развития [6, с. 43], отметим, что возрастает актуальность исследований, связанных с технологическим развитием и эколого-правовым обеспечением в контексте международного сотрудничества, выстраиванием системы «транспорт – экологическая безопасность – устойчивое развитие» и влияющих на расширение научных позиций в области экологического и транспортного права.

Соответственно, продолжающая работа тесного взаимодействия государств в рамках интеграционных объединений наглядно демонстрирует процессы сближения в рассматриваемой области отношений и востребованность в применении общих правовых подходов государств – членов ЕАЭС [10], позволяющих в новых условиях, обусловленных новациями перевозочного процесса, изменением климата и иных факторов [7, с. 437], направить усилия на развитие транспортного права в Республике Беларусь с учетом трансформации транспортной отрасли. Важным в контексте сопряжения намерений ЕАЭС в области развития транспортного комплекса является рассмотрение проблематики транспортной безопасности с учетом осложнения соответствующих отношений информационно-коммуникационными технологиями, применение которых создает предпосылки для системного урегулирования правового статуса субъектов транспортной деятельности. Поиск оптимальных правовых решений в комплексе позволит создать единую благоприятную транспортную среду с учетом интенсификации деятельности в цифровом пространстве и декарбонизации в целях обеспечения социального прогресса.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Право и социально-экономическое развитие страны // Избр. труды. Минск : ЮрСпектр, 2019. С. 534–546.
2. Арзыбек Кожошев рассказал в ЕЭК ООН о работе по декарбонизации транспорта в ЕАЭС к 2050 году [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/>

news/arzybek-kozhoshev-rasskazal-v-eek-oon-o-rabote-po-dekarbonizatsii-transporta-v-eaes-k-2050-godu/ (дата обращения: 11.04.2024).

3. *Егоров А. В.* «Союзное нормотворчество» как разновидность наднационального правотворчества // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2022. Вып. 17. С. 34–41.

4. *Карпович Н. А.* Александр Михайлович Абрамович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь: справедливость, преемственность и гуманизм как базовые концепты развития права. К 80-летию со дня рождения // Право.by. 2024. № 2. С. 22–30.

5. *Карпович Н. А.* Правовой статус личности в концепте метамодерна // Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования: материалы междунар. научно-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения заслуж. юриста Респ. Беларусь, д-ра юрид. наук, проф. А. М. Абрамовича, Минск, 24–25 мая 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: С. А. Балащенко (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2019. С. 7–18.

6. *Карпович Н. А.* Устойчивое развитие как объект конституционного регулирования: сравнительный аспект // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2022. Вып. 17. С. 41–58.

7. *Морозов С. Ю.* Проблемы реформирования транспортной отрасли: правовой аспект // Актуальные проблемы транспортного права / под ред. А. В. Габова, С. Ю. Морозова. М. : Проспект, 2023. С. 436–444.

8. Союз Беларуси и России будет более мощным, продуманным и продвинутым, чем Евросоюз [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/president/view/sojuz-belarusi-i-rossii-budet-bolee-moschnym-produmannym-i-prodvinitym-chem-evrosojuz-474514-2021/> (дата обращения: 11.04.2024).

9. *Хотько О. А.* Проблемы правового регулирования эксплуатации интеллектуальных транспортных систем (на примере законодательства Республики Беларусь, Союзного государства и права Евразийского экономического союза) // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. II Междунар. науч. конф., Казань, 22 сентября 2023 г. : в 6 т. / Казан. инновац. ун-т ; под ред. Е. А. Громовой [и др.]. Казань : Познание. 2023. Т. 6. № 9. С. 369–376.

10. *Хотько О. А.* Интеграционное строительство на постсоветском пространстве как фактор усиления развития транспортного права // Публично-правовые проблемы транспортного права: материалы Пятого Междунар. трансп.-правового форума, Москва, 15–16 февраля 2023 г. / под ред. А. А. Чеботаревой, В. Е. Чеботарева, Л. М. Малешинной. М. : Юрид. ин-т РУТ (МИИТ), 2023. С. 234–242.

11. *Чуприс О. И.* Актуальные вопросы нормотворчества в Республике Беларусь: сохраняя традиции (к 80-летию со дня рождения профессора А. М. Абрамовича // Право. by. 2024. № 2. С. 12–21.

НАЗНАЧЕНИЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧЕТОМ ИЗМЕНЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬНОСТИ

А. В. Шидловский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2203030, г. Минск, Беларусь, Shidlovsky@bsu.by*

Анализируются спорные в теории и судебной практике вопросы назначения наказания в виде лишения свободы с усилением его дополнительными наказаниями в случаях совокупности преступлений и при изменении квалификации посягательств. Формулируются авторские рекомендации по разрешению уголовно-правовых коллизий и устранению пробелов в уголовном законе.

Ключевые слова: лишение свободы; совокупность преступлений; квалификация преступлений; назначение наказания.

ПРЫЗНАЧЭННЕ ПАЗБАЎЛЕННЯ ВОЛІ ПА СУКУПНАСЦІ ЗЛАЧЫНСТВАЎ З УЛІКАМ ЗМЭНЫ КВАЛІФІКАЦЫІ ЗАМАХУ

А. В. Шыдлоўскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 2203030, г. Мінск, Беларусь, Shidlovsky@bsu.by*

Аналізуюцца спрэчныя ў тэорыі і судовай практыцы пытанні прызначэння пакарання ў выглядзе пазбаўлення волі з узмацненнем яго дадатковымі пакараннямі ў выпадках сукупнасці злачынстваў і пры змене кваліфікацыі замаху. Фармулююцца аўтарскія рэкамендацыі па вырашэнні крымінальна-правовых калізій і ліквідацыі прабелаў у крымінальным законе.

Ключавыя словы: пазбаўленне волі; сукупнасць злачынстваў; кваліфікацыя злачынстваў; прызначэнне пакарання.

THE PURPOSE OF IMPRISONMENT ACCORDING TO THE CUMULATIVE CRIMES AS AMENDED OF QUALIFICATION OF INFRINGEMENT

A. V. Shidlovsky

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, Shidlovsky@bsu.by*

The article analyzes the issues of sentencing in the form of deprivation of liberty, controversial in theory and judicial practice, with the strengthening of additional punishments in cases of a combination of crimes and when changing the qualification of

assaults. The author's recommendations are formulated to resolve criminal law conflicts and eliminate gaps in the criminal law.

Keywords: imprisonment; totality of crimes; qualification of crimes; sentencing.

Дифференциация видов и сроков (размеров) наказания в санкциях статей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) имеет непосредственную связь с основными началами назначения наказания и прежде всего с принципом индивидуализации наказания. Если наказание назначено судом в пределах санкции, то можно констатировать соблюдение в этой части принципа законности. Однако это еще не означает, что данная мера наказания судом оптимально индивидуализирована.

Часть 1 ст. 62 УК прямо указывает на необходимость мотивировки избранной меры наказания в приговоре [1]. На обязательность обоснования судом назначенного наказания постоянно обращается внимание в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. На наш взгляд, это требование гарантирует реализацию принципов индивидуализации и справедливости в процессе назначения наказания.

Совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части настоящего Кодекса либо разными частями одной и той же статьи, а равно совершение преступлений, предусмотренных одной и той же статьей Особенной части настоящего Кодекса, из которых одни квалифицируются как оконченное преступление, а другие – как приготовление, покушение или соучастие в преступлении, ни за одно из которых лицо не было осуждено. При этом лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье настоящего Кодекса (ч. 1 ст. 42 УК).

Законодатель регламентирует правила назначения по совокупности преступлений раздельно в зависимости от категории преступлений, входящих в совокупность.

Таким образом, в соответствии с действующей редакцией нормы правила гласят: если совокупность преступлений образуют *преступления, не представляющие большой общественной опасности, и менее тяжкие либо тяжкие преступления в любом сочетании*, то окончательное наказание назначается путем *поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем частичного или полного сложения наказаний*. При этом окончательное наказание не может превышать максимального срока или размера наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений.

Необходимо подчеркнуть, что окончательное наказание в соответствии с ч. 3 ст. 72 УК назначается путем *частичного или полного сложения наказаний*. Изложенный в уголовном законе порядок назначения окончательного наказания, к сожалению, не предусматривает возможности сложения альтернативных лишению свободы видов наказаний.

Приведем пример. В совокупность преступлений входит неоконченное особо тяжкое преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 13, ч. 1 ст. 139 УК, и менее тяжкое преступление (ч. 1 ст. 205 УК). За приготовление к убийству с учетом правил ст. 70 УК суд назначил более мягкое наказание, чем предусмотрено законом – арест на три месяца. За кражу – исправительные работы сроком на 1 год с удержанием из заработка осужденного в доход государства в размере 20 %.

Остаются нерешенными вопросы: каким образом суд должен определять окончательное наказание либо эти наказания должны приводиться в исполнение самостоятельно? Думается, что здесь целесообразно назначать окончательное наказание путем поглощения менее строгого наказания более строгим, либо необходимо четко определить в ст. 74 УК порядок сложения таких наказаний.

Одним из возможных вариантов решения вопроса определения окончательного наказания в приведенном случае, по нашему мнению, может быть включение в ч. 3 ст. 72 УК дополнительного правила следующего содержания: *«При назначении двух и более видов наказаний, ни одно из которых не является лишением свободы, окончательное наказание назначается путем поглощения менее строгого наказания более строгим»* [2, с. 58–59].

Остановимся на особенностях нормы о назначении дополнительных наказаний при совокупности преступлений. В ч. 6 ст. 72 УК говорится, что к окончательному основному наказанию суд присоединяет дополнительные наказания, назначенные за преступления, в совершении которых лицо признано виновным. Тем самым законодатель решил остродискуссионный вопрос, долгое время существовавший в науке уголовного права, о том, каким образом необходимо назначать дополнительные наказания: сначала отдельно за преступления, входящие в совокупность [3, с. 86–87; 4, с. 266; 5, с. 89–91], либо по совокупности преступлений, хотя и не были назначены предварительно за каждое из них [6, с. 131–132; 7, с. 128–129].

Уголовный закон закрепил применявшийся в отечественной судебной практике подход, в соответствии с которым дополнительное наказание может быть присоединено к окончательно избранной основной мере наказания лишь в том случае, если оно назначено судом по какой-либо из статей, входящих в совокупность (см. п. 6 постановления № 5 Пленума

Верховного Суда Республики Беларусь от 27 октября 1971 г. «О практике назначения судами Республики Беларусь дополнительных наказаний» в редакции постановлений Пленума от 6.12.1978 г. № 13 и от 5.06.1985 г. № 9 [8, с. 21–23].).

В действующем УК не решается вопрос о том, какими правилами (поглощения либо частичного или полного сложения) следует руководствоваться при соединении дополнительных наказаний одного вида, назначенных за преступления, в совершении которых лицо признано виновным. Мыслится логичным распространить предусмотренные в ч. 2 и ч. 3 ст. 72 УК правила определения окончательного наказания на положения ч. 6 данной статьи, сделав в законе об этом оговорку.

Если за образующие совокупность преступления назначены дополнительные наказания разных видов (например, штраф и лишение воинского или специального звания), то они присоединяются к окончательному основному наказанию и приводятся в исполнение самостоятельно.

Разберем еще одну спорную ситуацию из судебной практики, когда в результате переквалификации посягательства в сторону уменьшения объема обвинения по одному из преступлений, входящих в совокупность, усиливается окончательное наказание виновному.

Так, гражданин по приговору суда первой инстанции осужден по ч. 3 ст. 210 УК за хищение с использованием служебных полномочий в крупном размере к наказанию в виде лишения свободы на срок 5 лет с конфискацией имущества и с лишением права занимать должности сроком на 5 лет; по ч. 2 ст. 430 УК – 6 лет лишения свободы с лишением права занимать должности сроком на 5 лет. В соответствии с правилами ч. 2 и 6 ст. 72 УК по совокупности преступлений ему окончательно назначено 6 лет лишения свободы с конфискацией имущества и с лишением права занимать должности сроком на 5 лет (путем поглощения менее строгого основного наказания более строгим и присоединения дополнительных наказаний).

Суд апелляционной инстанции при переквалификации действий гражданина на преступление меньшей тяжести, т. е. с ч. 3 ст. 210 УК на ч. 2 ст. 210 УК, применил к обвиняемому закон о менее тяжком преступлении и назначил наказание с учетом новой квалификации деяния в соответствии с санкцией ч. 2 ст. 210 УК (2 года лишения свободы **со штрафом** и с лишением права занимать должности сроком на 5 лет), которая предусматривает *в качестве обязательного дополнительное наказание в виде штрафа* и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В этой части суд назначил наказание в пределах санкции и в рамках предоставленных ему полномочий согласно ч. 1 и 3 ст. 387 и п. 1 ч. 2

ст. 396 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). В приведенной ситуации каких-либо законных оснований для не применения обязательного дополнительного наказания в виде штрафа (например, по ст. 70 УК) у суда не было. Полагаем, что решение суда апелляционной инстанции здесь не ухудшило положение обвиняемого, поскольку: в отношении обвиняемого был применен закон о менее тяжком преступлении; было смягчено основное наказание – вместо 5 лет лишения свободы суд назначил наказание в виде 2 лет лишения свободы.

Относительно дополнительного наказания усматривается следующее. На момент постановления приговора судом первой инстанции санкция ч. 3 ст. 210 УК в редакции Закона от 17.01.2015 предусматривала в качестве обязательных дополнительных наказаний конфискацию имущества и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. После вступления в силу Закона Республики Беларусь от 09.01.2019 № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» наказание в виде конфискации имущества было исключено из УК, а в санкции ч. 3 ст. 210 УК было заменено на штраф. Поэтому в последующем судебном решении вместо конфискации имущества (по первому приговору) было назначено схожее по природе дополнительное наказание имущественного характера – штраф (в решении суда апелляционной инстанции).

Суд апелляционной инстанции при переквалификации преступления на ч. 2 ст. 210 УК с назначением 2 лет лишения свободы со штрафом и лишением права занимать определенные должности сроком на 5 лет и квалификации действий гражданина по ч. 2 ст. 430 с назначением 6 лет лишения свободы с конфискацией имущества и с лишением права занимать определенные должности сроком на 5 лет, окончательную меру наказания определил по правилам ч. 2 и 6 ст. 72 УК *в виде 6 лет лишения свободы со штрафом, с конфискацией имущества и с лишением права занимать должности сроком на 5 лет.*

Исходя из ч. 2 п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.03.2002 № 1 «О назначении судами уголовного наказания» и общих начал назначения наказания, дополнительные наказания разных видов (разнородные наказания) присоединяются к окончательному основному наказанию и приводятся в исполнение самостоятельно. Учитывая различия дополнительных наказаний по содержанию и характеру, УК Беларуси допускает, а в ряде случаев прямо закрепляет обязательность назначения нескольких дополнительных наказаний за совершение одного преступления.

Уголовный кодекс в ч. 6 ст. 72 закрепил традиционно применявшийся в отечественной судебной практике подход, в соответствии с которым

дополнительное наказание может быть присоединено к окончательно избранной основной мере наказания лишь в том случае, если оно назначено судом по какой-либо из статей, входящей в совокупность.

Сочетание основных и дополнительных наказаний, назначаемых как за отдельное преступление, так и при совокупности нескольких преступлений, должно отвечать не только букве закона, но и его «духу», что является важнейшей гарантией повышения эффективности уголовного наказания в целом.

Вместе с тем в результате уменьшения объема обвинения гражданину по одному из преступлений, входящих в совокупность, произошло усиление ему окончательной меры наказания по совокупности преступлений. Данная ситуация являет нестандартной и, по сути, образует уголовно-правовую коллизию: применение закона о менее тяжком преступлении, повлекло за собой не снижение наказания, а его увеличение на этапе определения его окончательной меры по совокупности. В этом аспекте явно нарушается принцип справедливости назначения наказания.

В соответствии с ч. 1 ст. 387 УПК суд при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке вправе отменить либо изменить обвинительный приговор по основаниям, которые могут повлечь улучшение положения обвиняемого, независимо от содержания доводов апелляционных жалобы или протеста.

Случай изменения окончательной меры наказания в сторону усиления в части применения обязательного дополнительного наказания следует признать ухудшающим положение обвиняемого.

Соблюдая формально требования ч. 1 и 3 ст. 387 и п. 1 ч. 2 ст. 396 УПК, суд апелляционной инстанции применил закон о менее тяжком преступлении и назначил обвиняемому наказание в соответствии с новой санкцией – по ч. 2 ст. 210 УК. В рассматриваемой ситуации суд апелляционной инстанции изменил обвинительный приговор не только в сторону улучшения (при переквалификации деяния), но и механически в сторону ухудшения положения лица («усилив» наказание штрафом). По нашему мнению, суд апелляционной инстанции при назначении дополнительного наказания в виде штрафа по совокупности преступлений «вынужденно» ухудшил положение обвиняемого.

Исходя из вышеизложенного и в целях обеспечения соблюдения принципа справедливости при назначении наказания по совокупности преступлений, считаем целесообразным руководствоваться следующими рекомендациями, закрепив их в разъяснениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь либо правилах ст. 72 УК:

«Если за преступления, входящие в совокупность, назначены дополнительные наказания имущественного характера разных видов, то

окончательное наказание определяется по совокупности преступлений путем поглощения менее строгого наказания более строгим. При этом окончательное наказание по совокупности преступлений не должно предусматривать дополнительных наказаний больше, чем назначено за каждое преступление в отдельности».

Таким образом, назначаемая мера наказания должна соответствовать общественной опасности как преступления, так и совершившего его лица. Суд должен индивидуализировать наказание с нацеленностью на исправление осужденного и предупреждение преступлений (как со стороны самого осужденного, так и со стороны других лиц).

Библиографические ссылки

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : подписан Президентом Республики Беларусь 9 июля 1999 г., № 275-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 08.01.2024 г., № 349-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
2. Шидловский А. Назначение наказания при множественности преступлений // Судовы веснік. 2001. № 4. С. 56–59.
3. Гальперин И. М., Мельникова Ю. Б. Дополнительные наказания. М. : Юрид. лит., 1981. С. 86–87.
4. Малков В. П. Совокупность преступлений : (Вопросы квалификации и назначения наказания). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1974. 307 с.
5. Черненко Т. Г. Множественность преступлений: Вопросы квалификации и назначения наказания : учеб. пособие. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1999. 115 с.
6. Куринов Б. А. Обеспечение законности и справедливости при назначении наказания // Сов. государство и право. 1971. № 4. С. 128–133.
7. Никифоров А. С. Совокупность преступлений. М. : Юрид. лит., 1965. 133 с.
8. О практике назначения судами Республики Беларусь дополнительных наказаний : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 27 окт. 1971 г., № 5 : в ред. постановлений Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 06.12.1978 г., № 13 ; от 05.06.1985 г., № 9 // Сборник действующих постановлений Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, постановлений и определений кассац. и надзор. судеб. инстанций за 1994–1998 г.г. и обзоров судеб. практики / сост. Н. А. Бабий. Минск : Тесей, 2000. С. 21–23.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММАХ ПАРТИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Д. В. Щербик

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2203030, г. Минск, Беларусь, shcherbikdv@bsu.by*

Рассматриваются идеологические позиции партий социалистического направления на территории Беларуси в начале XX в. по национальному вопросу, соотношения их национальных и социалистических идеалов. Отмечено влияние данных идеологических позиций на дальнейшее строительство белорусской государственности.

Ключевые слова: нация; национальный вопрос; социализм; БСГ; ППС; РСДРП; белорусская государственность.

НАЦЫЯНАЛЬНАЕ ПЫТАННЕ Ё ПРАГРАМАХ ПАРТЫЙ САЦЫЯЛІСТЫЧНАГА НАПРАМКУ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ё ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

Д. В. Шчэрбік

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 2203030, г. Мінск, Беларусь, shcherbikdv@bsu.by*

Разглядаюцца ідэалагічныя пазіцыі партый сацыялістычнага накірунку на тэрыторыі Беларусі ў пачатку XX ст. па нацыянальным пытанні, узаемасувязі іх нацыянальных і сацыялістычных ідэалаў. Адзначаны ўплыў гэтых ідэалагічных пазіцый на далейшае будаўніцтва беларускай дзяржаўнасці.

Ключавыя словы: нацыя; нацыянальнае пытанне; сацыялізм; БСГ; ППС; РСДРП; беларуская дзяржаўнасць.

THE NATIONAL QUESTION IN THE PROGRAMS OF SOCIALIST PARTIES IN THE TERRITORY OF BELARUS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

D. V. Shcherbik

*Belarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, shcherbikdv@bsu.by*

The publication examines the conceptual positions of socialist parties in Belarus at the beginning of the twentieth century on the national issue, the relationship between their national and socialist ideals. The influence of these ideological positions on the further construction of Belarusian statehood is noted.

Keywords: nation; national question; socialism; BSG; PPS; RSDLP; Belarusian statehood.

К началу XX в. в Западной Европе национальная идея прошла три стадии: от гражданского национализма образца периода французской революции, через этнический национализм периода романтизма, сочетавшийся с идеями национального и социального освобождения, к интегральному национализму шовинистической направленности, возникшему во Франции в период аферы Дрейфуса. Позитивистский сциентизм середины XIX в., популярность дарвинизма также повлияли на популярность национального вопроса, который должны были учитывать ведущие идеологические направления, в том числе социалистической направленности.

Начало дискуссии левых сил положили события «весны народов» 1848–1849 гг. Обострил ее вопрос польского восстания 1863–1864 гг., которое обсуждалось на Первом интернационале. В результате среди социалистических сил выделилось несколько направлений, по-разному рассматривавших национальный вопрос. Прудонисты, выступавшие за социалистические преобразования и построение демократической федерации, рассматривали национальный вопрос как явление отвлекающего от дела общественного преобразования [1, с. 97]. К. Маркс, в свою очередь, более гибко воспринимал национальный вопрос. В 1866 г. К. Маркс писал Ф. Энгельсу, осуждая «прудонистскую клику» в Париже, которая «...объявляет войну устаревшей, национальности – бессмыслицей, нападает на Бисмарка и Гарибальди и т. д. Как полемика с шовинизмом, эта тактика полезна и объяснима. Но когда верующие в Прудона ... думают, что вся Европа может и должна сидеть тихо и смирно на своей задней, пока господа во Франции отменяют “нищету и невежество”..., – то они смешны» [2, с. 93–94]. В своей публицистике Ф. Энгельс и К. Маркс рассматривали национальные движения в тесной связи с появлением капитализма, отмечали их историческую прогрессивность, важность и возможность их использования в борьбе особенно с полупфеодальными государствами, такими как Российская империя, а равно с империализмом великих буржуазных государств. При этом отмечали перспективу слияния наций в будущем коммунистическом обществе.

Двойственность позиции основателей марксизма нашла отражение в резолюции Лондонского конгресса Интернационала в 1896 г.: «Конгресс выступает за полную автономию всех национальностей и заявляет о своем сочувствии рабочим любой страны, в настоящее время страдающей под ярмом военного, национального или какого-либо иного деспотизма; Конгресс призывает рабочих всех этих стран стать в строй бок о бок с классово-сознательными рабочими всего мира, чтобы добиться свержения всемирного капитализма и установления всемирной социал-демократии» [2, с. 88]. Она привела к выделению в социалистическом движении различных подходов к решению национального во-

проса. Так, созданная на территории Царства Польского, Литвы и Беларуси в 1882 г. польская Интернациональная социально-революционная партия «Пролетариат», а равно воссозданная после ее разгрома в 1888 г. Социально-революционная партия «Пролетариат» выступали с интернационалистических позиций. Попытка объединения в 1892 г. польских социалистических организаций не привела к успеху и в 1893 г. движение раскололось по национальному вопросу на две организации: Польскую социалистическую партию (ППС) и Социал-демократию Королевства Польского (СДКП), впоследствии Социал-демократию Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Лидеры последней, в том числе Роза Люксембург, отрицали лозунг самоопределения наций. Со времен I Пролетариата они рассматривали национальный вопрос как форму морального закрепощения пролетариата посредством враждебного его интересам влияния привилегированных групп. На съезде I СДКП прямо отмечалось, что борьба за независимость является отречением от успешной политической борьбы и отдалением от целей пролетариата [3, с. 333]. По мнению Р. Люксембург, централизаторские процессы в многонациональных государствах в условиях капитализма являются объективными, поэтому вместо борьбы национальной работники должны сосредоточиться на интернациональной борьбе с капитализмом, в ходе которой будет происходить их все более тесное сближение. При этом она отрицала социал-шовинистические позиции таких немецких социал-демократов, как Анер, которые за благо считали германизацию поляков [3, с. 334]. После слияния СДКПиЛ и РСДРП, а также в период революции позиция, названная В. Лениным «абстрактным интернационализмом» была близка выходцу из СДКПиЛ Ф. Дзержинскому, а также таким представителям РСДРП, как Г. Пятаков, Н. Бухарин, во многом впоследствии ставших приверженцами идей «автономизации» СССР.

Австро-марксистская модель «национально-культурной» автономии, в свою очередь, вытекала из сформулированного К. Ренаром и О. Бауэром определения нации. Так, О. Бауэр исходя из своего определения нации как «совокупности людей, связанных общностью характера на почве общей судьбы» [4, с. 54], для которой характерна также общность культуры и языка, и К. Раннер рассматривавший нацию как «союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих личностей. Это культурная общность группы современных людей, не связанная с землей», решали проблему сохранения австро-венгерского государства как крупной хозяйственной единицы через идею экстерриториальной автономии. Социализм в понимании Бауэра будет представлять период, в который наконец-то весь народ превратится в нацию, а нации будут продолжать свое развитие все более дифференцируясь [4, с. 44]. Таким образом, нация выступала как ценность, которая должна была сохраняться и свободно развиваться при

социализме, на грунте общей хозяйственной политики. В Австрии данный подход не был принят социал-демократией, которая сохранила связь нации с территорией и требовала национальной и территориальной автономии для наций, при сохранении единства государства. В Российской империи за экстерриториальность выступил Бунд, а принципиальную целостность при сохранении национально-территориальных автономий (автономных областей) поддерживали впоследствии меньшевики, а равно эсеры.

На позиции соединения национальной идеи с социализмом, вплоть до отстаивания приоритета первой, стояли Польская социалистическая партия (ППС), а также Белорусская социалистическая громада (БСГ). ППС, рожденная в результате эволюции революционных демократов в сторону увлечения социалистической мыслью, сохраняла своим приоритетом требования независимости. Так, Б. Лимановский, который как раз и был символом такой эволюции, в 1881 г. писал, что патриотизм и социализм не противоречат друг другу, а взаимно друг друга укрепляют, а также что настоящий патриотизм обращается к трудящимся, как основе силы народа, и поэтому должен быть социалистическим. А социализм, как вытекающий из любви к народу, должен, в свою очередь, быть патриотическим [3, с. 336]. По мнению К. Келлес-Крауза, одного из составителей программы ППС, не только классовый характер государства угнетает пролетариат, но и принадлежность к чужому государству. Важнейшей триадой его политической мысли, а равно приоритетами ППС, было «независимость – демократия – социализм», причем именно в такой последовательности. Независимое государство должно было быть демократическим и республиканским, а затем уже станет социалистическим. Ю. Пилсудский в статье 1903 г. «Как я стал социалистом» вспоминал, что если бы он в то время столкнулся с «варшавским» социализмом (интернациональным, в духе Р. Люксембург), то отверг бы его [3, с. 338]. А учитывая, что социализм в ППС воспринимался скорее этически, а не материалистически, то становится понятной дальнейшая эволюция ППС и Ю. Пилсудского в сторону провозглашения независимого польского государства, а после возникших трудностей, и отказ от идей демократии, федеративности и социализма в пользу укрепления и развития польского национального государства.

Белорусское социалистическое движение еще со времен «гомоновцев» содержало в своей идеологии национальный компонент. Общее социалистическое будущее должно было наступить не через полный интернационализм и отрицание национального вопроса, но через учет потребностей и «особенностей характера каждого народа, его экономического и политического состояния, климатических и этнографических особенностей страны» [5, с. 175]. БСГ, первоначально тесно сотрудни-

чающая с «ППС на Литве», также находилась под влиянием идей последней, сочетая в своей деятельности национальный вопрос с социализмом. Так, один из лидеров БСГ А. Луцкевич в своей статье «Родная мова і яе культурнае значэнне» писал, что язык является наиболее ярким воплощением культуры, души нации, на биологическом уровне связывал его с народом [6, с. 63]. В иных публикациях он отмечал, что каждый народ имеет миссию участвовать в развитии всего человечества, но может ее реализовать только в рамках развития своей собственной культуры. Полное саморазвитие же народа возможно исключительно в демократических формах, при социально-экономическом обеспечении трудящихся людей [7, с. 102]. В программных документах, ставя перед собой цели низвержения самодержавия и замены его демократической федерацией со свободным самоопределением и культурно-национальной автономией народностей, белорусское движение так же отстаивало ценность национального развития [8, с. 65]. Логичным следствием для белорусских социалистов стала эволюция в сторону идей независимости, проявившаяся в провозглашении БНР, либо, в более мягком варианте, отстаивания идей белорусской советской государственности и федерации в СССР.

Особую позицию по национальному вопросу отстаивали В. И. Ленин и его последователи в РСДРП. Выступая за включение в программу партии пункта за самоопределение народов и трактуя его как право самостоятельного определения своей судьбы угнетенной нацией вплоть до отделения, Ленин в то же время отмечал приоритет социалистических целей у партии, указывал, что она, оставив вопрос самоопределения народам, должна концентрироваться на идеях интернациональной борьбы трудящихся за социализм [3]. Если учесть централизаторский подход к построению партии и представления о централизованной организации и плановости постреволюционных социально-экономических преобразований, подобный подход создавал возможность использовать национальные движения для борьбы с империализмом, а равно с российским самодержавием, но отмечал их вторичность после победы революции. В. Ленин, как отмечает Ю. Семенов, принципиально не давал определение нации [9], большее внимание уделяя национальным движениям. Благодаря этому он мог уже после революции, не скатываясь в догматизм, сохранять более гибкий подход к национальному вопросу, учитывать стремления национальных элит к построению национальной государственности, уважительно относиться к «социал-националам» в партии и выступать с требованием федеративного подхода к построению советского государства [10]. В свою очередь И. В. Сталин, сформулировав в 1913 г. понимание нации как «исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности четырех основных

признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры» [11, с. 295], более инструментально и догматически делал акцент на разные признаки нации в зависимости от этапа политической борьбы, что позволило ему впоследствии легко перейти от поддержки права наций на самоопределение в период до и во время революции к идеям «автономизации» после победы в гражданской войне, фактически на практике приняв позиции отрицания национального вопроса в духе радикального интернационализма.

Таким образом, различные представления о нации, подходы к соотношению социалистических и национальных лозунгов различных партий на землях Беларуси в начале XX в. впоследствии сказались на процессах государственного строительства.

Библиографические ссылки

1. Первый Интернационал. Ч. 1. 1864–1870 / под ред. И. А. Бах (отв. ред.), Л. И. Гольмана и В. Э. Куниной. М. : Мысль, 1964. 582 с.
2. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма. Вып. 9. М. : Госполитиздат, 1959. С. 54–111.
3. Kucharczyk G. Polska myśl polityczna do roku 1939. Dębogóra : Wyd. Dębogóra, 2011. 550 s.
4. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / в изл. и со вступ. ст. С. Семковского. Пг. : Книга, 1918. 154 с.
5. Станкевіч А. Да гісторыі беларускага палітычнага вызвалення // 3 Богам да Беларусі : збор твораў. Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2008. С. 152–215.
6. Луцкевіч А. Родная мова і яе культурнае значэнне. Вільня [Вільнюс] : Ін-т беларусістыкі : Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства, 2009. С. 63–64.
7. Луцкевіч А. Кудой ісьці. Вільня [Вільнюс] : Інстытут беларусістыкі : Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства, 2009. С. 101–102.
8. Программа Белорусской социалистической громады // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 1993. № 1. С. 65–66.
9. Семенов Ю. Из истории теоретической разработки В. И. Лениным национального вопроса [Электронный ресурс] // СКЕПСИС : научно-просветительский журнал. URL: https://scepsis.net/library/id_2670.html (дата обращения: 8.06.2024).
10. Ленин В. И. К вопросу об национальностях или об «автономизации» // Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма. Вып. 9. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 170–176.
11. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М. : ОГИЗ; Госполитиздат, 1946. С. 290–367.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ПРАВА И ЕЕ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Е. Н. Ярмоц

*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина,
бульвар Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь, teorlaw@brsu.by*

Говорится о переосмыслении института визуализации правового текста в современных условиях развития информационного общества и пространства. Отмечается возрастающая роль визуальной юриспруденции. Демонстрируются коррелятивные связи между визуализацией права в широком смысле и обеспечением доступа к правосудию. Приводятся примеры использования юридического дизайна для облегчения доступа к правосудию.

Ключевые слова: судебная деятельность; визуализация; юридический дизайн; визуальная юриспруденция; доступность правосудия.

ВІЗУАЛІЗАЦІЯ ПРАВА І ЯЕ РОЛЯ Ў ЗАБЕСПЯЧЭННІ ДАСТУПНАСЦІ ПРАВАСУДДЗЯ

А. М. Ярмоц

*Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна,
бульвар Касманаўтаў, 21, 224016, г. Брэст, Беларусь, teorlaw@brsu.by*

Гаворыцца пра пераасэннаванне інстытута візуалізацыі прававога тэкста ў сучасных умовах развіцця інфармацыйнага грамадства і прасторы. Адзначаецца ўзрастаючая роля візуальнай юрыспрудэнцыі. Дэманструюцца карэляцыйныя сувязі паміж візуалізацыяй права ў шырокім сэнсе і забеспячэннем даступнасці правасуддзя. Прыводзяцца прыклады выкарыстання юрыдычнага дызайна для аблягчэння доступа да правасуддзя.

Ключавыя словы: судовая дзейнасць; візуалізацыя; юрыдычны дызайн; візуальная юрыспрудэнцыя; даступнасць правасуддзя.

VISUALIZATION OF LAW AND ITS ROLE IN ENSURING ACCESS TO JUSTICE

E. N. Yarmots

*Brest State A. Pushkin University,
21 Kosmonavtov Boulevard, Brest 224016, Belarus, teorlaw@brsu.by*

The article talks about the rethinking of the institute of visualization of the legal text in the modern conditions of development of information society and space. The article deals with the rethinking of the institute of visualization of legal text in the modern conditions of development of information society and space. The increasing role of visual jurisprudence. The increasing role of visual jurisprudence. The article demonstrates correlative

links between visualization of law in the broad sense and ensuring access to justice. Examples of the use of legal design to facilitate access to justice are given justice.

Keywords: judicial activism; visualization; legal design; visual jurisprudence; accessibility of justice.

Визуализация – (от лат. *visualis*, «зрительный») – общее название приемов представления числовой информации или физического явления в виде, удобном для зрительного наблюдения и анализа. В общем смысле – метод представления информации в виде оптического изображения (например, в виде рисунков и фотографий, графиков, диаграмм, структурных схем, таблиц, карт и т. д.). Очень эффективно визуализация используется для представления изначально не зрительной информации [1].

Термины «визуальная юриспруденция» и «визуальное правоведение», в большей степени, правда, известные за рубежом, чем в белорусской традиции права, уже стали частью правовой реальности. Данные категории используются не только в правоприменении, но и в академической (научной) среде [6; 7]. Так, к современным средствам визуализации, используемым в рамках образовательной среды, можно отнести общеизвестные образовательные платформы Google (Classroom) и Microsoft (Teams), используемые для разработки и составления юридических курсов и дисциплин. С помощью данных платформ учебную информацию удобно преподносить в мультимедийной форме (в видео-, аудиоформате, формате презентаций, тестовых заданий и т. п.). Кроме того, в качестве активных, пространственно-объемных методов обучения в юриспруденции используются структурно-логические схемы, которые позволяют наглядно отобразить формальные отношения.

В последнее десятилетие актуальным межатраслевым направлением по визуализации юридической информации для судов и прочих правовых институций стал юридический дизайн. Особенностью данного направления является применение дизайн-мышления в юридической сфере и ориентация на интересы пользователя [10]. Юридический дизайн работает преимущественно с формой документов и в меньшей степени с правовым содержанием, и призван упростить работу с правовыми документами путем придания тексту определенной формы, к примеру, посредством использования гиперссылок [2]. Стоит отметить, что в США курсы по юридическому дизайну предоставляются в том числе ведущими университетами страны [5]. Приведем пример краткого описания одного из таких курсов: «Этот курс покажет вам, как превратить сложную юридическую информацию в ясную, последовательную и легкую для понимания форму. Курс начинается с основ информационного дизайна и углубляется в такие темы, как дизайн таблиц, визуализация

данных, диаграммы, карты, инфографика, инструменты визуализации и использование цвета» [4].

Визуализация права в эпоху информационного общества способствует обеспечению информационной открытости в деятельности суда и доступа к правосудию. Переосмысление и постепенное привыкание к новой информационно-наглядной правовой реальности может происходить также изнутри, посредством обучения студентов и специалистов в области юриспруденции человеко-ориентированным технологиям, проведения исследований и разработки соответствующих моделей правовой коммуникации, а также через координацию деятельности отдельных субъектов и сообществ, направленных на разработку инноваций в судебной деятельности [8].

Сегодня ведущие юридические вузы и школы права являются комплексными учебно-научно-практическими центрами по созданию эффективной, основанной на принципе взаимодействия юридической науки и практики, образовательно-исследовательской и информационной среды в области развития юридического образования, совершенствования подготовки специалистов, повышения правовой культуры населения, продвижения приоритетных научных направлений и т. п. Ярким примером такого центра является Стэнфордская школа права (США, Калифорния), которая предлагает на выбор различные курсы по основам юридического дизайна и облегчения доступа населения к правосудию (Court Messaging Project, Court Visual Guides, Court Legal Help Websites, Unlocking Technology to Promote Access to Justice и др.) [3].

В Стэнфордской лаборатории юридического дизайна разрабатываются и апробируются социально-значимые проекты, направленные на облегчение понимания судебной системы через визуализацию и доступ к правосудию посредством разработки новых форм уведомлений, листовок, плакатов, карт процессов и других визуальных материалов, усовершенствования и внедрения специальных приложений и «доступных» версий веб-сайтов, потоков текстовой информации; создания сообществ, направленных на выстраивание взаимоотношений между работниками системы правосудия, гражданами и другими заинтересованными субъектами для переосмысления способов правовой коммуникации [8].

В качестве практических рекомендаций по реализации положений об обеспечении доступа к правосудию через использование юридического дизайна и визуализацию права можно назвать:

- соответствующее визуальное оформление юридических документов и иных информационных материалов для посетителей суда. При направлении различных судебных уведомлений, создании и печати информационных листовок, брошюр, пошаговых руководств для пользова-

телей и прочих визуальных материалов для работы с населением необходимо учитывать основные правила юридического дизайна и помнить, что визуальные эффекты помогают людям не только ознакомиться с соответствующей информацией, но и получить ее в доступной форме, удобной для восприятия и использования. Информацией о судебной деятельности, как общей (обращение в суд, предъявление требования, правила подачи апелляции и др.), так и по отдельным частным вопросам, можно делиться через плакаты, брошюры, наглядные пособия, социальные сети, почтовую рассылку и т. п., которые могут привлечь внимание людей своей структурированностью, ярким цветовым сопровождением, наличием комментированных иллюстраций, схематичностью;

- составление и распространение пошаговых (стратегических) руководств, иллюстрирующих многоэтапные процессуальные действия. Стратегические юридические визуальные средства направлены на оказание содействия в навигации по правовой системе. Визуальные образы в сочетании со структурированной информацией демонстрируют участнику процесса, какие у него есть варианты, какие стадии процесса необходимо пройти и какие стратегии использовать для принятия решений. Как правило, они принимают форму блок-схем, раскадровок, сравнительных таблиц и графиков [9];

- наличие сопроводительного листа с рекомендациями и иной дополнительной информацией (зачастую так поступают американские суды, высылая его вместе с судебными уведомлениями). Дизайн сопроводительного листа очень простой и схематичный. Как правило, в нем содержится пошаговая инструкция о действиях, которые необходимо предпринять, сроках, QR-код к онлайн-руководству, различные контакты, включая контакты служб для людей, чувствующих себя уязвимыми или «подавленными» [9].

Визуализация применяется в различных областях научного познания в качестве инструмента для отображения труднодоступных для понимания текстов и конструкций. Юриспруденция не стала исключением в этом плане. Общеизвестно, что юридическая терминология и юридическая лексика в целом представляет определенные сложности для понимания и восприятия. Это и послужило толчком к осознанию необходимости и целесообразности переосмысления способов правовой коммуникации в сторону увеличения ее визуальной составляющей. В итоге в юридическом сообществе стали употреблять понятие «визуальная юриспруденция», а ведущие образовательные центры внедрять в свои учебные программы курсы по юридическому дизайну. Причем интересно, что спрос на получение компетенций в этой области возник именно изнутри, то есть со стороны юридического сообщества.

Библиографические ссылки

1. Визуализация [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Визуализация> (дата обращения: 26.03.2024).
2. Что такое юридический дизайн [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/legal-design/> (дата обращения: 11.03.2024).
3. Course Catalog. Stanford Law School [Electronic resource]. URL: https://law.stanford.edu/courses/?tax_and_terms=8254&ls=Policy%20Practicum &page=1 (date of access: 14.03.2024).
4. Information Design for Lawyers [Electronic resource]. URL: <https://www.legaldesignschool.com/challenge-page/information-design> (date of access: 14.03.2024).
5. Legal Design School. Online Courses for Legal Professionals [Electronic resource]. URL: <https://www.legaldesignschool.com> (date of access: 14.03.2024).
6. OverDrive. Series: Law and Visual Jurisprudence [Electronic resource]. URL: <https://www.overdrive.com/series/law-and-visual-jurisprudence> (date of access: 14.03.2024).
7. *Sherwin R. C.* Visual Jurisprudence // N.Y. Law School Rev. Vol. 12. 2012–2013. P. 11–39.
8. The Legal Design Lab. Stanford Law School [Electronic resource]. URL: <https://law.stanford.edu/organizations/pages/legal-design-lab/#slnav-our-mission> (date of access: 14.03.2024).
9. Visual Legal Help Guides [Electronic resource]. URL: <https://justiceinnovation.law.stanford.edu/projects/visual-guides/> (date of access: 16.03.2024).
10. Visual Law: Definition, Uses, and Benefits [Electronic resource]. URL: <https://lawyersdesignschool.com/visual-law-for-lawyers-the-end-of-dense-legal-writing/> (date of access: 18.03.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ДОКЛАДОВ

Абрамович Владимир Александрович – заведующий специализированной юридической консультацией г. Минска «Защита и представительство», кандидат юридических наук.

Балашенко Сергей Александрович – профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Белоусова Снежана Дмитриевна – младший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Бондаренко Наталья Леонидовна – заведующий кафедрой хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Валевко Андрей Викторович – старший преподаватель кафедры конституционного и уголовного права юридического факультета Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой.

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси.

Вершок Ирина Леонидовна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Вечорко Виталий Юрьевич – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Голубева Людмила Леонидовна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Гринев Игорь Викторович – соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Данилевич Анатолий Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Довнар Таисия Ивановна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Дубрава Надежда Михайловна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Еремич Божена Викторовна – депутат Минского городского Совета депутатов, аспирант кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Ермошина Лидия Михайловна – Председатель Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов (в период с 1996 по 2021 г.).

Иванова Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Калинин Сергей Артурович – заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета по научной работе, кандидат юридических наук, доцент.

Каменков Виктор Сергеевич – научный консультант кафедры хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Карамышев Александр Владимирович – доцент кафедры государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Карпович Александра Юрьевна – юрисконсульт общества с ограниченной ответственностью «НЕОТЕРРА Логистикс», аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Карпович Наталья Александровна – заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Карташов Владимир Николаевич – заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования.

Князев Станислав Никифорович – заведующий кафедрой государственного управления Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

Конюк Александр Владимирович – Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в Республике Армения.

Коробова Анна Александровна – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Краснобаева Людмила Александровна – доцент кафедры государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Кучугурный Денис Анатольевич – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Лагун Дмитрий Анатольевич – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Лясков Александр Яковлевич – заместитель начальника управления Администрации Президента Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Маркевич Дарья Сергеевна – научный сотрудник государственного научного учреждения «Институт экономики НАН Беларуси».

Матарас Валентин Никифорович – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Миклашевич Петр Петрович – Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Минич Светлана Александровна – научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Минько Наталья Сергеевна – ведущий научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Мирошник Светлана Валентиновна – профессор кафедры теории права, государства и судебной власти ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент.

Мотина Евгения Владимировна – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Мурашко Людмила Олеговна – начальник отдела международных связей и сравнительного анализа законодательства Секретариата Конституционного Суда Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент

Мухля Ольга Сергеевна – начальник отдела молодежных программ и проектов управления по воспитательной работе с молодежью Белорусского государственного университета, соискатель кафедры конституционного и административного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Орловская Елена Ивановна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Павлов Вадим Иванович – профессор кафедры конституционного и международного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Плотникова Александра Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Попучеева Жанна Валерьевна – управляющий делами Логойского райисполкома, аспирант Белорусского государственного экономического университета.

Рыбак Сергей Вячеславович – заведующий кафедрой уголовного права и процесса учреждения образования «БИП – Университет права и социально-информационных технологий», кандидат юридических наук, доцент.

Рябцев Леонид Михайлович – судья Конституционного Суда Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Самарин Вадим Игоревич – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Семашко Елена Валентиновна – заместитель директора – руководитель Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Сивец Сергей Михайлович – Председатель Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и национальной безопасности, кандидат юридических наук, доцент.

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Соколова Елена Станиславовна – доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», доктор юридических наук, доцент.

Солянкина Надежда Алексеевна – старший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Солтанович Андрей Владимирович – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Станкевич Оксана Генриховна – начальник отдела исследований в области государственного строительства и международного права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Тиковенко Анатолий Герасимович – судья Конституционного Суда Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Фиронов Анатолий Николаевич – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Хотько Ольга Александровна – доцент кафедры государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Чуприс Ольга Ивановна – Заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Шидловский Андрей Викторович – декан юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Щербик Дмитрий Васильевич – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ярмоц Елена Николаевна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДЕКАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТА А. В. ШИДЛОВСКОГО	3
С благодарностью учителю: наследие мастерства профессора А. М. Абрамовича как педагога и ученого-правоведа	3
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ОТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	5
Администрация Президента Республики Беларусь	5
Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь	6
Конституционный Суд Республики Беларусь	7
Верховный Суд Республики Беларусь	9
Генеральная прокуратура Республики Беларусь.....	11
Приветственное слово заместителя Председателя Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, заслуженного юриста Республики Беларусь Ипатова Вадима Дмитриевича в адрес участников конференции	12
Министерство юстиции Республики Беларусь.....	14
Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь	15
Приветственное слово директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь Мательского Андрея Францевича участникам Международной научно-практической конференции «Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования (к 80-летию со дня рождения заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора А. М. Абрамовича)	17
Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.....	19
Приветствие учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета».....	20
Приветствие Белорусского государственного университета.....	22
ВЫСТУПЛЕНИЕ АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ АБРАМОВИЧ, СУПРУГИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА АБРАМОВИЧА	24
Если любишь и веришь, все дороги ясны... ..	24

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ.....	30
<i>Чуприс О. И.</i> Правовое регулирование государственной службы в Республике Беларусь: преемственность и развитие (к 80-летию со дня рождения профессора А. М. Абрамовича)	30
<i>Миклашевич П. П.</i> Обновленная Конституция: преемственность конституционного развития	38
<i>Князев С. Н.</i> Александр Михайлович Абрамович. Служение Беларуси и народу	45
<i>Василевич Г. А.</i> Роль Комитета конституционного надзора СССР в совершенствовании правовых систем СССР и Республики Беларусь	50
<i>Карпович Н. А.</i> Конституционный принцип разделения властей: преемственность и развитие содержания	60
<i>Доўнар Т. І., Іванова Т. У.</i> Органы праватворчасці ў старажытных беларускіх княствах і Вялікім Княстве Літоўскім	71
<i>Балашенко С. А.</i> Государственное управление строительством в СССР	78
<i>Тиковенко А. Г.</i> Гражданское согласие как конституционная ценность и основа гражданского общества	91
<i>Бондаренко Н. Л., Каменков В. С.</i> Нормотворческая квалиметрия как доктринальная основа качества права в Год качества	97
<i>Мирошник С. В.</i> Дискуссионные вопросы цифровизации в сфере права	103
<i>Плотникова А. В.</i> Органы контроля и управления торговыми институтами в Российской империи в конце XIX – начале XX в. и их правовое закрепление	108
<i>Соколова Е. С.</i> К вопросу о соотношении институтов подданства и гражданства в юридической политике российского государства (XVIII – первая треть XIX в.)	113
<i>Калинин С. А.</i> Концептуально-методологическое осмысление деятельности и научного наследия А. М. Абрамовича	118
НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ.....	125
<i>Абрамович В. А.</i> Внешнеэкономическая функция государства: юридическая теория, историческая ретроспектива и современный этап	125
<i>Белюсова С. Д.</i> К вопросу о необходимости внедрения требований о комплексной проверке цепочек поставок в рамках ЕАЭС	136
<i>Валеўка А. В.</i> Дзяржаўна-прававыя асаблівасці Рэчы Паспалітай	142
<i>Вершок И. Л.</i> Феномен правового сознания в хозяйственно-правовой реальности: теоретико-правовой аспект	146
<i>Вечорко В. Ю.</i> Значение классификации в системности права	151
<i>Голубева Л. Л.</i> Гуманістычныя ідэі ў творах айчынных мысліцеляў XVI–XVIII стст. і іх уплыў на развіццё беларускай дзяржаўнасці	157
<i>Гринев И. В.</i> Применение информационных технологий в правовом регулировании обеспечения безопасности полетов	167

<i>Данилевич А. А., Солтанович А. В.</i> Реализация конституционного принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе Республики Беларусь	172
<i>Дубрава Н. М.</i> Полемика между Х.-Г. Гадамером и Э. Бэtti о толковании правовых норм	177
<i>Еремич Б. В.</i> Органы Всебелорусского народного собрания	185
<i>Ермошина Л. М.</i> Становление и развитие системы избирательных комиссий в Республике Беларусь	190
<i>Иванова Т. В.</i> Категория «действие права»: понятие, сущность и пределы	196
<i>Карамышев А. В.</i> Вопросы общего и особенного в административном процессуальном праве	202
<i>Карпович А. Ю.</i> Источники регулирования договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ	208
<i>Карташов В. Н.</i> Методология юридического познания (инновационный подход)	214
<i>Конюк А. В.</i> Органы прокуратуры в системе государственных органов стран СНГ	221
<i>Корабава Г. А.</i> Далучэнне грамадскасці да адпраўлення правасуддзя ў савецкім крымінальным працэсе ў другой палове XX ст.	234
<i>Краснобаева Л. А.</i> Идея социальной справедливости в трудах А. М. Абрамовича	240
<i>Кучугурный Д. А.</i> Роль и значение инфраструктуры в обеспечении функционирования государства в трудах А. М. Абрамовича	244
<i>Лагун Д. А.</i> Прецедентный характер судебной деятельности в контексте источников права	247
<i>Ляскоў А. Я.</i> Практычны аспект дзейнасці А. М. Абрамовіча ў фарміраванні нацыянальнага права	253
<i>Маркевич Д. С.</i> Конституционные основы цифровой экономики в Республике Беларусь	260
<i>Матарас В. Н.</i> Научные аспекты историко-правового исследования	266
<i>Минич С. А.</i> О классификации юридических лиц по организационно-правовым формам	270
<i>Минько Н. С.</i> Критерии адаптивности законодательства и права в процессе интеграционного развития белорусского государства на евразийском пространстве	275
<i>Мотина Е. В.</i> О моменте расторжения контракта по требованию работника в случае нарушения трудовых прав	282
<i>Мурашко Л. О.</i> Юридическое измерение цифрового пространства в современных условиях	288

<i>Мухля О. С.</i> Правовое развитие воспитания в системе высшего образования Республики Беларусь	292
<i>Орловская Е. И.</i> Наследственное право как составная часть канонического права Средневековой Европы	297
<i>Павлов В. И.</i> Роль и место государства в процессе формирования и действия права в контексте проблемы правопонимания (взгляд с антрополого-правовых позиций)	301
<i>Попучеева Ж. В.</i> Социально-правовой аспект государственной жилищной политики	307
<i>Рыбак С. В.</i> О необходимости корректировки норм института уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний	313
<i>Рябцев Л. М.</i> Некоторые аспекты конституционной безопасности	319
<i>Самарин В. И.</i> Объем прав адвоката при участии в производстве по выдаче лица иностранному государству	326
<i>Семашко Е. В.</i> Социальная справедливость как идеологический императив правовой политики государства	332
<i>Сивец С. М.</i> Конституционный принцип социального партнерства как важнейший элемент построения социального государства	338
<i>Скобелев В. П.</i> Излишние денежные выплаты как разновидность ущерба, причиненного работником нанимателю: законодательные подходы и правоприменительные интерпретации	344
<i>Солянкина Н. А.</i> Формирование единого рынка труда Евразийского экономического союза	351
<i>Станкевич О. Г.</i> Отдельные аспекты реализации конституционного принципа социальной ответственности	355
<i>Фиронов А. Н.</i> О ценности права	361
<i>Хотько О. А.</i> Отражение интеграционных процессов при реализации транспортной политики в правовой системе Евразийского экономического союза	365
<i>Шидловский А. В.</i> Назначение лишения свободы по совокупности преступлений с учетом изменения квалификации посягательства	370
<i>Щербик Д. В.</i> Национальный вопрос в программах партий социалистического направления на территории Беларуси в начале XX века	377
<i>Ярмоц Е. Н.</i> Визуализация права и ее роль в обеспечении доступности правосудия	383
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ДОКЛАДОВ.....	388

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И УСПЕШНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Материалы

**II Международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию со дня рождения
заслуженного юриста Республики Беларусь
доктора юридических наук, профессора
Абрамовича Александра Михайловича**

Минск, 24–25 мая 2024 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Д. А. Лагун*

Подписано в печать 18.09.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 22,63.

Тираж 50 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика.